А. ДЖИКИЕВ

ОЧЕРКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А. ДЖИКИЕВ

ОЧЕРКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ашхабад
Туркменистан
1991

ББК 63.5(2)
Д 41

Джикиев А.
Д41 Очерки происхождения и формирования туркменского народа в эпоху средневековья. — А.: Туркменистан, 1991. 336 с.

ISBN 5-8320-0570-9

В книге на богатом фактическом материале описана история происхождения туркмен. Впервые приводятся тексты многочисленных преданий и легенд, подтверждающих версии автора об истории формирования туркменских племен.

Для широкого круга читателей.

0505000000—098
Д ——————— Инф. письмо — 90 ББК 63.5(2)
М 651(14)—91

ISBN 5-8320-0570-9

© Джикиев А., 1991.

ОТ АВТОРА

Этническая история, происхождение и формирование туркмен, являясь важнейшей составной частью древней и средневековой истории ТССР, в настоящее время привлекает активное внимание не только ученых, но и широкой общественности. Желание и стремление людей узнать побольше о происхождении и истории своего народа вполне естественно. Часто происхождение туркмен, как и других народов, связывают с периодом появления в письменных источниках их самоназвания, что совершенно неверно. В этом вопросе необходимо всегда помнить слова профессора А. Ю. Якубовского о том, что народ всегда старше своего имени. В истории всех народов их самоназвание изменялось не раз. Этнонимы появлялись и исчезали, а народ всегда оставался, являясь носителем нового этнонима или войдя в новую общность. Следовательно, время появления самоназвания «туркмен» является лишь отдельной эпохой, эпизодом в многовековой истории сложения и формирования туркменского народа.

Предки туркменского народа вплоть до X—XI вв. жили на огромных просторах Средней и Центральной Азии, Южной Сибири (на Алтае, на берегах рек Енисей, Орхон и т. д.), на территории современного Туркменистана, впитывали в себя влияния различных этнических, расовых, языковых, культурно-хозяйственных общностей и в конечном счете сложились в тюрко-ираноязычной среде, в западной части Средней Азии.

Занятия, язык, материальная (жилище, одежда, пища), духовная культура (семейно-общественные и бытовые обряды и обычаи), антропология предков турк-

мен под влиянием внешней среды изменялись и эволюционизировались. Из них наиболее устойчивыми были расовые и языковые признаки, хотя и они могли со временем измениться. Не нужно быть специалистом-антропологом, чтобы убедиться в поразительном разнообразии антропологических типов туркмен. Все это не ускользнуло и от внимания европейских путешественников, посетивших Туркменистан. Эти и другие факты сводят на нет легенды о «чистокровных туркменах», сохранивших якобы кровь своих тюркских предков. Ведь не секрет, что так называемые чистокровные туркмены впитали в себя в большей степени древнетюркские и татаро-монгольские влияния, а «смешанные» — местного населения и соседей. Да и родословные и исторические предания связывают происхождение туркмен чаще всего с тюрками и огузо-туркменскими племенами. Большинство составляют все же «типичные туркмены», обладающие характерными для этого народа признаками.

Понятие о «чистокровных» и «нечистокровных» бытовало и у казахов (черная и белая кости), у узбеков и других народов, сводящих свою генеалогию к чингизидам и их потомкам. Этногенетические процессы, протекавшие тысячелетия как на территории современного Туркменистана, так и далеко за его пределами, привели к тому, что в образовании средневекового туркменского народа в первой половине XI в., то есть накануне передвижения сельджукидов на юго-запад, почти в одинаковой степени принимали участие две крупные этнические группы — древнее аборигенное (местное) население и древнетюркские и вышедшие из их среды средневековые огузо-туркменские и другие родственные им (карлюки, халаджи, канглы и т. д.) тюркоязычные племена. На этой основе в течение всего средневековья, вплоть до новейших времен происходили беспрерывные этнические и ассимиляционные процессы, повлиявшие не только на антропологический тип, но и на быт и культуру туркменского народа. Изучать проблему этногенеза и этнической истории туркменского народа необходимо комплексно и коллективными усилиями.

Каждый год перед наступлением праздника Курбан байрама республиканская пресса дружно публиковала статьи атеистов о его вреде, забывая о том, что этот религиозный по происхождению (как почти все наши

народные праздники) праздник, как и колядные песни и обряды, стал народным. Или же другой пример. В историко-этнографической литературе обычай соблюдать при проведении свадьбы, праздников, переселений, отправлений в путь и т. д. «сахетли гун» («благоприятный день») и «сахетсиз гун» («неблагоприятный день») считалось вредным суеверием. На самом же деле эти дни месяца были определены на основе многовековых космогонических и астрологических наблюдений. Великие моголы Индии (в XVII в.) при проведении важнейших мероприятий советовались с астрологами. Астрологи «... читали, что написано в небесах и определяли когда имеется сахет, ... они решают: наступил ли сахет, то есть благоприятный момент для начала предприятия...»[1]

Слово «сахет» происходит от арабского «сыккат» и означает здоровье, достоверность[2]. Видимо, туркменское слово «сагат» (здоровый) также происходит от этого слова.

Кочевые и полукочевые народы до недавнего прошлого сохраняли пережитки родоплеменных отношений и названий. У туркмен они сохранились даже у оседло-земледельческой части населения. Изучение истории туркменского народа немыслимо без выявления локальных (местных) и родоплеменных особенностей социальной структуры общества, материальной и духовной культуры и хозяйства (в говоре, одежде, жилище, питании, некоторых обрядах). Без досконального изучения родоплеменных особенностей невозможно воспроизвести историю отдаленных эпох, формаций, длительные процессы этнического развития, происхождения туркмен и дальнейшие консолидационные процессы в Туркменистане. Родоплеменные названия (этнонимы) дают обильный материал и о том, представители каких народов и племен в прошлом вошли в состав туркменского народа, какие этнические компоненты составляли его ядро. Необходимо также отметить, что у некоторой части населения (к сожалению, особенно интеллигенции) бытует неправильное понимание и толкование нашей истории, они придают подлинной истории негативный оттенок. Сохранение в республике некоторых пережитков

[1] Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве великого могола. М.; Л., 1936. С. 215—216.

[2] Арабско-русский словарь. М., 1970. С. 540.

местных и родоплеменных особенностей используется некоторыми людьми для сколачивания в коллективах местнических групп по родственным признакам, что порождает целую категорию вредных явлений, мешает единству общества, наций. Если историк и этнограф составляет таблицу (схему) родоплеменных делений, то это он делает для того, чтобы нагляднее показать, откуда ведет свою родословную та или иная группа, в чем ее специфика, откуда происходила та или иная родовая единица, какие чужие, инородные группы вошли в состав племени, народа, а вовсе не для того, чтобы показать превосходство или неполноценность какой-либо группы туркмен. Родоплеменные названия и специфика, этнонимы — неиссякаемый источник для научных исканий, раздумий, а вовсе не для того, чтобы люди сгруппировались по бывшим, давно потерявшим практическое значение родоплеменным признакам, для подбора кадров. Надо вести решительную борьбу против искажения смысла и задачи исторической науки в республике. В истории, даже в тех же родоплеменных отношениях, много и поучительных фактов и примеров. Начиная с X в. (а то и раньше) все туркменские племена объединяло самоназвание «туркмен». Представители всех племен на вопрос: из какого они народа (иля) в первую очередь отвечали, что они туркмены, а не называли себя по названию своего племени. Для всех туркменских племен (даже незначительных, например арабачи) характерно уникальное и оригинальное декоративно-прикладное искусство (ковроделие, цветное кошмоваляние, высокохудожественные ювелирные изделия, вышивки, изделия из кожи, выведение породистых и продуктивных видов скота и т. д.), какое мы не часто встречаем даже у более многочисленных народов. Все это свидетельствуют о глубоких генеалогических корнях и единстве туркменских племен в прошлом, о высокой культуре народа.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема этногенеза и этнической истории туркменского народа — одна из актуальнейших в истории Туркменистана, имеющая на современном этапе развития советской исторической науки, острых межнациональных отношений, идеологической борьбы не только научно-теоретическое, но и практическое значение.

Дореволюционная историко-этнографическая литература содержит лишь немногочисленные, отрывочные и тенденциозные сведения по этнической истории туркмен. Важнейшие этногенетические и этнокультурные процессы в эпоху средневековья в Туркменистане послужили основой последующих консолидационных процессов конца XIX—начала XX вв. Этногенез и этническая история составляют одну общую глобальную проблему. Более ранние периоды этнической истории, связанные с процессами сложения народа, принято называть этногенезом, т. е. происхождением народа.

Непосредственным объектом работы является исследование основных этапов этнической истории населения Туркменистана, в особенности его южной и юго-восточной части, которая играла решающую роль на всех этапах формирования туркменского народа. Этот регион составлял северную и большую часть известной исторической области и хозяйственно-культурной зоны, называвшейся в античном, средневековом, новом и новейших периодах Хорасаном. С древнейших времен эту территорию населяли многочисленные племена и территориально-локальные группы населения, имевшие местные корни или появившиеся здесь позднее.

Мало достоверных данных сохранилось в письмен-

ных источниках об этнической истории туркмен, имеющиеся — отличаются крайне тенденциозным и мало достоверным характером изложения. Как и большинство других полукочевых и кочевых в прошлом народов, туркмены делились на многочисленные родоплеменные и локально-территориальные группы, которые, несмотря на преобладание у них общетуркменских черт, складывавшихся в X—XI вв., сохраняли особенности в говоре, духовной и материальной культуре и антропологии. Согласно историческим преданиям и родословным, каждое туркменское племя имело своего реального или мифического родоначальника, от которого и вело свое происхождение, генеалогию, свои традиции и т. д. У всех групп туркмен было много общих черт, свидетельствующих не только о сложном родоплеменном составе туркменской национальности, но и о том, что туркменские племена в прошлом составляли единую общность, то есть народность.

Героические эпосы, дестаны, бесценное наследие классиков туркменской литературы, высокохудожественные произведения народно-прикладного декоративного искусства всегда были общими для всех туркмен и духовно объединяли их.

Среди туркмен в прошлом, как и у некоторых других народов, было распространено мнение об их «превосходстве» над соседними народами: более того, туркмены, подобно казахам и другим полукочевым народам, сами делились на категории «чистокровных» (иг, туйе), «нечистокровных» (гул, гырнак), «получистокровных», или метисов (ярым, гатанчлы), происшедших от брака туркмен с представителями других народов, попавшими в туркменскую среду в результате военных походов и грабительских набегов (аламанов). По традиции, каждый туркмен должен был знать имена своих семи предков, то есть до седьмого поколения. В задачу автора входило на основе конкретных историко-этнографических материалов доказать абсурдность и нереальность такого деления. С другой стороны, данное деление людей в зависимости от их генезиса имело реальную основу и отражало процессы смешения туркмен с другими народами. Генетически оно отражает и социальное происхождение отдельных категорий населения. Об интенсивности смешения южных и юго-восточных туркмен в

XIX в. писали очевидцы этих процессов — Ал. Борно (1831 г.), А. Вамбери (начало 60-х годов XIX в.) и многие другие европейские авторы. Гуллибеф де Блоквилл, живший 14 месяцев среди текинцев, в начале 60-х годов XIX в. писал: «Племя туркмен чрезвычайно смешано, множество пленников из соседних стран, как, например, афганцы, персы и др., освоившись с бытом туркмен, женились на туркменских женщинах и стали, так сказать, гражданами этого общества; кроме того, туркмены вводят в среду свою иноземных женщин из Бухары или Герата и других персидских местностей, где они похищают женщин во время набегов»[1]

Многовековые этнические и ассимиляционные процессы, протекавшие в Туркменистане, в целом имели прогрессивные последствия, оказали благотворное воздействие на взаимообогащение культур, синтез различных этнических и расовых групп населения. В. И. Козлов писал: «В. И. Ленин в своих работах по национальному вопросу четко разграничивал понятия естественной и насильственной ассимиляции и считал, что даже в условиях дореволюционной России естественная ассимиляция имела безусловно прогрессивное значение»[2].

Накопленные к настоящему времени сведения по этнической истории туркмен подтвердили, что основные контуры этнического развития туркмен, определенные в общих чертах В. В. Бартольдом, В. А. Гордлевским, А. Ю. Якубовским, С. П. Толстовым и другими известными учеными, в целом оказались правильными[3].

В дореволюционной литературе господствовало мнение о том, что предками современных туркмен были лишь средневековые туркмены-огузы, выходцы из Центральной и Средней Азии. Даже в 20—30-х годах были ученые, разделявшие это мнение (А. Туманович, В. Севостьянов и др.). В этом вопросе относительно правиль-

---

[1] Гуллибеф де Блоквилл. 14-месячный плен у туркменцев//Всемирный путешественник. Спб., 1868. Вып. 31. С. 24.

[2] Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М., 1982. С. 213; см.: Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука. 1975. С. 22.

[3] Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963; Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза туркмен//Сов. этнография. 1947. № 3; Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов в Малой Азии. М., 1940; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1949.

ную позицию занял Г. Н. Карпов, который, признавая ошибочными взгляды о происхождении туркменских племен от отдельных родоначальников, писал: «... Источники говорят, что туркменский народ исторически сложился из древних иранцев, тюрко-монголов и других, однако с преобладанием тюркского элемента»[1]. Г. Н. Карпов, Н. Н. Номудский, Е. Л. Штейнберг и другие исследователи, в целом признавая процесс смешения тюркоязычных и ираноязычных племен (эти процессы продолжались до новейших времен) на территории ТССР, все же почти игнорировали участие древних местных земледельческих и скотоводческих племен и народностей в этногенезе туркменского народа.

Весомый вклад в изучение проблемы внес антрополог Л. В. Ошанин, который в конце 20-х годов на основе изучения краниологических материалов и антропологии современных туркмен доказал древность и автохтонность долихоцефального (длинноголового) расового типа туркмен. Он показал степень участия в этногенезе туркмен древнего местного и пришлого тюркоязычного населения[2].

Основу нашей работы составляет история самых крупных туркменских племен — текинцев, номудов, эрсаринцев, салыров, сарыков, входивших в XIV—XVI вв. в салырский племенной союз в Северо-Западном Туркменистане и составивших в XVII—XIX вв. основное население Туркменистана.

Без изучения древнейшего периода этнической истории и уточнения времени образования туркменской народности невозможно последовательно определить последующие этногенетические процессы. Сложение средневековой туркменской народности, согласно письменным источникам, этнографическим материалам, мы относим к X—XI вв., на канун передвижения селджукидов, в этногенезе и этнической истории туркмен решающую роль сыграли два крупных компонента: 1) местные древние народности и племена, жившие на территории Туркменистана, создавшие в древности довольно высо-

[1] Карпов Г. Н. Этнический состав туркмен: Рукопись канд. дисс. Ашхабад, 1942. С. 3.

[2] Ошанин Л. В. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа//Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (далее ЮТАКЭ). Т. 9. Ашхабад, 1959.

коразвитую земледельческую цивилизацию и занимавшиеся также скотоводством; 2) тюркоязычные племена, населявшие с античного времени окраины оазисов и занимавшиеся скотоводством. Они стали многочисленными ко времени образования Первого Тюркского каганата.

Трудно переоценить значение фольклорно-этнографических данных для реконструкции истории — родословных (седжере), историко-генеалогических преданий, легенд, пережитков родоплеменных организаций, этнонимов, рассказов, относящихся хронологически к средневековью героических эпосов туркмен — «Книга моего деда Коркуда», «Гёроглы» и др. Эти важнейшие источники при изучении этнической истории почти не использовались, не изучались, хотя на них обратили внимание В. В. Бартольд, В. А. Гордлевский, А. Н. Самойлович, В. М. Жирмунский, С. П. Толстов и др. Эти источники, оставаясь своеобразной целиной в науке, позволили более достоверно и полно осветить этническую историю туркмен, существенно дополнили письменные источники. При анализе исторических преданий и рассказов мы руководствовались определением В. И. Ленина о том, что «нелепо отрицать роль фантазии в самой строгой науке...»[1].

В этногенезе туркмен основную роль играли древние местные и тюркоязычные племена, древние тюрки и затем туркмены-огузы. Заметный след в этом процессе оставили арабо-монгольские нашествия.

Население Туркменистана, являясь наследником богатейшей древней местной земледельческо-скотоводческой цивилизации, было тесно связано с соседними народами. На основе хозяйственно-культурных традиций своих предков — аборигенов и прибывших сюда с начала нашей эры древнетюркских, а затем туркменоогузских племен, они создали особый, отличный от других, своеобразный хозяйственно-культурный тип, выработали секреты изготовления всемирно известных ковров, ковровых изделий, высокохудожественных ювелирных изделий, шелковых тканей, вывели знаменитую ахалтекинскую породу лошадей, прославились специфической вышивкой и другими шедеврами. О значительном своеобразии культуры туркмен говорят и археоло-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 330.

го-этнографические данные. Интересны историко-этнографические параллели, сближающие туркмен с соседними народами.

Текинцы и иомуды значительно отличались от туркменских племен, ведущих прямую родословную от огузов. В их этногенезе большую роль играли античные кочевые дахо-массагетские племена (образ жизни, характер взаимоотношений с соседними государствами и др.). В результате этнических и ассимиляционных процессов, миграции туркменских племен в XIV — XIX вв. образовались новые этнические общности в составе разрозненной в этот период туркменской народности, изменились быт, духовная и материальная культура. В эпоху позднего средневековья наблюдается тенденция к сближению антропологии населения Туркменистана к древнему исходному местному длинноголовому (долихоцефальному) типу. Это подтверждает наши выводы о длительном процессе смешения туркменских племен с народами Северного Хорасана.

В XVIII—XIX вв. среднее течение Амударьи занимали древние местные племена, представители почти всех кочевых и полукочевых туркменских племен, образуя пестрое и многоплеменное население, которое объединяла общность языка. Это сказалось в определенной степени на семейно-брачных и других взаимоотношениях между ними. За исключением эрсаринцев, ни одна группа строго не придерживалась родоплеменной эндогамии. Отсутствие реальных семейно-брачных ограничений способствовало сближению локально-племенных групп, образованию здесь своеобразного этнографического района со своими традиционными обычаями и обрядами. Однако это своеобразие не стало барьером для развития интенсивных этнических и консолидационных процессов в Туркменистане в XIX—XX вв.

Этнические и этнокультурные процессы в XIX в. в Туркменистане являются логическим продолжением многовековых этногенетических процессов и этнической истории туркменского народа. Этот период характеризуется сложными переплетениями пережитков всех предшествовавших дооктябрьскому периоду общественных формаций — первобытно-общинного, рабовладельческого строя, феодализма, элементов капиталистических отношений. Эти противоречивые сплетения пережитков

различных формаций послужили поводом для характеристики туркменского общества как патриархально-феодального, патриархального и чуть ли не родоплеменного.

Период XIX — начала XX вв. характерен прочным сохранением родоплеменного деления и, следовательно, многочисленных его реликтов. Хотя туркменские племена и роды, далекие от их классических форм, были вторичными, они внешне, а подчас и по содержанию, несли все основные черты племени и рода и в пережиточной форме сохранялись до начала XX в.

Реликты древних племен и родов стойко сохранялись в основном у скотоводческой и полускотоводческой части (текинцев, йомудов, эрсары, салыров, сарыков, човдуров и др.) и в меньшей степени — у оседло-земледельческих туркмен. Всем туркменам было присуще двойственное самосознание: они в первую очередь называли себя туркменами, а затем по названию своего племени. Племена объединяли многочисленные историко-этнографические и хозяйственно-культурные общности, свидетельствующие об их давней принадлежности к средневековой туркменской народности, но, безусловно, ослабленные феодальной раздробленностью и межплеменной рознью в эпоху позднего средневековья.

В XIX в., вплоть до присоединения Туркменистана к России, продолжался постоянный приток (насильственный и добровольный) иноземного населения. В составе населения появились небольшие группы казахов, узбеков, калмыков, каджаров, персов, курдов, афганцев, ассимилированные впоследствии туркменами. Основным источником появления этой категории населения были феодальные грабительские набеги — аламаны. В Южном Туркменистане и отчасти в Юго-Восточном в составе крупных племен объединились другие мелкие группы. Новые общности постепенно осваивали богатые культурно-хозяйственные традиции всех народностей и племен, участвовавших в многовековых процессах их формирования. Фактически исчезала племенная замкнутость, что ускорило в целом этническое и этнокультурное развитие населения. Этому способствовало отсутствие языкового барьера, этноизолирующих факторов (за исключением нохурлы и групп тюрок, живущих в горных районах), сравнительно одинаковый уровень социально-экономического развития туркменских племен.

ГЛАВА I

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Раздел 1. Древний и средневековый периоды

Очагом древнейшей земледельческой культуры в СССР является неолитическое поселение Джейтун (V тыс. до н. э.), расположенное в 30 км к северо-западу от г. Ашхабада. Здесь под руководством В. М. Массона археологи нашли терракотовые фигурки животных, примитивные женские статуэтки, роспись ную посуду, кости домашних животных, имевшие магическое значение. Обитатели Джейтуна в VI—V тыс. до н. э. приручили домашних животных, занимались примитивным земледелием, то есть были одними из первых земледельцев и скотоводов[1]. Говоря о значении находок из поселения Чакмаклы, Н. Б. Шишкин писал: «Каменная мотыга из Чакмаклы оказалась прообразом того среднеазиатского кетменя, который, став железным, дожил до наших дней»[2].

Земледельческая и скотоводческая культура с течением времени постоянно развивалась. Об этом говорят находки более усовершенствованных орудий производ-

[1] Массон В. М. Древние земледельцы на юге Туркменистана, Ашхабад, 1959. Его же. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.—Л., 1959 и др.

[2] Шишкин Н. Б. У стен великой Намазги. М.: Наука, 1981. С. 39.

ства,терракотовых статуэток, раскрашенной глиняной посуды (комплекс памятников Намазга-депе, IV—II тыс. до н. э.).

Важное значение для изучения древних местных истоков этногенеза туркменского народа имеет мнение археолога В. М. Массона: «Мы можем проследить на конкретных материалах все этапы последовательного изменения и преемственных связей от древнейших памятников неолита до появления оседлого населения таких областей, как Парфия и Маргиана середины I тыс. до н. э. Несмотря на всю сложность и противоречивость процессов этногенеза, в антропологическом отношении не вызывает сомнений тот факт, что основной тип длинноголовых европеоидов, который мы встречаем как преобладающий и в Кара-депе, и в Геоксюре и в Намазга-депе, сохранял с рядом изменений свою преобладающую роль в современных населениях страны»[1].

Возникает вопрос: какие же источники позволяют нам говорить об этнической взаимосвязи древних наших предков и современных туркмен?

По данным письменных, археологических и антропологических изысканий, бесспорными являются и этногенетическая, и культурно-бытовая связь и преемственность культуры населения античного Туркменистана с более поздними насельниками края — туркменами, хотя обосновать достоверно беспрерывную этническую связь между этническими группами, жившими в течение столь длительного времени в Туркменистане, не совсем просто.

По законам марксистской диалектики, материальная и духовная культура, антропология, язык и т. д. в течение многих веков подвергаются существенной трансформации. За сравнительно короткий исторический срок могут совершенно измениться язык, одежда, жилище, более устойчивой является антропология. Неоднократно сменяются социально-экономический уклад, формации, самоназвания народа.

Античное время отделяют от нас тысячелетия, и, естественно, удалось установить очень мало историко-этнографических параллелей, позволяющих проследить беспрерывную этническую преемственность современных и автохтонных жителей Туркменистана. Сделать это по

[1] Массон В. М. Указ. раб. С. 88.

отношению к древним тюркам и туркменам-огузам было сравнительно легко.

В связи с этим интересны антропологические параллели Л. Ошанина, который считает, что древние жители также, как и туркмены, были долихоцефалами, то есть длиноголовыми. Современные туркмены в целом имеют удлиненную форму головы, хотя эта традиция поддерживалась искусственно[1].

Некоторые параллели в способах ведения комплексного хозяйства, во взаимоотношениях оседло-земледельческого и скотоводческого населения Закаспия, пережитки огнепоклонства, древних погребальных обрядов, топонимики и другие, сохранившиеся до настоящего времени, свидетельствуют о процессах смешения древнего автохтонного и суперстратного населения, о преемственности культур.

Культурные земледельческие оазисы Южного Туркменистана в античное время, как и позднее, были населены многочисленными кочевыми и полукочевыми племенами; мало изменились и в течение последних двух тысячелетий торгово-экономические связи, торговые обмены между земледельцами и скотоводами. Скотоводы, как это будет и позднее, продавали или обменивали шерсть, скот, мясомолочные продукты на зерно, фрукты и другие земледельческие товары. В то же время иногда между скотоводческим и земледельческим населением возникали враждебные отношения, частыми были набеги друг на друга (как позднее это случалось и между туркменами и населением Ирана), что дало повод буржуазным ученым сделать вывод о непримиримом антагонизме между «вечно враждовавшими Ираном и Тураном».

В настоящее время можно считать доказанным, что древними жителями Туркменистана, следовательно, и древнейшим пластом в этногенезе туркменского народа были земледельческо-скотоводческие народности и племена — парфяне, гирканцы, маргиане, хорезмийцы, скотоводческие племена, известные под собирательным названием сако-дахо-массагетов, аланы, сарматы, эфта-

---

[1] Ошанин Л. В. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа//Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1950. Т. 9. С. 39.

литы, образ жизни которых почти аналогичен образу жизни более поздних обитателей Туркменистана.

Открытые и описанные городища и поселения позволяют реконструировать материальную культуру, культовые сооружения, а расшифрованные документы того времени свидетельствуют, что парфяне говорили на одном из диалектов иранских языков.

У Геродота (V в. до н. э.) описаны страны хорезмийцев, парфян, саков, массагетов и других входящих в состав государств Ахеменидов. У других античных авторов есть сведения о том, что к востоку от Гирканского (Каспийского) озера, т. е. в Закаспии, жили сако-массагетские племена, дахи (даи) и прочие кочевники; подробные сведения сообщаются о них в связи с походом Александра Македонского.

Интересны данные о верованиях жителей восточного побережья Гирканского моря[1]. По сообщениям Эмпирика (II в. н. э.), «... гирканцы выставляют мертвых на съедение псам». По Евсевию (III—IV вв. н. э.), «гирканцы выбрасывают полуживых стариков птицам и собакам...». Цицерон (106—43 гг. до н. э.) писал: «По обычаю магов (которые жили к востоку от Каспийского моря) тела умерших не погребаются, но растерзываются зверьми. В Гиркании простой народ содержит общественных собак, а богачи — домашних; имеется для этого особая благородная порода собак»[2]. Помпей Грог сообщал: «(У парфян) обычное погребение состоит в растерзании собаками или птицами; обнаженные же кости они хранят в земле»[3].

Как известно, до прихода арабов государственной религией Ирана был зороастризм. Основные его догмы излагаются в их священной книге «Авеста». Зороастризм был широко распространен и среди соседних с Ираном народов.

На территории Туркменистана (в Хорезме, нижнемургабской группе районов и др.) найдены многочисленные оссуарные погребения, в которых хоронили кости умерших.

---

[1] Древняя область Гиркания позднее стала именоваться у арабов Джурджан, у персов — Гурган.

[2] Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.—III в. н. э.). Ташкент. 1940. С. 144—145.

[3] Там же. С. 144.

Этот способ захоронения, присущий последователям среднеазиатского зороастризма, описан С. А. Ершовым[1]. Оссуарные погребения зороастрийцев обнаружены не только на территории Туркмении, но и в других районах Средней Азии: «... близ бугорков часто встречаются глиняные погребальные урны с человеческими костями... на урнах имеются изображения людей, а на крышах изваяния человеческих голов и птиц с распростертыми крыльями, что безусловно запрещено кораном..., а одна была украшена фигурами людей, был обломок с целой картиной: два человека, осененные деревом»[2].

Сведения античных авторов о зороастрийских похоронных обрядах, бытовавших у жителей, обитавших к востоку от Каспийского моря, подтверждаются археологическими находками. Многочисленные оссуарные погребения при раскопках развалин Старого Мерва были найдены туркменскими археологами.

Очень интересные сведения о расселении и материальной культуре античных народов сообщает Геродот: «К востоку от Каспийского моря тянется и бесконечная для глаз равнина, большую часть её занимают массагеты, против которых Кир захотел идти в поход. В это время массагетами управляла женщина по имени Тамирида, ставшая царицей по смерти своего мужа». Далее Геродот сообщает следующее интересное обращение Тамириды после пленения ее сына Киром: «О, кровожадный Кир, ты одолел моего сына «коварным напитком», тем плодом винограда, который вас, когда вы пьете его, наполняет безумием, который, попадая вам в рот, заставляет вас произносить дурные слова. Если ты не отпустишь моего сына, то я клянусь солнцем — господином массагетов, что напою тебя кровью».

Об образе жизни массагетских племен Страбон писал: «Массагеты, живущие на островах, питаются кореньями и дикими плодами, потому что у них нет посевов. Одеваются они в древесную кору... Платья их пестро раскрашиваются растительными соками, долго

---

[1] Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуариями захоронениями в районе г. Байрам-Али//Труды ИИАЭ. Ашхабад, 1959. Т. 5. С. 180—205.

[2] Смирнов Е. Древности в окрестностях г. Ташкента//Средняя Азия. Ташкент, 1886. С. 119—120.

не теряющими своего блеска... живут мясом овец и рыбою, образ жизни ведут кочевой и скифский»[1].

У этого же автора можно найти такие сведения: «К Гирканам также относится Несея. Некоторые, однако, считают Несею самостоятельной областью. Большинство скифов[2], начиная от Каспийского моря, называются массагетами и саками, прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя. Все они в общей массе кочевники»[3]. Здесь же упоминаются горы Паропамиз и народ — сакарауки, сакаравана, сакаравлы.

О племенах, об их расселении и верованиях массагетов читаем у Страбона: «Богом они почитают одно только солнце и ему приносят в жертву коней. Каждый мужчина у них женится только на одной женщине, но они пользуются и женами других людей, что даже вовсе не скрывают; тот, кто хочет сойтись с чужой женой, вешает свой колчан на повозке и откровенно сходится с ней... Они прекрасные наездники и пешие воины, вооруженные луками, мечами, панцирями и бронзовыми боевыми топориками... К племени массагетов и саков относятся также аттасии и хорасии... В Парфии роги, как говорят, получили свое имя от бывших там землетрясений, которыми, по словам Посидония, было разрушено много городов и 2 тысячи селений... Ария и Маргиана самые могущественные страны в этой части Азии... по равнинам текут орошающие их реки — Ария и Маргу»[4].

Названия туркменских племен эймир, емрели, имир Г. И. Карпов, ссылаясь на отдаленные созвучия, отождествлял с названиями античных эмиргинцев, миргетов (по Геродоту) текинские роды перренг, пар названия селений Парау, Парнаур — с названиями парнов (апарнов), персетей (по Страбону), имя античного историка Мехистани с мехинли; ата, атабай — с атасиями, астабенами (Страбон) и т. д. Уже совсем неверно он производит туркменское слово «дайы», означающее дя-

---

[1] Древние авторы о Средней Азии... С. 31—32, 22.

[2] Скифы — собирательное название многочисленных племен и народностей, населявших огромное пространство от Черного моря до Сибири.

[3] Страбон. География. В 17 книгах. М., 1964. С. 482—483.

[4] Там же. С. 485—486.

дю по материнской линии, от названия античных даев[1]. Сравнительно удачная попытка в этом направлении была сделана С. П. Толстовым[2]. И в наше время иногда некоторые ученые в своих выступлениях прибегают к этому очень поверхностному методу, отождествляя название племени сакар с массагетским племенем (как и Г. И. Карпов) сакарауки и т. д. Для изучения этнической и культурной преемственности из сведений Страбона наибольший интерес могут представлять данные о массагетах — прекрасных наездниках и воинах, о племени хорасина (видимо, хорасани), о разрушительном землетрясении в районе Нусая, который остается активной сейсмической зоной: наличие родовых групп хорасанлы в составе массагетов и сарыков, салыров и других южных туркмен позволяет говорить об их родстве.

К настоящему времени из античных этнических и географических названий уцелели немногие. Древними местными являются современные названия Кеши, Безмеин, Бахарден, Бами, Берзенги и многие другие. Название Нисайя Несе[3] соответствует современному топониму Нусай — так называются развалины двух городищ, находящихся в селе Багир Ашхабадского района, и Маргиане — развалинам древнего Мерва. Сохранилось древнее название Паропамизских гор, реки Мургаб — «марг» и «аб». Эти названия служат ориентиром для определения района расселения античных племен.

На каком же языке говорили скотоводческие племена — сако-массагеты, дахи, апарины саки, а позднее и тюрки, затем и туркмены-огузы, которые жили на краю оазисов, в песках и занимались скотоводством?

У греко-римских авторов нет ответа на этот вопрос. Конечно, можно предположить, что поскольку их ближайшие соседи, жившие в земледельческих оазисах, говорили на диалектах иранского языка, то они могли говорить на близких им наречиях. Именно так считает подавляющее большинство ученых.

Однако эти племена могли говорить на каком-то дру-

[1] Карпов Г. И. Этнический состав туркмен: Канд. дисс. Рукопись. Ашхабад. 1942. С. 30.

[2] Толстов С. П. По следам древнехорезмской цивилизации. М., 1953. Его же. Огузы печенеги и море Даукара // Сов. этнография. 1970. № 3

[3] Название области Южной Туркмении античного и средневекового времени.

гом языке, и именно языковой барьер мог служить источником их постоянных разногласий, переходивших во вражду.

Как известно, отношения между земледельческими и скотоводческими племенами Туркмении были не всегда добрыми и мирными. Об этом свидетельствуют укрепленные города и сельские поселения в предгорной полосе, развалины которых сохранились: «Между апариями, Гирканией и Парфией вплоть до области ариев обширная и беззвучная пустыня; проходя через нее длинными переходами, апарны делали набеги на Гирканию, Несеи и парфянские равнины. Эти племена (которые подвергались набегам) согласились платить апарнам дань; дань состояла в дозволении им в определенное время совершать набеги на страну и уносить добычу. Но когда они дерзко нарушали договор, начиналась война, затем опять примирение, а потом снова военные действия. Таков образ жизни и прочих кочевников; они постоянно нападают на своих соседей и затем снова примиряются с ними»[1].

В поселениях городского типа жило ираноязычное население, а в селениях вокруг — тюркоязычные племена. Так было в Дехистане (в северо-атрекской степи) ко времени прихода туда арабов. О Дехистане, которого средневековые авторы называли страной «тысячи деревень», сообщает и античный автор Диодор следующее в связи с походом Александра Македонского: «Александр завоевал все города Гирканни (т. е. Гургена. — А. Д.) до берегов Каспийского или Гирканского моря. Пересекая Гирканию, он дошел до так называемых «Счастливых селений». Ни одна область не может сравниться с ними по великолепию плодов. На одной кисти винограда столько ягод, что хватает на меру вина... Там имеется дерево, подобное дубу, из листьев которого сочится своего рода мед, который жители употребляют для питания»[2]. В результате многолетних археологических исследований Е. Атакаррыев написал интересную книгу «Дехистан» (Л.: Наука, 1986).

Уже в раннесредневековый период почти во всех средневековых поселениях Южной Туркмении — в районах Мерва, Серахса, Герата, Нисы, Феравы (Парау) и

[1] Страбон. Указ раб. М., 1964. С. 484.
[2] Древние авторы о Средней Азии... С. 75.

других — наряду с ираноязычным населением жило и тюркоязычное. Именно социально-экономический уклад, языковые и религиозные различия между скотоводческими и земледельческими племенами могли служить вечным поводом для разногласий.

Все это наводит на мысль, что земледельцы и скотоводы, жившие по соседству, могли говорить на различных языках. По мнению казахского ученого М. Б. Ахинджанова: «Язык, связанный с именем «Тюрок» (тю-кю), не был перенесен извне, а был языком коренных местных жителей — саков, массагетов и динлинцев, о чем свидетельствуют явно тюркские основы их наречий, имен и топонимики»[1]. Этот автор сравнивал древние географические названия с тюркскими и нашел много общего между ними. Это пока не совсем аргументированное и в то же время чрезвычайно интересное предложение заслуживает внимания. Оно может стать началом нового подхода к вопросам этногенеза тюркоязычных народов Средней Азии. К данной гипотезе можно присоединить и следующие предположения. С племенным названием сак (саки) может иметь общее происхождение иранское слово «саг» (олень), что как будто находит свое подтверждение в широком распространении обряда оленя в сакском (скифском) искусстве. По мнению А. Л. Марущенко, название «массагеты», возможно, восходит к «массаката», что значит не «великие саки», как обычно считается исходя из иранского текста, а «лесные саки», восходя к якутскому масс-саката, где «мас» — «дерево», «саки»—саки, «та» — окончание множественного числа. Монголоидность древних саков подтверждается материалами раскопок Хорезмской экспедиции в устье Приаралья. В связи с этим следует отметить, что в трудах Рашид ад-Дина (XIV в.) упоминается тюркское племя «агач эри» (лесные люди), жившее на Алтае по соседству с огузами[2].

Как сказано в священной книге «Авеста», зороастрийцы особенно почитали солнце, поэтому на древнейших керамических изделиях часто встречаются его изображения. Примерно такие же изображения солнца есть

---

[1] Ахинджанов М. Б. Этногенез казахского народа: Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1958. С. 28.

[2] МИТТ. Т. 1. С. 493.

на коврах и паласах серахских и ходжамбасских салыров под названием «чархы-пелек».

А. А. Марущенко писал: «Углубленный сравнительный археолого-этнографический анализ туркменского изобразительного искусства вскрывает в обеих группах его глубокие местные корни, свидетельствующие об автохтонности основной массы туркменского народа для занимаемой ныне территории.

Огузские элементы, прослеживаемые с достаточной ощутимостью по сравнению с иными, не являются доминирующими; они образуют лишь часть слова, связанного со средневековой историей туркменского народа»[1].

Некоторые аналогии обнаруживаются в украшениях античных, средневековых периодов и современных жителей Туркменистана. На основании сравнительного изучения украшений, найденных на позднеантичном памятнике Топрак-Кала (Хорезм), С. А. Трудновская пришла к следующим выводам: «Золотой военный пояс, восходящий к древней массагетской традиции, но подновленный применительно к обстановке пышного царского двора, сочетается с местным вариантом «сарматских» украшений (перстни, миндалевидные бляшки) и с элементами средневосточной моды начала нашей эры.

В современных украшениях населения Хорезмского оазиса — туркмен и каракалпаков — сохранились древнехорезмийские элементы. До сих пор кольца каракалпаков украшаются спиральными витками, а серьги туркмен — миндалевидными подвесками, напоминающими свой древний прототип. Это служит лишним доказательством наличия древнехорезмийской подосновы в этногенезе каракалпаков и туркмен»[2]. Эти данные также позволяют установить этнические связи между массагетами и туркменами.

Аналогичные с туркменскими украшения были найдены археологом Е. Атакаррыевым при раскопках сред-

---

[1] Марущенко А. А. Этногенез туркмен по данным народного изобразительного искусства // Всесоюзное совещание по этногенезу туркменского народа: Тезисы докладов и научных сообщений. Ашхабад, 1987. С. 11—12.

[2] Трудновская С. А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала // Труды Хорезмской археол.-этнограф. экспед. М., 1952. С. 134.

невекового городища Шехр-Ислам (к северу от ст. Бахарден[1]).

Парфяне и массагеты разводили породистых коней, получивших известность под названием нисейских. Ал. Борис (1832 г.) и Бодэ писали, что туркменские кони являются потомками древних нисейских коней. «Из всех туркменских лошадей лошади текке имеют наиболее красивую наружность; они также славятся более всех силою и терпеливостью, не так легки, как ямудские и гокландские лошади. Некоторые из боевых коней в пылу нападения или преследования схватывают зубами неприятельского всадника и срывают его с седла. Нет сомнения, что кони текке — потомки знаменитых в древности нисейских коней; округ Нисса и развалины города того же имени входят в состав нынешних текке — туркменских владений»[2]. Античные жители почитали своих коней и иногда приносили их в жертву богам. Материалы раскопок скифских курганов явствуют, что погибших или умерших воинов хоронили с их лошадьми, оружием и т. д. Пережитки этого обычая сохранились и в похоронных обрядах туркмен. Свято почитая своих коней, туркмены считали их потомками легендарного коня мусульманского святого Али-Дулдул. Туркмены — единственный в Средней Азии народ, не употребляющий в пищу конину (исключение составляют позднемангышлакские (човдурская группа) астраханские и ставропольские туркмены).

Пережитки почитания коня бытовали в прошлом у племен човдуров, ставропольских туркмен, у салыров Серахса, текинцев и других туркмен, а также у туркмен-огузов в X в., о чем сообщает арабский географ Ибн Фадлан.

У туркмен човдурского, или так называемого хесеповского, племенного союза сохранились высокие вышитые тюбетейки конической формы, которые по виду поразительно схожи с древними скифскими боевыми шлемами. Много общего в антропологии древних и со-

---

[1] Атакаррыев Е. О некоторых средневековых женских украшениях из Шехр-Ислама // Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук. 1965. № 1.

[2] Бодэ Т., Колычев. Очерки туркменской земли и юго-восточного прибрежья Каспийского моря//Отеч. записки. 1856. Кн. 8.

временных жителей Туркменистана, подчеркивающего их этническую связь. В результате многолетних исследований Л. В. Ошанин писал: «Вопрос о происхождении европеоидного долихоцефального типа, ныне явно преобладающего среди различных туркменских племен, является одним из основных в проблеме этногенеза туркменского народа. ... этот тип существовал в степях Закаспия за много веков до появления здесь туркменских племен, носивших в средние века название гузов. Палеоантропологические материалы, добытые на территории Туркмении, полностью подтверждают такую точку зрения». Л. В. Ошанин оставался верным своей теории, выдвинутой в конце 20-х гг.[1], до конца своей жизни. Позднее он уже с большей долей уверенности утверждает, что «... долихоцефалия, столь характерная для туркмен самых различных племен, живущих в весьма удаленных друг от друга районах, является чертой расовой, врожденной, а не результатом наложения повязок на головы новорожденных»[2]. Бытующий у туркмен обычай деформации головы детей путем надевания на голову удлиненной детской тюбетейки и повязывания платком, по мнению Л. В. Ошанина, «... лишь несколько увеличивает размеры продольного диаметра головы, тем самым усиливая характерную для туркмен долихоцефалию»[3].

Далее он приводит следующие любопытные сообщения Гиппократа: «... расскажу о длинноголовых... Лишь только родится ребенок, пока его кости еще мягки, не отвердевшую еще голову выправляют руками и принуждают расти в длину посредством бандажей и других подходящих приспособлений, вследствие которых сферическая форма головы портится, а длина ее увеличивается». Это поразительно напоминает способы искусственной деформации головы у туркмен. Для изучения происхождения туркмен очень важны также следующие выводы

---

[1] Ошанин Л. В. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения//Изв. Средазкомстариса. Ташкент, 1926. Вып. 1. Его же. Некоторые дополнительные данные о гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен //Изв. Средазкомстариса. Ташкент, 1928. Вып. 3.

[2] Ошанин Л. В. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа... С. 38—39.

[3] Там же. С. 31.

Л. Ошанина: «... в составе туркмен явно преобладает местная, автохтонная долихоцефальная раса, выделяемая нами под именем «закаспийская раса». Эта же раса входила в состав древнего населения Закаспия, известного под общим именем скифов (саков). С антропологической точки зрения туркмены являются прямыми потомками этих скифов. Лишь в дальнейшем они были тюркизированы по языку и слегка монголизированы по типу последующими наслоениями двигавшихся с северо-востока тюркоязычных монголоидных племен»[1]. Впоследствии примерно такая же точка зрения была высказана антропологом В. В. Гинзбургом: «Средиземноморская раса, представленная в настоящее время у туркмен, является в Средней Азии наиболее древней... сохранившийся до настоящего времени среди туркмен средиземноморской расовый тип постепенно несколько монголоизируется (в I тысячелетии н. э.), вероятно, очень слабо, во II тысячелетии более значительно. Однако до сих пор этот тип не утратил европеоидного характера»[2]. Точка зрения об автохтонности в Средней Азии длинноголовой средиземноморской расы была высказана еще в дореволюционное время ученым Г. Е. Грум-Гржимайло: «Длинноголовый тип не может считаться пришлым в Среднюю Азию, так как он существует там уже в неолитический период...»[3].

Раскопки средневековых могильников в Северо-Западной Туркмении и найденные в них черепа говорят о том, что на данной территории в эту эпоху наблюдается тенденция усиления влияния брахицефального (короткоголового) расового подтипа с значительной монголоидной примесью. Начиная с эпохи позднего средневековья тенденция к возвращению туркмен к древнему длинноголовому типу усиливается. Это, видимо, связано с интенсификацией этнических связей с южными народами.

В целом антропология современных туркмен, несмотря на сложный родоплеменной состав, однородна и

---

[1] Ошанина Л. В. Указ. раб. С. 58.

[2] Гинзбург В. В. Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов//Краткое сообщение Института этнографии. М., 1959. С. 31. Вып. 31.

[3] Грум-Гржимайло Г. Е. Белокурая раса в Средней Азии. Спб., 1909. С. 193.

относится к восточному варианту большой европеоидной расы[1].

В дореволюционной историко-этнографической литературе, официальных отчетах царских чиновников часто встречается общая характеристика типа туркмен, составленная на основе личных наблюдений или позаимствованная друг у друга. Приведем две наиболее характерные из них. Барон Бодэ, не раз бывавший у гургенских и атрекских туркмен, писал: «Ямуды имеют чрезвычайно высокое мнение о превосходстве своей породы над всеми сынами Адама и, подобно индостанским раджпутам, никогда не выдают своих дочерей за чужеземцев. Когда же туркмены женятся на персидских или киргизкайсакских пленницах, то всегда соблюдают различия между детьми, рожденными от этих жен и сыновьями от своих соплеменниц. Туркмены чистой крови называются ак, смешанной же крови — гул... туркменец высок ростом, хорошо сложен; кости его широки. Он довольно силен, ручные мускулы хорошо развиты употреблением лука; но в соразмерности женские руки гораздо мускулистее вследствие тяжелых работ, выпавших на их долю.

Туркмены дальних краев степей и хивинские узбеки имеют более монгольского выражения, нежели туркмены, кочующие близ персидской границы. ... несмотря на вражду туркменцев с персиянами, не подлежит сомнению, что близкое соседство это равным же образом подействовало на первых в продолжение нескольких поколений. Мы видели, что туркменцы женятся на персиянских пленницах. Туркменские женщины, как и мужчины, высоки ростом... лицо их круглее, чем у мужчин, скулы выдаются менее, черные глаза, прекрасные брови; у многих прекрасный цвет лица, особенно у гокланок, нос немного сплющен, рот маленький и ровные зубы...»[2].

Еще более интересную характеристику туркмен дает анонимный автор большой и содержательной статьи «Туркмены помудского племени»: «Туркмены принад-

[1] Бабаков О. Антропологический состав туркменского народа в связи с проблемой этногенеза туркмен. Ашхабад: Ылым, 1977; Его же. Средневековое население Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1989.

[2] Бодэ Г., Колычев. Очерки... С. 451—462.

лежат тюркской расе и соплеменны с тюрками Северной Персии, Закавказья и Турции. В наружности настоящих туркмен легче всего можно видеть, через какие изменения прошли, например, стамбульский турок или житель Табриза, чтобы от своего первоначального типа дойти до настоящего. Так, между туркменами встречаются узкие кривые глаза, выдавшиеся скулы, редкая маленькая борода, ... равно как и лица совершенного кавказского типа. Такой переход туркмена от монгольского типа к кавказскому происходит вследствие браков с персиянками и куртинками. Замечательно, что рожденные от смешанных браков субъекты женского пола упорнее сохраняют племенной тип своих отцов.. число смешанных браков было бы еще значительнее, если бы туркмена не останавливало убеждение, что преимущественно мать передает потомству нравственные особенности своего племени. Поэтому всякий туркмен считает обязанностью иметь хотя бы одну из жен природную туркменку, и дети, от нее рожденные, считаются «благородными». Все туркмены отличаются высоким ростом и сложением поистине атлетическим, между ними редки субъекты малорослые и болезненные. Это, кажется, важно объяснить тем, что в грубой кочевой обстановке при постоянном отсутствии даже самых незначительных удобств все слаборожденные умирают прежде достижения совершеннолетия»[1].

Как мы видим, в целом в этих материалах дается относительно правильная характеристика антропологического типа туркмен, авторы стараются объяснить антропологическое разнообразие туркмен, сводя его причины к влиянию соседних народов. Не их вина, что они не сумели объяснить тысячелетние истоки возникновения этого антропологического разнообразия.

У наших далеких предков желание довести до сведения потомков информацию о своем образе жизни и быте было вполне естественным и они делали это сначала нанесением на камни (на скалы) изображений — сцен жизни, охоты, сражений, людей, животных, лука и стрелы, пик и т. д. Такие рисунки были найдены академиком П. Окладниковым повсеместно начиная от

---

[1] Туркмены иомудского племени: Военный сб. 1872. Т. 83. № 1. С. 72.

Урала и кончая тихоокеанским побережьем[1]. Некоторые аналогии с ними прослеживаются в изображениях, обнаруженных нами в северо-восточном Прикаспии на средневековых мавзолеях, надмогильных камнях. Наиболее распространены изображения охоты на птиц и животных с луком и стрелой, на коне, скачек, боевого оружия (топоры, сабли), разных гребешков, зеркал, арканов и т. д. Эти рисунки, по нашему глубокому убеждению, унаследованы от древнетюркских предков туркмен, живших в Южной Сибири, на Алтае и в Центральной Азии.

На Алтае обнаружены наскальные изображения лучников, коз, оленей, архаров, кобыл, змей и др.[2].

Туркменские родоплеменные знаки (тамга) также были средством выражения мысли наших предков, следовательно, первобытной письменностью. Позднее значение и назначение родоплеменных знаков изменились. Они стали родоплеменной эмблемой и служили для выражения местных отличий, для клеймения скота и т. д.

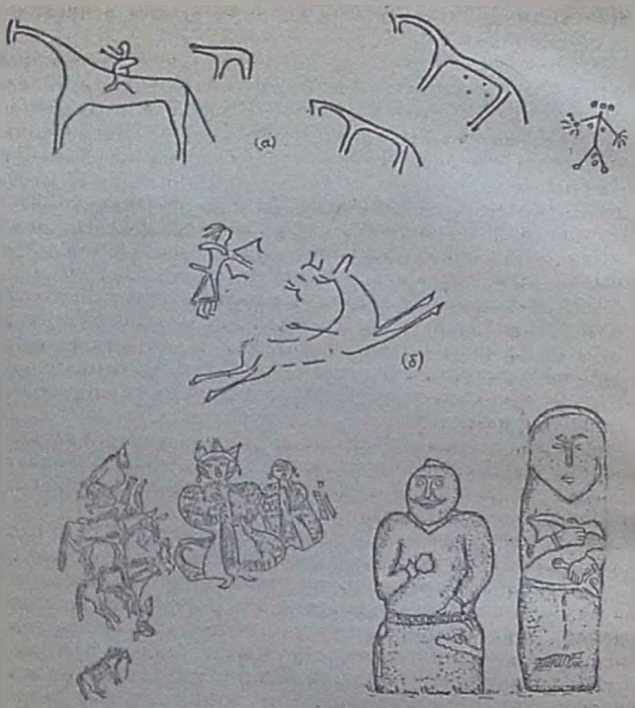
Именно с этим желанием выражения своих мыслей с помощью знаков, безусловно, связано происхождение орнаментов и узоров туркменских ковров, ковровых, войлочных изделий, вышивок и т. д.

На основе изучения керамического искусства, коврового стиля III тысячелетия из Южного Туркменистана В. И. Сарианиди пишет: «В пустынных жарких условиях Каракумов ткани сохраняются плохо, но на посуде этого времени мы находим орнаментальные узоры, построенные ... так, что одни и те же узоры орнамента противостоят на ковре так, что каждый из них является зеркальным отображением другого». Именно на таком принципе основывается туркменское ковроткачество. Далее он пишет: «Кроме того, именно туркменские ковры обнаруживают большое сходство в своих орнаментах с рисунками древней местной керамики и вместе с тем отличаются от ковров персидских и кавказских. ... туркменские ковры имеют густой, ярко-красный фон, по которому нанесен штрих. То же наблюдается на древней

---

[1] Окладников А. П., Окладникова Е. А. Древние рисунки Кызыл-келя. Новосибирск, 1985.

[2] Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы Сары-сатак. Новосибирск, 1982. С. 46—148.



Наскальные рисунки:
а) из туркменских памятников позднего средневековья. Полуостров Мангышлак;
б) древнетюркские наскальные рисунки и каменные изваяния. Алтай

южно-туркменистанской посуде, которая имеет красную фоновую облицовку»[1].

Ковровое и войлочное производство, достигшее у туркмен совершенства и не имеющее аналогов, по архео-

[1] Сарианиди В. И. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М.: Наука, 1967. С. 84.

логическим данным, своими корнями уходит в древнюю местную среду.

В этой связи интересно привести мнение, возникшее вокруг так называемого пазырыкского ковра, раскопанного в Пазырыкских[1] курганах на Алтае в зоне вечной мерзлоты, выставлен он в Эрмитаже в г. Ленинграде. Существует предположение, что он попал на Алтай к кочевникам из Ирана случайно и не принадлежат местным тюркоязычным племенам. Однако, по мнению литературоведа А. Бекмурадова, пазырыкский ковер по композиции—расположению центральных орнаментов и по гармонии цветов—поразительно похож на иомудские ковры, и 24 центральных орнамента пазырыкского ковра, возможно, символизируют деление гуннов, а затем и древних огузов на 24 племени. Надо отметить, что в современных туркменских коврах сохраняется традиция размещения в центре ковра центральных гёлей в разных вариантах (в два, три, четыре ряда).

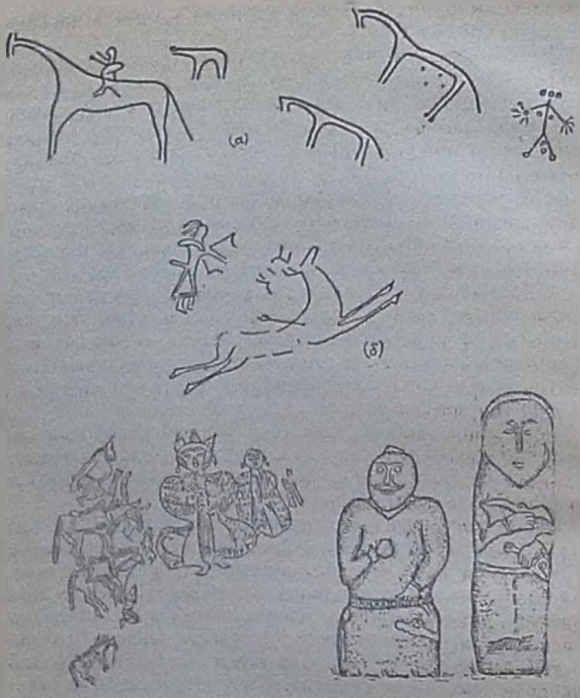
Если предположить, что пазырыкский ковер был вывезен из Северного Ирана, то есть Хорасана, следовательно, он имеет аналогичное с текинскими и салырскими гёлями происхождение.

Известный исследователь туркменских ковров С. Дудин также считал туркменские ковры самыми древними и, сравнивая их с персидскими, он писал: «...совершенная разница в стиле туркменских и персидских ковровых изделий, иная установка ткацкого станка, иной прием в использовании ткаческого материала, иная тональность и более высокая техника работы говорят за то, что ковровое ремесло у туркмен так же старо, если не старше, как у персов; что развивалось оно, пожалуй, совершенно самостоятельно...»[2].

В какой среде возникло искусство ковроделия — в кочевой или оседлой — вопрос остается открытым. Ковроделие в XV — XIX вв. было более развито у полукочевых туркменских племен — у текинцев, йомудов, эрсаринцев, салыров, човдурской группы племен. Ковры и ковровые изделия стали у туркмен частью кочевой жизни, они имели декоративно-прикладное значение, украшали юрту и ее интерьер, заменяли футляры для посу-

[1] Название Пазырык происходит, по нашему мнению, от алтайского слова «пазырык» («басырк»), то есть крытые могилы.

[2] С. Дудин С. Старинные ковры Средней Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии (МАЭ). Л., 1927. С. 112.



Наскальные рисунки:
а) на туркменских памятниках позднего средневековья, Полуостров Мангышлак;
б) древнетюркские наскальные рисунки и каменные изваяния, Алтай

южно-туркменистанской посуде, которая имеет красную фоновую облицовку»[1].

Ковровое и войлочное производство, достигшее у туркмен совершенства и не имеющее аналогов, по архео-

[1] Сарианиди В. И. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М.: Наука, 1967. С. 84.

логическим данным, своими корнями уходит в древнюю местную среду.

В этой связи интересно привести мнение, возникшее вокруг так называемого пазырыкского ковра, раскопанного в Пазырыкских[1] курганах на Алтае в зоне вечной мерзлоты, выставлен он в Эрмитаже в г. Ленинграде. Существует предположение, что он попал на Алтай к кочевникам из Ирана случайно и не принадлежат местным тюркоязычным племенам. Однако, по мнению литературоведа А. Бекмурадова, пазырыкский ковер по композиции—расположению центральных орнаментов и по гармонии цветов—поразительно похож на йомудские ковры, и 24 центральных орнамента пазырыкского ковра, возможно, символизируют деление гуннов, а затем и древних огузов на 24 племени. Надо отметить, что в современных туркменских коврах сохраняется традиция размещения в центре ковра центральных гёлей в разных вариантах (в два, три, четыре ряда).

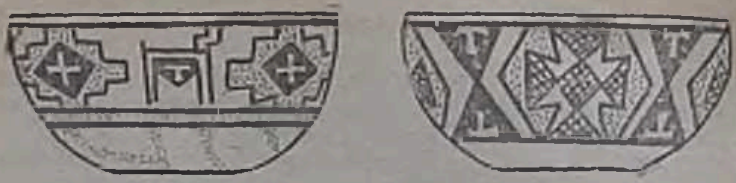
Если предположить, что пазырыкский ковер был вывезен из Северного Ирана, то есть Хорасана, следовательно, он имеет аналогичное с текинскими и салырскими гёлями происхождение.

Известный исследователь туркменских ковров С. Дудин также считал туркменские ковры самыми древними и, сравнивая их с персидскими, он писал: «...совершенная разница в стиле туркменских и персидских ковровых изделий, иная установка ткацкого станка, иной прием в использовании ткаческого материала, иная тональность и более высокая техника работы говорят за то, что ковровое ремесло у туркмен так же старо, если не старше, как у персов; что развивалось оно, пожалуй, совершенно самостоятельно...»[2].

В какой среде возникло искусство ковроделия — в кочевой или оседлой — вопрос остается открытым. Ковроделие в XV — XIX вв. было более развито у полукочевых туркменских племен — у текинцев, йомудов, эрсаринцев, салыров, човдурской группы племен. Ковры и ковровые изделия стали у туркмен частью кочевой жизни, они имели декоративно-прикладное значение, украшали юрту и ее интерьер, заменяли футляры для посу-

[1] Название Пазырык происходит, по нашему мнению, от алтайского слова «пазырык» («басырк»), то есть крытые могилы.

[2] С. Дудин С. Старинные ковры Средней Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии (МАЭ). Л., 1927. С. 112.



Туркменские ковровые орнаменты
на керамических изделиях.
Геоксюрская группа памятников (V—IV тыс. до. н. э.)

ды, для хранения одежды и домашней утвари. Для производства ковров необходимы высококачественная шерсть, оседлая жизнь, то есть ведение комплексного хозяйства. Туркмены свято хранили древние традиции своих предков в материальной и духовной культуре в целом. По обычаю, каждая девушка до замужества должна была выткать для своего приданого ковры и ковровые изделия.

У В. Г. Мошковой есть сведения о том, что «Ковры коренных жителей не уничтожались, оседали у победителей и служили образцами для воспроизводства узоров»[1]. В Южном Туркменистане нами записаны предания о том, что туркмены использовали в ковровых орнаментах красивые узоры, архитектурные украшения, увиденные ими на камнях, на памятниках старины. Такое предание о происхождении популярного орнамента «хал яран», наносимого на ковровые мешки (чувал и торбу), бытовало в Восточном Туркменистане. В приамударьинских районах существовало предание о происхождении орнамента «дурна хатар» (журавлиный ряд).

Туркменские ковровые орнаменты, как и топонимика, отражают эволюцию туркменского общества, этапы его этнического развития. Для серьезной расшифровки смысла и значения орнаментов необходимо их сравнительное изучение с орнаментами на древних и средневековых керамических изделиях, ковров и вышивок соседних народов, с которыми туркмены тысячелетиями поддерживали этнические контакты.

Как известно, в орнаменте туркменских ковров и ковровых изделий, в отличие от персидских и кавказских, преобладают сложные геометрические линии и

[1] Мошкова В. Г. Ковры Средней Азии. Ташкент, 1970. С. 228.

фигуры, генезис которых уходит в древнейшую местную среду. Орнамент, аналогичный по форме и изображению центральным орнаментам салырских и текинских гёлей (салыр гёл, геке гёл), имеется на сосудах и других керамических изделиях III—II тыс. до н. э., найденных в Южном Туркменистане. Такая преемственность коврового искусства, уникальность, своеобразие и самобытность орнаментов туркменских ковров свидетельствуют об их древности и местном происхождении. На салырских ковровых мешках-торбах в центре изображался орнамент «чархы челек» (колесо фортуны) — восьмиугольное изображение солнца. Аналогичный орнамент встречается на керамических изделиях из комплекса памятников Гёксюр в Южном Туркменистане. Как известно, солнцу, как главному божеству, поклонялись зороастрийцы древнего Закаспия. К этому же типу относятся и ковровые орнаменты стилизованных животных, птиц и людей, связанных с тотемистическими и анимистическими верованиями предков современных туркмен. Стилизованные изображения баранов, верблюдов, лошадей, птиц и растений, цветов и т. д. до сих пор даются на ковровых дорожках, футлярах, мешках, иногда и в коврах[1]. Все эти реликты языческих верований сохранялись вопреки запретам ислама изображать животных и людей. Более распространены изображения бараньих рогов — «гочак», встречающиеся до сих пор не только в орнаментах ковров и кошм, но на тамдырах (печь для выпечки хлеба), фасадах жилых домов, дворов и имеющие магическое значение.

Туркменские ковровые орнаменты имеют племенные различия. По мнению В. Г. Мошковой, племенные гёли туркмен являются своеобразной родоплеменной эмблемой. Орнаментальные различия текинских, салырских и йомудских ковров значительны. В ковровом орнаменте часто встречаются изображение тамги гусиная ножка (газаяк), которая была племенным знаком не только салыров, но и других туркмен.

Мы согласны с мнением В. Г. Мошковой о том, что «Ковровая орнаментация туркмен представляет собой единую стилистическую группу, несмотря на все локаль-

---

[1] Фелькерзам А. Старинные ковры Средней Азии. Старые годы. Спб., 1914. Ноябрь-декабрь. С. 69.

вые и племенные различия»[1], что свидетельствует об объединении племен в прошлом в единую этническую общность под названием «туркмен»

В орнаментах получили отражение традиционные занятия туркмен. Например, у прибрежных туркмен — изображения рыб, якоря, весел, лодки и т. д., связанные с морским промыслом.

Приведенные далеко не полные данные свидетельствуют о том, что не может быть двух мнений о том, что древнее местное население составило важнейший пласт в происхождении туркменского народа.

От автохтонного населения туркмены унаследовали хозяйственные навыки (земледельческие, скотоводческие и др.), реликты некоторых верований, антропологические особенности, а возможно, и искусство ковроткачества, изготовления высокосовершенных ювелирных изделий, умения выведения высококачественных пород коней, скота и т. п., сохранившиеся в духовной и материальной культуре туркмен. Эта традиция позволяет установить родственную этническую связь между древним и современным населением Туркменистана.

Наиболее интересным, важным, в то же время содержательным этапом в этногенезе и этнической истории туркменского народа являются события, связанные с постепенным и беспрерывным проникновением с первых веков нашей эры на территорию Туркменистана тюркоязычных племен.

Прародиной древних тюркоязычных племен и народов являются Центральная и Средняя Азия, Алтай и другие районы Южной Сибири. В этногенезе туркмен важнейшую роль играли древние тюрки, туркмено-огузские племена средневековья, о чем бесспорно свидетельствуют китайские, уйгурские, тюркоязычные, арабо-персоязычные письменные источники, древнетюркские орхоно-енисейские рунические письменные источники и памятники культуры и, наконец, родословные, исторические предания, сохранившиеся у туркмен и других тюркоязычных народов.

Однако вопросы — являются ли эти регионы прародиной предков всех тюркоязычных народов, жили ли их предки когда-то единой семьей и когда они разошлись,

---

[1] Мошкова В. Г. Ковры Средней Азии... С. 227.

когда превратились в самостоятельные народы, народности и племена — являются пока только привлекательной для ученых загадкой.

Источники позволяют относительно достоверно определить степень участия тюркоязычных племен в этногенезе туркмен и процессы их смешения с местным населением Туркменистана.

История древних тюрок изучена сравнительно удовлетворительно. Археолог А. Бернштам писал: «Общество древних орхоно-енисейских тюрок в VI—VIII вв. занимало ... территорию от северных провинций Китая (Шаньси) на востоке до Византии на западе (авары), вплоть до Минусинской котловины на севере и северных строгов Тянь-Шаня (а иногда и Восточный Туркменистан) на юге»[1].

Наиболее ранними тюркоязычными племенами и народностями были гунны: усуни, юэчжи, тук-юэ и другие, жившие в Центральной Азии и на Алтае, хотя вопрос о языке гуннов и усуней до сих пор является несколько спорным.

Любопытные сведения о жилище и пище древних тюрок и усуней[2] сообщают китайские письменные источники: китайская царевна, выданная замуж за усуньского царя, жалобно пела такую песню:

Выдали меня родственники
В дальнюю сторону.
Отдали в чужое царство,
За усуньского царя.
Живет (она) в круглой хижине,
Обтянутой войлоками;
Питается мясом,
Пьет молоко.
Как вспомню об отчизне,
Сердце замирает.
Желала бы диким гусем быть,
Чтоб возвратиться на родину[3].

---

[1] Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.; Л., 1946. С. 79.

[2] Усуни были великорослыми, со светлыми глазами и по типу отличались от других тюрок. В этой связи необходимо отметить, что слово «усун», «узун» на тюркских языках означает «высокий».

[3] Бичурин В. Н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 192.

Последние исследования по этнической истории тюркоязычных народов Северного Кавказа, Закавказья и Малой Азии, по данным византийских и других письменных источников, свидетельствуют о том, что они появились в тех регионах в начале нашей эры.

Если так, то логичнее предположить, что на территорию современного Туркменистана они попали гораздо раньше, то есть не позднее I в. н. э.

Об образовании в Средней Азии, охватившей и территорию Туркменистана, Тюркского каганата (т. е. ханства), В. В. Бартольд писал: «... турки, около середины VI в. сменившие в Монголии жужанцев, основали самую могущественную из всех кочевых империй домонгольского периода. Уже в том же VI в. турецкие войска действовали в одно и то же время на границах Византии, Персии и Китая»[1].

В VI в. иранским шахом Хосровом Ануширваном на границе Ирана и Тюркского каганата (наподобие Китайской стены против кочевников) из жженого кирпича была построена стена — линия обороны, остатки которой сохранились до недавних времен в районе иранского города Кумуш-Тепе. Вот какие сведения об этой стене находим у Бодэ:

«Кызыл-Алан находится на правом берегу Гургена и тянется параллельно с этой рекою вплоть до берегов Каспия. Она даже некоторое время продолжается под водою. Начинается эта стена в горах Пушти-Кимер, около четырех фарсангов ниже истока Гургена... построена была из жженых кирпичей огромного размера»[2]. Автор второй половины IX в. Ибн Хордадбех, видимо, имея в виду эту стену, называя ее преградами Хосроев (кисара), писал: «Хосрои (сасаниды) закрыли свои границы с пяти сторон... Кто шел из страны тюрок — от Хулвана, кто шел из страны Хазара и аланов — от Баб ва-л Абваба»[3].

По мнению Л. Н. Бернштама, «.. если гуннийский союз был центральноазиатского происхождения, то Тюркский каганат в своей основе — алтайского происхождения»[4].

---

[1] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч. Т. 2. Ч. 1. 1963. С. 181.

[2] Бодэ Т., Колычев. Очерки туркменской земли... С. 430.

[3] Ибн Хордадбех. Книга путей. Баку: Элм, 1986. С. 135.

[4] Бернштам А. Н. Социально-экономический строй... С. 83.

Нами записано предание об Алтае как прародине туркмен. Туркмены обитали тысячу лет назад у Алтайских гор по соседству с киргизами и возглавлялись Мамедханом, который был современником легендарного Туган Турка.

Туркмены ушли с Алтайских гор из-за вражды с киргизами. С. М. Абрамзон записал у киргизов предание, согласно которому «... киргизы жили раньше на Алтае, где ими правил Киргизкан... Предком киргизов был Угузкан»[1]. Здесь, видимо, речь идет о енисейских киргизах (хирхизах), с которыми граничили древнетюркские племена Алтая.

Согласно китайским письменным источникам и данным орхоно-енисейских памятников, «... тотемным животным тюрок считался волк»[2].

«Золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах, и наконец, в двух легендах о происхождении тюрок первое место принадлежит прародительнице — волчице... надо думать, легенды возникли на Алтае...»[3].

«Над могилами тюркских ханов ставились обелиски с подробным некрологом умершего хана, около обелиска ставились в ряд («балбалтикмис») балбалы, то есть каменные статуи людей, которые принято называть «Каменными бабами». Ставились они у могилы хана по числу убитых им его главных врагов»[4].

В 1968 г. в Монголии была найдена Бугутская стела, относящаяся к последней четверти VI в. На ее барельефе приведена легенда, согласно которой «... предки тюрков, жившие на краю большого болота, ... были истреблены воинами соседнего племени. Уцелел мальчик, вскормленный волчицей. Одним из ее десяти сыновей был мальчик... по имени Ашина, он стал вождем нового рода и дал ему свое имя. Позднее вожди Ашина выво-

---

[1] Абрамзон С. М. Народные предания как источник для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 68.

[2] Бернштам А. Н. Социально-экономический строй... С. 83—84.

[3] Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. С. 23.

[4] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 12—13.

Голова статуи древнетюркского хана Кюль-тегин на Семиречье

дят своих сородичей на Алтай, где они и принимали имя тюрок»[1].

Памятники древнего культа волка, собаки и других животных сохранились и у туркмен.

По поверьям, сохранившимся у туркмен, удача будет сопутствовать увидевшему в первой половине дня волка и лису — во второй половине дня (Эртир гурт, агшам тилки горенин йузи мубарек).

[1] Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1973. С. 57.

Еще в недалеком прошлом у туркмен были сильны пережитки языческих тотемистических и анимистических верований. Реликты их сохранились в названиях древних родов. Сильны были пережитки культа собаки. Многие колена и родовые группы носили названия животных — шакал, волк, лиса, медведь, баран, коза, птица и т. п. Согласно легенде, предки туркмен были в родстве с собакой. Широкое бытование культа собаки и волка в преданиях о взаимоотношениях туркмен с мусульманским святым Ходжа Ахмедом Ясавы (XII в.) в туркменском фольклоре, народных преданиях позволяет связать историю туркмен и древних тюрок, у которых был развит культ волка и собаки. При переселении на новые места их сопровождали волки и собаки, хотя для тюрок это были проводники, а для туркмен — преследователи. Об этом рассказывается также в исторических преданиях каракалпаков[1].

Собака, корова (бык), лошадь и другие были тотемными животными и почитались древними тюрками. 12-летний календарный животный цикл, возникший в древнетюркской среде, распространившийся позднее по всей Азии и очень популярный у туркмен, называется «муче». Возраст человека туркмены определяли с помощью этого 12-летнего цикла. На древнетюркских надмогильных стелах даты жизни покойника (обычно хана, кана) указаны по этому летоисчислению. Например, «В год Змеи в 10-й месяц (Пылан йыл онуч). В год Обезьяны седьмого месяца (Бичин айна йыл ятынч ай). По-тюркски год Дракона (Туркча йыл Лу арур), год Быка (ут арды), год Барса (йыл Барс), год Мыши (Сычкан йыл), год Собаки (йыл Ит): ... По-тюркски год Коня (Туркча йыл Йонт), год Свиньи (йыл Тонуз), год Овцы (кой йыл ка), год Курицы (Такыкы йыл)»[2] и т. д.

Большинство терминов родства у древних тюрок, упоминаемые в орхоно-енисейских надписях, совпадают с туркменскими, что свидетельствует о языковом и этническом родстве древних тюрок с туркменами.

---

[1] Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. М., 1952. Т. I. С. 430.

[2] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 42, 43, 52, 53, 62, 76, 80, 81 и др.

Приведем некоторые примеры. В древнетюркском языке «калин» обозначает пришлых, взятых извне женщин[1].

В туркменском языке из древнетюркских терминов родства сохранились ини (младший брат), синил, синли (сестра), огул (сын), ог (в современном туркменском языке огей, овей) — мачеха, ата (отец) и др., из хозяйственных — аркыш[2] (аргыш — караван), атлык су (атлык су — земли, выделяемые за военные услуги), атыз (поле), ич, иш (работа), яйла (летнее кочевье), кышла (зимовать) и многие другие[3]. Таких примеров очень много. К сожалению, до сих пор древнетюркский и современный туркменский языки в сравнительном плане специально не изучены.

Слова «кара будун» на древнетюркском языке означают «народные массы», «чернь». В древнетюркских текстах встречаются такие выражения: «Послушайте, тюркские и огузские беки и народ» (Турк огуз баглари будун асидин!). В то же время тексты содержат и сведения о разногласиях между тюрками и огузами, между тюрками и тюркоязычными тюргешами, карлуками и кыргызами[4]. Огузы, видимо, уже в VI в. отделились от тюрок и жили к северу от них, хотя в текстах часто встречаются названия «уч огуз» (союз трех огузских племен), племена «еди огузов» и «докуз огузов».

Интересны сведения об охоте на «сугун-кийик» — оленей, джейранов, упоминания «табгач, тибетцы, авары и Рим, кыргызы, уч курыканы, отуз-татары, кытай и татабайцы», которые жили по соседству с тюрками[5].

Можно предположить, что племя курыкан — огузское, а позднее оно стало туркменским каркын, а татабайцев можно отождествлять с крупным подразделением западных йомудов-атабайцев.

Очень много общего в терминах современного туркменского и алтайского, хакасского и других языков, ко-

---

[1] Бернштам А. Н. Социально-экономический строй... С. 92.

[2] Слово «аргыш» в том же значении распространено повсеместно у всех народностей Сибири.

[3] Древнетюркский словарь. М., 1969; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.

[4] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951. С. 30, 40, 41, 56.

[5] Малов С. Е. Указ. раб. С. 65, 36.

торые, пожалуй, в большей степени сохранили древнетюркские традиции и черты.

В хозяйственной терминологии и способах объединения алтайцев также много общего с туркменами[1].

Алтайские термины «нокорлор» (по-туркменски нокерлер), «карындаш» (гарындаш), туган-доган — «братья», тенг — улеш (денг улеш) бытует у туркмен почти в такой же форме и в том же значении. Рыболовецкая артель, подобная алтайской[2], существовала у прибрежных туркмен и т. п.

Вызывает большой интерес тот факт, что у южных киргизов (особенно у так называемых ичкиликов), как и у алтайцев, лучшей частью мясной туши считается «уча» (крестец, задок)[3]. В пище скотоводческих народов (особенно тюрко-монгольских) особое место занимали мясомолочные продукты. Туркмены-огузы хорошо усвоили понятие о более вкусной и лучшей части мясной туши. Она, как правило, предназначалась для самых уважаемых и почетных соплеменников.

Во избежание разногласий между 24 огузскими племенами были выработаны правила, согласно которым каждому из внуков Огуза (племени) был определен его ранг, занятие, имя и лакаб (прозвище) и чтоб каждый из них имел свой знак и тамгу[4]. Например, сыновьям старшего сына Огуза — Кун-хана — Кайы, Баят, Алкарэвли, Кара-Эвли были предназначены лучшие куски мяса (правая лопатка) забитого животного.

Эта часть мясной туши и у туркмен считалась лучшей («удж»). Во время свадебной церемонии прикаспийские туркмены для жениха и его друзей специально готовили плов («уджалы аш») с отборным куском мяса (ляжкой).

Древние тюрки делились на роды — уруг, «сородичами считались в первую очередь лица по линии мужского поколения по законам отцовского рода»[5]. Как известно, туркменская родовая группа (сохранившаяся

---

[1] Потапов Л. П. Очерк истории алтайцев. М., 1953. С. 252, 254, 255.

[2] Там же. С. 220—221.

[3] Абрамзон С. М. Этнографические связи киргизов с народами Алтая. М., 1960, С. 6.

[4] Рашид ад-Дин Фазлаллах. Огузнаме. Баку: Элм, 1987. С. 63—64

[5] Бернштам А. Н. Указ. раб. С. 104.

у туркмен в пережиточной форме) носила названия «тире, уруг, тайпа» и также объединяла только сородичей по мужской линии. У древних тюрок союз племен обозначался словом «ал» (эл) «будун». У туркмен в понятие «ил» входят народ, племя.

Туркмены унаследовали от древних тюрок пережитки шаманских верований. «Тюрками почитались небо (тангры), земля — вода (сув-яр), и все это тесно переплеталось с почитанием более древнего культа Умай — женского божества»[1].

«Умай, — говорится в древнетюркских текстах — священная Родина (земля — вода) — вот они, надо думать, даровали нам победу»[2]. Культ Мамаки (бабки), бытовавший у туркмен (Мамака повелевала громом, молнией и дождем), является пережитком этого божества. У туркмен под словом «тангры» подразумевается бог. Слова «алла, худай и тангры» — синонимы, последнее наиболее часто употреблялось в разговорной речи, в фольклоре, в письменных источниках. Правоверные туркмены даже не подозревали, что слово «тангры» обозначало языческого бога, что оно унаследовано от их предков, живших в античное время в степях Центральной Азии. Пережитки древнетюркского божества тангры (тенгри) сохранились у большинства тюркских народов. Но бог тангры, по нашему мнению, наиболее популярен у туркмен. На основе изучения древнетюркских текстов можно предположить, что понятия «небо» и «бог» у древних тюрок были идентичными. Перевод словосочетания «кок тангры» как «голубое небо», по нашему мнению, неверен, хотя и прочно вошел в литературу. Это понятие следовало бы переводить как «бог неба», так как слово «гок» на туркменском и большинстве других тюркских языков обозначает «небо» и «синий», а в данном случае — «небо». Не умея объяснить явления природы, люди всегда смотрели на небо с надеждой и тревогой. Так, видимо, и возникло его почитание и обожествление.

Неверен также вошедший в литературу перевод слов «кок турк»[3] как «голубые тюрки». Эти слова в действительности означают «тюрки, верующие в небесное

[1] Бернштам А. Н. Указ. раб. С. 101.
[2] Малов С. Е. Указ раб. С. 67.
[3] Там же. С. 28, 29, 35 и др.

божество». Веровали в божество «тангри» и огузы. Все это свидетельствует о господстве у древних тюрок, как и у туркмен-огузов, единобожия — монотеизма.

В регионе расселения древних тюрок сохранились названия «небесные горы» (по-китайски «тянь-шань»), «хан тенгри» (название высокого горного пика на Тянь-Шане), свидетельствующие о почитании небесного божества. Интересен в связи с этим обычай монголов и древних тюрок сооружать на высоких горных перевалах культовые сооружения из камней — «обо», которым они поклонялись.

Приведенные данные говорят о том, что в этногенезе современных туркмен древние тюркские племена принимали активное участие.

Однако в отличие от алтайцев, киргизов, казахов, уйгуров и других, этногенез которых в основном протекал с самого начала в тюрко-монгольской среде, интенсивные периоды этногенеза туркмен происходили в горниле смешения тюркских и местных племен и народностей. Не случайно у казахов, киргизов, узбеков часто встречаются монгольские и древнетюркские племенные названия (мангыты, китаи, кераиты, найманы и др.), которые отсутствуют у туркмен. Наоборот, у туркмен, азербайджанцев, турок Малой Азии, то есть у юго-западных тюрков, часто встречаются огузские племенные названия. В отдалении от Центральной Азии, к западу монголоидные примеси у тюркоязычных народов ослабевают, соответственно смягчается и язык.

Самоназвание «туркмен» безусловно является производным от слова «турк», идут споры между учеными лишь о смысле второй части слова — «мен». В связи с этим интересно рассмотреть некоторые сведения о значении термина «турк» («тюрк»). «В Тюркском каганате термин «тюрк» имел двоякое значение. В первом случае народное название «тюрк» больше всего было связано с господствующей частью племен, которая узурпировала это название как титул «благородных» объединенных в корпорации аристократов — в эле»[1]. Во втором случае он имел более широкое значение.

По мнению А. А. Марущенко, слово «турк» является самоназванием племени, создавшего Тюркский каганат, следовательно, является этническим термином.

[1] Бернштам А. Н. Указ. раб. С. 84.

«В смысле принадлежности к подданным каганата это название приобретает иной смысл, стало политическим термином. По сообщению Рашид ад-Дина, так случилось и с термином «монгол»...

Арабы стали называть тюрками всех воинственных кочевников к северу от Согдианы, и те приняли это название, ибо первоначальные носители его после исчезновения с лица земли стали для степняков образцами доблести и геройства... Так сделались тюрками многие народы, никогда не входившие в великий каганат VI—VII вв. Некоторые из них были даже не монголоиды, как, например, туркмены, османы, азербайджанцы»[1].

Название «турк» встречается в китайских источниках и орхоно-енисейских надписях как тукю. Китайские письменные источники сильно искажают их названия, от оригинала еще более отдаляет китайская транскрипция.

О термине «турк» в его китайской транскрипции «тукю» Е. Д. Поливанов писал: «Между прочим, мало вероятно и то, чтобы китайцы, писавшие надписи на орхонских памятниках и, следовательно, находившиеся в самом непосредственном контакте с турками, повторили их наименование в монгольской, а не турецкой грамматической форме»[2].

Словами «турк, турки, туркана» очень широко пользовались классики туркменской литературы — Махтумкули, Сеиди, Зелили, Кемине, Магрупи и многие другие. Эти термины популярны среди туркмен и в широком значении в смысле «простодушный», «наивный», «доверчивый», «бесхитростный» и т. п.

Слово «турк» в смысле отсталый, деревенский, бесхитростный употреблялось и в Анатолийской части Турции вплоть до 20-х годов XX в.

«Турок никогда не обманывает; честный, прямодушный, правдивый, он именно этими качествами вызывает насмешку или сожаление у своих соседей — грека, сирийца, персиянина, армянина»[3]. О таком значении этого

[1] Гумилев Л. Н. Древние тюрки... С. 6.

[2] Поливанов Е. Д. «Ту-кюэ» китайской транскрипции — турецкое турк // Изв. АН СССР. 1927. С. 693.

[3] Реклю Э. Передняя Азия, Афганистан, Белуджистан, Персия, Азиатская Турция и Аравия // Земля и люди. Спб., 1887. С. 463.

слова говорят и следующие строки, популярные у северных туркмен:

Туркум туркум туркумдыр,
Токлысыны сатар секизе,
Гуйругыны алар докуза.

Дословно это звучит так: «Эх, турок, ты турок, потому ты и турок, что продал своего барана за восемь тенге, а курдюк твоего же барана продали тебе на базаре за десять тенге».

Проф. А. Ю. Якубовский писал: «...мы можем сказать со всей определенностью, что туркменская народность является продуктом сложного этногенеза, в котором в качестве этнических компонентов принимали участие как древние местные ираноязычные племена (дахи, массагеты, аланы и другие), так и тюркские, преимущественно огузские племена»[1].

«Можно предположить, — отметил В. В. Бартольд, — что степи к востоку от Каспийского моря были заняты турками еще в VI в., так как к этому времени относится столкновение турок с Сасанидской Персией, что гузы, или огузы, у арабских географов были потомками тех же турок и что они поселились на западе, независимо от того распадения токуз-огузов в VIII в., которое имеется в виду Ибн-Ал-Асиром»[2].

Образование тюркских каганатов усилило политическое значение тюркоязычных племен в Закаспии, которые непосредственно граничили с Сасанидской Персией. Правителя турок, живших по соседству с Сасанидской Персией, арабские авторы называли Туран шах.

Автор IX в. Ибн Хордадбех приводит интересные сведения о расселении тюркоязычных племен: «Страна турок тугузгузов... — самая обширная из тюркских стран. Граничат они с Сином (по-видимому, с Китаем. — А. Д.), ат Туббатом (то есть Тибетом. — А. Д.) и карлуками. (Затем идут) кимаки: ... гузы (ал-гузз), чигили (ал-джигир), тюргеши (ат-Туркаш), аз-киши..., кипчаки (хифчах), киргизи (хирхиз), которые имеют мускус,

[1] Каррыев А., Мошкова В. Г., Насонов А. Н., Якубовский А. Ю. Очерки из истории Туркменистана и туркменского народа в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954. С. 12.

[2] Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. Соч. Т. 2. Ч. 1. С. 557.

карлуки (ал-харлух) и халаджи (ал-халадж), обитающие по ту сторону реки (вероятно Амударьи). Что касается города Фараба, то там гарнизон состоит из воинов мусульман и тюрок-карлуков. Всего тюркских городов 16»[1].

Следующим важнейшим этапом в этнической истории туркмен был огузский период, о котором имеются сведения в арабо-персоязычной литературе. В сочинении арабского историка и географа Ибн-Вадих-ал-Якуби, жившего в IX в., «Китаб ал-булдан» («Книга стран») приводятся следующие сведения о юрте, домашнем быте и хозяйстве: у карлюков, токузгузов, торгашей, кимаков и гузов «... нет селений и укреплений, они живут только в тюркских ребристых шатрах, в которых вместо гвоздей ремни из шкур животных и которые покрыты войлоком. Они самый искусный народ в изготовлении войлока, потому что из него их одежда. В Туркестане нет земледелия, кроме проса, которое называется джаваре. Пища их — только молоко кобылиц, и они едят их мясо, а больше всего едят дичь. Железа у них мало, и стрелы они делают из костей...»[2]. Юрта как основной вид переносного кочевого жилища сохраняется у скотоводческого населения Туркменистана, в особенности в западных районах. Сохраняется также выделка высокохудожественных цветных и одноцветных войлоков.

М. Дурдыев в работе «Основные проблемы этногенеза туркменского народа» (Ашхабад, 1988), не скрывая скептического отношения к исследователям 20—30-х годов, которые видели в огузах прямых предков туркмен, критикует и тезис о том, что туркмены — это огузы. О том, что огузы не единственные предки туркмен, свидетельствует сама история, тезис этот давно устарел. Однако следует напомнить, что почти вся зарубежная литература, ссылаясь на сочинения Махмуда Кашгарского (современника огузов, жившего среди них, автора «Словаря тюркских наречий») и других средневековых авторов-огузов, вполне справедливо отождествляет их со средневековыми туркменами (подчеркнуто нами. — А. Д.)

Средневековые письменные источники в большинстве

---

[1] Ибн Хордадбех. Книга путей и стран... С. 61, 66.
[2] МИТТ. М.; Л., 1939. Т. I. С. 149—159.

случаев ставят знак равенства между огузами и туркменами.

Махмуд Кашгарский писал: «Огуз — одно из тюркских племен (кабиле), они же туркмены. Они состоят из 22 родов (баты). У каждого рода их знак и клеймо для животных, по которому они узнают друг друга. Первый и основной род их — кынык. Из этого рода султаны в наше время»[1]. (Имеются в виду Сельджук и его династия — Сельджукиды). Далее идет перечисление всех 22 племен с изображением их племенных знаков. Мы считаем, что сведения Махмуда Кашгарского и других современников туркмен-огузов более достоверны, чем мнения их современных критиков.

Значительную роль огузы сыграли в формировании юго-западной ветви тюркских народов (языков) — туркменского, азербайджанского и турецкого. Некоторую роль сыграли огузы и в этногенезе каракалпаков, узбеков и казахов[2]. Учитывая все прямые и косвенные доказательства, следует констатировать, что по своему происхождению огузы наиболее близки к туркменам.

Огузские племенные союзы упоминаются в орхоно-енисейских письменных памятниках (VI—VIII вв.) под названием токузогузов, учогузов и етиогузов. Из Центральной Азии они впоследствии ушли на запад, на берега Сырдарьи, Аральского моря. «Наиболее компактно они жили в Приаралье, Северном Прикаспии, в нижнем течении Сырдарьи. Отдельные группы огузов обитали в Семиречье...»[3]. В X в. огузы-туркмены занимали огромную территорию Средней и Центральной Азии и непосредственно граничили с Ираном, обосновались в Хорасане и на окраинах земледельческих оазисов. В Южном Туркменистане были многочисленны колонии тюрок и туркмен-огузов, живших вперемежку с местным населением.

Письменные источники IX—XI вв. сообщают много сведений о духовной культуре огузов и туркмен.

Анимистические и тотемистические верования тюрок и огузов, объединенные шаманизмом, долго сохраня-

[1] Махмуд Кашгарский. Диван лугат ат-тюрк. // МИТТ. Т. I. М.; Л., 1939. С. 309.

[2] Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

[3] Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.

лись и после принятия ими ислама. Например, у кочевых и полукочевых тюркских народов Средней Азии, Казахстана и Алтая еще в начале XX в. большой популярностью пользовались своего рода шаманы, баксы, порханы, которые якобы могли изгонять из больных людей злых духов, носителей болезни. У западных туркмен местные танцы зыкр (радения) первоначально использовались для лечения душевнобольных. Такую же роль играла у текинцев «порхан ойнатмак». Эти зыкр во главе с духовным лицом были особенно популярны у туркмен-атинцев, имели много элементов шаманства и были занесены ранними тюрками на Запад, вплоть до Малой Азии[1]

Древние тюрки, обладая магическим умением вызвать дождь (разумеется, в сезон дождей), по-видимому, обращались к какому-то верховному божеству, которым, возможно, и был Беркут, или бог неба Тангры.

В анонимном географическом сочинении «Худуд ал-алам» («Граница мира», 982—983 гг.) сообщаются сведения о гузах и тюрках, живших к востоку от Прикаспия до Мавереннахра, и об их верованиях: «Они поклоняются каждой вещи, которая (чем-нибудь) хороша и удивительна. Они почитают лекарей и всякий раз, как видят их, (им) поклоняются. Эти лекари распоряжаются и жизнью, и имуществом их...»[2].

В сочинениях восточных авторов IX—XI вв. много сведений о тюрках-мусульманах и тюрках-неверных. В них, как правило, тюрки, приняв ислам, становятся мирными. Еще в XIII в. Хорезмшах Мухаммед постоянно совершал походы на тюрок-язычников, живущих в Восточной части Средней Азии. Впоследствии эти тюрки-язычники и тюркоязычные татары Центральной Азии составили значительную часть полчищ Чингиз-хана.

В письменных источниках и народных преданиях мифический предводитель и родоначальник огузов Огуз-хан, Салыр Казан, предводитель и основатель династии сельджуков Сельджук, жившие в разные времена, выступают на историческую арену как первые мусульмане и ревнивые распространители ислама среди тюрок.

Ценные сведения об огузах и тюрках имеются в ра-

---

[1] Гордлевский В. А. Женский зыкр в Малой Азии // Изв. Средазкомстариса. Ташкент, 1927.

[2] МИТТ. М., Л., 1939. Т. 1. С. 219.

боте арабского географа Ахмеда ибн Фадлана (X в.) «Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.», написанной на основе его личных наблюдений во время путешествия в составе «посольства багдадского халифа к царю волжских булгар в 921—922 гг.» Он оставил нам чрезвычайно интересные описания быта и особенностей огузов, через территории которых его посольство проходило. «...Перезимовав в Джурджании (в Ургенче. — *А. Д.*), посольство 4 марта 922 г. двинулось далее на север... Совершив трудный переход через Устюрт, посольство около 20 марта прибыло в страну огузов»[1].

«Огузы произвели на Ибн Фадлана впечатление богатого кочевого народа, владевшего, как потом туркмены, огромными стадами баранов. Были богачи, у которых было до ста тысяч баранов»[2].

По сообщениям Ибн Фадлана, часть тюрков и огузов исповедовала мусульманскую веру, а другая — языческую. Тюрки, у которых он гостил, были язычниками. Сам же Ибн Фадлан свою остановку у них использовал для миссионерской деятельности и старался научить тюрок произносить слова «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед — пророк Аллаха». По понятиям мусульман, вновь обращенные в ислам должны были в первую очередь знать и повторять несколько раз именно эти слова. Ибн Фадлан читал язычникам Коран. «Один из них (т. е. из тюрок. — *А. Д.*) сказал: «Дай мне услышать чтение» Коран ему понравился, и он передал переводчику: «Скажи ему: «Не умолкай».

Однако турок, не принявших ислам, с большей долей условности можно назвать язычниками, так как еще со времени первого Тюркского каганата (как явствует из орхоно-енисейских документов) у тюрок верховным божеством был «тенгри», или «гок тенгри». Следовательно, у тюрок VI—VIII вв. начало формироваться представление о божестве «тенгри», которое объединяло значительную часть тюрок. Это обстоятельство, по-видимому, способствовало быстрому распространению ислама среди огузов X—XII вв. Именно этим и объясняется та легкость, с которой тюрки (особенно знать) принимали

---

[1] Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков. 1956. С. 24

[2] Бартольд В. В. Соч. Т. 2. Ч. 1. С. 563.

ислам, но иногда так же быстро и отказывались от него, возвращаясь к своему богу. Например, у Ибн Фадлана читаем: «Первый из их царей и главарей, кого мы встретили, был Ыналл Маленький. Он прежде принял (было) ислам. Но ему было сказано: «Если ты принял ислам, ты уже не главенствуешь над нами». Тогда он отказался от своего ислама». Находясь среди огузов, Ибн Фадлан наблюдал за их обрядами и верой и отмечал их восприимчивость: «Я слышал, как они говорили: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед — пророк Аллаха», стараясь приблизиться этими словами к тем мусульманам, которые проезжают мимо них, но не выражая этим никакого убеждения. А если кто-нибудь из них постигнет несправедливость или случится с ним что-либо неприятное, он поднимает голову к небу и говорит: «Бир тенгри», а это по-тюркски «Клянусь богом единым», так как «бир» по-тюркски «один», а «тенгри» — на языке тюрок — «бог»[1].

Гузы, о которых писал Ибн Фадлан, жили к северо-западу от Хорезма, и были в своей массе язычниками[2], хотя поддерживали тесную связь с мусульманским населением Хорезма. Когда мусульманин «... прибудет к своему другу, то тот разобьет для него юрту и доставит ему овец, сколько может, так что мусульманину остается только закалывать их, так как тюрки их не закалывают, — право же, кто-либо из них ударяет по голове овцу, пока она не умрет». Этот способ закалывания был присущ домусульманским тюркам, позднее он был отменен исламом и почти совершенно забыт их современными потомками. Он сохранился лишь у немусульманских сибирских, алтайских и других тюрок.

Обычай ставить специальную юрту для дорогого гостя сохранялся у туркмен до более поздних времен.

Ибн Фадлан с удивлением писал о свободе, которой пользовались женщины у тюрок: «Их женщины не закрываются ни от мужчин, ни от посторонних... В то же время они (гузы) не знают блуда»[3].

В историко-этнографической литературе последних веков можно найти массу примеров об уважении и роли

---

[1] Книга Ибн Фадлана... С. 127.

[2] Понятие «язычники» не совсем верно по отношению к немусульманам-огузам, так как у них господствовало единобожье.

[3] Книга Ибн Фадлана... С. 126.

женщин-туркменок в семье. Бывали случаи, когда после смерти главы семьи первая жена покойного, пользовавшаяся большим влиянием и авторитетом среди членов семьи, занимала место покойного мужа. Говоря об относительной свободе туркменок, авторы отмечали в то же время их моральную чистоту, супружескую верность. Любопытные сведения о нормах поведения туркменок сообщает известный антрополог И. Л. Яворский: «К чести туркменской женщины следует добавить, что нравственность среди них находится на высоком, в сравнении с женщинами других народностей Туркестана, уровне: ... мне не удалось сделать антропологических измерений, хотя бы самых простых, ни на одной туркменской женщине»[1].

У Ибн Фадлана наиболее подробно описаны похоронные обряды огузов: «А если умрет человек из их числа, то для него выроют большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук и положат в его руку деревянный кубок с набидом, оставят перед ним деревянный сосуд с набидом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем и дом над ним покроют настилом и накладут над ним нечто вроде купола из глины, потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста... и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет в рай»[2].

Эти обряды имеют чрезвычайно важное значение для установления родства и этнической близости огузов X в. с современными туркменами. Этнографические материалы о похоронных обрядах, собранные среди потомков човдуров Калининского района, салыров Серахского района, текинцев Ахальского, Мургабского и Теджен-ского оазисов и других туркмен, позволяют установить связь и преемственность между современными туркменами и их предками античного и средневекового периодов.

Скифский обряд захоронения с боевым конем и ору-

[1] Яворский И. Л. Краткий отчет о научной командировке в Среднюю Азию летом 1894 г. Ч. 2 // Антропологический и этнографический очерк туркмен. Одесса, 1895. С. 36—37.

[2] Книга Ибн Фадлана... С. 128.

жием, безусловно, был заимствован огузами. Но они практически усовершенствовали его, приносили лошадь в жертву за упокой души хозяина, то есть попросту справляли поминки. У туркмен же жертвенные лошади превратились в товар. Модернизация обычая жертвоприношения лошади произошла, видимо, тогда, когда туркмены перестали употреблять в пищу конину.

Итак, мы имеем некоторое основание проследить эволюцию похоронного обряда от скифов до огузов и современных туркмен.

Скифы и огузы вместе с покойником хоронили лук, стрелы и другое боевое оружие. Туркмены эпохи позднего средневековья поступали проще. Они лишь наносили изображения этих предметов на надгробные камни. Примером тому могут быть надгробные памятники туркмен-эрсары, салыров, баятов, кайы, эски и других на полуостровах Мангышлак и Бузачи. Огузский обычай возводить над могилой покойного куполообразное сооружение, подобное скифским курганам, у туркмен не сохранился. Древние тюрки над могилой известных людей ставили изображение покойника, вытесанное из камня. Это балбали, или каменные бабы. Подобно огузам, у туркмен сохранился обычай, согласно которому, если не зарезать животных в дни поминок, на 3, 7 и 40-й дни после смерти, то покойник останется недовольным и будет беспокоить во сне близких родственников.

С точки зрения установления этнокультурных связей между огузами и туркменами интересен обычай женитьбы у тюрок-огузов. «Обычай женитьбы у них таковы: если один из них сватает у другого какую-либо из женщин его семьи или дочь его, или его сестру, или кого-либо из тех, кем он распоряжается, — за столько-то и столько-то хорезмийских одежд, и если он заплатит это, то он везет ее к себе. Иногда калымом бывают верблюды или лошади, или что-либо другое. И никто не может прибыть к своей жене, пока не будет уплачен калым, на который согласился ее «опекун». А если он уплатит это ему, то идет, не стесняясь, пока не войдет в жилище, в котором она находится, и не возьмет ее в присутствии ее отца, ее матери и ее братьев, и они ему в этом не препятствуют»[1].

[1] МНТТ. Т. 1. С. 160.

Интересно бытование калыма у тюрок X в., что говорит о его доисламских корнях.

У огузов калым состоял из халатов и скота. У большинства полукочевых туркмен XIX в. мы наблюдаем почти такую же картину. Интересно сообщение о том, что в калыме тюрок халаты называются «хорезмийская одежда», что, видимо, вошло в быт огузов. Другая часть огузов-туркмен, жившая в пределах Южного Туркменистана в этот период, покупала ткани и одежду в Мерве, Ниссе и других городах.

Пережитки обычая умыкания невесты женихом бытовали в дореволюционное время у туркмен-салыров, сарыков, сакаров и особенно у некоторых приамударьинских туркмен.

В отличие от текинцев, йомудов и большинства других туркмен в Иолотани, Серахсе[1], в Атеке (у алили) в свадебном поезде участвовали сам жених и его родственники. Невесту сажали к жениху сзади на лошадь. Этнографические материалы об увозе женихом невесты (в свадебном поезде) подтверждаются и письменными источниками[2]. Два связанных между собой древних обычая — увоза невесты и ее инсценированного похищения — с полным основанием можем отнести к доисламскому периоду в истории туркмен.

По определению Ф. Энгельса, «При похищении женщин проявляются уже, впрочем, признаки перехода к одиночному браку, по крайней мере в форме парного брака, когда молодой человек похитил или увел с помощью своих друзей девушку...»[3].

Эти древние обычаи бытовали у туркмен, являвшихся прямыми потомками огузов. Туркмены же, имевшие более ранние и тесные контакты с оседлым земледельческим населением Туркменистана (текинцы, йомуды, алилинцы, йохурлинцы и др.), этих древнетюркских обычаев не знали.

Несмотря на бытование монотеизма, у древних тюрок и огузов были сильны языческие верования. Они почитали и обожествляли животных, птиц, деревья, камни

---

[1] Полевые записи автора 1960—1966 гг.

[2] Подробно об этом см.: Джикиев А. Свадебные обряды туркмен-салыров в конце XIX — начале XX в. // Труды ИИАЭ. Ашхабад, 1963. Т. 7.

[3] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1932. С. 45.

в т. д., поклонялись небесным светилам, силам природы. В этом отношении очень примечательны и наглядны имена самого мифического Огуз-хана, его сыновей (хотя в именах 24 внуков Огуза, то есть в названиях огузо-туркменских племен, это не так явно выражено). Это Кун-хан — Солнце — повелитель, Звезда — повелитель, Небо — повелитель и Море—повелитель.

Основным видом жилища средневековых туркмен-огузов была юрта. Она бытовала и у их древних предков — тюрок.

По сообщению арабского историка и географа IX в. ал-Якуби, «... у туркмен нет селений и укреплений, они живут только в тюркских ребристых шатрах, в которых вместо гвоздей ремни из шкур животных и коров и которые покрыты войлоком»[1]. Ибн Фадлан писал, что у тюрок «... юрта (кубба-купол) из турецких войлоков...» и что «...у них дома волосяные (из кошмы) и они (огузы) останавливаются или уезжают. Ты видишь их дома (то) в одном месте, то такие же в другом, как желают кочевники в своих переселениях»[2].

Арабский автор ал-Идриси (1099—1165), описывая быт и обычаи огузов, писал: «Гузы — вид тюрок, они похожи на берберов в отношении образа совместной жизни. Обиталище их — степи, там, где есть плодородные пастбища, у них дома из войлока»[3]. Даже предводители сельджуков жили в шатрах[4].

В целом юрта у всех тюркоязычных кочевников состоит из цилиндрического основания и куполообразного верха, отличаясь лишь в деталях, в частности по форме верхней части. Например, у казахов и каракалпаков верх юрты был более приостренным в сравнении с более округленным невысоким верхом туркменской юрты. К тому же большинство названий частей юрты у тюркоязычных народов совпадает. Переносные виды жилищ, напоминающие по форме юрты, бытовали у народов Севера — якутов, чукчей (чумы, яранги), а также у алтайских народов. Юрта как очень практичное переносное жилище до настоящего времени широко распространена у монголов, тувинцев и других скотоводческих народов Цент-

[1] МИТТ. Т. 1. С. 149—150.
[2] Китаб ал-булдан (Книга стран). МИТТ. Т. 1. С. 157 и 159.
[3] МИТТ. Т. 1. С. 120.
[4] Там же. С. 439.

ральной Азии. Юрты средневековых и современных туркмен идентичны и принципиально не отличаются от юрт других среднеазиатских народов, с которыми туркмены были генетически связаны.

Однако юрта была не единственным видом жилища туркмен-огузов, были и оседлые огузы, жившие в городах и более мелких поселениях. В Мавереннахре и Хорезме туркмены жили в глинобитных домах, напоминающих по форме юрту. В этом отношении интересны два вида оседлых жилищ, сохранившиеся у туркмен, которые, видимо, являются прототипом юрты: во-первых, кепбе — хижина и, во-вторых, гумбезли там, худжре, широко бытовавшие в Серахсе и у алилинцев в Атеке. Гумбезли там состоит, как и юрта, из двух частей. В отличие от юрты его основание имеет 4-угольную форму (это, видимо, делалось для удобства строительства) и куполообразный верх.

Туркменские племена, становясь постепенно оседлыми, в течение долгих веков сохраняли традиции кочевого жилища, оказывая влияние и на древнее земледельческое население. В результате скрещивания двух культур и возникли описанные два вида оседлого жилища.

Представление об одежде древних и средневековых туркмен-огузов дают терракотовые женские статуэтки, расписная керамика, настенные миниатюры XII—XIII вв. и отрывочные данные средневековых авторов[1].

В персидском анонимном географическом сочинении «Худуд ал-ахем» («Границы мира») X в. сообщается, что «из Мерва вывозятся хороший хлопок, уштургаз, фелят, сладкое печенье, виноградный уксус, абкамэ (кислый напиток), шелковые материи «казин» и «мульхам»[2]. Иранский историк XII в. Ал-Джузджани приводит интересные данные о сыне Сельджука: «... обломив набекрень туркменскую шапку, он галопировал на лошади, изумляя своей ловкостью и искусством верховой езды оба войска: и иранское, и туркменское»[3].

У оседлых туркмен Ахальского (в особенности в Сунче и Мурче) и Мургабского оазисов целые категории людей ткали знаменитые шелковые материи красного

[1] Ремпель Л. И. Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1953. Т. 2.
[2] МИТТ. Т. I. С. 213.
[3] Ал-Джузджани. Табакати Насыри. МИТТ. Т. I. С. 439.

цвета — гырмызы кетени, которые вывозились в Западный и Северный Туркменистан.

Современная одежда туркмен унаследовала удобные и практические стороны огузской и местной одежды. О древних корнях туркменской женской одежды свидетельствуют терракотовые статуэтки, найденные в городище старого Мерва — Гяур-Кале.

«Небольшая терракотовая фигурка с изображением женщины, держащей на груди в правой руке зеркало... На голове у нее коронообразный головной убор...

Платье — гладкое, облегающее грудь, с узким рукавом в поперечную складку»[1].

Статуэтки поразительно похожи на туркменку с высоким головным убором борук, хасава, на который накинут халат-покрывало. Это сходство дополняется чертами ее лица, налобными и нагрудными украшениями.

Любопытные сведения о торгово-экономических связях туркмен с жителями оседлых поселений и о богатстве средневековых городов Южного Туркменистана сообщает автор X в. Ал-Макдиси: «В Несе и Абиверде — шелк, одежды из него, кунжут и масло из него, одежды «занбафт». В Несе—хлопчатобумажные одежды, меха лисиц, соколы. В Мерве — плащи, шелковые и хлопчатобумажные покрывала, коровы, сыр, кунжутное масло и мед. В Серахсе — хлеб и верблюды. В Хорезме производят виноград, много изюма, печенье, кунжут... особый сыр, сыворотки, рыба»[2]. Из города Баван в округе Серахс «... вывозится виноградный сироп (душаб)». Ираноязычный автор конца X—начала XI вв. Мейхене (нынешний аул Меана Каахкинского района ТССР) упоминает о горшке с салом, приготовленным про запас[3].

В «Книге моего деда Коркуда» есть сведения о том, что огузский хан Дерсе для гостей «наложил мясо как холм, велел надоить кумысу как озеро...»[4].

Огузы употребляли в пищу конину и кумыс. Но впоследствии их потомки—туркмены, турки и азербайджанцы —исключили эти продукты из своего меню. Отсутствие у них огромных табунов лошадей, оседание и смешение их с другими народами в земледельческих оазисах, от-

---

[1] Ремпель Л. И. Новые материалы... С. 177.
[2] МИТТ. Т. I. С. 202, 213.
[3] Там же. Т. I. С. 345.
[4] Книга моего деда Коркуда. М.; Л., 1962. С. 15.

ношение к коню как священному животному, видимо, способствовали этому. Однако этнографические материалы и письменные источники сохранили сведения о том, что еще в XVI—XVIII вв. туркмены, жившие на Мангышлаке, употребляли в пищу конину и кумыс. Об этом сообщал и А. Дженкинсон. Данные об употреблении напитка кумыс («гаымыз») сохранились в исторических преданиях салыров, човдуров и эрсары[1].

В течение нескольких тысячелетий в этногенезе туркмен, как видим, принимали активное участие различные тюркоязычные и местные народности и племена. Туркмены бережно сохраняли древнетюркские и туркмено-огузские традиции кочевого быта, культурные традиции оседлых аборигенов.

Проникновение сюда древних тюрок, начавшееся на стыке старой и новой эры и продолжавшееся в течение многих веков, привело в XI в. к образованию новой этнической общности с новым антропологическим типом, отличным от обликов древних тюрков и древнего автохтонного населения. Этот важнейший этногенетический процесс формирования туркменской народности завершился в XI в. и вызвал обширные передвижения сельджукидов, что привело к ассимиляции и тюркизации части населения Средней Азии, Ирана, Закавказья и Малой Азии. В Туркменистане приход сельджукидов привел к доминированию здесь тюркоязычного населения и к складыванию средневековой народности — этнической общности туркмен. Об этом говорят общий огузский язык, территория, социально-экономическое единство, письменные источники и туркменские народные предания, связанные с именем Салыр Казана, жившего приблизительно в X—XI вв. Салыр Казан, как и Огуз-хан, был общетуркменским вождем, возглавившим основные туркменские племена в их борьбе за независимость.

В письменных источниках X—XI вв. получает широкое распространение название «туркмен» как наименование крупной этнической общности, объединившей большинство туркмен. Необходимо отметить также, что оно имело не только этническое, но и политическое значение, ибо этнические группы под названием «туркмен»

[1] Джикиев А. К истории расселения туркмен-салыров в XVI—XIX вв.//Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965.

начиная с XI—XII вв. обитали в самых различных уголках Азии и Европы. Будучи тюркоязычными, они значительно отличались друг от друга, так как, живя группами среди других народов, подвергались их воздействию.

Дальнейшему укреплению и развитию туркменского народа сильно помешало нашествие монголов в Туркмению в XIII в. Основной удар монголов пришелся на Среднюю Азию. Были разорены цветущие города и села — Ургенч (сейчас Куня-Ургенч), Мерв, Ниса и другие. Нашествие подвергло разгрому неукрепившуюся туркменскую народность, разобщило туркменские племена, отбросило их назад в общественно-экономическом развитии. Лишь впоследствии монголы растворились среди завоеванных ими народов, приняли их религию, образ жизни, потеряли свое этническое значение, хотя и оставили глубокий след в облике местных жителей. Это создало почву и предпосылки для возрождения культуры завоеванных ими народов и дальнейшего их развития.

Начиная с XIV в. разобщенные племена получили возможность для объединения в племенные федерации в лице салырского и човдурского племенных союзов. Часть туркменских племен жила в оазисах, не входила в эти союзы и платила дань соседним феодальным государствам.

Второй важный этап в этнической истории туркмен начинается с эпохи позднего средневековья, когда началось великое переселение туркменских племен, совершенно изменившее их расселение. Переселение сопровождалось ассимиляцией крупными туркменскими племенами мелких племен и групп, способствовало смешению различных расовых и языковых групп. В XVII — XVIII вв. обширные берега Амударьи были уже заселены эрсарцами, каркынами, салырами и другими туркменами. Текинцы, сарыки, салыры прочно осели в Южном Туркменистане, вытесняя живших здесь оседло карадашлинцев, емрелинцев, алилинцев и других.

Лишь йомуды по-прежнему продолжали кочевать на огромных просторах Западной и Северной Туркмении.

Этническое развитие туркмен во все времена было беспрерывным, крепли межплеменные и межродовые контакты, этнокультурные связи со всеми соседними народностями и племенами, этническими группами. Одна-

ко эти процессы протекали не всегда одинаково и гладко. Особенно интенсивными они становились в период массовых миграций, переселения племен, иноземных нашествий, военных конфликтов и т. д. Например, борьба огузских племенных (внутренних и внешних) союзов против печенежского племенного союза в IX—X вв. на Волге, сплотившая туркмен-огузов, способствовала сложению средневековой туркменской народности в X—XI вв., массовому передвижению туркмено-огузских племен в XI в.

Политическая история сельджукидов и сельджукской империи довольно хорошо освещена в литературе благодаря фундаментальным исследованиям выдающихся русских, советских и зарубежных ученых—В. В. Бартольда, В. Н. Гордлевского, А. Ю. Якубовского, известного турецкого историка Ф. Сюмера и многих других[1].

Для нас важна степень участия туркмено-огузских племен в передвижениях сельджуков и их роль в освоении и ассимиляционных процессах в завоеванных ими регионах. Вопреки фундаментальным исследованиям и утверждениям В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского и большинства зарубежных ученых, труды которых базируются на малоизвестных и малодоступных источниках на арабо-персидском, тюркском, западно-европейских языках, в некоторых исторических трудах (в частности, некоторых азербайджанских историков, а также С. Г. Агаджанова и др.) существует разнобой в определении этнической принадлежности династии сельджукидов, огузов, ак коюнлы, кара коюнлы в Иране и т. д. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что правящая верхушка туркмен в завоеванных странах быстро находила язык с местными правителями и объявляла себя ревностной защитницей интересов мусульманского духовенства.

В письменных источниках IX—XIII вв. названия «туркмен», «огуз», «тюрк» часто почти равнозначны. В то же время даже само название «туркмен» применялось к различным этническим группам, имеющим значительные отличия в физическом облике, материальной

[1] Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. Соч. Т. 2. Ч. 1. С. 547—605; Гордлевский В. Н. Государство сельджукидов в Малой Азии. М.; Л., 1941; Sümer F. Turkmenler (oguzlar). Ankara, 1972.

в духовной культуре. Туркмены, как и впоследствии, были разнолики и значительно отличались друг от друга. Этим можно объяснить барьеры, существовавшие между сельджукидами — туркменскими эмирами, правившими завоеванными областями (наместниками), с одной стороны, и массой туркменского населения — с другой, что сельджукид Алп Арслан, забыв о своем туркменском происхождении, совершал нападения на непокорных туркмен, грабил их поселения, убивал и пленял их[1] (Алп Арслан туркмендерден пек чок адам олдирди).

Ссылаясь на сведения Имад ал-дин Исфахани, А. Ю. Якубовский писал: «Во главе сельджуков... стоял почитаемый всеми Микаил ибн Сельджук, отец будущих вождей сельджукского движения Чагры-бека и Тогрула... сами сельджуки, по словам Махмуда Кашгарского, принадлежали к одному из старейших туркменских родов — к роду Кынык»[2].

«По Ибн ал-Асиру, Сельджук умер в Дженде после 992 г., по Хамдаллаху Казвини, сыновья Сельджука... пришли в саманидские владения в 375/985—86 гг. и поселились в Бухарской области около селения Нур... после Сельджука остались три сына: Арслан, Микаил и Муса. Микаил погиб в борьбе с неверными, и только после его смерти его сыновья Тогрул-бек Мухаммед и Чагры-бек Давуд поселились в Нуре»[3]. Оттуда, переправившись через Амударью, авангардная часть сельджукидов стала теснить газневидов, правивших в Хорасане.

В начале 70-х годов XIX в. русский ученый А. Хорошхин записал у туркмен, живущих по берегам р. Зеравшан, следующее предание: «По поводу поселения туркменов в названных выше местностях (в районе Самарканда. — *А. Д.*) существует между ними оригинальное предание, которое и привожу здесь: г. Туркестан когда-то был местом жительства (а теперь стал могилой) известного мусульманского святого Султана-Ахмеда Ясави... Из табунов святого Ахмеда пропал однажды

---

[1] Кямаледдин Бурслан. Ирак ве Хорасан сельджуклары тарихи. Истанбул, 1943. С. 27.

[2] Якубовский А. Ю. Сельджукское движение и туркмены // Очерки по истории туркменского народа в Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954. С. 92.

[3] Бартольд В. В. Очерк... С. 569.

конь... Святой заподозрил в краже коня двоих туркменов, которые все без исключения кочевали тогда в окрестностях Туркестана. Туркменов этих звали Акман и Караман. Они обиделись на подозрение и решили отомстить: тайно свели одного из своих коней в конюшню Ахмеда, а потом в свою очередь объявили на него свои подозрения. Ахмед приказал всем туркменам удалиться из окрестностей Туркестана, как недостойным ворам и мошенникам, и туркмены тронулись через пески Кызыл-Кум на юг. Много потерпели они горя во время этого путешествия, а потомки плутов Акмана и Карамана по воле святого, пройдя пески, окончательно выбились из сил и осели в горах Нурата, будучи не в состоянии идти далее; прочие родичи их ушли за Аму и дальше, в места благодатные. Поэтому-то будто бы нуратинские туркмены и доселе крайне вороваты, бедны и поголовно носят кличку: аксак-токсак, т. е. хромая сволочь»[1].

Предания аналогичного содержания в разных вариантах бытовали и среди туркмен човдурской группы племен — човдуров, абдалов и игдиров[2].

В преданиях рассказывается о жизни туркмен в низовьях Сырдарьи и об их уходе на юг и запад. Видимо, основная часть туркмен переселилась в междуречье Сырдарьи и Амударьи — в район Бухары (Мавереннахра), а туркмены човдурской группы — в сторону Хорезма и Северного Прикаспия. А современные нуратинские туркмены являются потомками той бедной части туркмен, которая, не имея возможности для перекочевки, осталась жить в Междуречье.

В дореволюционное время у большинства туркменских племен огузского происхождения — языров-карадашлы, гокленов (кан, баят, баюндур и др.), емрели, салыров и других — бытовало предание об их бывшей родине Нур-Кара-Банре, находящейся за Амударьей. Предания эти были записаны Княшко и В. М. Мошковой.

Какие из всего этого вытекают выводы?

Сельджукиды начали свое передвижение из Мове-

---

[1] Хорошхин А. Народы Средней Азии // Материалы для статистики Азии. Спб., 1878. С. 328.

[2] Джикиев А. Материалы по этнографии мангышлакских туркмен // Труды НИАЭ. Т. 7. Ашхабад, 1963.

реннахра, то есть междуречья Амударьи и Сырдарьи, и из Хорезма. Согласно преданиям, предки самаркандских (нуратынских) и бухарских туркмен в старину пришли в междуречье из Туркестана, основная часть их сопле-менников ушла на запад, осталась в Нурата лишь незначительная, беднейшая часть туркмен. С этим увязываются и предания, в которых туркмены своей прародиной считали Нур-Кара-Банр. Именно Нур-Бухарский, где обосновались сельджукиды, упоминаемый в источниках X—XI вв., и является Нур-Кара-Банром. Нуратынские туркмены попали в эти районы во время сельджукского движения XI в. Будучи аксактовсак (буквально — хромые) — немощными, они отстали от основной массы сельджукских туркмен и с тех пор живут в горах Нурата.

Проникновение на территорию современного Туркменистана туркмено-огузских племен, как и их предшественников — древнетюркских племен, было длительным. При оседании на новых землях они прибегали к традиционной и испытанной дипломатии — сначала обращались к местным правителям с просьбой выделить им небольшой участок земли и воды для водопоя и поддержания скотоводческого хозяйства. Эта тактика была применена и текинцами при последнем оседании в Южном Туркменистане в конце XVII—XVIII вв.

Туркмены, проникая в Хорасан, хорошо знали, что в Хорасане и к северу от него в песках жило довольно многочисленное тюркоязычное население — туркмены и родственные им племена. Местное население непосильными налогами газневидов было доведено до нищеты и было недовольно ими.

Итак, еще в первой половине XI в.[1], до массового передвижения туркмено-огузских племен, территория Туркменистана и Передняя Азия стали ареалами расселения туркменских племен.

Гордлевский В. писал, что «... задолго до огузов началась тюркизация Малой Азии. Племена: калач, карлуки, кангли, кипчаки давно «осваивали» туземное население страны»[2]. Основными маршрутами передвижения туркмено-огузских племен были Мавереннахр и

[1] Якубовский А. Ю. Сельджукское движение и туркмены... С. 95—96; МИТТ. Т. 1. С. 336. См.: Бартольд В. В. Очерк... С. 570.

[2] Гордлевский В. А. Государство сельджукидов в Малой Азии... С. 22.

низовья Амударьи и Сырдарьи. «Из Хорезма туркмены двинулись дальше; уже в 1034 г. говорится о появлении их в Мерве, Серахсе, Абиверде и Бадгисе... о вторжении туркмен в Кабаданан и область Термеза, о переправе их через Аму-Дарью и поражении у Шапурканa»[1] (ныне Шибирган в Северном Афганистане). Значительная часть туркмен накануне передвижения сельджукидов жила также у Балханских гор, на побережье Каспийского моря и на его островах. Арабский автор первой половины X в. Ал-Истахри в сочинении «Китаб месалих ал мемалик», написанном в 941 году, о населении Северного Прикаспия и острова Сиях-Кух писал, что там ... «живет племя из тюрок, они недавно поселились там из-за вражды, которая возникла между гузами и ими; они удалились от них (гузов) и сделали его себе пристанищем и пастбищем; у них (там) источники и пастбища»[2].

И в соседней с Гурганом пустынной местности по сообщению Ибн Хаукаля, также жили огузы, ряды которых пополнялись со стороны Хорезма[3]. Эти туркмены, расселенные в Западном Туркменистане, как и туркмены Нисы, Феравы, Абиверда[4], поддерживали в основном мирные отношения с Махмудом Газневи, предпоследним султаном свергнутой сельджукидами династии Газневидов. Достоверные сведения о расселении туркмен и об их взаимоотношениях с газневидами сообщает историк сельджукидского периода Абу-л-Фазл Байхаки. Сотрудничество с туркменами и привлечение их в качестве воинов газневидами Байхаки называл их роковой ошибкой. Он писал: «Другая ошибка состояла в том, что туркмен, съехавшихся на Хорасанскую приманку, (которых) покойный султан (имеется в виду султан Махмуд Газневи. — *А. Д.*) силой меча отбросил в Балханские горы, перетянули на свою сторону и пригласили прийти ради того, чтобы было больше войска. И они пришли — Кызыл, Буке, Кокташ и другие предводители, оказали несколько настоящих услуг, но в конце

---

[1] Бартольд В. В. Очерк... С. 571.

[2] МИТТ. Т. 1. 169.

[3] Там же. С. 182.

[4] Развалины этих городов известны под названиями Нусай (под Ашхабадом), Парав Биби (под Кизыл-Арватом) и Абиверд в Кахкинском районе.

концов разобиделись и вновь вернулись к своему обычаю, то есть к грабежу... А какого труда стоило Арслан Джазибу (полководец Султана Махмуда.—*А. Д.*) и сипахсалару Гази выгнать туркмен из Хорасана — (даже) не представляли... Эти туркмены явились на поклон к султану и тот назначил к ним сипахсаларом Хаджиба Хумарташа»[1].

Необходимо отметить, что упоминаемые в этих сообщениях кызылы и бука позднее вошли в состав иомудов — джафарбайцев (кызыл, бага), потомки которых живут, как и их предки, на Балханах, ведя в течение тысячелетий аналогичный образ жизни.

А. Ю. Якубовский писал: «К 1035 году туркмены-сельджуки получили даже больше того, что просили. В их руках оказались земля от Дихистана (Дихистан — северо-атрекская степь) до Нисы... В начале 1037 года из Рея пришло известие, что туркмены кызылы и ягмуры, а также балханкухи вмешиваются в местную политическую жизнь и наносят большой ущерб государственному порядку[2]. О решении сдаться правители Нишапура сообщили «... главному туркменскому военачальнику Тогрул-беку.

Он (т. е. Байхаки. — *А. Д.*) описывает Тогрула в полном вооружении, с луком, переброшенным через руку, с тремя стрелами, заткнутыми за пояс. На нем была особая одежда — каба из мервской ткани «мульхам», чалма из ткани таввази и войлочные сапоги»[3].

«Сражение произошло у ставшего отныне известным Денданакана, между Мервом и Серахсом, в 1040 г. Испытывая недостаток в воде (туркмены засыпали колодец землей), потеряв много лошадей, утомленное тяжелыми переходами, громоздкое мало дисциплинированное войско Масуда... потерпело жестокое поражение. Лагерь и ставка султана были брошены, и большие богатства достались туркменам... Денданакан, по словам ал-Истахри, находится по дороге из Мерва в Серахс, в одном дне пути от Мерва»[4].

---

[1] Байхаки Абу-л-Фазл. История Масуда (1030—1041). Изд. 2-е. М.: Наука, 1969. С. 135.

[2] Якубовский А. Ю. Сельджукское движение и туркмены в XI в. // Изв. ООН АН СССР. 1937. С. 921—945; Очерки... С. 102—103.

[3] Там же.

[4] Якубовский А. Ю. Указ. раб. С. 107.

Любопытно сообщение о засыпании туркменами колодцев на пути следования войск противника. Аналогичную военную тактику использовали военачальники туркмен и позднее. Например, Кеймир Кор и другие народные полководцы туркмен заманивали войска противника в пески, предварительно засыпав, вернее, прикрыв колодцы сверху кошмой, затем засыпали песком, скрыв их от противника. Каракумы всегда пугали иноземных завоевателей и служили туркменам крепостью.

Почти все современники туркмен и огузов ставят знак равенства между ними.

В. В. Бартольд писал: «... Гардизи впервые называет огузов туркменами.. Туркменами называет огузов и Байхаки, тогда как Ибн Ал-Асир продолжает говорить только о «гузах»[1].

Еще накануне сражения в Денданакане в 1040 г. все крупные города Хорасана (то есть Южного Туркменистана. Мерв, Ниса, Ферава, Серахс и другие) были под контролем туркмен[2].

Есть полное основание считать, что в первой половине XI в. туркмены были расселены по всей территории современного Туркменистана в качестве основного населения.

Подчеркивая значение передвижений сельджукидов для последующей политической и этнической истории народов Востока, Бартольд писал: «Благодаря образованию сельджукской империи огузский и туркменский народ приобрел для мусульманского мира такое значение, какого не имел в средние века ни один из других турецких народов. Оттого ему было посвящено сравнительно больше внимания, и в мусульманской литературе мы находим подробное перечисление тех родов и племен, на которые делились огузы. Ни об одном из других турецких народов мы таких сведений не имеем[3]».

Ко времени передвижения сельджукидов туркмены были более сплоченными и организованными в политическом и этническом отношениях, составляя уже народность. Это позволило им совершить это планомерное и

---

[1] Бартольд В. В. Очерк... С. 569.
[2] Байхаки Абу-л-Фазл. Указ. раб. С. 645, 630, 655.
[3] Бартольд В. В. Очерк... С. 574.

обдуманное во всех отношениях передвижение. Причем в переселении участвовали не все огузо-туркменские племена, какая-то часть их осталась на Сырдарье, в районе Туркестана и Мавереннахра, с которыми на первых порах сельджукиды поддерживали связи.

Массовые переселения туркмено-огузских племен вызвали интенсивные этнические и политические процессы не только в Закаспии, но и в Иране, Закавказье, Малой Азии и странах Ближнего и Среднего Востока.

В результате передвижения сельджукидов большая часть туркменских племен ушла из Средней Азии и туркменские поселения появились на востоке и юге вплоть до Китая и Индии, а на западе — до границ Византии и Египта.

Переселение туркмен было многоэтапным, продолжаясь вплоть до эпохи позднего средневековья. Туркмено-огузские племена, оставшиеся на территории Туркменистана, поддерживали связи с ушедшими в Закавказье, Иран, Малую Азию, Ирак, Сирию туркменскими племенами. Эти процессы хорошо освещены в письменных источниках и народном творчестве туркмен.

Туркмено-огузские племена впервые проложили маршруты тюркоязычным народам в Индию и в Китайский Туркестан, где впоследствии сформировалась тюркская Могольская династия, в которой туркмены занимали важное место. Традицию эту продолжил Надир-шах, организовавший поход в Индию. Именно на этих маршрутах возникли поселения абдалов и халаджей в Афганистане, саларов в Китайском Туркестане. После сельджукских завоеваний в Закавказье, Малой Азии, Ираке и других странах постепенно сформировалась правящая верхушка, состоявшая из туркменских эмиров.

В Закавказье и Малой Азии туркмено-огузские племена были более многочисленными и, смешиваясь с местным населением, сохранили свой язык и некоторые традиции. С течением времени коренным образом изменилась антропология ушедших на запад туркменских племен. Ближе к западу монголоидная примесь у тюркоязычных народов ослабевает и в конце концов исчезает в Малой Азии. Однако вначале внешний облик сельджуков сильно отличается от такового у местных жителей. «Кичась утонченностью образования, византий-

цы насилуют себя, когда принимают «скуластого урода», как отзываются они о султане Кылыч-Арслане»[1].

В письменных источниках XII—XVIII вв. много сведений о туркменах, ушедших на запад, и о взаимоотношениях с ними современных туркмен. «Книга моего деда Коркуда» была написана после нашествия монголов и отражала быт и нравы ушедших на запад туркмено-огузских племен. У огузов было популярно имя Коркуд, что наталкивает на мысль о том, что автором эпоса могла быть реальная личность по имени Коркуд, а не легендарный старец, советник. «Эмиры их (балхских туркмен) — Коркут и Тути-бек служили в столице и являлись к султану»[2].

Списки огузо-туркменских племен, составленные Махмудом Кашгарским в XI в., Рашид ад-Дином — в XIV в. и Абульгази — в XVII в., имеют огромное значение для изучения этнической истории не только туркмен, оставшихся в пределах современного Туркменистана, но и ушедших на запад основной части огузо-туркменских племен.

«Махмуд Кашгарский составил свой список туркменских племен в обстановке больших политических успехов туркмен-сельджуков... Порядок племен в списке... отражает положение каждого из них в придворной и военной среде этого государства»[3].

При внимательном изучении родоплеменного состава почти все названия туркмен можно обнаружить в их нынешнем составе. Одни племена ушли на запад, большая часть других осталась на территории Туркменистана, незначительная часть оказалась в Закавказье, Малой Азии и других регионах Среднего Востока. Прослеживается явная этнокультурная связь между туркменскими племенами Закаспия и их соплеменниками, ушедшими на запад. Миграция туркменских племен на запад и обратно продолжалась вплоть до XVII в. Слово «огуз» первоначально могло значить просто «племена», «объединение племен», которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением, получившим в известных случаях определение как необ-

---

[1] Гордлевский В. Государство сельджукидов... С. 13.
[2] Якубовский А. Ю. Очерки... С. 123; МИТТ. Т. 1. С. 323.
[3] Там же. С. 129.

ходимый детерминатив; токуз огуз — «девять (разных) племен», уч огуз — «три (разных) племени».

Впоследствии термин «огуз» потерял свое значение (как и термин «будун») и превратился в имя легендарного прародителя туркменов — Огуз-хана, введенного в число мусульманских пророков[1].

Это мнение тюрколога Л. Н. Гумилева, подкрепленное выводами А. Н. Кононова, нам кажется убедительным. Слово «огуз» как личное имя в древнетюркских письменных памятниках не встречается. Это название группы племен. Лишь в более поздних сочинениях (Рашид ад-Дин, Абульгази и др.) слово «огуз» превращается в собственное имя с мифическим содержанием. Для изучения истории племенной организации и племенных союзов большое значение имеет также деление древних тюрков на два крыла — восточное и западное[2]. Впоследствии традиция этого деления была заимствована туркменами-огузами средневековья, киргизами и некоторыми другими тюркоязычными племенами.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ПЛЕМЕННОГО СОСТАВА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТУРКМЕН

По Махмуду Кашгарскому	По Рашид ад-Дину	По Абульгази	Родовые названия огузов, сохранившиеся в современных родовых названиях ТССР (по материалам Г. И. Карпова)
1	2	3	4
1. Кынык	21. Кынык	24. Кынык	1. Гынык у эрсары
2. Кайы	1. Кайы	1. Кай	2. Род племени гоклен
3. Баюндур	13. Баюндур	13. Баяндер	3. Ред племени гоклен и абдалов
4. Ине (Пине)	23. Пине	23. Аба	4. Эве род пл. теке
5. Салур	17. Салур	17. Салор	5. Салыр, самостоятельное племя, род пл. игдир
6. Авшар	9. Афшар	9. Аушар	6. Афшар — род пл. теке каркын, мурча
7. Бектили	11. Бекдили	11. Бекдели	7. Род пл. гоклен и каркын
8. Бюкдюз	22. Бюкдюз	22. Букдез	8. Род пл. теке, номуд
9. Баят	2. Баят	2. Беят	9. Баят—самостоятельное племя, род пл. гоклен
10. Языр	5. Языр	5. Языр	
11. Эймюр имр	18. Эймюр	18. Имр	самостоятельное племя —карадашлы

[1] Гумилев Л. Н. Древние тюрки... С. 61—62.
[2] Гумилев Л. Н. Там же. С. 60.

Продолжение табл.

1	2	3	4
12. Кара-буюк	4. Кара-эли	4. Кара-ойли	Сакары, племя—ала бору ки
13. Алка-буюк	3. Алкын-эли	3. Алка-ойли	
14. Игдер	21. Пигдер	21 Игдер	Игдир—самостоят. пл.
15. Урегир	20. Уркер	20. Ургир	Юрюки, йуруки—(в Турции)
16. Тутырка	7. Дудырга	7. Дудерга	16. Додурга—род пл. гоклен
17. Ула-Йондулук	19. Ала-Юнтлы	19. Ала—Юнтлы	—
18. Тюгер	6. Дюгер	8. Дукер	Тебер—род у ставропольских туркмен
19. Печенег	14. Бачене	14. Беджне	Биджи — род у мургабских теке (гара ахметли)
20. Джувалдар	15. Джавулдур	15. Джаулдар	Човдур, чандыр—сам. пл.
21. Джебни	—	16. Джибни	Чепни — род у йомудов и гоклен, турок Малой Азии
22. Джаруклуг Чаруклук	—	—	—
	3. Яраплы (янрлы)	6. Ясыр	—
	10. Карык	12. Каркын	24. Кыря—род у гоклен
Каркын	Каркын	Каркын	25. Каркын

Деление средневековых туркмен-огузов на два крыла было унаследовано от древних тюрков и было связано, по-видимому, с военными действиями. У Махмуда Кашгарского, Рашид ад-Дина и в других источниках они назывались правым (саг. онг) и левым (сол) крылом бозок и учек и состояли из 12 племен. Пережитки деления на два крыла в дореволюционный период сохранились у киргизов. Правое и левое крыло огузской этнической общности, по нашему мнению, были прототипами будущих племенных союзов у внешних и внутренних огузов, хотя их родоплеменные составы могут и не совпадать, так как составы племенных союзов в зависимости от реальных исторических условий были не стабильны.

В сочинении Рашид ад-Дина «Огузнаме» об этом делении приводятся такие сведения: «Иркил Ходжа[1] дал

[1] Иркил Ходжа, как Коркуд Ата — мудрый старец, дающий огузам полезные советы.

лакабы (по-видимому, туркменское слово «лакам» — прозвище происходит от этого слова) каждому из двадцати четырех детей, родившихся от сыновей Огуза, половине которых еще при жизни Огуза было дано имя Бозок, а другой половине—Учок. Кроме того, каждому из них он определил свою тамгу для клеймения скота, чтобы можно было различать — кому какие животные принадлежат. Каждому из сыновей он растолковывал, какое животное будет его онгоном... «... Трем старшим по возрасту братьям Огуз дал имя Бозок». В крыло Бозок входили дети Кюн-хана, Ай-хана и Юлдуз-хана — Кайы, Байат, Алкарэвли, Кара-Эвли, Иазыр, Догур (дюкер), Додурга, Япарлы, Авшар, Кызык, Бегдели, Каркын. А в Учок входили дети Гёк-хана, Так-хана, Тенгиз-хана — Байандур, Беджене, Чавулдур, Чепни, Салур, Эймур, Алаюнтлы, Урегюр, Ингдир, Бюкдюз, Пыва, Кыныкъ»[1].

В огузо-туркменском эпосе «Книга моего деда Коркуда» в главе двенадцатой («Песнь о том, как внешние огузы восстали против внутренних огузов и как умер Байрек») об этом делении говорится: «Когда собирались племена Уч-Ок и Боз-Ок, Казан отдавал на разграбление свое жилище; снова Казан отдал на разграбление свое жилище; но (на этот раз) внешних огузов при этом не было; грабили одни внутренние огузы»[2].

По мнению В. В. Бартольда, «Деление всех огузов на племена бузук и учук существовало в домонгольский период и упоминается у Ибн ал-Асира»[3]. Есть основание полагать, что традиции деления древних тюрок и туркмен-огузов на два крыла были заимствованы и сохранены их потомками. Как увидим в дальнейшем, по примеру союзов внешних и внутренних огузов в послемонгольский период, в XIV—XVI вв., на территории Туркменистана образовались новые союзы племен —внешних и внутренних салыров, союзы човдурских племен, язырский союз и Уч-ил на Сарыкамыше.

После ухода на запад основного ядра огузо-туркменских племен в XI в. на территории Туркменистана часть оставшихся незначительных групп сохранила племенную самостоятельность, другие ввиду их малочисленности

[1] Рашид ад-Дин Фазлаллах. Огузнаме. С. 64—67.
[2] Книга моего деда Коркуда. М.; Л., 1962. С. 161.
[3] Бартольд В. В. Очерк... С. 677.

Племенные деления туркмен-огузов средневековья

превратились в родовые единицы других племен, сохраняя все же свои огузские названия.

Одним из первых племенных союзов, сложившихся на территории Туркменистана в послесельджукский период, был язырский племенной союз. Письменные источники XII—XIII вв. сообщают о двух группах языров, обитавших на Балхане и в Южном Туркменистане. Можно допустить мысль о том, что балханские языры в XIII в. переселились в Хорасан. Абульгази, труды которого написаны с учетом трудов Рашид ад-Дина, родословных и других источников, писал: «В огузском иле (все) стали друг с другом кровно враждовать... Язырский ил ушел в Хорасан и много лет жил в окрестностях Дуруна; по этой причине Дурун называют Языровым юртом. Некоторая часть язырского иля поселилась в горах вблизи Дуруна, где занялась земледелием. В настоящее время их называют карадашлы». Значит, после ухода основной части огузо-туркменских племен на запад естественно распались огузские объединения племен, а оставшиеся в Туркменистане их разрозненные группы расселились на Балханах, Мангышлаке, в Южном Туркменистане и в других регионах. Так, в Южном Туркменистане поселилась компактная группа языров, потомки которых жили в районе Дуруна вплоть до конца XVIII и начала XIX вв. В. В. Бартольд приводит следующие данные о язырах: «По словам Мухаммеда Бекрана (XIII в.) «... языры—племя из тюрок: они попали к пределам Балхана и его гор. К ним присоединилось одно племя из Мангышлака, другое — из Хорасана; потом число их увеличилось и они усилились, выселились оттуда и пришли к пределам Шахристана и Феравы и потом поселились в крепости. Так, теперь они состоят из групп: чистые языры, мангышлакские и персидские.

Языр составлял особое владение, где в XIII в. 11 лет правил Хинду-хан, устранивший своего брата Омар-хана. ... после смерти Хинду-хана мать хорезмшаха Мухаммеда Туркан-хатун присоединила Языр к Хорезму ввиду брачного родства между последним владельцем и тем племенем, к которому принадлежала сама царица»[1].

Можно ли назвать язырский ил племенным союзом? По нашему мнению, язырский ил, как позднее и салыр-

[1] Бартольд В. В. Очерк... С. 586.

ский ил, был племенным союзом, объединившим родственные по языку и происхождению племена. Сведения Мухаммеда Бекрана также указывают, что к язырам присоединились и другие племена. О составе язырского племенного союза сведений в источниках нет. Однако в понятие «ил» входит не одно, а группа племен, возглавляемая наиболее могущественным из них.

Интересны сведения о том, что мать хорезмшаха Мухаммеда Туркан-хатун (ее имя пишется по-разному: Теркен, Таркан и т. д.) была в родственных отношениях с правителями Языра, куда, спасаясь от преследований монголов, она и бежала. «Она взяла с собой Умар-хана, сына владетеля Языра. ...Упомянутый (Умар-хан) носил лакаб Сабурхана (терпеливый)...» его брат «Хинди-хан был женат на женщине из ее племени, приходившейся ей (т. е. Туркан-хатун) родней»[1].

О том, что язырский ил, или язырский юрт, был племенным союзом, есть сведения у Абульгази: «Так, когда поднимали государем кого-нибудь из языров, уруг Языр и еще несколько малочисленных уругов присоединились к нему. Отсюда сделайте заключение: государя поднимали из многочисленного уруга, малочисленные уруги присоединялись к нему; иногда (их) собиралось шесть-семь, а иногда — три-четыре»[2].

Б. А. Литвинский и В. Г. Мошкова писали: «Сведения, которые сообщает Наджиб Бекран (у В. В. Бартольда — Мухаммед Бекран) о язырах, позволяют предполагать, что в домонгольское время племя языр возглавляло крупнейший союз туркменских племен, образовавшийся на территории Западной Туркмении»[3].

По мнению А. А. Марущенко, Языр является современными развалинами средневекового городища Шехр-Ислама. Названия племен и местности «языр» упоминаются и в более поздних источниках, но, по всей вероятности, язырский племенной союз под ударами монгольских полчищ распался, хотя потомки языров — карадашлинцы — вплоть до начала XIX в. разрозненно проживали на этой территории.

---

[1] Шихаб-ад-дин Мухаммед Ан-Несеви. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Баку: Элм, 1973. С. 84.

[2] Абульгази. Родословная туркмен... С. 56.

[3] Литвинский Б. А., Мошкова В. Г. Изучение Така-языра Дурува//Труды ЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад, 1949. С. 285.

Туркменские племена в первую очередь были носителями этнонима «туркмен», составляли довольно крупную этническую и политическую общность и расселялись на обширной территории. В сочинениях X—XI вв. все туркмены различных племен называются «туркменами».

Этноним «туркмен» в X в. получил широкое распространение, хотя имеются все основания полагать, что он возник гораздо раньше. В этом смысле значительный интерес представляет мнение С. Г. Агаджанова о том, что этот этноним возник не позднее VIII в. Аналогичное предположение (правда, основанное только на данных китайской энциклопедии), было высказано в свое время В. В. Бартольдом[1]. С. Г. Агаджанов предполагал возможность происхождения названия «туркмен» от слов «тарджуман», «драмоман», «торгме», «тогорме», «тугор», «тогорман», «даргоман», означающих в основном «переводчик», «посредник»[2], что мало убедительно.

Более достоверные сведения о появлении названия «туркмен» в X в. сообщают Ал-Макдиси, Ал-Бируни, а еще подробнее Махмуд Кашгарский в XI в. Арабский автор X в. Ал-Макдиси, писал: «Урду маленький город, в нем живет царь туркмен, который постоянно посылает подарки владетелю Исфиджаба»[3]. Более подробное, и по нашему мнению, наиболее убедительное и достоверное объяснение происхождению названия туркмен дает Ал-Бируни: «Бывало в прошлом, что тот из тюрок-гузов, кто принимал ислам и смешивался с мусульманами, становился тарджуманом между двумя группами. Так что, когда огуз принимал ислам, то (о нем) говорили: «стал туркменом, и говорили мусульмане о нем, что среди них стал туркмен, то есть подобный тюрку»[4]. Современный турецкий исследователь М. Гокбилгин, ссылаясь на работу известного турецкого историка Копрулу-заде («История Турции»), пишет, что огузские тюрки после принятия ислама стали называться туркменами[5]. Махмуд Кашгарский писал: «Когда пришел Зул-Карнейн и увидел эту группу людей, сознательных, с признаками

[1] Бартольд В. В. Очерк... С. 548.

[2] Агаджанов С. Г. Новые материалы о происхождении туркмен// Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук. 1963. № 2. С. 16, 18, 21.

[3] МИТТ. Т. I. С. 185.

[4] Агаджанов С. Г. Очерки... С. 12.

[5] Gökbilgin M. Rumelide Yürükler Tatarlar ve evladi Fatihan. Istanbul, 1957. C. 6.

Изображение женщин в тюбетейках.

Фаянс. Дехистан. XII—XIII вв.

тюрок из них, то прежде чем спросить у них (кто они), сказал: «Тюркман-эйд», что значило: «Вот эти похожи на тюрок». Впоследствии это имя за ними так и осталось до наших дней... Такова основа появления туркмен»[1].

Эти сведения современника туркмен и огузов XI в. бесценны. Тем более, что объяснение происхождению слова «туркмен» он дает с помощью легенды, относя его к далеким временам Александра Македонского.

Если бы этноним «туркмен» возник даже в IX—X вв., то Махмуд Кашгарский знал бы об этом достоверно и не стал бы связывать его происхождение с событиями более чем тысячелетней давности. Да и сведения Ал-Бируни относятся не к X веку, а более раннему периоду, связанному с началом проникновения ислама в огузскую среду. Следовательно, время возникновения этнонима «туркмен» можно, вероятно, отнести к VII—VIII вв. Большое распространение он получил к X веку. Доказательством древности названия «туркмен» является и то, что оно встречается у многих тюркоязычных народов, контактировавших с огузами-туркменами в IX—XI вв.

По мнению А. А. Рослякова, «Завершение процесса формирования туркменской народности относится к XIV—XV вв., когда в основном произошло слияние осевших степных племен (языров, огузов) и хорасанских таджиков в Южном Туркменистане...

Можно предположить существование в ту пору двух ветвей туркменской народности — северной и южной»[3]. Этот период был наименее благоприятным для этого процесса и в политическом отношении. Конечно, образование туркменской народности трудно отнести к XIV в. даже из тех соображений, что в это время туркменские племена, потерявшие в результате монгольских погромов былое политическое и этническое единство, только что стали оправляться от последствий разгрома; нельзя ее отнести и к XV—XVI вв., когда разобщенные туркменские племена постоянно подвергались усиленным набегам со стороны соседних феодальных государств.

[1] МИИТ. Т. 1. С. 312—313.

[2] По непонятным причинам он отделяет языров от огузов, хотя во всех списках огузских племен они имеются.

[3] Росляков А. А. Краткий очерк истории Туркменистана. Ашхабад. 1956. С. 11—12.

По этой причине часть туркменских племен вынуждена была переселиться в страны Ближнего Востока вслед за ранее ушедшими соплеменниками.

Почти аналогична точка зрения С. Г. Агаджанова и Г. П. Васильевой: «Процесс сложения туркменской народности в западной части Средней Азии завершился в XIV—XV вв.»[1]. При этом не учитывалось, что XIII — XVIII вв. были периодами феодальной раздробленности и усиления межплеменной розни. В таких условиях вряд ли могла сложиться туркменская народность. В этом смысле наиболее приемлема гипотеза С. П. Толстова об образовании туркменской народности в XI в., в период массового передвижения сельджукидов.

Наши аргументы о образовании средневековой туркменской народности накануне передвижений на запад туркмено-огузских племен сводятся к следующему.

1. Логично предположить, что этнос, положивший основу великой империи Сельджукидов, накануне передвижений туркмен был единым в социально-экономическом отношении. Не сложившись в народность, вряд ли они смогли бы организованно сокрушить централизованное государство Газневидов.

2. Согласно достоверным письменным источникам X в. (Ал-Бируни, Ал-Макдиси и др.), этноним «туркмен» был популярным и равнозначным этнониму «огуз». Будучи одним из древнейших этнонимов в X—XI вв., он объединял большую группу близких по происхождению и языку племен, живших в низовьях Сырдарьи, Амударьи и на территории современного Туркменистана. Следовательно, этноним «туркмен» был названием крупной этнической общности, то есть имел этническое значение.

3. Политическое единство туркменских племен еще в IX—X вв. было выражено в их совместной борьбе против могущественного печенежского союза племен.

4. У объединившихся под названием «туркмен» племен в XI в. был общий староогузский язык (см. словарь тюркских наречий Махмуда Кашгарского), составлявший основу современного туркменского литературного языка.

5. Туркмено-огузские племена расселялись на опре-

[1] Васильева Г. П. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР//Всесоюзная тюркологическая конференция. Алма-Ата, 1976. С. 31.

деленной территории в основном по соседству и были экономически связаны друг с другом. Объединяли туркменские племена самобытные высокохудожественные древние произведения народно-прикладного искусства— ковры, ювелирные изделия и т. д. (ведь у каждого племени были ковры со своей спецификой) с общими мотивами. Эти и другие факторы бесспорно свидетельствуют об образовании туркменской народности в первой половине XI в., хотя последующие события отрицательно сказались на ее укреплении и дальнейшем формировании.

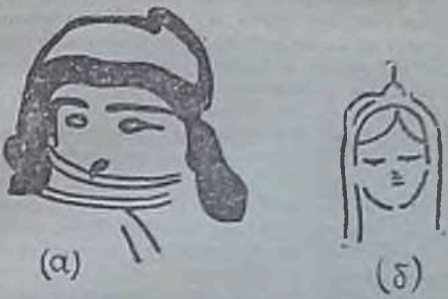
В туркменских дестанах, произведениях классиков ареалами расселения туркменских племен, а также действий главных героев были Тебриз, Диярбекир, Халеб-Ширван, Багдад, Хамадан и другие места, завоеванные Сельджукидами. В туркменских песнях воспевается красота грузинок, арабок и других женщин, страна Азербайджан и другие, свидетельствующие о тех далеких временах, когда туркменские беки и эмиры правили в тех регионах. Испанский путешественник — паломник арабского происхождения, совершивший хадж в Мекку в 1184 г., сообщает сведения о туркменах, живших в районе Халеба: «Затем мы остановились на отдых в местности Бакидин, в большом хане, называемом Хан ат-туркман — гостиницей туркмен, надежно укрепленной»[1]. Интересны сведения арабского путешественника XIV в. Ибн Баттуты, «... без ссылок на которого не обходится ни одна работа о Золотой Орде или Средней Азии». Говоря о преобладании тюркоязычного населения в Хорезме и на территории современного Туркменистана, он писал: «Хорезм самый большой, значительный, красивый и величавый город тюрков с прекрасными базарами, широкими улицами... За Хорезмом протекает река Джейхун, одна из четырех рек, берущих начало в раю». Писал он о свершении тюркским эмиром Зикра на тюркском языке»[2].

В туркменских литературных памятниках, бытующих и поныне, популярно и название г. Хамадан. Например, если человек очень хвастается тем, что, когда он жил

---

[1] Ибн Джубайр. Путешествие. М.: Наука, 1984. С. 181.

[2] Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988. С. 73 и 86.



Разновидности изображения женщин:

а) в яшмаке. Фаянс. XII—нач. XIII вв. Дехистан;
б) антропоморфный тип. Прикаспий. XIII—XIV вв.

в Хамадане, ему ничего не стоило перепрыгнуть через 40 тыкв, лежащих в один ряд, ему обычно говорили: «До Хамадана далеко, но здесь тыквы такие же, попробуй перепрыгни!» (Хамадан даш болса кэди баш якын). Оказывается, «Гамадан можно рассматривать как главный город западных туркмен Персии, становища которых рассеяны в окружающих равнинах и долинах». Э. Реклю, выясняя роль туркменских племен в этнических процессах в этих странах, сообщает: «А между тем господствующая раса турки, или, вернее сказать, туркмены — ибо большинство еще живут обособленными племенами — обладают сильными качествами... Трудолюбивые, терпеливые, стойкие... Сознавая славу своих предков—кара-коюнлы и ак-коюнлы... они сохранили чувство национальной связи, которого недостает большинству их соседей и при смешении рас... лазы, черкезы, курды кончают тем во многих округах, что соединяются с ними... В этом-то сильном населении туркменов... Турция должна была бы искать элементы своего возрождения»[1].

Аналогичными примерами изобилуют письменные источники XI—XVII вв. О многочисленных группах туркмен, оказавшихся в результате военных походов, нашествий и просто миграций вне пределов территории

[1] Реклю Э. Земля и люди... С. 290—291.

современного Туркменистана, сообщают и другие источники.

Какая-то часть туркмен, видимо, с периода жизни огузов на Волге (Итиле), попала на Урал, где под названием «туркмен», «кара-туркмен» проживает среди башкир.

Среди племен и родов, оставшихся верными внуку Абулхаир-хана (XVI в.) Мухаммеду Шейбани, называются салир, ... в списке 92 узбекских племен и родов в рукописи «Маджмунат—таварих» упоминаются названия «гюрк, туркман, байят, канглы, татар»[1]. Группа, сохранившая название туркмен (торкпен), зафиксирована среди казахов жетысу (Семиречья). «Туркмены, по сообщению жителя с. Шанханай Нашанова Аманжола, — пишет казахский этнограф К. Бикжанов — разделяются на пять поколений — кыдырейли, ногай, маймак — аулы, байетишолак». Предки их прибыли сюда 5 поколений назад из современной Туркмении, общее количество туркмен, по его мнению, не превышает 200 семей. Сами каракалпаки и туркмены причисляют себя к племени жалаир и считают себя казахами. По нашему мнению, эта группа туркмен попала в среду казахов из пределов Бухарского эмиратства в XVIII в.[2].

Туркмены в XVI в. принимали активное участие в походе Бабура в Индию и играли видную роль в государстве Моголов.

Особенно много накоплено сведений о туркменском населении и о туркменских эмирах, правивших в Закавказье, Ираке, Западном Иране и Малой Азии в послесельджукский период.

«Тадж ад-Дин Умар Масуд, а был он из туркмен, захватил Абиверд и Хуркан (Гурган. — *А. Д.*) до земель, примыкающих к Мерву, и построил крепость Марга». Сообщая о полководцах Джалал ад-Дина—Ханберди, Одек, Артук-хан, Куч, Буга-хан, Мангли Бек, Атахан, Коч Аба, Гёк-хан, о названии селения Калиджард (Келеджар.—*А. Д.*), Несеви пишет: «Арран (в Азербайджане) ... изобилует богатством и является средото-

[1] Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XI—XVII вв. М.: Наука, 1982. С. 8. 29—32.

[2] Бикжанов К. Новые материалы по этническому составу казахов жетысу: Доклад на региональном Среднеазиатском совещании. Ташкент, 1988. Рукопись. С. 2—3.

чием туркманов... Имеется столько туркман, что если они соберутся, то будут как скопище муравьев или тучи саранчи». Он сообщает также, что «Джалал ад-Дин спрятал все свое имущество... по различным крепостям Хусам ад-Дина Кылыджа Арслана — самого главного туркменского эмира в Арране»[1].

Интересно его сообщение о войсках халаджей, покинувших Джалал ад-Дина и разгромленных Чингиз-ханом. Древнетюркское племя халач (по Махмуду Кашгарскому — калач), оставив на территории Туркменистана лишь топонимическое название, ушло на запад, а какая-то их часть обосновалась в Восточном Афганистане. О них в конце XIX в. сообщает Э. Реклю: «На северо-востоке Кандагара у Сулейман-Дага живут 10 кланов гильзаи, или гильджи. Сами они считают себя племенем турецкого происхождения и пришли с запада в X веке: это кильджи, или каладжи у арабских писателей»[2].

Испанский автор начала XV в. Клавихо писал, что земля к востоку от турок «принадлежала туркоманам, что Асерон — самый богатый из всех городов этой местности. Князь этого города туркоман и зовут его Субаил». Далее он сообщает, что «... село Тусслар около Тебриза «было населено племенем, которое называется туркманы. Из каждого из этих селений выносили угощение и подавали посланникам. Обычай там был такой: когда посланники приезжали, они должны были сойти с лошадей и сесть на коврах, которые им расстилали в поле, где-нибудь в тени; потом сейчас же из каждого дома приносили кушанья; кто хлеб, кто крынки с кислым молоком и другие кушанья».

На границе Армении и Персии он встретил туркменского рыцаря Караотомана, восставшего против Тимурбека[3]. Любопытные сведения о туркменах Закавказья и Малой Азии сообщает турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби. В Эрзеруме и Тебризе, во многих селах туркмены жили вперемежку с курдским, армянским населением, по соседству с племенами афшар, дум-дум, думойлу, хальджаны (возможно халаджи),

[1] Несеви... Указ. раб. С. 144.

[2] Реклю Э. Указ. раб. С. 53.

[3] Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в г. Самарканд в 1403—1406 гг. Спб., 1881. С. 150, 172—173, 376.

гок долак. Говоря о городе Арас в округе Гянджи, он писал: «Этот город называется Арас, но туркмены страны Аджем и дагестанские кумыки называют его Ареш... Туркменские племена поднимаются на яйлы и горы, находящиеся за городом». Далее он пишет о селении Мискюрский нахие у Баку, на побережье: «Ее население — кочевые туркмены, они кочуют со многими кибитками». Историк XV в. Махаммад ал-Хавафи писал о туркменах кара-татарах, живших в Самарканде, о туркменских эмирах Кара Юсуфе, Касиме, Йар Ахмад туркмане, правивших в Тебризе, Гянджане, Казвине и других городах Ирана и Азербайджана[1].

В литературе принято считать, что название «огуз» в XIII в. повсеместно было заменено названием «туркмен» или же просто исчезло. Однако Э. Челеби сообщает о сохранении этого этнонима в Малой Азии: «Так как это город (т. е. г. Бейпазары в районе Анкары) турок, то жители все из (деревенщины) огузов, тут в обиходе крепкие выражения турецкого народного языка»[2].

Барон Бодэ, побывавший в Северном Иране в середине XIX в., писал о племени имрлу (т. е. емрели, имрли), переселенном в Иран из Карабаха.

Английский автор Эдмондс Ч. пишет о сохранении в Ираке древних туркменских поселений вдоль шоссейной дороги Багдад-Мосул. Этих туркмен называют кара, тана, кифри, туз хорматы. Из 25 000 жителей Киркука большую часть составляют туркмены. Живут они вперемежку с арабами и курдами. В Ираке кроме суннитов-туркмен живут курдизированные туркмены—кызылбаши[3].

О туркменах и юрюках того периода много сведений в литературе на турецком языке. Название «юрюк» происходит от слова «йуврук», то есть «быстрый», «кочующий». По нашему мнению, эта этническая группа своими корнями уходит в огузо-туркменскую среду и является потомком огузского племени урекир. По-туркменски это название может звучать как «йорегир», то есть «быстро идущий».

[1] Фасих Ахмад Махаммад ал-Хавафи. Муджамали Фасихи (Фасихов свод). Ташкент, 1980. С. 135, 186, 188, 202.

[2] Челеби Э. Книга путешествий. М., 1983. Вып. 3. С. 93. 126, 157. 166.

[3] Edmonds Ch. Kurds, Turks and Arabs. London, Oxford University press New York, Toronto, 1957. С. 265, 278.

Раздел 2. Население Южного Туркменистана в XVI—XIX вв.

Этнический состав населения Южного Туркменистана в эпоху средневековья был разнородным: туркменское население, вплоть до конца XIX в. сохраняло локальные и племенные особенности в говоре. В XVI—XVIII вв. туркменские племена расселялись на равнинной части оазиса, от Кизыл-Арвата до Гяурса жили туркмены емрели, карадашлы, алили и мехинли; западную часть оазиса занимали карадашлинцы и шихи, в горных ущельях Чендыр жили герейли, в селе Нохур — нохурлы, у подножия гор — мурчелинцы[1], в Гермабе, Фирюзе и в других пограничных с Ираном селах — тюрки, состоявшие из потомков ранних и средневековых туркмено-огузских племен — баятов, афшаров, халаджей и других. Здесь жили и курды, переселенные туда иранскими шахами для охраны границы от набегов туркменских племен. Многочисленными в Южном Туркменистане были шихи[2], махтумы, относившие себя, как и другие овлядские племена, к потомкам арабов и жившие по соседству с карадашлинцами. По-видимому, так называемые овлядские племена образовались от смешения местных племен с арабскими колонистами, поселившимися в Туркменистане начиная с VII в.

По происхождению дотехинское население этого района можно разделить на две группы.

1. Туркменские и тюркские племена и группы — нохурлы, мурчели, анаулы, мехинли, сунчали, хасарлы, жившие здесь с древнейших времен. Это потомки древнейших местных и тюркских племен и разных народностей. К XI—XII вв. они были окончательно тюркизированы по языку туркмено-сельджукскими племенами. Об этом свидетельствуют анализ их родоплеменного состава, особенности материальной и духовной культуры, занятия и т. д. В дореволюционной литературе их ошибочно называли «отуркменившимися» племенами.

2. Ко второй группе относятся туркменские племена, вышедшие из огузско-туркменской среды и, согласно

[1] Овезов Д. Племя мурчели//Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1959. Т. 9. С. 135—183.

[2] Подробно см.: Демидов С. М. Туркменские овляды. Ашхабад: Ылым, 1976; Атаев К. К этнографии шихов//Труды ИИАЭ. Ашхабад, 1962. Т. 7.

Абульгази, жившие в средневековье на Балханах, Мангышлаке и на берегах Сарыкамышского озера (емрели, языры-карадашлы и алили). Эти племена осели в Южном Туркменистане в XII—XVI вв.

Этнический состав Южного Туркменистана накануне последнего возвращения в Ахал текинцев был чрезвычайно пестрым. Племена были недружны, чем воспользовались текинцы при проникновении в Южный Туркменистан. Длительные контакты и соседство с народами Ирана наложили определенный отпечаток на антропологию, обычаи и обряды дотекинского населения. Это влияние чувствовалось в быту и культуре. Культурно-экономические и этнические связи с Ираном на этой пограничной между тюркскими и иранскими народами земле, называвшейся Хорасаном, поддерживались вплоть до начала XX в., одновременно происходило интенсивное смешение тюркских и иранских народов. У этих групп слабы монголоидные признаки, в языке много заимствований из языка местных племен, что особенно видно при сравнении их с туркменами эрсары, сарыками, представителями човдурской группы туркмен, жившими в средневековый период вдали от иранских границ. Потомки дотекинских туркмен жили здесь постоянно и оседло. За исключением периодов насильственных переселений другие туркмены, в основном полукочевые (текинцы, йомуды и др.) здесь то появлялись, то уходили. Начиная примерно с середины X в. туркмены-огузы часто селились в Мургабском и Ахальском оазисах, оставаясь там навсегда. Племена мурчели и нохурцев исследователи не без основания считают потомками древнего населения Южного Туркменистана.

Нохурлы[1] жили на территории старого Нохура издавна, на Верхний Сумбар они переселились лишь в конце XIX в., образовав там новые селения — Койне-Кесир, Куруддей, Ходжа-Кала и др. Село Нохур, находясь в древней плодородной горной долине и гранича с Ираном, имело важное стратегическое значение. В период жизни в Ахале карадашлинцев, шихов, емрелинцев и алилинцев, которые придерживались иранской ориентации, нохурцы жили сравнительно мирно. Тогда они

[1] Подробно о происхождении и этнографии нохурцев см: Васильева Г. П. Туркмены-нохурлы//Среднеазиатский этнограф. сб. Труды Ин-та этнографии АН СССР, Т. 21. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

не подвергались частым нападениям соседей. Иранское влияние особенно заметно в духовной культуре нохурцев. Нохурцы — мусульмане-сунниты, но у них сохранилось и влияние шиитских обрядов. Например, у Г. И. Карпова есть такие сведения: «в 10-й день мохаррема — в Ашур — жители Нохура не работают, а наоборот, создают как бы праздничный вид: в этот день они надевают лучшую одежду... пища у них только из лакомства»[1] О проникновении в Нохур шиитского учения говорится и в работе В. Н. Басилова[2].

С приходом текинцев жителям Нохура пришлось вести тонкую дипломатию, выполнять поручения и требования обеих враждовавших сторон, чтобы оградить себя от набегов. Однако нохурцам удалось сохранить племенную самостоятельность благодаря, во-первых, тому, что их селение располагалось в хорошо защищенном горном ущелье, во-вторых, потому, что они жили в буферной зоне между Туркменистаном и Ираном.

В несколько ином положении оказались древние мурчинцы, жившие у подножья гор. Они сохранили ядро своего племени лишь в одном селении — Мурча, остальная их часть смешалась с текинцами. К началу XX в. в этнографическом отношении они почти ничем не отличались от текинцев, хотя и имели некоторые характерные антропологические признаки. До недавнего времени у них сохранялись пережитки родоплеменных делений.

Мурчинцы (как и нохурцы) происходят от смешения древних местных племен с ранними тюрками, огузо-туркменами. В их составе можно найти как представителей древнего местного населения, так и огузских племен—каркынов, афшаров и других[3].

Большой интерес представляет история туркмен-эмрелинцев, карадашлинцев, мехинли, анаулинцев, а также этнографической группы «турк», населявших издавна горные районы Южного Туркменского и прилегающие к границе районы Северного Ирана.

Тюрки. В Северном Иране и прилегающих к нему

---

[1] Карпов Г. И. Материалы сессии комиссии АН СССР по этногенезу народов Средней Азии: Рукопись. Ашхабад, 1942. С. 160.

[2] Басилов В. Н. Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1971.

[3] Подробно о них см. вышеназванную работу Овезова Д. Племя мурчели; Атаев К. Хозяйство и материальная культура туркменского населения Атека в конце XIX — начале XX вв.: Дисс. канд. ист. наук: Рукопись. М., 1966.

горных районах Южного Туркменистана проживает этническая группа «турк» (тюрк).

Тюрки, видимо, складывались из различных, преимущественно тюрко-ираноязычных этнических групп. В Туркменской ССР их потомки проживают в горных ущельях—поселках Гермаб, Чули, Фирюза, Сулюкли и в предгорных аулах Ашхабадского и Каахкинского районов, в Иране — в окрестностях Мешхеда, Боджнурда и Нишапура. В настоящее время лишь старики владеют персидским языком. Женская одежда в основном туркменская. Молодые хорошо знают туркменский, русский языки, лишь старики сохраняют диалектные особенности.

Тюрки делились на ряд родоплеменных групп, носивших названия тех аулов, из которых они происходили. Например, повризели (фирюзинцы), гермавлы (гермабцы), хасарлы (хасарцы), чулили (чулинцы) и т. п. По нашему мнению, к ним по языку близки анаулинцы (жители села Анау), нохурлы (нохурцы), а также туркменское племя герейли, хотя эти группы без колебаний называют себя туркменами. Например, в словарном составе диалекта хасарлы в группе, живущей в аулах Ковшут и Мехин Каахкинского района (значительная часть их проживает в селе Хасарлы в Иране), сохранилось больше древнетюркских слов, чем в других туркменских диалектах, но и сравнительно много заимствований из персидского языка[1].

Часть тюрок, жившая в изолированных горных аулах, носила одежду, похожую на таковую у курдов. Язык тюрков делится на ряд диалектов и занимает промежуточное положение между туркменским и азербайджанским языками, приближаясь к нохурскому диалекту туркменского языка.

К этой группе можно отнести племя герейли, которое до XVIII в. жило в Чендырской долине и было насильно переселено в Прикаспийские районы Ирана шахом Ага Мухаммед-ханом. Герейли проживают в Астрадабской провинции Ирана. Группы герей проживают в Туркмении на побережье Каспийского моря[2]. Совре-

[1] Сапарова Г. Хасарский диалект туркменского языка: Автореф. дисс... канд. филол. наук. Ашхабад, 1971

[2] Подробно о племени герейли см. нашу монографию: Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961. С. 29—31.

менные жители Чендырской долины (Кара-Калинский район) рассказали, что герейли — это туркменское племя, жившее в Чендыре до них. Здесь сохранились старые тутовые деревья, посаженные ими. Язык герейли имел сходство с нохурским диалектом. В горах вокруг Чендыра сохранились наскальные рисунки и надписи на диалекте герейли. Одна из надписей гласит: «Гересенде гелесенде» (придешь и посмотришь). Наскальные рисунки, авторами которых якобы были герейли, находятся в Безегли (на границе с Ираном) и изображают сцены охоты, быта, хозяйства[1].

Герейли враждовали с каджарами (правившая до 1926 г. в Иране Тюркская династия), потерпели от них поражение и были переселены в Иран. Южнее современного села Кизыл имам (Чендырская долина) сохранилось средневековое кладбище с разнообразными надгробными памятниками и высокими стелами, где хоронили своих соплеменников герейлинцы. Некоторая их часть вошла в состав прибрежного населения и мехинлинцев, живущих в Каахкинском районе.

В этногенезе ранних туркмен принимали участие не только местные племена и древние тюрки, но и туркмено-огузские компоненты. Афшары и каджары, как известно, сыграли большую роль в политической жизни Ирана. В составе тюркских групп Северного Ирана имеется значительное число афшаров, халаджей и баятов, входивших когда-то в огузский племенной союз.

Во время путешествия по Северному Ирану в 1871 г. русский ученый П. И. Огородников обратил внимание на тюрок, живших в окрестностях Мешхеда и Нишапура, и отметил некоторые отличия их от персов и курдов. Один из сопровождавших его в Мешхед военных был тюрком. По этому поводу П. Огородников писал: «Еще в Мияндеште старший артиллерист обещался показать нам свой родной мезонин с пятьюсотенным населением, говорящим на «тюрки»[2]. По пути ему встретились туркмены из племени баят, о которых он отзывался хорошо. П. Огородников оказывал им медицинскую помощь. «Старая дорога (в Мешхед), писал он, ... направляется в «Хюсейн-абад», откуда вплоть до него (Нишапура) обитает турецкое племя «бейят», и что представителями

[1] Полевые записи автора в Кара-Калинском районе в 1968 г.
[2] Огородников П. И. Страна солнца. Спб., 1881. С. 41.

этого племени «... почти исключительно населены окрестности Нишапура»[1].

В поселке Гермаб (Геок-Тепинского района), сохраняя свой диалект и некоторые этнографические особенности, тюрки жили давно, но во время присоединения Закаспийского края к России временно ушли в Иран. Русский натуралист И. Никольский, посетивший Гермаб вскоре после присоединения, писал: «Это бывший персидский аул, перешедший в русское владение после покорения текинцев. Во время ли самой войны с ними или уже после взятия Геок-Тепе, — только жители все до единого бросили аул, оставив на произвол судьбы дома и роскошные сады»[2].

В числе ранних племен Мавереннахра была известна группа под названием «тюрк». Еще в XIX — начале XX в. она значительно отличалась от окружавшего узбекского и таджикского населения. В 1924 г. в южных районах Таджикистана и Узбекистана насчитывалось 23 212 тюрков[3]. Возможно, в прошлом между тюрками Южного Туркменистана и Среднеазиатского междуречья существовали этнокультурные связи, и группы тюрок всей Средней Азии имеют общее происхождение.

Составляя древнее население Южного Туркменистана, тюрки служили связующим звеном между местным населением и туркменами-огузами в средневековье. В настоящее время они полностью вошли в состав туркменской нации.

Наиболее значительными группами ранних южных туркмен были анаули и мехинли.

Анаули и мехинли. Названия этих двух древних племен произошли от названия места проживания. Анаули относили себя к исконным жителям Южного Туркменистана (хотя временами, в силу исторических обстоятельств, они временно оставляли насиженные места), с последним приходом текинцев в оазис в XVIII в. они стали менее заметными. В настоящее время потомки анаули и мехинли проживают компактно в Каахкинском районе в сельсовете Мехин и в Гяурском районе в поселке Маныш (колхоз «Совет Туркменистаны»).

[1] Огородников П. И. Страна солнца. С. 137, 143.

[2] Никольский И. Путешествие натуралиста по Северному Ирану. СПб., 1896. С. 183.

[3] Карчышева Б. Х. Очерк этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. С. 72.

Анаули. Анау — название местности, где в глубокой древности возникло и развивается ирригационное земледелие и обитатели имели довольно развитую цивилизацию. Слово «анау», вероятно, означает «новое место». В литературе же это слово иногда производят от слов «аб» и «ноу» — новая вода[1]. Анаули, согласно их преданиям, до XVI в. жили на Сарыкамыше. Во главе племени были два брата из рода арваб (арабы). Этот род состоял из 50—60 хозяйств, обитал на Сарыкамыше 300—400 лет назад и занимался в основном земледелием. Когда на Саракамыше воды стало меньше и участились набеги калмыков с севера, они ушли оттуда и переселились в Южный Туркменистан, в местность Анау, где позднее и получили название анаули[2].

Это предание рассказывает об истории одного из родов анаули. Род арвап[3], или арап, вероятно, жил среди туркмен «уч или» (три народа племени) — алили, хыдыр или, кара йоли, дуечи в XVI в. на берегу Сарыкамышского озера и Узбоя. Позднее же, когда в озере не стало пресной воды, род арвап переселился в Южный Туркменистан, присоединился к местному населению, составив позднюю родовую единицу в составе анаули. Родовая группа «арвап», «арап» широко распространена и имеется в составе текинцев, карадашлинцев, нохурцев и многих других туркмен. Как свидетельствует само название, происхождение этой группы связано с арабскими завоеваниями, оставившими след в истории туркменского народа. Анаули состояли из различных родов тюркского и иранского происхождения, занимались земледелием и жили в глиняных домах-саклях. Юрта—жилище кочевников — была им незнакома.

После занятия Ахала текинцами положение анаули ухудшилось, хотя долгое время они мирно уживались. Текинцы постепенно начали вытеснять их из исконных земель. Вот, например, как развивались взаимоотношения прибывших в оазис текинцев с анаули. На первых порах предводитель текинцев Кеймир Кор вытеснял из оазиса лишь персов и курдов, а анаулинцев считал туркменами и не трогал их. Те жили мирно и спокойно[4].

[1] Семенов А. Н. Некоторые данные к истории мечети Анау// Изв. Туркм. отд. РГО. Спб., 1914. С. 212.

[2] Рассказ записан нами и К. Ниязклычевым в Каахкинском районе.

[3] Хотя слово «арбап» и означает в переводе с персидского языка «господин».

[4] Полевая запись автора и К. Ниязклычева в Каахкинском районе в 1977 г.

Но «Однажды два молодых охотника встретили текинского юношу, также охотника, ограбили и убили его. Убитый был единственным сыном богатой вдовы. Услышав о гибели сына, она обратилась за помощью к соплеменникам и попросила отомстить за сына. Текинские старейшины пришли в Анау выяснить причину убийства. Их принял Зулхандербек — глава 1000 анаулинских хозяйств. Не желая столкновения с текинцами, он сказал им, что готов выдать замуж за текинца свою единственную дочь и выполнить любое другое требование. Текинские старшины, не ответив ничего определенного, ушли обратно. Когда они вернулись к Зулхандербеку через три дня дать свой ответ, то анаулинцы встретили их с двумя огромными собаками. Старейшины сочли это за оскорбление и, не сказав ничего, ушли. Они рассказали своим соплеменникам об увиденном. Вдова, потерявшая сына, теперь более решительно требовала отомстить за сына. Текинцы объявили это по аулам и начали готовиться к войне.

Анаули, поняв бесполезность сопротивления, заперлись в крепости, где долго выдерживали осаду. В конце концов они потеряли всякую связь с внешним миром, им не хватало воды (воду в крепости добывали из колодцев и сардоб), начался страшный голод и они начали есть собак, кошек и других животных, чтобы спасти хотя бы жизнь детей. Весть о тяжелом положении анаули дошла до иранского шаха, который предложил текинцам: «Земли анаули возьмите себе, а население отпустите к нам». Текинцы согласились и выпустили анаули из крепости. Шах поселил их в Мамадабаде. Здесь анаулинцам не понравилось, и они спросили согласия поселиться в Кельтечинаре. Но и здесь было мало земли, и часть анаули вынуждена была уйти в Чукуркала, Маныш, Меана-Чаача, Карагач, Келята[1] и другие места. В Чукуркала они пришли в 60-х годах XIX в.»[2].

По другим данным, анаули ушли из Анау примерно в 1855 г. и поселились в Маныше, Чукуркала, Карагаче и других местах, но в основном в Мамадабаде. Но, прожив там 10 лет, они переехали в Дерегез, а оттуда в

[1] Имеется в виду иранское село Келята.
[2] Полевые записи К. Ниязклычева.

Чукуркала и другие места[1]. Среди потомков текинцев бытовал рассказ о том, что анаули, живя по соседству с текинцами, были подданными Ирана. Всякого рода беглецы из текинцев находили приют у анаули. Здесь скрывались убийцы, влюбленные пары, воры. Наконец, когда текинец по имени Гараханли, убив другого текинца, скрылся у анаули, текинцы направили к анаули нескольких послов с требованием выдать убийцу. Хан анаулинцев велел слугам немедленно доставить к нему преступника. Вместо него привели старую собаку. Убив ее, хан сказал: «Вот мы и убили вашего кровника». Такое издевательство послужило поводом для текинцев начать войну с анаули. Сначала южнее села Анаули они незаметно построили крепость, в которую отправили молодоженов, одетых во все красное. Позднее эта крепость получила название Гырмызы-кала. Текинцы, окружив анаулинцев, вынудили их покинуть свои жилища и переселиться в Иран[2].

Письменные источники относят время занятия текинцами Анау к 1866 г. Так, прапорщик М. Гюзельханов, побывавший в плену у мургабских текинцев, писал в 1881 г., что текинцы заняли Анау 15 лет тому назад[3]: «Осада Анау продолжалась 11 месяцев. Защитники — тюрки и курды — были выручены соединенным ополчением буджнурдским и кучанским под начальством нынешнего наследного принца, правителя Кучана эмира Гусейн-хана; но остановиться не могли из боязни текинцев. Может быть, анаулинцы и переселились бы в Анау, если бы не было объявлено от Скобелева, что все захваты, сделанные с обеих сторон (текинской и персидской) до 12 января 1881 г. (день штурма Геок-Тепе), так сказать узаконятся, за исключением пленников, которые должны быть выданы»[3]. Однако наши полевые записи дают более подробные сведения о том, что в 20-х годах анаули расселились в Меане (10 хозяйств), в колхозе им. Жданова (несколько семейств), колхозе им. Ленина (60 хозяйств) Каахкинского района, в г. Байрам-Али, в г. Ашхабаде (50 хозяйств). В пределах Ирана анаули живут в аулах Повгаджик (1000 хозяйств), Чакыр (50—50 хозяйств), Новхана (100), Шил-

[1] Полевые записи А. Таджева.
[2] Полевая запись автора в Гяурском районе в 1977 г.
[3] Гюзельханов М. Плен в Мерве//Новое время. 1881. № 2035.

ген (50) и в Келяте, Чинаре (1000 хозяйств)[1]. А. Н. Семенов, ссылаясь на записи И. Л. Карпинского от Молладурды, в 1914 г. писал: «По преданиям туркмен, Аннау был первоначально населен суннитами, а потом некоторое время в нем жили шииты. В 1131 г. (1719—1720 гг.) туркмены племени теке пришли из Чарджоу и овладели, разрушив его, городом Ниса. ... жители Нисы бежали в Аннау. По взятии Нисы туркмены ушли в пески, в Хиву и в Чарджоу. Население Аннау стало постоянно увеличиваться: туда скрывались разные преступники и бродяги из разных мест. ...Через некоторое время туркмены-теке начали постепенно передвигаться из Хивы и Чарджуя в нижнюю (западную) часть Ахала, со стороны Кизыл-Арвата... Таким путем были заняты Дурун, Мехин, Гоок-Тепе, Хурманд, Кеши и Ашхабад с прилегающей местностью. Сделавшись хозяевами всего Ахала, туркмены-теке не тронули Аннау, так как город этот достался по жребию, брошенному между отдельными коленами ... роду Бек, а последний, заняв мирно Аннау, не допустил его разгрома. С этого времени анаулинцы стали называть себя текинцами рода бек, жили очень богато, хорошо и мирно, но в конце концов что называется «взбесились от жира» и начали враждовать с теке, убив изменнически несколько человек из родовитых и почетных текинцев. Это заставило текинцев собрать совет (маслахат) из своих родовых старшин, почетных лиц и храбрецов, и с согласия текинцев рода Бек было решено примерно наказать анаулинцев... текинцы осаждали его целый год, окружив кольцом и прекращая доступ воды. Они взяли его в 1278 г. (1861—1862 гг.) и разгромили... Назначили ханом из рода Бек Ораз Мухаммед-хана, определив ему в вознаграждение 3 келеме су. Анаулинцы не выдержали режима Ораз Мухаммеда и в следующем 1279 г. бежали в Персию, где и поселились в местности Келте Чинар, Дере Гез и Шор Кала... поэтесса Санб, представительница анаулинцев, воспела в стихотворении «Слезы» гибель и разрушение... ее родного города, когда ей было 17 лет»[2].

Анаули, живущие компактно, до сих пор сохранили некоторые специфические черты, отличающие их от те-

---

[1] Полевые записи К. Нияэклычева, 1972 г.
[2] Семенов А. Н. Указ. раб. С. 212—214.

кинцев. Например, очень своеобразны их свадебные обычаи[1]. А пышные торжества по случаю новруза (Нового года), «ахыр чаршанбе» (черная среда) и другие обряды, бытовавшие у анаули, имеют древнее происхождение. Достаточно взглянуть на родоплеменной состав анаули, чтобы убедиться в чрезвычайной пестроте родов: пальваплар, бугаерлы, гарасарлы, гурама, арвап, косе, сакар, емрели, казах, курд, суйтхор и другие. Наиболее древние из них — бугаерли, гарасарлы, тюльшей, талханлы[2]. В эпоху позднего средневековья к ним присоединились сакар, гурама, арвап и некоторые другие, которые в конце XVII в., переселяясь с Мангышлака и Балхана через Южный Туркменистан на берега Амударьи, оставили здесь небольшие группы. Как известно, основная масса сакаров и гурама живут теперь на Амударье. Род арвап был и в составе текинцев.

Наконец, к наиболее позднему слою в составе анаули следует отнести емрелинцев, курдов, казахов, хотя этнографы Г. И. Карпов, К. Атаев и К. Ниязклычев считают емрелинцев родами древнего местного происхождения. Дело в том, что один из крупных и влиятельных емрелинских родов носил название «газак». Емрелинский хан Угурлы (современник Кеймир Кора), живший в первой половине XVIII в., происходил из этого рода, поэтому в народных преданиях его часто именуют Угурлы газак. Откуда появилось название «газак» в емрелинской среде, мы пока не знаем, но этот род в данном случае к современным казахам никакого отношения не имеет. Одно из крупных делений северных емрели также носило название «газак». В составе же анаули роды емрели и казах появились одновременно, то есть после вытеснения емрелинцев из Ахала, и оба рода являются емрелинскими. Наличие рода курд в составе анаули объяснить проще, так как анаули и курды вплоть до прихода текинцев жили вперемежку.

Мехинли также относятся к числу туркменских племен, живших издавна в Южном Туркменистане. Их потомки компактными группами живут в сельсовете Мехин (колхоз им. Ленина), небольшими группами в дру-

[1] Во время сбора полевых этнографических материалов в 1977 г. мы записали свадебные песни «Яр, яр».

[2] Карпов Г. И. Этнический состав... С. 84; Полевые записи автора в 1977 г.

гих аулах Каахкинского и Бахарденского районов и в Иране (в Кучане, Неджепабаде и Хыровабаде). Название этого племени также происходит от местности Мехин. Местностей с названием Мехин, Мени в Хорасане несколько.

До занятия текинцами Ахала мехинли жили на территории современного Бахарденского района Туркменской ССР. По словам информатора, центром их расселения был аул Яраджи, где и теперь живут потомки мехинли. Около Бахардена раньше было село Мехин. Дед информатора около 100 лет назад переселился в Каахка. Примерно до 1936 г. семья нашего информатора Сейитнияза Солтана поддерживала брачно-родственные отношения с мехинли, жившими в Бахарденском районе[1]. Предками мехинли по преданиям были два брата — Мехин и Яраджи (Яраджи ныне — название села в Бахарденском районе), которые 300—400 лет тому назад жили на берегах р. Амударьи, откуда затем переселились на Южный Туркменистан. Мехинли были частично вытеснены из оазиса вместе с другими жителями. При содействии иранских войск они заняли территорию в районе Атека. Здесь они построили крепость, окружив ее водной преградой. Эта крепость называлась Мехин (Мени), в ней жители укрывались на ночь в случае внезапных нападений. Через некоторое время текинцы опять начали беспокоить мехинли, подвергали крепость осаде, но ров, наполненный водой, не позволил им захватить ее. Одному из мехинли ночью удалось выбраться из осажденной крепости и донести шаху о случившемся. Иранские войска заставили текинцев снять осаду. С тех пор мехинли живут здесь (теперь это территория колхоза им. Ленина), занимаясь садоводством, бахчеводством и в незначительной степени скотоводством.

Слово «мехин» происходит, согласно народной этимологии, от слова «мейин бейин», в переводе означает мозг. Так называли этих туркмен якобы за острый ум. Из среды мехинли вышло много мулл, ишанов, которые образовали сравнительно много религиозных школ — мектебов и медресе. В начале 30-х годов среди мехинли бытовало генеалогическое предание, записанное Г. И.

[1] Полевые записи автора в Ашхабадском и Каахкинском районах в 1977 и 1979 гг.

Карповым в Каахкинском районе: «В далекие времена в Иране жил один дайханин, у которого было два сына. Один сын по имени Дев был богат, а другой по имени Кирейли — бедняк. От этих двух сыновей и произошел народ племени мехинли».

Мехинли делилось в основном на три рода — дев, кирейли и курама. В эти три подразделения входили более мелкие роды: салдахлар, гоклер, шагаллар, гюлехер, балаклы, сарджа, шагирли, кельте-хан, кегель, теряки, сопы юзбаши, ярадан-кулы, келлер и другие[1]. Мехинли делились в основном на два подразделения: кирейли и дев, притом старшим и многочисленным было родовое деление кирейли, курама же присоединилось к мехинли позже.

Как видим, в начале XX в. у мехинли преобладают роды туркменского происхождения. Наиболее интересна группа кирейли (герейли). Возможно, Г. И. Карпов был прав, отождествляя кирейли с герейли (у него кирейли) с острова Челекен[2]. Слово «кирейли» означает «люди, зарабатывающие деньги перевозкой товаров». Часть кирейли действительно занималась торговлей на базарах Мары и Теджена, а также перевозкой товаров.

Группа кирейли, по нашему мнению, является частью крупного туркменского племени герейли[3]. Это племя жило до XVIII в. в Чендырской долине и затем было переселено в Иран. Очевидно, какая-то часть племени попала в прибрежные районы и в Ахальский оазис, где под названием кирейли поселилась среди мехинли, составляя самое крупное их подразделение. В предании не случайно кирейли называются младшим из братьев и бедняков. Войдя в состав мехинли, кирейли вынуждены были находиться на правах «младшего брата», подчиненного старшему и богатому Деву. На первых порах кирейли (или герейли), видимо, находились в вассальной зависимости от этого влиятельного рода и подчинялись ему. Лишь позднее они стали равноправными. Родовой состав мехинли по сравнению с ануали более однороден, хотя и в их составе имеются аналогичные ануалинским (юзбаши), емрелинским (газак-емрели), нохурлинским (келлер) роды и группы иранских (гю-

[1] Карпов Г. И. Этнический состав... С. 160.

[2] Там же. С. 60.

[3] Об этом туркменском племени упоминает Абульгази в «Родословной туркмен».

лихер) народов. Язык, культура и быт мехинли более близки к общетуркменским, чем у анаули. Мехинли были древним земледельческим племенем, унаследовавшим местную культуру.

Будучи исконно оседлыми земледельцами, мехинли не знали юрту, а жили в глинобитных домах, отапливаемых камином-пухари. Размер калыма у них был незначительным и вносили его в виде подарков как плату за «молоко матери» (суйт хакы). Невесте красили ногти на руках и брови (как и у иранских народов).

Мехинли до занятия оазиса текинцами жили в соседстве с емрелинцами и карадашлинцами и, как и другие туркмены оазиса, поддерживали интенсивные культурно-экономические связи с народами соседнего Ирана. В отличие от мурчели и нохурцев, они не смогли найти общий язык с текинцами и остаться на прежних местах обитания, а разделили участь трех крупных туркменских племен, вытесненных из оазиса.

Наиболее значительными и крупными из дотекинских туркмен были емрелинцы, карадашлинцы огузо-туркменского происхождения.

Туркменские и тюркские племена — мехинли, анаули, мурчели, сунчели, нохурлы, герейли, тюрки и другие — безусловно образовались из потомков древних местных и проникавших сюда на рубежах новой и старой эры тюркоязычных племен, а затем, начиная с X в., огузов-туркмен. В их составе можно найти представителей древних тюрок, огузо-туркменские группы. Состав этих племен неоднороден, здесь можно было найти людей из других племен и даже целых родовых групп, что говорит о возможности бытования у них внеплеменных браков. Например, в составе анаули был крупный род араб, были также роды иранского, тюркского и туркменского происхождения. Распространенность межплеменных брачных отношений способствовала сравнительно беспрепятственному смешению различных этнических групп. К родовым группам арап примыкают так называемые «святые племена» — овляды-шихи, махтумы, муджевиры, ходжа и ата, жившие повсеместно еще в средневековый период, когда поселения шихов были наиболее многочисленными.

О древнейших местных корнях этих туркмен свидетельствует также популярность у них праздника нов-

руз и других зороастрийских обрядов и обычаев («ахыр чаршанбе») и др. Наконец, в их составе были многочисленные роды, носившие средневековые названия (каркыны, афшары и т. д.).

Эта древнейшая группа туркменских племен в целом имеет местное происхождение, и их родоплеменные деления отражают значительное влияние со стороны прошедших через их территорию многочисленных племен и народностей.

Исторические (в том числе этнографические и археологические), антропологические и лингвистические материалы подтверждают предположения о непрерывном скрещивании и синтезе местного и тюркоязычного населения, начавшихся, видимо, с I веков нашей эры (у В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского — с VI в. н. э.) и продолжавшихся до новейших времен.

Этническая история емрелинцев. Самым крупным туркменским племенем Южного Туркменистана в XVII—XIX вв. было племя емрели. Это туркменское племя произошло от огузов и сохраняло до недавнего времени особенности в быту и культуре. Их потомки компактно живут в пределах республики — в Ленинском и Ильялинском, разрозненно — в Казахинском, Тедженском и других районах. В историко-этнографическом отношении емрели не изучены. В литературе встречаются различные варианты названия «емрели». Самое древнее из них — эймур — впервые встречаем у ученого XI в. Махмуда Кашгарского[1] и затем в трудах Рашид ад-Дина (XIV в.). Название «эймур» сохранилось и позднее за различными группами туркменских и тюркских племен — остатков этого древнего племени и у небольших этнических групп в Иране[2] и Турции[3]. А. А. Марущенко, основываясь на сведениях Абульгази, предполагал, что туркменские племена емрели и эймуры могут иметь различное происхождение и что отождествление их основано на созвучиях. В Западной Туркмении и прилегающих к ней районах Ирана эймуры входили в состав йомудов-атабайцев в качестве родовой единицы. По нашему мнению, название «эймуры» идентично названиям «имр», «эмр», «эймир», «емрели», хотя все они продолжали бытовать иногда даже по соседству.

[1] Махмуд Кашгарий. Указ. раб. С. 90

[2] МИТТ. Т. 2. С. 86

[3] В Турции они известны под названием «имир туркмени» (туркмены имиры).

Турецкий историк Ф. Сюмер, известный исследователь истории туркмен-огузов, писал: «Можно утверждать, что в Анатолии и ее окрестностях в названиях местностей первое место занимают этнонимы Салур, Эймир и Каркин»[1]. На юго-восточном побережье Каспийского моря бытовали одновременно оба названия — эймур и емрели в качестве подразделения туркмен огурджали[2]. При этом происхождение каждого из них объяснялось по-разному.

Мы не располагаем почти никакими данными об эймурах и емрели до XVI—XVII вв., кроме одного лишь упоминания их названия в письменных источниках. Название «имир» вновь начинает появляться в письменных источниках XVII в. «В этой связи также интересен рассказ Абульгази об Али-эр-беке из туркменского племени имир (имрели), управлявшем Астрабадской провинцией на правах иранского наместника в конце XVI в.»[3].

Согласно ираноязычным источникам, эймуры сыграли значительную роль в политической жизни Астрабадско-Гургенской провинции Ирана в XVI—XVIII вв. В «Родословной туркмен» Абульгази название «имир» перечисляется лишь наряду с другими названиями туркмен, приводятся имена правителей из «иля имир»: «...когда поднимали государем кого-нибудь из салыров, уруг Салыр и уруг Имир и еще несколько малочисленных уругов присоединились к нему»[4]. Отсюда следует вывод, что емрели, будучи сравнительно малочисленными, тяготели к салырам и входили в их союз. Не исключается также наличие экономических и этнических связей между ними. Далее они упоминаются в числе туркмен, ушедших в XII в. на Мангышлак[5].

В начальный период правления Надир-шаха в Иране, в начале XVIII в., в числе оказавших ему сопротивление было «... племя имрели, жившее в Ники-Кала, находящемся в двух фарсахах[6] от Абиверда...»[7]. Развалины

[1] Sumer F. Turkmenler (oguzlar). Ankara, 1972. (Сюмер Ф. Туркмены (огузы). Анкара, 1972). С. 212.

[2] Подробно о них см. работу автора: Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. С. 37.

[3] МИТТ. Т. 2. С. 34, 88.

[4] Абульгази. Родословная туркмен... С. 55—56.

[5] Там же. С. 68.

[6] Один фарсах равен приблизительно 5—6 км.

[7] МИТТ. Т. 2. С. 119.

крепости Абиверд находятся в 5—6 км к западу от современного районного центра Каахка. На расстоянии около 12—15 км от развалин крепости находится Хосров-Кала, где, по преданию, жили емрелинцы после переселения их из Ахальского оазиса. Ники-Кала — одно из многочисленных поселений, расположенных вокруг Хосров-Кала.

В сочинении Мирза Мехди-хана «История Надир-шаха» сообщается, что «... туркмены племен али-эли, имрели, теке и йомуд, которые были в пределах Несы и Дуруна...», вышли из повиновения Надир-шаха. Это сообщение представляет значительный интерес также для определения места расселения племен. О емрелинцах, проживающих на берегах Амударьи, в районе Чарджоу, сообщается в «Истории Средней Азии» Мир Абдул-Керима Бухарского (1817—1818 гг.)[1]. Наиболее подробные сведения о них имеются в труде хивинских историков Муниса и Агехи «Фирдаус-ул-икбал», где описана судьба племени емрели после их переселения в Хорезмский оазис: «... в последние дни счастливого правления покойного великого эмира, иначе Эвеза, они пришли в Хорезм и поселились на землях кенегесов по арыку Аман-Кули, в округе Ходжа-эли»[2]. Это событие относится к началу XIX в. (иначе Эвез умер в 1804 г.)| Примерно в это же время хивинский хан Эльтузер переселил емрелинцев на новое место, в Ак Сарай и Муз Кумган, где жили йомуды[3]. Затем они были переселены в Янги-арык, где в 20-х годах XIX в. «... жила только небольшая часть имрели, а остальные находились в районе Ташауза. В 1827 г. в Хорезм из Атека перекочевала вторая группа имрели, место их расселения неизвестно»[4]. Лишь в конце 60-х годов XIX в. емрелинцы окончательно осели в пределах нынешнего Ильялинского района.

В 1852 г. в Актепе емрелинцы имели 45 атлыков по 50 танапов в каждом. Последняя группа емрели переселилась, вероятно, из Меана и Чаача. После переселения в Северный Туркменистан «названия мелких родов у емрели и карадашлинцев в большинстве своем совпади-

[1] МИТТ. Т. 2. С. 202.
[2] Там же. С 355.
[3] Там же. С 355.
[4] Там же С. 637.

ют с названиями водных каналов, по которым поступает вода на их поля орошения»[1]. Однако это утверждение верно лишь отчасти.

В письменных источниках середины XIX в. емрелинцы вместе с салырами, сарыками, эрсары, гокленами, теке, йомудами, кайы и баятами относились к группе туркмен, носившей название сапиханской. Здесь емрели значатся как эмыр[2]. После присоединения Хивинского оазиса к России в расселении туркмен-емрелинцев существенных изменений не произошло. Наши материалы о емрелинцах в значительной степени дополняют данные письменных источников.

В XIV—XVII вв. эймуры жили на берегах рек Атрек и Гурген и входили в состав «йака туркменов» (береговых). В Западной Туркмении широко бытовали предания о том, что в 30 селах вокруг средневекового городища Мисриан жили эймуры. Оттуда они и переселились в прикопетдагские районы. В Геок-Тепе, Дуруне и других местах Южного Туркменистана мы выявили вошедшие в состав текинцев группы аллилинцев, емрелинцев, карадашлинцев и другие мелкие группы туркмен. В большинстве случаев к началу XX в. они были ассимилированы текинцами. В редких случаях они сохранили старое родоплеменное название и фигурируют как самостоятельное колено. Здесь сохранилось много этнонимов (емрелигала, Емрели-гырлан и т. д.). По письменным источникам и этнографическим материалам, уход емрелинцев из Южного Туркменистана в Хивинский оазис в целом можно отнести к 1803—1804 гг.

Семьи емрелинцев начали продвигаться на восток вдоль предгорьев. Некоторое время они жили в Атеке (нынешний Каахкинский район). Здесь до сих пор (около Хосров-Кала) сохранились небольшие укрепленные дворы-крепости — «емрели кала». Емрелинцы более или менее продолжительное время жили в Меане и Чаача и именно оттуда ушли в Хивинский оазис. До сих пор в различных районах Южной и Восточной Туркмении встречаются разрозненные, а иногда и компактные хозяйства потомков емрели. Часть из них осталась, другие позднее возвратились из Хивы. Более крупные груп-

[1] Карпов Г. И. Этнический состав туркмен... С. 120.

[2] Небольсин. П. Туркмены//Ж. Мин-ва внутр. дел. 1852. Кн. 7. С. 51—52.

пы встречаются в Ашхабадской, Марыйской и Чарджоуской областях. Значительная часть их расселялась в пределах бывшего Бухарского эмирата. В конце 20-х годов XX в. в Каракульском районе Бухарской области Узбекистана проживало 1325 туркмен амир-али (т. е. емрели)[1].

В Тедженском районе группа потомков емрелинцев проживает в колхозе «Ленин байдагы». На территории колхоза «Совет Туркменистаны» того же района находятся развалины крепостей Бозоглануи джары, Бурказкала, Сердаба, Бозоглануи кёпрюси, Дашлыджа и другие, где, по рассказам информаторов, жили герои туркменских народных дестанов «Юсуп и Ахмед» и «Бозоглан», которые по происхождению якобы были емрелинцами. Потомки туркмен-бурказов, проживающие среди текинцев и сохранившие некоторые особенности в говоре и быте, по словам текинских старожилов, относят себя к емрелинцам[2].

В колхозе «Ленин байдагы» потомки емрелинцев составляют около 100 хозяйств, а в колхозе им. Калинина Тедженского района — около 30. В прошлом они делились на роды горлар, оджар емрели, гара-ахмет емрели, керлер, емут-емрели.

Емрелинцы сначала жили около кладбища Мамур в Теджене (к северу от колхоза «Ленин байдагы»), куда они переселились из Мургаба в момент прихода в Ахал русских. После Мамура емрелинцы жили в Эркачли (ныне земли колхоза им. Калинина) и по истечении 10 лет ушли в Пурмен. В то время ежегодно проводился передел земель между емрелинцами, карадашлинцами и текинцами (гонгур и гокдже). По жеребьевке емрелинцам пришлось переселиться в местность Кял, то есть на нынешнюю территорию. Постоянные мюльковые владения у них появились только после организации колхозов.

Тедженские емрелинцы 5 поколений тому назад под предводительством Оразгулы-бая пришли в Мары из Хивы. Его сын Хан-ага был знаком с документом (ярлык) о том, что селения Меана и Чаача принадлежали емрелинцам, и уговаривал их возвратиться туда, но ем-

---

[1] Карпов Г. И. Этнический состав туркмен... С. 127.
[2] Полевые записи автора в 1968 г.

релинцы отказались. Мало того, позднее к ним стали переселяться емрелинцы из соседних районов. Две дочери Оразгулы-бая остались в Хиве.

У емрелинцев было правило: «Женитесь на своих и выдавайте своих дочерей за своих (т. е. за емрелинцев)»[1]. Поэтому они старались не смешиваться с текинцами и держались обособленно, то есть соблюдали племенную эндогамию[2]. В Меане-Чааче находится могила емрелинца Сопы Баба. Сыновья Оразгулы-бая Мятик и Уррук позднее ушли из Теджена в Пешаналы (Мары) и поселились вдоль арыка Кесе-Яб. Потомки емрелинцев живут также в ауле Тилки вблизи Мары.

Поначалу емрелинцев в Теджене было немного и селились они на территориях, густо заросших турангой и тамариском, где было много кабанов и фазанов. Сеяли на очищенных от зарослей участках, охраняя посевы пращами. В дореволюционное время из числа жителей аула выбирали старшину (арчын). Если избираемый текинец не набирал необходимое количество голосов, то он уговаривал емрелинцев проголосовать за него. Емрелинцы обычно поселялись около семейств казы (судья) — его род (казы халкы) не позволял текинцам обижать емрелинцев.

Раньше аулы в Тедженском оазисе меняли свои места по 2 раза в году. Зимовки (гыш юрды) располагались у колодцев с пресной водой. Из 5 водоразделов Теджена существовал так называемый магаллак, земли вдоль которого пустовали (ортак ер). Позднее там образовали поселения пришельцы из разных мест. Большую часть переселенцев составляли текинские роды гара и йорме, жившие обособленно от других текинцев и отличавшиеся бедностью. В магаллаке жил и емрелинский род газак. Магаллакские земли позднее стали называться патышаликскими (то есть казенными) и сдавались в аренду. 1/4 часть урожая шла в пользу казны на содержание царской администрации. При этом все расходы и труд по посеву ложились на плечи крестьян.

По словам информатора Гаиыб Ата, раньше существовала письменная родословная (седжере), в которой указывалось, что земли Меана и Чаача принадлежали

---

[1] Полевые записи автора в 1968 г.

[2] Эндогамные браки заключались внутри рода и племени.

емрелинцам. Как и большинство других туркмен, емрелинцы делились на «иг» и «гул», брачные отношения между которыми ограничивались. Между емрелинцами (Теджена) и текинцами установились своеобразные отношения, здесь они поселились рядом с многочисленным родом говкы-зеренг, ища у него защиты.

Емрелинцы, следуя «заветам» Оразгулы-бая, старались по возможности жить обособленно, придерживаясь эндогамных браков. В настоящее время они поддерживают всяческие контакты с окружающим населением и не выделяют себя. По рассказам их соседей — бывших текинцев, они сохраняют некоторое своеобразие в домашнем быту, есть отличия и во внешнем облике. Все они относят в прошлом себя к подразделению текинцев— говкы-зеренг. По словам информаторов, емрелинцев в Хиву пригласили находившиеся с ними в родстве йомуды, а также хивинские ханы, которые нуждались в воинах-нукерах. Последним пунктом обитания значительной части емрелинцев на подгорной равнине была местность Меана-Чаача. Переселение происходило в 2—3 этапа. Изнурительный переход, видимо, состоялся через Центральные Каракумы. В Уасе емрелинцы жили в крепости Биготен-Кала (развалины ее находятся к югу от районного центра Ленинск). Затем из-за нехватки воды они двинулись на север, и придя в Хивинский оазис, расселились в пределах нынешних Ильялинского, Ленинского и Ташауэского районов, где их потомки проживают до сих пор и помнят о своей прежней родине — Южном Туркменистане, о подробностях переселения и т. д. По преданиям, они пришли из Меана и Чаача 200 лет тому назад. Во время переселения их сопровождали йомуды из Хивы, с которыми они совместно несли потом нукерскую службу у хана, за которую каждый воин получал 30 танапов земли. До емрелинцев в нынешних местах их расселения жили саяты, которые затем вернулись в Чарджоу. В Ленинском районе сохранились развалины крепости Саят-Кала и др.

Очень немногие информаторы помнят (и то отрывочно) родословную емрелинцев. Одним из них оказался житель колхоза им. Ленина (Ильялинский район) Ораз Аманов, отличавшийся хорошей памятью и помнивший рассказы дедов, знавших родословную. Приведем его рассказ.

По преданиям, родоначальником и предком емрелинцев был вождь по имени Эмр-Али Кор. Он был бедным и батрачил у Эрсары-баба[1], возделывая его земли. Вместо платы Эрсары-баба обещал женить его. Эмр-Али работал у него долго, но Эрсары не спешил выполнить свое обещание и не платил ему даже положенную плату. Тогда Эмр-Али похитил дочь Эрсары и убежал в пески. В первое время им пришлось жить в шалаше, плохо питаясь. Здесь у них родился сын, которого они назвали Гумли (то есть житель песков). Эрсары-баба узнал, где они жили, и отправил туда своих людей. Эмр-Али узнал об этом и решил уходить. При этом он сказал: «Пески не смогли укрыть меня. Теперь я пойду в горы, то есть в Дагыстан». В горах у Эмр-Али родился второй сын, названный Даглы, то есть житель гор. Два крупных подразделения емрелинцев — гумлы и даглы якобы являются потомками этих двух сыновей Эмр-Али Кора. Поэтому емрелинцы считали себя племянниками эрсаринцев.

Описанные события могли происходить приблизительно в XIV в. на Балханах, где ныне покоится могила Эрсары-баба — предводителя эрсаринцев[2]. Согласно Абульгази, Эрсары — современник Ших-Шефера — был богатым скотоводом, а принадлежавшие ему водные источники и пригодные для возделывания земли сдавал в аренду. Эрсаринские земли, в частности, обрабатывали таг-сакары. По преданию, емрели также арендовали земли многочисленного и сильного племени эрсаринцев. В преданиях емрелинцы делятся на песчаных и горных, что было, видимо, связано с характером хозяйственной деятельности емрелинцев, часть которых жила в гористой местности (вернее, на Балханских горах, где имеются незначительные водные источники) и занималась земледелием, другая же жила в песках и занималась скотоводством. В условиях замкнутого натурального хозяйства крайне необходимым был обмен продуктов земледелия на скотоводческие продукты и обратно. В преданиях страна, в которой жили емрелинцы даглы, называется Дагыстан. В этой связи уместно вспомнить о Дехистане (Северо-Атрекская степь) —

[1] В преданиях нередко его называют также и Эрсары-бай.

[2] По преданию, могила Эрсары находится на кряже Эрсары-Баба, в окрестностях колодца Тувер.

стране деревень, упоминаемой раннесредневековыми арабскими авторами, где до сих пор сохранились развалины поселений, относящихся к различным периодам. В памяти нынешних жителей Северо-Атрекской степи и Западной Туркмении сохранились предания о том, что вокруг городища Мисриан в 30 селениях жили емрелинцы[1]. По нашему мнению, Дагыстан может быть историческим названием Дехистана. Более того, мы располагаем данными, что эймуры упоминаются в составе так называемых нака туркмен (береговых туркмен), живших в XVI в. на берегах рек Гурген и Атрек, куда емрелинцы могли попасть после опустошения монголами города Дехистана (современные развалины городища Мешеди Мисриан) и деревень вокруг него.

На Балханах емрелинцы жили в соседстве с эрсаринцами и другими туркменами и вопреки существовавшим брачным ограничениям вступали в брак с иноплеменниками. При этом более могущественные в политическом и экономическом отношениях племена могли допускать насильственные меры по отношению к малым племенам. Но дело осложнялось, если представители более слабых и зависимых племен пытались установить семейно-брачные отношения с более сильными. Именно по этой причине емрелинцы вынуждены были покинуть Балханы и уйти, согласно преданию, на среднее течение Амударьи. Именно здесь, в Дарган-Ата, емрелинцы столкнулись с войсками бухарского эмира. Здесь отличился своей храбростью Эмр-Али Кор, удостоившийся звания «сердар».

Подразделения гумлы и даглы у емрелинцев делились на мелкие родовые группы. Большинство этих групп по степени близости кровно-родственных связей располагались попарно и были эндогамными, браки заключались преимущественно только между ними. Гумлы делились на дэдиш-джунейит, бедескаммаглы, коркеченем, гараджа-такырдын, онбеги, шорумса-арчаанлы, гара гоюн, харалар, яры-гарровы. Даглы делились на газак-марып, гара-тайлы, бай-берды ходжа, халам-бекаул, хыдыр-чакан, бай-салтанлы, гарровы-гулак. Эти группы, в свою очередь, подразделялись на ряд мелких колен. Каждая указанная двойная родовая группа на-

[1] Полевые записи автора в Гасан-Кулийском районе в 1960 г.

зывалась «ата-огул» (дословно «отцы-сыновья») и происходила от одного мужского предка. В случае кровной мести, войны и мира они обязаны были выступить совместно. Этот обычай назывался «ар-намысы бир». Они выступали совместно также во время конных и других состязаний, игр и развлечений, устраиваемых во время пиров[1].

Г. И. Карпов в 30-х годах записал названия следующих емрелинских родов:

даглы — бекаул (61 хозяйство), халам (72), беш тыллалык (38), четыр-аяк (21), картал (27), хакым бек, ханджан, сазанда, газак, саума, кене шах, калалы, кара-ходжа, куня, ярмыш-ак, теке, бег, шарав;

кумлы — яры кырмса, багар, бил-бил, гарровы, кара-кумлы, денаш, джунейит, караджа, так-дебак (см. так-языр), арчзаклы, пеккей, бедес, кечемен[2].

До недавнего времени среди потомков емрелинцев сохранялись предания и рассказы о расселении и происхождении отдельных родов. Одни были более уважаемы, чем другие. Самым уважаемым был род марып, или магрып (в переводе с арабского языка — магрып — запад). По преданию, предки магрыпов пришли с запада — из Арабистана. Их родиной были Мекка и Медина. После них поочередно пользовались почетом роды джунейит, пирхан шорумса и т. д.

Название рода «сазанда» (музыкант) связано с родоначальником этого рода, который был известным музыкантом. Со своим дутаром он бродил по Азербайджану, Арабистану и другим местам и завоевал большую популярность. В средние века были часты случаи, когда отдельные туркменские группы уходили в Азербайджан, Ирак, Сирию, Турцию в поисках лучших жизненных условий, позднее они возвратились в Туркменистан. Так, вероятно, случилось и с частью емрелинцев, которая сохранила память о своих скитаниях. Это были многочисленные группы емрели, эймуров, или просто имр, проживающих в указанных странах. Турецкий исследователь Ахмед Рафик на основе архивных документов, относящихся к начальному периоду появления тю-

---

[1] Полевые записи автора в Ильялинском районе в 1969 г.
[2] Карпов Г. И. Этнический состав... С. 120—121.

рок в Малой Азии, упоминает «туркмен-емрелинцев», живших в области Халеб[1].

В составе емрелинцев осели некоторые инородные группы: онбеги является алилинским коленом, халачбекаул — эрсаринским, текке — текинским и т. д. Остальные колена являются емрелинскими. Инородные колена могли попасть в состав емрелинцев в период их обитания в Хиве. Там побывала часть племени сакаров, эрсари, алили, гокленов и др. В основном они возвратились на свои прежние места, но беднейшая их часть («кем-бахал), не имевшая возможности переходить без вьючных животных огромное расстояние, вынуждена была оставаться в Хиве и вошла в состав других племен. Так, например, в составе северных йомудов, емрелинцев, човдуров, карадашлинцев есть небольшие группы гокленов, нохурлинцев, сакаров, текинцев, салыров и даже джемшидов, сохранивших лишь память о своем происхождении. Среди северных емрелинцев (ныне колхоз им. Ленина) проживали сакары (около 15 хозяйств), на участке Сазанда того же колхоза живут потомки эрсаринцев и салыров (около 30 хозяйств), которые считают себя емрелинцами (сохраняя в то же время племенное самоназвание).

В памяти старожилов живы предания об истории расселения емрелинцев (и даже их отдельных родов) в течение последних 2—3 столетий. По словам информаторов[2], подразделение газак жало в Геок-Тепе и Дуруне, колено бай-берди ходжа пришло из Мары, точнее из окрестностей Векил-Базара. Колено халачбекаул пришло из Векиль-Базара, но их родиной был Чарджоу. Когда-то они в качестве «ак ойлы» (вероятно, нукеров[3]) отделились от своего племени. Колена хыдыр-чакан являлись поздними выходцами из Меана и Чаача. Во время ссор им нередко говорили: «Вы пришельцы из Меана и Чаача», подчеркивая этим их более низкое положение в обществе. Последним пунктом пребывания колена яры-гарровы в Южном Туркменистане был Тадженский

[1] Ahmet Refik. Anadoluda türk aşiretleri. Istanbul, 1934. С. 9.

[2] Полевые записи автора в Ильялинском районе в 1969 г.

[3] Подробно об «ак ойлы» и других пережитках военной демократии у туркмен см.: Толстов С. П. Пережитки дуальной организации у туркмен//Проблемы докапиталистических обществ. 1935. № 5. Термин «нукер» в значении воин встречается и в средневековых сочинениях. См.: Фасих Ахмад Махаммад ал-Хавафи. Муджемали Фасихи... С. 167.

оазис. Собравшись в Хивинский оазис из разных мест в XVIII в.—начале XIX в., емрелинцы старались селиться компактно в районах нынешнего обитания.

Существенных отличий от других туркмен у емрелинцев в исполнении религиозно-бытовых обрядов нет. Самыми распространенными, как и у других туркмен, были торжества по случаю обрезания («сунпет тойы»), свадьбы («ника тойы»), по случаю рождения ребенка («огул тойы»), первого бритья головы ребенка («сач тойы»), по случаю достижения возраста пророка («пайгамбер тойы») и т. д. Некоторое своеобразие сохранилось в похоронных обрядах.

У емрелинцев по исполнении ребенку года (независимо от пола) впервые бреют голову. Делает это, как правило, родной дядя ребенка (дайы), то есть брат его матери. Раньше его богато одаривали; обычно же ему в подарок давали хороший халат (серпай). По этому поводу устраивали угощение и приглашали всех сородичей. Ребенка с бритой головой сажали на кошму посреди гостей. В руки ему давали платок. Присутствующие должны были бросать в платок деньги, желая ему долгих лет жизни. В этом древнем, на наш взгляд, обряде внимание могут привлечь два момента. Во-первых, честь, оказываемая дяде ребенка. Судя по всему, это является пережитком матриархальных отношений, когда в роде доминирующую роль играли мать и ее близкие— братья и другие и степень родства определялась по линии матери. У всех туркмен устанавливались очень своеобразные отношения между дядей и его племянниками (по материнской линии). Бытовало много выражений и поговорок об этом. Если ребенок капризный и плачет по по всякому поводу, то его пугали, говоря: «Перестань плакать, иначе на голове дяди появится плешь». По сообщению Абульгази, у огузов бытовало выражение «Не ожидай дружбы от тех, кто рожден дочерьми»[1].

У киргизов бытовал такой обычай: «... дядя не имеет права отказать им (племянникам) до тех пор, пока имеет какое-либо имущество. Просить племянник может все, что ему вздумается. Если же племянник станет просить дорогую для дяди вещь (главным образом любимую лошадь) и дядя откажет ему, то племянник может взять

[1] Абульгази. Родословная туркмен... С. 60.

ее и без разрешения. Мнение стариков (аксакалов) будет на стороне племянника. Злоупотребление племянника этим правилом было настолько обычным, что у киргизов сложилась поговорка: «Джен келгенче джетти бору келеин» — «Лучше пусть придут семь волков, чем один племянник...»[1]. Эти отношения, вероятно, бытовали также у туркмен и других тюркоязычных народов, хотя у туркмен они совсем не изучены. У туркмен, по-видимому, также был обычай, согласно которому племянник (еген), не стеснялся в выборе подарков из имущества дяди (дайы). Об этом свидетельствует выражение «еген ужы ягы» («племянник недруг дяди»)[2]. Бытование этих очень схожих обычаев у туркмен и киргизов свидетельствует о наличии этнокультурных связей между ними, восходящих, вероятно, ко времени древних тюрков, к началу нашей эры.

В обряде «сач тойы» интересен факт сбора денег (а раньше, возможно, чего-то другого). В качестве сборщика выступал сам ребенок. Ему давали деньги также во время обрезания. Одаривание ребенка деньгами и сбор средств в пользу хозяев торжества встречались не у всех туркмен. Этот обряд был распространен у алилинцев[3].

Похоронные обряды емрелинцев и туркмен вообще, содержащие реликты различных религий, бытовали у предков туркмен. Как и у йомудов, у емрелинцев были широко распространены плачи, или причитания (агы). Они имеют форму стиха, нередко сочиняли их близкие родственники умершего. В первый день женщины совершали обряд плача дома, а мужчины снаружи, облокотившись о стены. Мужчины переставали плакать сравнительно быстро.

Языры-карадашлы в XIII—XIX вв. Языры-карадашлинцы — одно из крупных огузо-туркменских племен — появились, согласно письменным источникам, в Южном Туркменистане в XIII в. и в эпоху позднего средневековья наряду с емрелинцами, алилинцами, нохурлинцами

[1] Дыренкова Н. П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов//Сб. этнограф. мат-лов. Л., 1927. С. 10.

[2] Хотя дословный перевод этого выражения и означает «племянник — враг дяди», оно вовсе не понимается туркменами в этом значении и произносится иносказательно, в смысле — племянник не пожалеет дядю.

[3] Полевые записи в Каахкинском районе в 1977 г.

и другими составили дотекинское население Ахала. Они играли значительную роль в социально-экономической, политической жизни и этнической истории Ахала вплоть до прихода туда текинцев.

Первое упоминание о язырах в форме «язгыр» встречается у Махмуда Кашгарского (XI в.) с указанием их онгона и тамги. Более подробные сведения о язырах содержит сочинение Мухамеда ибн Наджиба Бекран «Джеханнаме» («Описание мира»), которое написано для Хорезмшаха Мухаммеда ибн-Текеша (1200—1220) и содержит сведения, относящиеся к X—XIII вв. В этом очень ценном для изучения этнической истории туркмен источнике автор приводит очень любопытные сведения о расселении языров: «Языр — племя из тюрок, которое пришло в пределы Балхана и его гор. К ним присоединилось одно племя из Мангышлака, а другое — из Хорасана. После того они стали многочисленными и сделались сильными. Оттуда они снялись и пришли в Шахрастан и Фераву, затем поселились в крепости. Так, теперь они составляют три племени: собственно языры, языры мангышлакские и языры фарсские»[1]. Эти материалы приводятся в связи с событиями, происшедшими в 1152 г., и достоверно свидетельствуют об обитании языров в XII в. в Южном Туркменистане и о их родовых делениях.

Примерно к этому же времени относятся и сведения арабского автора XII—XIII вв. (1160—1234) Ибн-ал-Асира об огузах и, в частности, о язырах. Он описывал не только события и народы своего времени, но и историю предыдущих периодов, использовав для этого труды ал-Белазури «Ат-Табари» и других ранних авторов. Ибн-ал-Асир в сочинении «Ал-камил-фит-Тарих» писал: «В этом году, в рабиʻ I (III—IV 1160 г.) отряд войск Хорезмшаха выступил к Уджина и напал на Ягмур-хана и тех, кто был с ними из язырских тюрок; они набросились на них и убили множество народов. Ягмур-хан бежал, отправился к султану Махмуду ибн-Мухамед-хану и тюркам-огузам, которые были с ними, обратился к ним, как к родственникам. А Ягмур-хан думал, что Ихтияр-аддин-Инак — это тот, кто возбудил хорезмийцев против него, и стал просить у гузов помощи (против

[1] МИТТ. Т. I. С. 49.

Инака)». Далее этот автор сообщает о сражении этих тюрок с гузами Хорасана, с правителями и о победе над ними[1]. Здесь речь идет о язырах, живших на Балханах в первой половине XIII в.[2] вместе с туркменами ягмырами, балханкухами и кизылами. Кстати, во главе их стоял Ягмур-хан (Ягмыр-хан), который, вероятно, был тезкой упоминаемого Ибн-ал-Асиром Ягмур-хана (1160 г.).

В известных нам письменных источниках вплоть до Рашид ад-Дина (1247—1318) нет других сведений о язырах. Рашид ад-Дин в своем сочинении лишь указывает, что они являются одним из 24 огузских племен, что название языр означает «... много стран будет у него» и что они имели свою тамгу и онгон (орел)[3].

В дальнейшем же сведения о язырах встречаются лишь в сочинении Абульгази «Родословная туркмен», в которой использованы существовавшие до него средневековые арабо-персидские источники (работы Рашид ад-Дина, Джувейни и др.) и рассказы стариков-туркмен. В то же время работа Абульгази содержит ряд ценных и оригинальных материалов, известных только ему и его современникам.

У Огуз-хана было 6 сыновей — Кун-хан, Ай-хан, Йулдуз-хан, Кок-хан, Таг-хан, Тенгиз-хан. У Ай-хана, как и у других его братьев, было 4 сына. По Рашид ад-Дину, их имена следующие: Языр, Дудурга, Дюкер, Япарлы; по Абульгази: Пазыр, Ясыр, Дудурга Дукер[4]. Как мы видим, во втором случае вместо имени Япарлы (иногда Язарлы) появляется имя Ясыр. По Абульгази, наиболее близкими друг к другу были братья Языр и Ясыр. Во время торжеств им выделяли отдельную юрту (в 12 юртах обычно сидели все внуки Огуз-хана по два в каждой). Значение Языр — старший в иле, знак его тамги S, онгон его кончик. Значение Ясыр — «все, что ни окажется перед ним, он опрокидывает», знак его тамги S, онгон его перепелятник[5].

Далее Абульгази, говоря о переселениях огузских племен, сообщает следующее: «Язырский ил ушел в

---

[1] МИТТ. Т. I. С. 398.
[2] Там же. С. 235, 237.
[3] Там же. С. 495, 561.
[4] МИТТ. Т. I. С. 495; Абульгази. Родословная туркмен... С. 51.
[5] Там же. С. 53.

Хорасан и много лет жил в окрестностях Дуруна; по этой причине Дуруп называют йазыровым юртом. Некоторая часть йазырского или поселилась в горах вблизи Дуруна, где занялась земледелием. В настоящее время их называют карадашлы»[1].

В иранских источниках начала XVI в. упоминается местность Языр в Южном Туркменистане[2]. Материалы, собранные В. Мошковой, говорят о том, что потомки карадашлинцев до недавнего времени хоронили своих покойников на кладбище вокруг развалин средневекового городища Шехр-Ислам.

Эти и другие данные согласуются и дополняются полевыми этнографическими материалами, собранными среди потомков языров (карадашлы). После Абульгази название «языр» в источниках почти целиком исчезает. Зато в XVII—XIX вв. неожиданно выступает на историческую арену туркменское племя карадашлы, которое безусловно является преемником огузского племени языров. Языры-карадашлы, жившие с XII в. в Южном Туркменистане, начиная с XVIII в. были вытеснены оттуда занявшими оазис текинцами. Безуспешными были и их попытки удержаться в горных районах, в долинах рек Сумбар и Чандыр, в Атекском и Теджепском оазисах. В конце концов они вынуждены были постепенно в своей массе переселиться в Северный Туркменистан, оставляя группы по всему Южному Туркменистану.

В хивинских хрониках XIX в. Мунисе и Агехи в связи с событиями, происходившими в 1816 г. (в годы правления Мухамед Рахима), говорится о переселении отдельных групп туркмен-карадашлинцев из Южного Туркменистана в Хивинский оазис. Хивинские войска имели цель «... переселить племя (халк) карадашлы, находившееся на восточной оконечности (тумшук) Хисар-тага». Они «... достигли берегов Чандыра ... направились к карадашлы, жившим в числе свыше 150 домов на берегах реки Козсыз Юван-су. Их переселили в Шайтан-Кала, находившуюся около Кары-Кала»[3]. В дальнейшем же (начиная с 1824 г.) они совместно с другими туркменами-йомудами, емрелинцами, гокленами принимают участие в походах хивинских войск на берега Амударьи и Южный Туркменистан, в сентябре 1848 и

[1] Абульгази. Указ. раб. С. 68.
[2] МИФТ. Т. 2. С. 40.
[3] Там же. С. 116, 125.

1852 гг. карадашлинцы и алилинцы, гоклены, емрелинцы, йомуды и другие принимали участие в походе хивинских войск на сарыков, живших в Мары[1].

В советское время изучением родоплеменного состава языров занимались Г. И. Карпов, В. Г. Мошкова, которая записала предания в Бахарденском районе, где проживает небольшая группа потомков карадашлы. Эти материалы дополняются нашими этнографическими материалами. «О язырах, как о народе, как о племени, позже XII в. — писала она, — нет никаких упоминаний в связи с историческими событиями на данной территории» (имеется в виду подгорная полоса. — *А. Д.*)[2] что является, по нашему мнению, неверным. В действительности о язырах (карадашлы), живших около Дуруна, говорит Абульгази; о прямых преемниках языров-карадашлинцев, живших в Южном Туркменистане, свидетельствуют и другие письменные источники и этнографические материалы, которые, вероятно, не были известны В. Г. Мошковой.

По материалам архива хивинских ханов, в 1825—1841 гг. карадашлы уже владели землей в районе Булдымсаза и на нижнем течении канала Ярмыш. Остальная часть этого племени перекочевала в Хивинское ханство в начале 30-х годов XIX в. В архивах хивинских ханов имеются и данные о численности туркменских племен в ханстве[3]. По-видимому, карадашлы с самого начала расселились довольно компактно в низовьях Ярмыша, в северо-восточной части округа Ильялы.

В Южном Туркменистане до сих пор сохраняются географические названия, связанные с карадашлинцами. В долине Сумбар, в аулах Геркез, Юван-Кала есть ущелья Карадашлы-дере, кладбище Карадашлы Овлийэ и т. д. По рассказам нынешних жителей, до прихода гокленов в этих местах жили карадашлинцы. Многолетние чинары, сохранившиеся на Сумбаре, посажены ими. По всей вероятности, карадашлинцы жили здесь после вытеснения их текинцами (в XVIII в.) из подгорной полосы Копетдага вплоть до переселения в Хиву[4]. Дру-

[1] МИТТ. Т. 2. С. 512, 519, 528, 530.

[2] Мошкова В. Г. Отчет о работе этнографической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. в Бахарденском районе ТССР // ТР. ЮТАКЭ. Т. 2. С. 320.

[3] Брегель Ю. Хорезмские туркмены в XIX в. М., 1961. С. 40.

[4] Полевые записи автора в 1960 г. в Кара-Калинском районе.

гая, более значительная часть карадашлинцев, как и емрелинцев, после ухода из Ахала жила в Атеке, в аулах Меана, Чаача, откуда потом ушла в Хиву, некоторые позднее вернулись из Хивы. В аулах Ахалского, Тедженского и Мургабского оазисов в настоящее время проживают потомки карадашлинских семейств. Среди северных карадашлинцев бытует предание о происхождении этнонима «карадашлы» и об их уходе из подгорной полосы.

Раньше карадашлинцы жили в Бахардене и его окрестностях. Текинцы просили разрешения поселиться по соседству с ними. Предводитель карадашлы Языр-хан согласился отвести им землю и воду, если они поселятся среди них небольшими группами[1]. *Текинцы не приняли эти условия. Языр-хан знал, что текинцы большое племя и что силы неравны. Чтобы избежать столкновения, он выделил текинцам небольшой участок земли, а на межах поставил большие черные камни, разграничив землю карадашлинцев и текинцев. Отсюда якобы и происходит название «карадашлы», что по-туркменски означает «люди, имеющие черные камни».*

В предании рассказывается о реальных исторических событиях, происходивших в Южном Туркменистане приблизительно в первой половине XVIII в., в период интенсивного проникновения текинцев в оазис.

Историческое имя Языр-хан мог носить какой-либо энергичный предводитель, живший в эпоху позднего средневековья и пользовавшийся большим авторитетом среди карадашлинцев. Малоубедительна и народная этимология слова карадашлы, хотя существует какая-то связь между ними и толкованием этого слова Абульгази.

И в самом деле, подгорная полоса, где жили языры, изобиловала черными камнями. Окружающее их со стороны степи и песков туркменское население могло назвать их людьми, живущими в каменистых местах. Все это делает правдоподобным толкование Абульгази истории этого названия.

---

[1] Такая тактика принимать представителей других племен в свою среду была присуща почти всем туркменским племенам. Точно так же поступили мургабские текинцы по отношению к салырам, разрешив им поселиться в каждом ауле по 5—10 хозяйств.

После ухода из Южной Туркмении часть карадашлы непродолжительное время жила в Чарджоу и на Мургабе среди салыров и сарыков. Но по ряду причин они не могли там оставаться долго и вынуждены были уйти в нижнее течение Амударьи. Сравнительно долго они жили в Уасе на землях, покинутых текинцами[1]. Карадашлинцы жили на южной окраине Коне Васа, где сохранился колодец Карадашлы, но там не хватало воды, они двинулись в Хивинский оазис, где поселились в окрестностях Ильялы. Это произошло примерно лет 100 тому назад. В настоящее время их потомки живут в 5—6 км севернее от места их первоначального поселения[2]. Туда их вытеснили более ранние обитатели этих мест — йомуды и емрелинцы.

Переселение карадашлы в Хивинский оазис происходило поэтапно. В документах хивинских хроник они обычно именуются «вновь прибывшими». В 1967 г. мы записали в Ильялинском районе несколько преданий о карадашлинцах. Предания почти аналогичного содержания записаны и в Южном Туркменистане в ауле Бендесен (сейчас там живут потомки туркмен-шихов) Кизыл-Арватского района. Первое предание о родстве «святого племени» шихов с карадашлы рассказал 70-летний Кулмурад-ага из колхоза «Ленинград» Ильялинского района. По происхождению ших, он хорошо знает свою родословную[3].

Согласно этим преданиям, предки туркмен-шихов жили в Северном Туркменистане, а предки карадашлы —в Южном. Предок шихов Фахреддин (Фукирэддин) жил в то время, когда в Хорезм с войною пришли китайцы и калмыки. Нашествие кара-китаев в Северный Туркменистан происходило в XII в. В преданиях упоминаются и калмыки, завоевавшие крепости Хорезма. Под калмыками подразумеваются обычно монголы (как это случается в преданиях, очень часто туркмены путают нашествие монголов с набегами калмыков в позднем средневековье). Именно монголы подвергли жестокому разрушению города и крепости Северного

[1] Полевые записи автора в Ильялинском районе в 1968 г.

[2] Сейчас это территория колхоза им. В. И. Ленина Ильялинского района.

[3] Подробно о нем см.: Джикиев А. Народные предания о происхождении туркмен // Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад: Ылым. 1977. С. 121—132.

Туркменистана. Шихи, жившие в Хорезме во главе с их предводителем, видимо, вынуждены были покинуть родные места и уйти в Южный Туркменистан в поисках более спокойной жизни.

Шихи уже тогда составляли привилегированную прослойку населения. Первые монгольские завоеватели не признавали права мусульманского духовенства, не считались с привилегией шихов (рассказ в преданиии о том, что монголы не трогали Фахреддина, маловероятен). Придя в Южный Туркменистан, шихи застали там туркмен-языров (эти события, согласно преданию, происходили в середине XIII в.).

Языры, согласно письменным источникам, в XII—XVII вв. жили в Южном и Западном Туркменистане, и шихи во главе с Пакыр-шихом (так упрощенно мы будем его называть дальше) были дружелюбно приняты ими и жили в мире и согласии. Им были отведены земли в Бендесене. Языры, как и все туркмены, почитали их. Шихи, в свою очередь, не возражали против браков с ними, хотя до этого жили замкнуто и строго придерживались эндогамных браков. Эти связи в дальнейшем переросли в тесные кровно-родственные отношения и, по-видимому, не омрачались за время долгой совместной жизни этих двух групп, которые затем получили название «дайы-еген»[1]. Прочное бытование этого термина свидетельствует о том, что карадашлинцы постоянно поддерживали семейно-брачные отношения с шихами.

Приход текинцев в подгорную полосу нарушил эти

[1] Термин «дайы» у туркмен в самом распространенном значении мыслится как «дядя по материнской линии». Но у этого термина есть и другое значение. У туркмен в прошлом была распространена племенная эндогамия. Каждое туркменское племя считало для себя унизительным выдавать своих дочерей замуж за представителей другого племени. В условиях междоусобных войн иногда более слабые племена становились добычей для более сильных. В таких случаях значительное число женщин слабого племени попадало в плен сильному племени. Так поступали, например, текинцы с сарыками и салырскими семьями, сарыки с салырскими, текинцы с емрелинцами и т. д. Именно по этой причине мургабские текинцы называли сарыков «дайы». Сарыки до сих пор помнят об этом унизительном для них обращении. В Северном Туркменистане, если карадашлинец женился на номудке или емрелинке, то даже в таком конкретном случае представители последних не позволяли своим племянникам называть их «дайы», т. е. дядей. По этой же причине текинцы называли иранцев, живущих по ту сторону Копетдага, также «дайы».

традиции. Наиболее связанная с карадашлы часть шихов вынуждена была уйти вместе с ними. Основная же масса, пользуясь правом неприкосновенности, продолжала жить на старых местах (потомки этих шихов до настоящего времени компактно живут в том же ауле Бендесен). Среди текинцев шихи жили замкнуто. И лишь сравнительно недавно шихи вступают в браки с текинцами и то в редких случаях. Карадашлинцы разрозненно встречались почти во всех районах Южного Туркменистана.

Во время торжественных пиров особое уважение и почет оказывались представителям так называемых «святых» туркменских племен. Затем глашатай спрашивал у гостей: «Есть ли среди них представители или потомки Языр-хана? (Язырхандан ким бар?)». Благодаря родственным отношениям с шихами, карадашлинцы стали как бы их заместителями, изредка делили с ними их почести, хотя это не помешало текинцам объявить их «сайры», то есть бесправными. Этнографические материалы рисуют в целом реальную картину взаимоотношений двух туркменских групп, хотя события в преданиях приукрашены неправдоподобными похождениями и чудесными исцелениями «святого» Пакыра — легендарного предка шихов. Одно предание рассказывает о шести братьях (аналогичные этому предания бытовали у текинцев и эрсаринцев) и о событиях, происшедших в Бендесене, где духовным наставником карадашлинцев был святой Пакыр-ших, указывается и имя карадашлинского хана. Он был волосатым человеком, имел длинные ресницы, что не совпадало с общетуркменским представлением о чистокровном туркмене—иг[1]. Карадашлинцы до сих пор сохранили характерный для них физический тип, монголоидной примеси у них мало. Видимо, облик карадашлинцев в течение нескольких веков испытал сильное воздействие соседних иранских племен и народов; в их состав вошли древние местные племена.

В преданиях сообщается об этнической близости ка-

---

[1] «Иги» отличались редким волосяным покровом на теле, слабым ростом бороды, наличием монголоидных примесей. Туркменские старики на глаз умели определить принадлежность святов к категории «гул», «ярым», если те пытались скрыть от них свое подлинное происхождение.

радашлинцев и алилинцев (они были близнецами), что имеет под собой реальную почву. Об этом родстве нам неоднократно сообщали старики в Ильялинском районе, ссылаясь на рассказы своих дедов, на языковое сходство (в Ильялинском и Ленинском районах до сих пор живут потомки алилинцев) и на аналогичные обычаи и обряды. Об этом их единстве писал великий туркменский классик Махтумкули, ставя рядом языров с алили в стихотворении «Туркменин».

Сами карадашлинцы (за исключением шихов) считали себя в родстве с алилинцами. Это родство могло возникнуть в Южной Туркмении, когда они долго жили в соседстве, а затем были вытеснены оттуда. Судьбы их в течение последних двух веков оказались также аналогичными. Старики в Кара-Кала, говоря о догокленовском населении Сумбара и Чандыра, наряду с карадашлы упоминают и о племенах герейли и алили (на горе Хасардаг сохранились их кладбища).

Современные северные потомки карадашлинцев называют Нур Кара-баир местом проживания своих предков, добавляя при этом, что и сейчас там живет много карадашлинцев, но точное местонахождение Нур Карабаира они указать не могли. В этой связи для нас большое значение имеют материалы, собранные В. Г. Мошковой в Бахарденском районе. Предания об этой местности записаны и нами у туркмен так называемой эсенхановской (хесен-хан) группы—у човдуров в Калининском и у игдиров в Шевченковском районах (Каз. ССР).

Нур Кара-баир, упоминаемый в туркменских преданиях, находится в Нуратинских горах под Самаркандом; издавна эта местность служила пристанищем туркмен, там есть холмы под названием Нур Кара-баир. Там и поныне проживает большая компактная группа туркмен, которая, по мнению В. Мошковой[1] и ряда других исследователей, живет здесь издавна.

Как и когда карадашлы и другие туркмены из Нур Кара-баира пришли в Южный Туркменистан, пока неизвестно. Тем не менее есть основание полагать, что еще в XI в. во время передвижения сельджуков на юго-

[1] Мошкова В. Г. Этнографическая поездка к туркменам Самаркандской области // Советская этнография. 1947. № 4.

запад и в последующем (XII—XIII вв.) огузское племя языры вместе с другими тюркоязычными племенами попали в горы Нур Кара-баир. Оттуда, как гласит предание самих нуратинских туркмен, основная масса туркменских племен ушла на запад, и лишь маломощные из них («агсак товсак») остались в Нуратинских горах. Именно среди этих ушедших на запад туркмен и могли оказаться языры. Это, по-видимому, произошло до XII в., так как примерно с этого времени письменные источники сообщают о язырах, живших в Южном и Западном Туркменистане.

В Геок-Тепинском районе сохранились развалины крепостей, жилых построек, заброшенные канавы и посевы. Считают, что на кладбище Бовга-депе (в ауле Бовга под Геок-Тепе) похоронены карадашлинский и алилинский предводители. В Хурманд-кала[1] правили карадашлинский и алилинский ханы. Хурманд-кала в дореволюционное время была обнесена большим забором и занимала огромную (почти квадратную) площадь в центре одноименного аула (размеры ее равняются приблизительно 300 кв. м.). По 4 углам находились башни. В ауле Хурманд-гокдже потомки карадашлы и алили[2] еще недавно селились вместе, внутри крепости держали скот[3]. О наличии какой-либо компактной группы карадашлы в Ахале говорить не приходится. В Бахарденском районе они живут на краю оазиса, среди песков, занимаясь в основном скотоводством. Их семьи живут вблизи колодцев, расположенных в окрестностях развалин средневекового городища Шехр-Ислам, которое, по предложениям исследователей, принадлежало язырам. Здесь сохранилось старое карадашлинское кладбище. Карадашлинцы, жившие у колодцев Гурыбай, Гоккол и других (около Шехр-Ислама) местах, в отличие от окружающих их текинцев и шихов, хоронят своих покойников только на этом кладбище.

Лишившись права на воду и землю, карадашлин-

[1] Упоминания об этой крепости имеются в письменных источниках эпохи позднего средневековья: Аннанепесов М. и Хатиби С. Сведения о туркменах и Туркменистане в первой трети XVIII столетия в сочинении Мухаммеда Казема «Тарихи Надири» // Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук. 1964. № 4.

[2] В отличие от карадашлинцев, алилинцы, жившие среди текинцев, в конце XIX в. переселились в Каахка и соединились со своими соплеменниками.

[3] Полевые записи автора в Геок-Тепинском районе в 1967 г.

цы попали в зависимость от текинцев. Даже после присоединения Туркменистана к России некоторое время они не пользовались этим правом, называясь попрежнему «кесеки» из категории «сайры». Почти в каждом ауле имелись карадашлинские семьи, лишенные права на воду[1] и вынужденные либо арендовать земли у богатых скотоводов, либо искать новые земли, никем не занятые и малодоступные. Часть карадашлинских семей, имея незначительное количество скота, как уже говорилось, поселялась на границе песков. Другая их часть занималась богарным земледелием (думе) в горах Копетдага. Эти места до сих пор называются «карадашлынын думеси» (богарные земли карадашлинцев). В Ахале карадашлинцы и алилинцы по возможности стремились жить в одном квартале. Между ними не существовало семейно-брачных ограничений, наоборот, устанавливались тесные кровно-родственные связи. Несмотря на зависимое положение, карадашлинцы старались не смешиваться с текинцами и держались обособленно. Информаторы говорили, что «карадашлы стараются не смешиваться» и заключают браки со своими. Текинцы относились к ним с некоторым почтением. Остатки емрелинцев, анаули, жившие среди текинцев, относились к категории «караягыз» (дословно — смуглые, черные), «гул». Но они находились в более предпочтительном положении, чем выходцы из Ирана. По преданию, Коушут-хан был рассудительным, умным человеком и понимал, что немыслимо сохранить чистоту крови текинцев. Поэтому якобы он советовал им относиться более благожелательно и терпимо к другим туркменам, говоря им: «Кем бы ни были ваши соседи, вы должны породниться с ними. Женитесь на их дочерях и выдавайте за них своих». В целом же текинцы признавали карадашлы равными себе туркменами по «кости» — «сунги ден» и заключали с ними браки.

Как рассказывал Кошук-ага (сельсовет Хурмандгокдже Геок-Тепинского района), в дореволюционное время в Геок-Тепе в семье одного карадашлинца жила молодая вдова. По обычаю она должна была выйти замуж за карадашлинца. Брат вдовы знал, что если случится так, то он останется без выкупа. Поэтому он

[1] Таиров Я. Материалы по земле-водопользованию у туркмен Ахала. Асхабад. 1901.

решил продать свою сестру за большой выкуп богатому текинцу. Карадашлинцы, узнав о его намерениях, немедленно вмешались и выдали вдову за «своего», хотя последний и не был подходящим для такого брака.

Южные карадашлинцы до недавнего времени сохраняли некоторые антропологические особенности, хотя по языку, материальной и духовной культуре ничем не отличались от окружающего населения.

Большая группа потомков карадашлинцев проживает в Каахкинском районе в аулах Меана, Чаача, в Теджене и других местах[1]. По словам информаторов, карадашлинцы и емрелинцы живут также в аулах Мургабского оазиса.

Как и у большинства других туркмен, у карадашлы было два крупных деления, которые в свою очередь разветвлялись на множество родовых групп различного происхождения. Одни группы были мелкими и очень напоминали большую семью, другие составляли население нескольких аулов. В Северном Туркменистане, где карадашлы жили компактно, они селились по кровно-родственному признаку. Сородичи стремились жить совместно. Мелкие роды составляли отдельные кварталы аула, но более крупные жили в нескольких аулах.

В составе карадашлы распространены, как и у всех туркмен, роды гызыл, даали, косе, бай, казы и др., но есть родовые названия, которые встречаются только у них: нурулла бахти, орман (их иначе называли «хайванлар»), татран, менгиш, мелишге. Вероятно, аналогии им нужно искать у соседних с туркменами южных народов. Название рода «якалы бамылы» происходит от местности Бами в Южном Туркменистане, где жили когда-то карадашлы. Род джунейит[2], по нашему предположению, появился в составе карадашлы сравнительно недавно, в период их жизни в Хиве. В составе северных йомудов и емрели есть аналогичные роды.

Этническая группа арап живет в Самаркандской и Бухарской областях Узбекской ССР. Там они составляли значительное число и не смешивались с узбеками.

---

[1] По словам вышеупомянутого Кошук-ага, тедженские карадашлинцы до недавнего времени поддерживали родственные связи со своими сородичами из Геок-Тепе.

[2] Родоплеменные названия и имена «Джунейид», тавачи (дуечи) встречаются в труде ал-Хавафи «Фасихов свод».

В Туркмении же они жили в составе крупных туркменских племен на правах самостоятельного рода, сохранив лишь свое название. По словам информаторов, «арабы» благодаря ограниченности семейно-брачных отношений с соседями отличались своим физическим обликом и некоторыми другими особенностями. Браки заключались в основном внутри своего рода. Время вхождения «арабов» в состав карадашлы установить не удалось. Группы «араб» в составе различных туркменских племен, видимо, являются значительно ассимилированными потомками арабов, проникавших в Среднюю Азию с VII века.

По нашему мнению, название рода «сумесин» восходит к названию «семедин» — одной из крупных групп туркмен-огурджали, живущих на юго-восточном побережье Каспия. Об этом роде сообщали Н. Н. Муравьева, Г. В. Карелин и многие другие исследователи и путешественники. Но, как это ни странно, в источниках конца XIX в. сведения о них совершенно исчезают. Не дали никаких результатов и наши поиски в этом районе. Племя дуеджи было одним из основных компонентов туркмен-огурджали, а семедин входил в их состав. Оставшиеся на побережье дуеджи известны под названием диеджи и хивачи. Значительная часть дуеджи примерно в середине XIX в. переселилась в Хивинский оазис. Небольшая часть из них, вероятно, возвратилась обратно на побережье, получив новое название — хивачи, т. е. хивинские. Основная же часть их осталась там и разбрелась по всему оазису. Среди туркмен, живущих в Каракалпакии, также был дуеджинский род семедин. Карадашлинский род сумесин, вероятно, также происходит от дуеджинского рода семедин и вошел в их состав в Хивинском оазисе.

Карадашлинцы в целом несколько отличаются от других туркмен и стоят обособленно. Это объясняется, во-первых, тем, что длительное время (в XII—XVIII вв.) они жили в Южной и Западной Туркмении (Балханы и подгорная полоса Копетдага) и были подданными то Ирана, то Хивы. Карадашлы было одним из земледельческих туркменских племен, издавна живущих оседло. Это мирное племя сравнительно мало подвергалось набегам и карательным акциям соседних феодальных государств. Вплоть до выселения из Южного Туркмени-

стана они не совершали длительных и дальних переселений и перекочевок. Печальная участь постигла их лишь в XVIII в., когда могущественное туркменское племя текинцев начало медленно, но уверенно проникать в оазис. Но этот процесс не мог оказать заметного влияния на этногенез карадашлинцев, и они сохранили свойственный им физический тип.

Карадашлинцы и по типу, и как особое племя с характерной для него материальной и духовной культурой сформировались в XII—XVIII вв. В течение этого времени они впитали в себя всестороннее влияние как со стороны народов Ирана, так и со стороны соседних туркменских племен. В это время происходил неизбежный для всех народов процесс синтеза этнических групп. Преобладанию у карадашлинцев индоевропейских элементов и способствовали эти долгие процессы. В ином положении оказались другие туркменские племена из огузского цикла (за исключением емрелинцев). Эрсары, салыры, сарыки, човдуры, игдиры, в целом сохранив свой первоначальный тюрко-огузский тип, оказались вдали от границы соприкосновения с народами Ирана, хотя они испытали некоторое воздействие со стороны хорезмийцев.

В настоящее время потомки карадашлинцев сохранили лишь незначительные локальные особенности и являются частью туркменской нации.

Раздел 3. Этнические и миграционные процессы

Распад салырского племенного союза, вызванный рядом объективных исторических причин (главными из них были высыхание русла Узбоя и Сарыкамышского озера и резкое оскудение естественно-природных условий), привел к значительным миграционным процессам: крупные и мелкие племена, входившие в союз, начали переселяться в южные оазисы Туркмении. Это вызвало значительные перемещения населения оазисов Туркмении. К началу XVIII в. они разными маршрутами (преимущественно через южные районы) оказались в Южном и Юго-Восточном Туркменистане, интенсивно проникали и «осваивали» культурные зоны. Так как в этом районе почти не было «пустовавших» земель, и оазисы и

так испытывали нехватку воды, то естественно, что «освоение» это шло в основном насильственно, путем вытеснения и ассимиляции крупными и сильными племенами более слабых и мелких. Это происходило в тесной связи с общими этническими процессами в Туркмении и ускорило их.

Для лучшего понимания исторической обстановки накануне переселения текинцев в Южный Туркменистан считаем целесообразным привести данные о племенных объединениях саинхани и эсенхани и союзе теке-ёмут, возникших в Западном Туркменистане после распада салырского племенного союза[1].

В эпоху средневековья у огузов, а затем и у туркмен сохранялось деление на два крыла, которое закрепляется затем вплоть до новейших времен у большинства туркменских племен[2]. Достаточно вспомнить племена огузов-туркмен, которые делились на левое и правое крыло, на «внутренних» (ички) и «внешних» (дашки) (в том числе и у салырского объединения). Наконец, в эпоху позднего средневековья основная масса туркмен делилась на саин-хан (сойин хан) и эсен-хан или на сойин-или и эсен-или. О делении на саинхани и эсенхани и об их составе очень лаконично и неопределенно упоминается в «Истории Туркменской ССР»: «К первой группе принадлежало громадное большинство племен, к второй — човдурцы, игдыры, абдалы и некоторые другие мелкие северные племена»[3]. О туркменах саинхани, расселившихся почти по всему Южному Туркменистану, упоминается в источниках, освещающих события 1724 г.: «Группа туркмен саинхани, которая обитала в районе Мерва, на берегах р. Джейхун, в Джурджане и Дешти-Кипчаке, в это время неоднократно ра-

---

[1] Говоря об этом переселении, необходимо отметить, что текинцы издревле жили в центральной и южной частях Туркмении. В целях сохранения независимости и чтобы не платить подати, они, как и другие крупные туркменские племена, кочевали между Амударьей и Каспийским морем, нигде подолгу не оседая.

[2] Такое деление характерно и для киргизов, каракалпаков и некоторых других народов. На это деление у туркмен впервые обратил внимание С. П. Толстов. См. статью: Пережитки дуальной организации у туркмен // Проблема тотемизма и истории докапиталистических обществ. 1935. № 9—10.

[3] История Туркменской ССР. Т. 1. Ч. 1. С. 373.

зоряла Хорасан и границы области Мазандеран»[1]. Это деление было основано на принципе общности происхождения, близости духовной и материальной культуры и говора. Составы этих объединений изменчивы и неточны. По письменным источникам и этнографическим данным можно определить приблизительный состав групп саинхан и эсенхан. Это деление было популярно среди туркмен. Достоверных сведений о его происхождении в письменных источниках нет, по-видимому, оно берет свое начало из недр первобытно-общинного строя, являясь, по определениям С. П. Толстова, его пережитком. По данным Абульгази, Сейин-хан[2] — прозвище известного сына Чингиз-хана — Батый-хана, под властью которого находилась часть туркмен.

В историко-этнографической литературе эпохи позднего средневековья мы часто встречаем сведения о саинхановских и хесеновских туркменах, об их предводителях Сойин-хане и Эсен-хане (иначе Сойин-или, Эсен-или) много сведений и в туркменских родословных — седжере и народных преданиях: «Название «сейин-хановские туркмены» свидетельствует не о союзном объединении, а о былом вхождении этих туркмен в удел Батыя, который носил, как известно, прозвище «Сейин-хан»... Нужно полагать, что название «сейнхановские туркмены» в XVI в. сохранилось только как историческая традиция, что не исключает, конечно, возможности предполагать между племенами, относившими себя к этой группе, наличия известной племенной солидарности и даже родственных связей, которые создались в результате длительного совместного обитания на одной территории»[3]

По нашему мнению, данное определение названия «саин-хан» неудачно. Ошибочно также утверждение В. Г. Мошковой о том, что в XVI в. название «сейнхановские туркмены» сохранялось как историческая традиция, тогда как оно, как и название «эсенхан», впервые появилось в исторических сочинениях именно в

---

[1] Аманлыев О. Туркменистан и туркмены в первой половине XVIII в. Ашхабад: Ылым, 1980. С. 68.

[2] В исторической литературе встречаются разные формы этого названия (по-туркменски Сойун-хан).

[3] Каррыев А., Насонов А. Н., Якубовский А. Ю., Мошкова В. Н. Очерки... С. 184.

XVI в. и продолжало иметь практическое значение вплоть до XIX в. Об этом говорят письменные и этнографические источники.

О делении всех туркмен на группы сойинхан и эсенхан и об их составах говорится в родословной, приведенной П. Небольсиным и записанной им в середине XIX в. у ставропольских туркмен: «Туркмены, или как их у нас зовут, трухмяне, совершенно уверены, что они происходят от одного общего родоначальника Турка!... От его сына Союн-хана произошло восемь сыновей... которые назывались: 1—Салыр-Сарык... 2—Ерсары, 3—Коклен, или Гоклен, 4—Эмир, 5—Теке, 6—Юмуд или Йомуд, 7—Кайы и 8—Баят»[1]. На деление туркмен на сайинхани и эсенхани указывал и Г. И. Карпов: «Покойный знаток туркмен Н. Н. Йомудский — Карашхан оглы имел «шеджере», согласно которой в группу «сайинхановских» туркмен входили: йомут, теке, сарык, имрели и салыр, а в группу «эсенхановских»: дуеджи, арабачи, карадашлы, алили, човдуры и гоклены... По другой родословной в группу эсенхановскую ... входят човдур, бурунджик, бозхаджи игдир и абдал... Под именем Сайин-хан, по шеджере йомудов, подразумевается Алп-Арслан сельджук, а также Батый, а под именем Эсен-хан — предок всех туркмен — Огуз-хан»[2]. Но составы этих групп у разных авторов не совпадают. Названия Сойин-или и эсен-или встречаются в формах сайи-хана, сейил-хана, эсен или, Хесен хана, Хасян или и т. д.[3]. В письменных источниках эпохи позднего средневековья упоминается племя сайинхани, жившее на Атреке и Гургене. Туда, они, видимо, в XVI в. переселились с севера, то есть Северо-Восточного Прикаспия, из Мангышлака и Балханов. Сведения о йака-туркменах и туркменах-сайинхани впервые появляются в персидских письменных источниках начиная с XV в. В первой половине XVI в. население Хорасана (область Хорасан в письменных источниках XVI—XVII вв. упоминается отдельно от Ирана) было подвластно сефевидам Ирана. В письменных источниках туркмены упо-

[1] Небольсин П. Указ. раб. С. 51—52.
[2] Карпов Г. И. Этнический состав... С. 19—20
[3] У северных узбеков также одно из двух делений носит название «сейид».

минаются обычно в связи с восстаниями и военными походами. В работе придворного иранского автора Хондемира «Хабиб-ус-Сыяри» йака-туркмены отождествляются с туркменами-саинхани, в их состав входило и племя герейли[1].

По данным анонимного персидского источника «Алам-ара-и Сефеви», в конце XV — первой половине XVI в. туркмены жили в основном на территории нынешнего Туркменистана и Астрабадской области. В Астрабадской области жили туркмены — йака-саинханы, герейли, охлу. В Бадхызе жили туркмены племени карравы[2]. В начале XVII в. Искандер-бек Мунши, происходивший «... из туркмен Азербайджана», в своем сочинении «Тарики алям ара и Аббаси» («Аббасова мир украшающая история») писал, что в Астрабадской провинции Ирана живут туркмены, которые «... принадлежат к (туркменскому) племени саин-хани, среди большинства известны под именем «йака-туркмен» и находятся в зависимости от хорезмских султанов». Имеются сведения о том, что «... туркмен сайинхани... живет в пределах Астрабадской области между Атреком и Гургеном, ... что к их племени принадлежит и племя эймуров, менее многочисленное по сравнению с прочими племенами саинхани»[3]. В другом месте этого источника имеются также сведения о «... племени и родах в улусах саинхани, состоящих из охлу, гекленов, эймуров, салыров и других...»[4].

Даже в письменных источниках XVIII и начала XIX в. имеются сведения о том, что саинхановские туркмены своими набегами беспокоят Астрабад и его окрестности. Большой и интересный материал о туркменах саинхани дают иранские письменные источники XVI—XVII вв. Придворный историк Хасан-бек Румли сообщает о том, что в начале XVI в. около Астрабада жили «береговые туркмены». По сообщению другого придвор-

[1] Экаев О. XVI-асырын башында Каспи якасы туркменлериниң сефевидлере гаршы гозгалаңы. (На материалах анонимного источника «Алам-ара-и Сефеви»)//Изв. АН ТССР. СОН. 1975. № 3 (Восстание прикаспийских туркмен в начале XVI в. против сефевидов). С. 20

[2] Экаев О. Письменные источники об общественно-политическом строе туркмен конца XV — первой половины XVI вв. // Памятники Туркменистана. 1976. № 2. С. 23.

[3] МИТТ. Т 2. С. 67, 89.

[4] МИТТ. С. 94.

ного историка конца XVI—нач. XVII в. Искандер-бека Туркемана, туркмены саинхани-охлу, гоклены, эймуры, салыры жили на берегах рек Атрек и Гурген[1].

В другом иранском источнике XVII в. Мухаммеда Тахира «Фартухати Ферудине» («Победы Ферудина»), говорится о намерении персидского наместника Ферудина разгромить и уничтожить туркменские племена эймуров, охлу, аджиллы, хызырили, дуеджи, карлыджалу, додурга, салыр, кушчи, входившие в объединение саинхани[2].

Как видим, в XVII в. в составе саинхани появляются новые племена — дуеджи и хызырили. Эти племена, согласно Абульгази, до XVII в. жили сначала на берегах озера Сарыкамыш и Узбоя, а затем по известной причине вынуждены были уйти оттуда на берега Амударьи, в Южный, Северный и Юго-Западный Туркменистан. Именно по этой причине, видимо, попала в среду береговых туркмен какая-то часть племен дуеджи и хыдырили. Основная масса последних переселилась на берега Амударьи.

В персидских источниках начала XVIII в. говорится: «Туркмены саинхани, жившие в Астрабадской провинции, уклонившись от подчинения, стали проявлять непокорность»[3]. А в источниках начала XIX в. имеются почти аналогичные сведения о туркменах саинхани, живших в Астрабадской провинции: «В этом году (1218 г., то есть в 1803 г.) беглербеги астрабадский прислал ко двору донесение о разбоях и бунтовстве саинхановских туркмен и жаловался на них»[4].

В персидских и хивинских источниках XIX в. деление туркмен на саинхан и эсенхан встречается реже. По-видимому, такое деление потеряло свое политическое и экономическое значение, хотя оно еще долго сохранялось в памяти туркмен. Недаром эти материалы проникли и в работы европейских авторов XIX в. Среди туркмен очень распространены личные имена Союн и Эсен, что, по нашему мнению, является следствием этого деления. В преданиях Союн-хан значится как имя

[1] Атаев О. XVII—асыр Этрек-Гурген туркменлерини тарыхына дегишли тэзе чешме // Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук. 1975. № 5. С. 29.

[2] Атаев О. Там же. С. 29.

[3] Мехди хан Астрабадский. Тарихи Надири // МИТТ. Т. 2. С. 11.

[4] Там же. С. 206.

предводителя, предшествовавшего Кеймир-Кору и под водительством которого туркмены начали проникать в Юго-Западный и Южный Туркменистан. Имя Батый-хана — Сейин-хана, появившись в позднем средневековье, наряду с именем Эсен (Хесен-хана) стало очень популярным. Названиями Сейин-хан и Эсен-хан наполнены все исторические сочинения, народные предания и родословные туркмен. Согласно этнографическим данным, в группу туркмен саинхани входили в основном текинцы, йомуды, сарыки, эрсары, гоклены и емрели. В эту группу, кроме того, входили эймуры, карадашлы и алили[1]. Такой состав туркмен сайинхани примерно совпадает с составом туркмен, входивших ранее в состав «внешних» салыров.

Аналогичное деление на два крыла или отдела до более поздних времен сохранялось и у некоторых соседних народов. В генеалогических преданиях, записанных Т. А. Жданко у каракалпаков Хорезмского оазиса и Л. С. Толстовой у каракалпаков Кенимехского района Бухарской области, рассказывается: «Происхождение всех узбеков одно, самый древний их предок — Майкибий. От Майки-бия происходят Жанлхан и Сейилхан. От Жанлхана происходят каракалпаки, от Сеилхана — теке и йомуды»[2]. Названия Сейл-хан и Сойин-хан идентичны. Данное предание является подтверждением историко-этнографических материалов о родственных и этнокультурных контактах туркмен с каракалпаками и другими народностями и племенами дешти-кипчакской группы.

Итак, основное ядро туркмен группы саинхани в эпоху позднего средневековья составляли текинцы, йомуды, сарыки, эрсары и другие племена, входившие до этого в салырский племенной союз, хотя в группу саинхани входила, вероятно, и небольшая часть салыров.

Мало сведений в письменных источниках о союзе теке-йомудов. Сравнительно подробные данные о нем приводит М. Аннанепесов: «До прихода в Ахал текинцы жили в Западном Туркменистане вокруг Балхан-

---

[1] Атаев К. Указ. раб. С. 65.

[2] Толстова Л. С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Фольклор и этническая история. М., 1977. С. 162.

ских гор. В рукописи «Кеймир Кор»[1] указывается на начало XVII в. как на время прихода туда текинцев ввиду прекращения стока воды по Дарьялыку и Узбою. В середине XVII в. Абульгази два года прожил среди гостеприимно встретивших его текинцев. Возможно, что в XVII в. теке и номуды на паритетных началах образовали племенной союз «теке-номуды». В русских документах, связанных с экспедицией А. Бековича-Черкасского, говорится о «туркменской орде татаров, а именно текейи-юмутцах». В узбекской поэме «Раушен» также есть упоминание о «земле така-явмута». Еще раньше, а, может быть, и одновременно с союзом «текейомудов существовало крупное объединение санханов-ских туркмен, куда теке, по-видимому, не входили»[2].

В упоминаемом М. Аннанепесовым архивном документе, относящемся к началу XVIII в. (в Сводке из донесений об экспедициях А. Бековича-Черкасского и А. А. Ножкина), говорится о том, что в районе Балханских гор обитают «... текейи-юмутцы, огружинцы, кукляны, юмутцы, в том числе и... улус татары балханцы»[3].

Любопытно, что здесь йомуды упоминаются отдельно от группы теке-йомудов. Загадочную и почти неизученную группу составляют группы «татар», жившие в районе Балханских гор и в Мургабском оазисе. О них упоминается и в других источниках. По нашему мнению, теке-номудский союз входил в объединение туркмен, возможно, на автономных началах, что подтверждают указанные письменные, полевые этнографические материалы, судя по которым, деление санихан имело прямое отношение к текинцам, а текинцы относили себя к санихановским туркменам. О союзе «теке-номуды» сообщает и С. Г. Гмелин, посетивший северо-восточное побережье Каспийского моря в 1773 г. Он делит туркмен только на мангышлакских и астрабадских. Астрабадские туркмены, по его данным, «... составляют племена, которые называются: текеявмут, гокчи и угорджали... Племя текеявмут, которое сокращенно называется джумут, состоит из 12 000 семей. Они населяли местность возле Балханского залива... Занятия племени текеямут

[1] Хранится в рукописном фонде ИЯЛ им. Махтумкули АН ТССР. Инв. № 1651.

[2] Аннанепесов М. Хозяйство туркмен в XVIII—XIX вв. Ашхабад: Ылым, 1972. С. 54.

[3] Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв.: Сборник архивных документов. Ашхабад: Ылым, 1963. С. 12.

Родовое деление помудов-джафарбайцев

и гокча состоят в скотоводстве. В этом отношении они превосходят мангышлакских туркмен. Кроме того, они занимаются продажей рабов»[1].

В начале 60-х годов нами было высказано предположение, что «...текинцы, которые жили на побережье, являются потомками тех текинцев, или текеямутцев, которые кочевали в районе Балханских гор и по берегам Каспийского моря в XVII в.»[2]. Эти текинцы вошли в состав туркмен-огурджали.

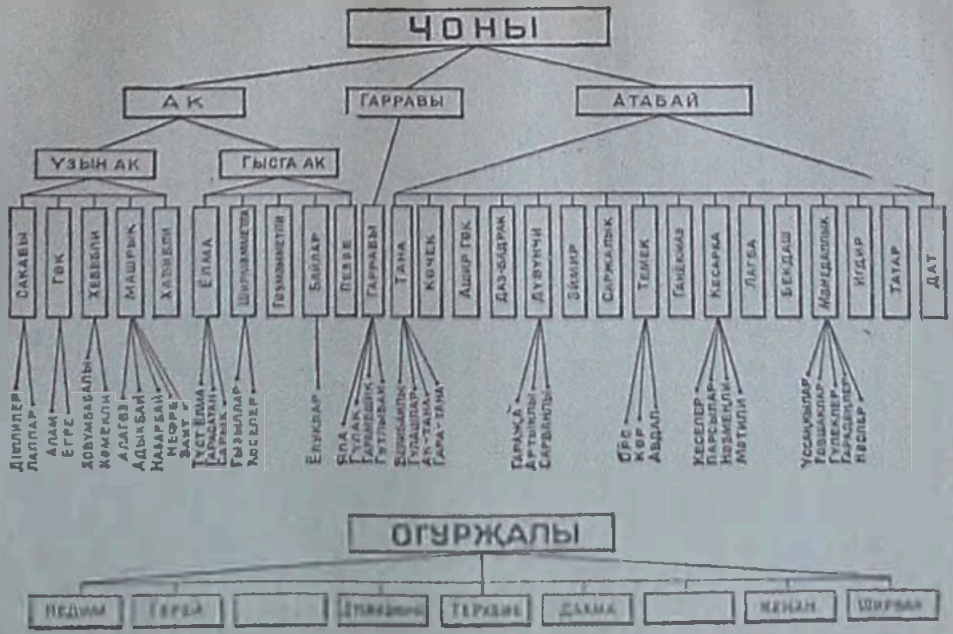
Ко времени С. Г. Гмелина самого теке-йомудского союза уже не существовало, и он записал от мангышлакских туркмен или казахов эти сведения со слов стариков. Об этом можно судить и по численности «текеявмутов» и по тому, что их иначе называют джумут, то есть йомут в казахском произношении. В произведениях классиков туркменской литературы XVIII—XIX вв. также сохранились упоминания о теке-йомутах, о том, как они сообща отражали нападения соседних феодальных государств. Например, в стихотворении Махтумкули Фраги «Туркмен бинасы» говорится: «Если текеемуд, языр-гоклен и Ахал объединят свои усилия, то зацветут наши поля и сады (перевод с туркменского)»[3]. Махтумкули и его последователи — Сеиди, Зелили и другие классики туркменской литературы в своих произведениях не раз говорили о необходимости объединения теке и йомудов, алили и языров (карадашлы) и всех туркменских племен.

К сожалению, письменные источники и этнографические материалы не дают подробных сведений о взаимоотношениях в этом союзе между племенами, о его контактах с другими племенными союзами. Как уже говорилось, салырский племенной союз существовал примерно в XIV—XVI вв. в Западном и Северо-Западном Туркменистане. В XVI в. союз распался на пять крупных

[1] Гмелин С. Г. Путешествие по Каспийскому морю на восточный его берег в 1793 г. Пер. с немецкого//Труды Туркм. геогр. об-ва (ТГО). Вып. 1. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1958. С. 216. Кстати, следующее путешествие С. Г. Гмелина на кавказский берег «оказалось роковым... выйдя из Дербента в Кизляр, он по дороге был схвачен в плен... скончался, не дождавшись свободы». См.: Попов И. П. На берегу Каспия. Юрьев, 1911. С. 118.

[2] Джикиев А. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря... С. 51.

[3] Магтымгулы. Сайланан эсерлер. Ашгабат: Туркмендовлет нешрияты, 1959. С. 307.



Родовое деление ак-атабайцев и огурджалы

племен. Первыми из Балхан и Мангышлака ушли эрсаринцы, салыры и сарыки. По-видимому, эрсаринцы частично ушли в Хорезм, частично же — в подгорную полосу Копетдага, выйдя в верховья реки Мургаб, где в XIX в. еще жила часть эрсаринцев-чаршанги[1]. О значительной группе, отставшей от основной мигрировавшей массы эрсаринцев в Южном Туркменистане, есть сведения и в материалах, собранных Г. И. Карповым[2]. В начале XVIII в. они заняли берега среднего течения Амударьи и обосновались там. Их ближайшие соседи и бывшие союзники сарыки долго бродили между Хивой, средним течением Амударьи и Мургабским оазисом, пока наконец в начале XIX в. не осели в Мургабском оазисе.

Салыры на протяжении всего средневековья жили разрозненно в Западном и Юго-Восточном Туркменистане. Вплоть до XVI в. они были наиболее мощным и независимым туркменским племенем.

Когда основная часть салыров ушла из Мангышлака (они жили севернее эрсаринцев, сарыков, теке и йомудов, по соседству с човдурами), союз окончательно распался, собственно салырское племя ослабело... Этим воспользовались их соседи — туркмены човдурского племенного объединения, которые стали искать повод для столкновения с салырами и в конце концов вытеснили их[3]. После долгих скитаний салыры пришли на берега Средней Амударьи. Здесь это сравнительно крупное племя разделилось на две группы — на амударьинских и мургабских салыров (затем серахских). Хозяевами Больших и Малых Балханов стали текинцы и йомуды, создавшие вышеупомянутый теке-йомудский союз. Он существовал сравнительно недолго. Как известно, на Балханах и на Мангышлаке мало водных источников и нет условий для ведения интенсивного скотоводства и земледелия. В силу этих и ряда других причин текинцы начиная с конца XVII в. стали прони-

[1] Лессар П. М. Указ. раб. С. 40.

[2] Рукописный фонд ИЯ и Л. АН ТССР. инв. № 115. Туркменские племена Ашхабад, 1928. РФ ЦНБ АН ТССР. В них сообщается об эрсаринцах, оставшихся в Красноводском районе и в селе Багир Ашхабадского района.

[3] Подробно об этом см.: Седжре—родословная туркмен», хранящуюся в РФ ИЯЛ АН ТССР. Инв. № 1040.

кать в оазисы Южного Туркменистана. Йомуды, оставшись одни, расселились на огромном пространстве между Хивинским оазисом и в междуречье рек Атрек и Гурген на юге.

Туркмен салырского племенного союза по их этнографическим особенностям и происхождению можно делить на две группы: 1— салыры, эрсаринцы и сарыки; 2—текинцы и йомуды. Эти группы в этнографическом отношении отличаются друг от друга. Первая группа наиболее близка к древнетюркской и огузской среде (известно, что в огузскую группу туркмен входили племена различного происхождения), их родовой состав богат средневековыми туркмено-огузскими этнонимами. Об этом же говорят и данные материальной и духовной культуры. По этим признакам к ним близки туркмены човдурского племенного союза — човдуры, абдалы, игдыры, бозоджи и буруиджик, а также гоклены, арабачи, каркыны и другие туркмены, происходившие из огузской среды. Так, в женской одежде эрсаринцев, сарыков, човдуров бытовали аналогичные повязки-платки на головном уборе — «дастар», имевшие желтый оттенок.

Во вторую группу салырского объединения входили текинцы, йомуды и примкнувшие к ним мелкие племенные группы (бурказы, дуеджи и др.). По основным признакам они значительно отличались от туркмен первой группы. По происхождению и особенностям этнической истории они также стоят среди туркмен несколько обособленно. В родовом составе текинцев, например, мало огузских племенных названий. Родоплеменной состав текинцев и йомудов более разнородный. Говоря о туркменах салырского объединения, следует сказать, что племенные названия эрсары, теке и йомуд сравнительно позднего происхождения. Лишь салыры значатся в списке огузских племен, о которых приводится много сведений в средневековых письменных источниках. Несмотря на упоминания в более ранних источниках, в списках огузских племен сарыков не было.

Сведения о йомудах и эрсаринцах как о племенах появляются в известных нам письменных источниках лишь в период позднего средневековья, хотя исторические предания и другие полевые этнографические материалы уводят их историю в период раннего средневе-

Родовое деление северных ногайцев

ковья в низовья реки Сырдарьи. Впоследствии они стали самыми крупными и могущественными туркменскими племенами. Происхождение племенного названия «эрсары» в какой-то степени объяснимо. Энергичный и храбрый предводитель какого-то рода по имени Сары (или Эрсары) сумел завоевать авторитет и признание среди большой группы туркмен, сплотил группу больших и малых племен и организовал их союз. А туркмен, находившихся под руководством Эрсары-бая (или Эрсары-баба) стали именовать эрсаринскими туркменами. Таким образом могло возникнуть племенное название эрсары.

Как мы увидим в дальнейшем, почти все туркменские племенные названия происходили от имен их предводителей: мифических, легендарных и реально живших. Аналогичную ситуацию можно наблюдать у башкир, сохранивших до недавнего времени родоплеменное деление. В башкирских преданиях сохранились «... сюжеты, в которых этнонимы связываются с именами вождей древних племен и родоплеменных подразделений»[1]. Таково, согласно преданиям, и происхождение племенного названия «теке». Но в истории случалось и другое: название маленького рода, давшего миру знаменитого предводителя, становилось иногда общеизвестным и распространялось на большую группу населения (таким было племя кынык, из которого происходил Сельджук). Наоборот, бывшие когда-то могущественными, племена разорялись, становились малочисленными. Так, например, случилось с каркынами, баяндурами, эве (аба), дукер и другими, которые когда-то числились в списке крупных огузских племен.

В XVII—XIX вв. произошли важные изменения в политической жизни туркмен бывшего салырского союза, оказавшие большое влияние на этнические процессы и дальнейшее формирование населения Южного и Юго-Восточного Туркменистана.

Текинцы, отделившись от теке-йомудского союза, начали передвигаться в юго-восточном направлении в сторону предгорьев Копетдага. В Южном и Восточном Туркменистане нами записаны многочисленные истори-

[1] Киреев А. Н. Этногенетические легенды и предания башкирского народа // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа, 1971. С. 61.

ческие предания и рассказы о занятии текинцами Ахальского, Тедженского и Мургабского оазисов, о мудром народном герое и полководце Кеймир Коре, о вытеснении и ассимиляции текинцами жителей оазиса. Кеймир Кор сумел объединить разрозненных текинцев и повел их в Ахал, где были благоприятные условия для занятия земледелием и скотоводством и можно было жить оседло.

События XVIII—XIX вв., связанные с передвижением текинцев, сыграли большую роль в формировании населения Южного и Юго-Восточного Туркменистана. Как уже отмечалось, до прихода текинцев население в этническом отношении было пестрым. Часть дотекинского населения переселилась на новые места. Некоторые группы (нохурлы и др.) сохранили локальные особенности, остальные группы вошли в состав текинцев в виде небольших родовых единиц. Так, в процессе «освоения» оазиса в состав текинцев влились разнородные этнические компоненты, оказавшие влияние на их образ жизни, антропологический тип, язык и т. д. В этнической истории текинцев значительную роль сыграл захват пленных в результате грабительских набегов (чапавул, аламан). Плененные текинцами сотни тысяч людей соседних народов постепенно растворялись среди текинцев, способствуя изменению их физического облика и быта; об этом сообщают русские и европейские авторы XVIII—XIX вв.

Об этнических и социально-экономических изменениях, происшедших в Южном Туркменистане после прихода текинцев, в «Истории Туркменской ССР» читаем следующее: «Различия между текинцами и старым населением Ахала были весьма значительны. В то время как старое население—карадашлы, емрели, алили, не говоря уже об остатках таджико-хорасанского населения — издавна была оседлым, ... текинцы... были кочевыми и полукочевыми скотоводами... Захват и заселение Ахала текинцами не могли не вызвать серьезных изменений в хозяйственном и общественном строе как местного населения, так и самих завоевателей, ... оставшееся в Ахале местное население сближалось и перемещалось с текинцами, хотя родоплеменная организация последних и

другие патриархально-родовые пережитки несколько затрудняли это сближение»[1].

Итак, в XVIII—XIX вв. в Южном и Юго-Восточном Туркменистане произошли важные этнические процессы, наложившие большой отпечаток на быт и культуру, формирование населения этого района. Эти процессы подготовили благоприятную почву для последующей консолидации туркменского народа и сыграли положительную роль в объединении небольших разрозненных туркменских групп.

Историческая обстановка в Туркменистане в XVII—XVIII вв. была неустойчивой и неопределенной. Туркмены, по-прежнему разобщенные на многочисленные племена и локальные группы, были мало связаны между собой в политическом и экономическом отношениях. Более того, между ними часто возникали межплеменные разногласия, перерастающие иногда в военные столкновения из-за обладания лучшими пастбищами и земельными угодиями, водными источниками. В этой борьбе, как правило, победителями оказывались более крупные и могущественные племена, вытеснявшие и ассимилировавшие более слабые и мелкие племена. Положение туркмен в этот период усугублялось еще и тем, что они были окружены с юга Ираном, с востока — Бухарой и с севера — Хивой, которые постоянно угрожали независимости туркмен, разжигали межплеменную рознь и старались подчинить их себе. Им удавалось втянуть значительную часть туркмен в сферу своего влияния. Они постоянно использовали одни туркменские племена для порабощения других.

Например, достаточно беглого знакомства с материалами по истории туркмен, чтобы убедиться в том, как хивинский хан, военная дружина которого состояла в основном из северных туркмен, использовал их в военных походах против населения Бухары и Южного Туркменистана, где жили другие туркменские племена. И часто выходило так, что официально воюющими сторонами были Хива и Бухара, а воевали между собой северные, амударьинские и южные туркмены.

О расселении и миграции туркменских племен в XVII—XIX вв. дает сведения и М. Аннанепесов[2]. Не-

[1] История Туркменской ССР. Т. 1. Ч. 1. С. 434—435.
[2] Аннанепесов М. Хозяйство туркмен... С. 29—70.

обходимо отметить, что XVII—XVIII вв. характерны «великими переселениями» туркменских племен, когда они заселяли заброшенные земли на берегах Амударьи. Волна великих переселений охватила и самое крупное туркменское племя — текинцев, передвижение которых с Балханских гор в Южный Туркменистан в конце XVIII в. привело к коренным политическим, экономическим и этническим изменениям состава и расселения племен всего Южного и Юго-Восточного Туркменистана. Об этом важнейшем процессе очень мало сведений в письменных источниках. Правда, в сочинениях персидских авторов XVIII в. можно встретить отрывочные данные о столкновениях в подгорной полосе Копетдага иранских войск с текинцами, о населении Ахала — емрелинцах, карадашлинцах, аллиличах и других. Историк XVIII в. Мухаммед Казем в связи с этим сообщает следующее: «В те времена прибыли некоторые подданные, ищущие управы на племя туркмен-теке, которое имело местожительство (юрты) в пределах Нисы и Дуруна. Они жаловались, что это племя, ...обитавшее столько лет в тех пределах, ... накинувшись внезапно на наш верноподданный народ (ил) и семьи, обратило в плен наших жен и детей»[1]. Однако из этих данных невозможно составить удовлетворительное представление о появлении текинцев в Ахале и об их взаимоотношениях с местным населением, о том, как шло проникновение текинцев в оазис, о процессе ассимиляции, об этнических процессах и других событиях этого времени. Можно только предположить, что текинцы жили в районе Нисы и Дуруна задолго до описываемых событий (конец 20-х гг. XVIII в.).

Собранные нами в течение многих лет исторические предания и рассказы, историко-этнографические сведения о родоплеменном составе, материальной и духовной культуре населения Южного Туркменистана в сочетании с письменными источниками позволяют нам сравнительно подробно представить события, происшедшие в XVII—XVIII вв. в Южном Туркменистане и оказавшие значительное влияние на этногенетические процессы, формирование и консолидацию всего туркменского народа в XIX—XX вв.

К сожалению, сохранилось мало преданий о жизни

[1] Аманлыев О. Указ. раб. С. 57—58.

предков туркмен в Центральной Азии и на Алтае. Абульгази и другие авторы, записавшие предания туркмен, указывают на Иссык-Куль и Центральную Азию как на древнюю родину части предков туркмен.

По сообщениям участников комплексного историко-лингвистического отряда АН ТССР (А. А. Марущенко, С. Г. Агаджанов, А. Аннануров), в окрестностях Туркестана издавна жила большая группа туркмен из разных племен. От местных жителей они узнали, что некогда там были древние ирригационные сооружения, принадлежавшие туркменам. В некоторых аулах до сих пор живут потомки туркмен-акманов и текинцев. Они считают себя древним местным населением. Эти группы туркмен и остатки старых ирригационных сооружений служат доказательством того, что в XII—XIII вв. часть туркмен жила в низовьях Сырдарьи, где ранее была развита ирригационная система, которую, видимо, построили жившие здесь оседло туркмены-огузы[1]. Абульгази сообщает: «Во время похода 1218 г. Чингизхана на Отрар к нему присоединились ... карлыкский хан, Арсаянхан, со своими текинцами Сакнак из Алмалыка»[2]. Факт сохранения названия местности Текели под Алма-Атой подтверждает это сообщение.

Достоверных сведений о том, что текинцы и йомуды жили на Мангышлаке, нет, хотя в преданиях и упоминается об этом. Есть основание полагать, что текинцы, уйдя с низовьев Сырдарьи в XII в., жили на берегах Амударьи, кочевали на просторах нынешней Туркмении, нигде не оседая надолго. Часть текинцев и салыров, по-видимому, еще в XI—XIV вв. ушла на запад — в Ирак, Иранский Азербайджан и Турцию (текели). Текинцам пришлось силою оружия отстаивать свою независимость и часто переселяться с одного места на другое, чтобы не платить обременительные налоги и не нести ненужные им воинские обязанности. В XVII в., согласно преданиям, текинцы под главенством Гара Балхана (по другой версии — Солтаниияз-хан Балхан) вынуждены были несколько раз менять места жительства, испытывая огромные лишения и трудности. Они долго и тщетно искали «доброго» и «справедливого» правителя.

[1] Толстов С. П. Города гузов // Советская этнография. 1947. № 3 и др.

[2] Абульгази. Родословное древо... С. 69.

Самые бедные вынуждены были оставаться то там, то тут, отрываясь от основной массы племени, и позднее отчасти растворились среди местного населения. По преданиям, во время переселения текинцев с Амударьи часть их осталась в пределах Бухарского эмирата. В период пребывания текинцев в Афганистане, Бухаре, Васе во главе текинцев стоял Гара Балхан. Видимо, он был хорошим организатором, и все текинцы признали его своим ханом. О нем красочно и довольно убедительно рассказывается в преданиях. Но то, что Гара Балхан жил среди текинцев в течение столь длительного времени, маловероятно. Здесь, видимо, сыграл свою роль обычай туркмен связывать имена своих знаменитых предводителей с событиями, происшедшими за большой период времени, стремление сделать их бессмертными. Гара Балхан, согласно преданиям, происходил из рода солганиз[1] и сыграл определенную роль в сплочении и объединении текинцев.

В преданиях и исторических рассказах особое место занимает довольно продолжительный период пребывания текинцев в урочище Вас (Хорезмского оазиса) в XVIII в. Имея воду и землю, текинцы могли заниматься земледелием, применяя древние навыки, приобретенные ими еще в период жизни на Сырдарье[2]. У населения от периода пребывания в Васе сохранились самые добрые воспоминания. Некоторые старики уверяли, что туркмены и в будущем рано или поздно должны будут собраться в Васе. В начале 50-х годов, когда решался вопрос о проведении канала, старики были уверены, что осуществляется вековая мечта вернуться в те «райские места».

Нам удалось побывать в урочище Вас и ознакомиться с покинутыми поселениями туркмен. Там хорошо сохранилось скученное большое поселение текинцев, известное под названием Теке сенгер. Это поселение обне-

[1] Можно предположить, что название солганиз произошло от названия местности Султануиз-даг, расположенной в 95 км на север от Хивы на правом берегу Амударьи. Здесь жили туркмены-огузы до XI в. См.: Чихачев П. А. Страница о Востоке. М., 1982. С. 184.

[2] Подробно см.: Андрианов Б. В. и Васильева Г. П. Опыт археолого-этнографического изучения поселений XIX в. // Изв. АН ТССР. 1957. № 2.; Покинутые туркменские поселения XIX в. в Хорезмском оазисе // Краткие сообщения Ин-та этнографии (КСИЭ) АН СССР. 1958. Вып. 28.

сено глиняным забором. Глинобитные дома расположены вплотную, вернее, прилеплены друг к другу. Между кварталами оставлены узкие дорожки. Удивляешься, как люди могли жить в такой тесноте, в небольших комнатках. Такое расположение домов в этом большом укрепленном поселении диктовалось необходимостью совместной защиты от нападения соседей.

Археолог Б. Н. Вайнберг, обследовавшая покинутые туркменские поселения Северного Туркменистана XVIII—XIX вв., писала: «В первой половине XIX в. в урочище Вас (на северной границе Заунгузских Каракумов) в связи с обострением текино-йомудской вражды возникло укрепление Теке-Сенгер, служившее текинцам для защиты от поселявшихся в урочище йомудов»[1].

Согласно преданиям, туркмены когда-то жили по соседству с киргизами, а затем ушли на запад. Некоторое время они жили в местности Ак Мечеть (теперь — железнодорожная станция Казалинск) и были подданными Ходжа Ахмеда Ясавы. Оттуда позднее 18 племен туркмен переселились в Мангышлак, другие в то же время ушли в Иран и Арабистан. На Мангышлаке их возглавил Гара Балхан-хан. Оттуда они попали в Вас, где столкнулись с подданными Хивы — йомудами и из-за нехватки воды и других причин перекочевали на берега Амударьи. Здесь текинцы разделились на две группы. Одна осталась на Амударье, а другая, более значительная, во главе с Гара Балханом ушла в Афганистан. У Гара Балхана была взрослая и красивая дочь. Афганский правитель посватался к ней, отец воспротивился этому, несмотря на то, что у правителя было большое войско, а Гара Балхан был его подданным. В то время текинцы из-за частых переселений и разрозненности не представляли большой силы, поэтому Гара Балхан решил прибегнуть к хитрости. Когда посланные правителем люди пришли к нему, он сказал им, что, по обычаю туркмен, за девушку берут большой выкуп («гызын салгыды агыр») и вряд ли правитель согласится уплатить его. Но сваты объявили, что это их не пугает. Тогда Гара Балхан поставил перед ними другое условие: свадебный кортеж должен

[1] Вайнберг Б. И. Поздние туркменские поселения и жилища «земель древнего орошения» левобережного Хорезма // Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1961. С. 8.

состоять из 40 всадников и 40 верблюдов, на верблюдах должны быть свадебные паланкины-кеджебе, в каждом из них должна сидеть девушка. Афганцы согласились и на эти условия. В назначенный день прибыл свадебный караван. Гостей разделили на небольшие группы и поместили в разных кибитках. После угощения люди Гара Балхана перебили афганских всадников[1]. Забрав 40 девушек и их имущество, текинцы ушли на север, на берега Амударьи. Во время этого бегства дочь Гара Балхана сидела на верблюде с одной женщиной. Частые переселения и связанные с ними лишения и трудности так надоели этой женщине (как и другим), что она, не выдержав, упрекнула дочь Гара Балхана, сказав, что во всем этом виновата она. Дочь Гара Балхана была гордой и самолюбивой, и эти слова сильно обидели ее. Никому ничего не сказав, она, взяв лишь самые необходимые личные вещи, отстала от каравана и спряталась, решив выйти замуж за того мужчину, которого встретит первым. Ночью она пришла к одной усадьбе на берегу Амударьи, принадлежавшей святому (пиру) Аннаджан-ишану. На рассвете пир, выйдя из дома, увидел сидевшую у ворот хорошо одетую девушку. Расспросив, кто она, пир ушел советоваться со своими женами. Одну из них он отправил за девушкой. Прошла неделя, а пир не знал, как с ней поступить. Он спросил ее — хочет ли она вернуться к отцу или же думает остаться. Девушка ответила, что не хочет возвращаться и что дала слово выйти замуж за того человека, которого встретит первым. Так она стала женой ишана.

Афганский правитель три дня ждал прибытия свадебного каравана с дочерью Гара Балхана. На четвертый день, решив узнать причину задержки, он отправил туда людей, которые доложили о происшедшем. Было уже поздно, и хан не стал догонять беглецов. Текинцы же достигли Амударьи, но тут долго не задержались и ушли в сторону Балханских гор. Там они жили оседло, спокойно и мирно. Позднее к ним начали присоединяться небольшие группы текинцев из Хивы и

[1] К такой военной хитрости прибегали туркмены и при первом столкновении с монголами (которых нередко путают с калмыками) в Западном Туркменистане.

других мест. Когда Гара Балхан умер, балханских текинцев[1] возглавил молодой Кеймир Кор. Позднее под его предводительством текинцы заняли Ахальский оазис, где поделили доставшиеся им землю и воду по жребию. Поэтому земли Ахала раньше назывались «первоначальные земли текинцев, поделенные по жребию» (текин биринжи бижеси).

По другому преданию:

В древние времена текинцы жили в Монголии и возглавлял их богатырь Салыр Казан. Позднее они поселились на землях, подвластных Ходжа Ахмеду Ясавы, жили оседло, мирно и зажиточно. Но после его смерти начались разногласия текинцев с узбеками. Текинцы решили уйти на запад и юго-запад. Значительная их часть ушла в Афганистан, но тамошний эмир обложил их тяжелыми налогами и потребовал выдать за него девушку («гыз салгыды»). Текинцы во главе с Солтанияз-хан Балханом отказались выполнить эти требования и перекочевали в пределы Бухары. Ханом был Велнама. Он принял текинцев, решив использовать их в борьбе с Байрам-Али-ханом. Текинцы одолели Байрам-Али-хана и поселились на Мургабе. Несмотря на это, Велнама начал притеснять их, и они ушли в Хиву. В урочище Вас текинцы поселились вдоль арыков, занимаясь скотоводством и земледелием. Хивинский хан обложил текинцев также тяжелыми налогами, обязав их нести воинскую повинность. Текинцы вынуждены были уйти из Васа. Хан трижды отправлял за ними погоню. В одном из сражений с преследователями погиб Балхан-хан. Текинцы же ушли в Западный Туркменистан и поселились в горах. Эти горы в честь своего предводителя Солтанияз-хан Балхана они назвали Балханскими. Здесь среди текинцев появился новый предводитель — Кеймир Кор, который повел их в Ахал, много воевал и с Ираном. Во времена Кеймир Кора текинцы жили в землянках — ер куме.

Другое предание гласит, что

в старое время было неспокойно, и народы, и племена враждовали между собой. Это было время ягы-

[1] Другие группы текинцев жили на Амударье и других местах.

чылык (вражда). Туркмены жили тогда и в Китае. Из-за притеснений они перекочевали в Афганистан, а оттуда спустя некоторое время — в Серахс. Но и на эти земли претендовал Иран, и текинцы, чтобы не платить налог, ушли в Аркач, а оттуда в Хиву, в местность Вас. Постепенно налоги увеличивались, жить становилось все тяжелее, к тому же надо было еще платить дань (пач). Когда они отказались вносить налоги, хан лишил их воды. Посевы погибли, текинцы вынуждены были покинуть Вас. «Когда мой отец, — рассказывал информатор, — проезжал в детстве через Уас[1], он увидел там корни деревьев, заброшенные арыки. После Васа часть текинцев жила в урочище Моллалы, которое находится между Серахсом и Тедженом и теперь называется Гара Кель, недалеко от водохранилища Хор-Хор и Гоксуйры. Там до сих пор сохранились следы канавы, бывших посевных площадей. Первые поселенцы Теджена жили в Гара Келе»[2].

Согласно преданиям, текинцы в Уасе жили по соседству с казахами. Один род казахов вошел в состав текинцев под названием газак и стал родовым делением марыйских текинцев. В Уасе текинцы жили в тесноте, не хватало воды, которая поступала к ним по руслу Тунидарьи (Дарьялыка). Хан перегородил русло, и текинцам пришлось опять переселиться.

Тогда не было Кеймир Кора. Текинцы были подданными (райят) хивинского хана. Из-за разногласий с ханом они ушли в Балханские горы.

В Геок-Тепинском районе[3] записано предание, рассказывающее о жизни текинцев в добалханский период: *«Раньше текинцы жили в Дарган-Ата и несли воинскую службу у бухарского эмира (бухари-шериф). Однажды последний изъявил желание жениться на текинке. Но текинцы не согласились. Люди, имевшие верблюдов и лошадей, начали собираться в дорогу, а бедняки решили укрыться в зарослях на Амударье. Отправив в путь соплеменников, вождь текинцев с нукерами убил бухарского эмира, а затем они вернулись к своим.*

---

[1] В исторической литературе встречаются оба термина — Вас и Уас.

[2] Полевые записи автора, 1966 г.

[3] Полевые записи автора, 1968 г.

Одними из крупных родовых делений ахальских текинцев являются акдашаяк и карадашаяк, о происхождении которых бытовало следующее предание[1].

Когда-то текинцы жили на берегу озера, название и местонахождение которого сейчас никто не знает. Текинцы платили налог Велнаме и были его подданными. Налоги были тяжелыми, и текинцы решили уйти незаметно. Чтобы не вызвать подозрений у людей хана, развели костры из сырого помета, которые долго дымили. Когда обнаружился уход текинцев, было уже поздно: они покинули пределы ханства. Хан отправил за ними своих послов, которые уговаривали вернуться обратно и передали обещание хана о том, что он облагать налогом их больше не будет.

В то время предводителем текинцев был Мухаммед-мурад (или Мурад). Во время обсуждения предложения хана присутствовавший при этом мальчик решительно настаивал на отказе хану. С его мнением согласились вождь племени и участники совета. Тогда же Мурад Сердар сказал: «Этот мальчик когда-нибудь покажет себя». Этот мальчик стал знаменитым потом предводителем текинцев Кеймир Кором. По преданию, он был из рода кызыллар, подразделения акдашаяк.

После долгих скитаний текинцы вернулись к хану и просили принять их в подданство. Он согласился, но десятую часть текинцев отобрал в качестве воинов и заложников, а остальных поселил в местности Уас. Известный среди текинцев святой Ак-ишан также оказался среди заложников, впоследствии заслужил большое доверие хана, став его советником. В Уасе текинцы занимались земледелием, но воды было мало.

Однажды один из мужчин из рода бахши (подразделения утамыш) с двумя сыновьями пошел открывать плотину, чтобы полить свой участок. Сам он караулил лошадей, наказав сыновьям: «Пусть старший уберет с плотины белый булыжник (камень), а другой — черный («Улыныз гара дашы йык, кичиниз ак дашы йык»). Впоследствии якобы от слов гара дашы йык и ак дашы йык образовались названия гарадашаяк и акдашаяк. Мурад-сердар с позволения хана и по совету Ак-ишана со своими текинцами и иомудами переселился на побережье Каспийского моря.

[1] Запись Мередова Какагельды в 1975 г.

Подавляющее большинство народных преданий рассказывает о жизни текинцев на Балханах, о том, как они под предводительством Кеймир Кора продвинулись оттуда на юго-восток и первоначально заняли Ахальский оазис. Согласно преданию[1], туркмены раньше жили на Балханах и Мангышлаке, делились на множество родов и племен. Они жили в дружбе и согласии, подчиняясь одному Сойин-хану. Важнейшие вопросы их жизни решал совет (маслахат), состоявший из аксакалов. Если какое-либо племя или род допускали провинность, то их представителей не допускали к участию в совете. Бывали случаи, когда такие группы в знак протеста уходили на новое место. Тогда аксакалы (старейшины) обычно говорили: «Не нужно препятствовать их уходу и отделению, они не сумеют обойтись без Сойин-хана. Все равно они возвратятся, потому что будут не в силах отстоять свою независимость». Для объединения туркмен Сойин-хан в случае необходимости прибегал и к военной силе, для поддержания порядка и для общей пользы взимал налоги с населения. Большие доходы приносили религиозные налоги.

После смерти Сойин-хана вождем (сердар) туркмен стал Кеймир Кор. О том, почему он удостоился прозвища (лакам) Кор, бытует такой рассказ.

В детстве мальчик играл с ножом. Однажды он споткнулся и упал, острие ножа воткнулось в один глаз, и он окривел. После это его стали называть Кеймир Кор, то есть Слепым Кеймиром. Став вождем, Кеймир со своими соплеменниками начал продвигаться на восток. Но по пути он встретил сопротивление со стороны курдов. Столкновение произошло приблизительно юго-западнее Казанджика. Во время сражения Кеймир понес большие потери, хотя и вышел победителем и продолжил продвижение на восток. Западнее Геок-Тепе Кеймир построил временную крепость Эзер-Кала (ее развалины находятся на территории колхоза им. Максима Горького). Текинцы постепенно обжили новое место. Однажды Кеймир Кор обратился к емрелинскому хану, жившему в Геок-Тепе, с просьбой выделить немного воды для необходимых нужд и водопоя скота (агыз сувы). Им выделили воду в самом нижнем тече-

[1] Полевые записи М. Борджакова в Геок-Тепинском районе.

нии Секиз-яба, среди песков. По условиям надо было прорыть маленькую канавку. Но Кеймир Кор поручил своим людям прорыть глубокий арык. Это решение он мотивировал тем, что в будущем, когда текинцы прочно осядут здесь, им надо будет больше воды. Этот арык стал называться Карояб. Водой поили скот и поливали поля. Емрелинцы в то время жили в селениях вокруг Геок-Тепе.

Емрелинский хан имел большую и хорошо укрепленную крепость Дерлек-Кала. Вокруг нее стояли их куполообразные глинобитные дома (худжре). Менее зажиточные и бедные жили к северу и востоку от Геок-Тепе в хижинах (чатма) и шалашах, покрытых шкурами, а также у подножия гор в полуземлянках (еркуме). Строить глинобитные дома не было возможности. Основным занятием емрелинцев было земледелие, в незначительном количестве держали домашний скот.

Обосновавшись на краю оазиса, текинцы намеревались расширить свои владения. Чтобы разузнать о силе емрелинцев, однажды Кеймир Кор подарил Угурлы-хану верблюдицу с верблюжонком. Ни одна емрелинская женщина не умела доить верблюдицу. Обратились за помощью к текинцам. Кеймир как раз и рассчитывал на это. Он послал к ним хитрую старуху, поручив разведать подробнее о емрелинцах. Старуха под предлогом доения верблюдицы ежедневно посещала емрелинский аул, подслушивала разговоры и об услышанном и увиденном доносила Кеймиру. Таким образом Кеймир выяснил возможности емрелинцев и начал постепенно теснить их. Без согласия хана он увеличил долю воды текинцев, захватывал новые земли. Емрелинцы во избежание беды вынуждены были постепенно отступать.

Кеймир пользовался большим авторитетом, был справедливым и защищал интересы бедных, поэтому вокруг него начали собираться и другие туркменские племена. Весть о его славе и влиянии дошла и до иранского шаха.

Вскоре Кеймир захватил большую часть принадлежавших емрелинцам земель. Перед ним теперь стояла задача вытеснить самую сильную группу емрелинцев, живущую в Дерлек-Кала. Вновь Кеймир решил сначала собрать сведения об их силе. С этой целью он ежедневно отправлял в Дерлек-Кала двух всадников, поручив

им вести дружбу с жителями крепости. Они должны были наблюдать, и, беседуя, прислушиваться к разговорам. Это вызвало подозрение у емрелинцев, и они донесли своему хану, что «их посещают подозрительные люди». Хан емрелинцев сказал: «Пусть всадники Кеймира продолжают посещать Дерлек-Кала, рано или поздно они сами скажут, что хотят». Однажды эти всадники пришли к хану с поручением Кеймир Кора: «Уступите по-хорошему эти земли, а сами ищите новое место или же готовьтесь к войне с нами». Хан думал со своими приближенными долго, прежде чем дать ответ.

Приняв условие текинцев, они в течение одного дня освободили Дерлек-Кала. Теперь у текинцев появилась возможность заниматься земледелием и скотоводством. Живя оседло, текинцы разводили овец, коз, коров и верблюдов, стали изготовлять ткани, теплые носки, перчатки, кошмы и другие необходимые вещи. Заняв принадлежавшие емрелинцам земли, текинцы установили контакты с Ираном и, становясь все более могущественными и многочисленными, приняли просьбу местных туркменских племен добровольно войти в их состав. Рост авторитета Кеймир Кора стал беспокоить иранского наместника, который отправился к нему с целью собрать сведения о нем и его соплеменниках. Хан[1] сначала попросил Кеймира показать ему свое войско. Имея всего 20 коней, Кеймир решил прибегнуть к хитрости. Разместив хана в Эрез-Кала, он предложил ему осмотреть его коней. Воины Кеймира, ловко маскируясь, всего на двадцати конях поочередно с утра до вечера проходили перед ханом, создав у него ложное представление о численности всей конницы. Хан, поддавшись на эту уловку, возвратился в Иран и рассказал шаху о том, что у Кеймира воинов столько, сколько в мире насекомых. Однако шах усомнился в достоверности этих сведений. Чтобы узнать о числе подданных Кеймира, он решил обложить их налогом — получать с каждой кибитки по одному кусочку (гурт) сушеного кислого сыра. Кеймир сразу догадался о намерениях хана и после недолгого раздумья, собрав сорок тысяч штук гурт, отправил их хану. На этот раз и советни-

[1] Видимо, кучанский хан.

ки хана поверили в многочисленность текинцев. В Ахале текинцы зажили богато, позднее число их увеличилось более чем в три раза.

О взаимоотношениях текинцев и емрелинцев и о причинах ухода последних из оазиса рассказывает и другое предание.

Кеймир Кор был старейшиной и вождем текинцев. Они жили в песках, на краю оазиса вдоль высохшего русла Кэлбойы. В Геок-Тепе жили емрелинцы и ханом их был Угурлы из родового подразделения газак. Однажды он спросил Кеймир Кора, где его родина[1]*. Он ответил: «Хатап галасында», то есть в крепости, называемой Верблюжьим Седлом (эта фраза, ставшая крылатой впоследствии, означала, что текинцы не имеют определенного места поселения и кочуют, где придется). Текинцы в то время иногда совершали набеги (чапавул) на своих соседей.*

Место Кэлбойы[2]*, где тогда жили текинцы, представляло собой большое русло. В зимнее время здесь можно было укрыться от холодных ветров и людям, и скоту. Здесь же текинцы во время праздников устраивали конные состязания. У Угурлы-хана служил талабан из текинцев. Ему приходилось постоянно выслушивать оскорбления в адрес своих соплеменников. Когда Угурлы в очередной раз начал хвастаться тем, как он захватывал в плен текинцев, сидевший тут батрак не вытерпел, встал со своего места и сказал: «Я пойду к текинцам, к Кеймиру Кору, и расскажу, как ты хвастаешься. Если мы не отомстим за все, то я клянусь чем угодно, что моя шапка послужит стелькой для собак (тельпегим итин сыртына)». Произнеся это, он снял свою шапку и положил под себя. Затем он отправился к текинцам и, найдя их в песках у подножья кыра («гыр этеклери»), упал, потеряв сознание. Придя в себя, он рассказал Кеймиру о происшедшем. Текинцы решили наказать емрелинцев. Услышав о том, что Угурлы-хан собирается устроить большой той (пир), Кеймир созвал совет, где решили напасть на Угурлы-хана в самый разгар пира. Для удачного похода с большим числом вои-*

[1] Здесь под родиной (юрт) подразумевается оседлое поселение. Это намек на то, что текинцы тогда не были оседлыми.

[2] Высохшее русло под этим названием на границе оазисов и песков тянется вплоть до Мургабского оазиса.

ков необходимо было найти колодцы поблизости от оазиса и определить место для стоянки. Кеймир выяснил, что почти все нукеры знают, где находится колодец Дунгелен, и стал выбирать подходящего проводника. Отвергнув кандидатуры предводителей родов ак гонгур, гара гокдже и многих других, он остановил свой выбор на представителе рода гобе и сказал ему: «Ты будешь нашим проводником, найди нам колодец». В пути проводник рассказал Кеймиру, как несколько лет назад он около одного большого бархана охотился на зайцев, и здесь, среди зарослей кандыма[1], спрятал белую палку. Если он найдет ее, то колодец должен быть рядом. Колодец нашли, и войско там остановилось.

Со стороны оазиса показались два наездника, которые готовили коней к скачкам. Их поймали и расспросили об Угурлы-хане, о тое и о настроениях в ауле, уточнили время проведения праздника, а также расположение юрт, где будут находиться женщины-гости, а также ханские жены и дочери и т. д.

Кеймир Кор со своими нукерами напал на аул в самый разгар свадьбы. Схватив жену и дочку Угурлы-хана, они ускакали по направлению к колодцу Дунгелен. Угурлы-хан не ожидал внезапного нападения, его нукеры, не успев хорошо вооружиться, сели на неоседланных лошадей и пустились в погоню. А нукеры Кеймира, убегая от преследователей, заманивали их в ловушку, по пути засыпая все пресные колодцы, а у колодца Дунгелен устроили засаду. Через некоторое время Кеймир спросил дозорных, не видят ли они преследователей. Те отвечали, что их не видно, но лошади без седла и без всадников бродят поблизости. Изнуренные жарой и безводьем, преследователи лежали в тени кустарников. Нукеры Кеймира напали на них, часть перебили, других взяли в плен, и лишь немногие спаслись бегством.

Отдохнув немного, Кеймир с нукерами отправился к своим кочевьям, нагрузив добром верблюдов. Во время одного привала дочь Угурлы-хана умоляла не позорить ее и выдать замуж за одного из нукеров, что и было исполнено. Так закончилось это столкновение Кеймир Кора с Угурлы-ханом.

[1] Растение кандым имеет толстые, прочные стволы, которыми пользуются для упаковки во вьюки саксаула, из них плетут стенки колодцев в песках.

К северу от аула Яраджи, в песках, есть местность под названием Емрели гырылан, или иначе «Еди агаж ин дузлуги» (место избиения емрелинцев, или «равнина у семи деревьев»). С тех пор, по словам информаторов[1], сменилось восемь поколений людей.

Согласно другому преданию:

до прихода текинцев в Аркаче[2] жили емрелинцы. Ханом их был Угурлы Газак. Когда текинцы стали просить у него землю, то он согласился поселить их среди емрелинцев, по нескольку семей в каждом ауле. Но Кеймир не согласился. В то время алилинцы жили в аулах Геокча и Кипчак[3], в Геок-Тепе — емрелинцы, в Яраджи—мехинли, Дуруне и к западу—карадашлинцы, шихи и нохурцы. Текинцы жили в песках, прилегающих к оазису. Кеймир Кор, посоветовавшись со своими людьми, сказал им: «Приготовьте воду и продовольствие (воду тогда держали в кожаных бурдюках — мешик) на несколько дней и собирайтесь в поход. Сначала мы нападем на жителей села Багир (здесь правил Багир-хан) и посмотрим, как на это будут реагировать их соседи. Если они помогут и будут действовать против нас сообща, то нам придется изменить свою тактику». Когда текинцы напали на Багир, соседи не пришли на помощь его жителям, текинцы ограбили жителей безнаказанно. Кеймир убедился, что между жителями Ахала нет согласия, и с ними можно расправиться по одиночке.

В следующий раз текинцы напали на алилинцев, живших в Геокча и Кипчаке. Алилинцы первыми из дотекинских туркмен переселились в Хиву. Перед Кеймир Кором стояла задача вытеснить из оазиса крупное и сильное племя емрели, жившее в Геок-Тепе. Угурлы по-прежнему не хотел считаться с Кеймир Кором и его текинцами. Он был подданным Недир-хана и сообщал ему о набегах Кеймир Кора на оазис, всячески очерняя

---

[1] Полевые записи автора, 1968. Геок-Тепинский район.

[2] Земли Аркача, или Кесе Аркача, находились на подгорной равнине Копетдага.

[3] Среди алилинцев Каахка в прошлом был большой род кипчак, который и дал название селу Кипчак под Ашхабадом. В составе алили были роды безмейинли и келегейли, эти этнонимы ныне, как и Кипчак, являются названиями населенных пунктов — Безмеин, Келеджар.

его. Кеймир искал повода столкнуться с Угурлы, и вскоре такой случай представился.

Народные предания о последнем приходе текинцев в Ахал, в которых центральное место занимают столкновения текинцев с емрёлинцами и взаимоотношения их предводителей Кеймир Кора и Угурлы-хана, записаны любителями старины и видными учеными в конце XIX и начале XX века.

Большая часть преданий XVIII в. возникла вокруг личности Кеймир Кора. В преданиях получили отражение взаимоотношения текинцев с другими туркменскими племенами и соседними народами, военная тактика текинцев, с помощью которой они проникли в оазисы и подчинили другие племена и локальные группы. Предания довольно реально повествуют о союзе текинцев с йомудами на Балханах. В них часто встречаются термины «гара теке» (черный теке)[1], теке-ёмуд. Видимо, текинцы и йомуды в XVII в. составляли основную массу сапихановских туркмен.

Краткое содержание первого рассказа «Текечилик»[2] сводится к следующему.

Кеймир едет в гости к шаху. Согласно обычаю, шахи, ханы и их приближенные при встрече состязались в остроумии. И в этот раз шах, увидев во время обеда, как Кеймир грызет суповую косточку, не упустил случая сказать: «Собаки любят грызть косточки». Кеймир, заметив, как Насреддин ест бульон, ответил: «А свиньи любят жидкое, то есть воду». После обеда Насреддин начинает уговаривать Кеймира поселиться с текинцами в его владениях и служить ему. Получив отказ, Насреддин спрашивает, где живут текинцы, на что Кеймир ответил ему фразой, ставшей впоследствии крылатой: «Текинцы живут на седле верблюда», то есть кочуют.

В рукописи отмечаются дипломатические достоинства Кеймир Кора, благодаря которым он спасал текинцев от внезапных нападений соседних феодальных государств и оберегал их независимость.

---

[1] В родоплеменных названиях туркмен было популярно слово-приставка «кара» (черный). Например, Карабекаул, караман, карадашлы, караерма и т. д.

[2] Запись Чары Мурад Мерет оглы со слов Гул Солтан оглы из аула Бабадайхан № 1 в Тедженском районе // Рукописный фонд ИЯЛ им. Махтумкули. Ф. 915.

Более значителен по содержанию и объему второй рассказ «Третья поездка Кеймира в Кучан»[1], где подробно повествуется о военной тактике, взаимоотношениях текинцев с соседями, с их ханом Угурлы, с курдами и их главой Чапраз-ханом.

Текинцы не спешили занять полупустовавшие после разгрома войсками Угурлы-хана земли в оазисе из тактических соображений и решили по-прежнему кочевать в песках, окружающих оазис. В оазисе они сеяли и убирали бахчевые, клевер и другие культуры. Для ухода за заброшенными садами и огородами они оставляли в оазисе неженатых молодых людей (видимо, имеются в виду ак ойли). Какая-то часть емрелинцев (видимо, бедняки) пыталась удержаться в оазисе еще несколько лет. Однако текинцы все более энергично заявляли о своих правах.

Мечтой Кеймир Кора было избавить текинцев от кочевой жизни, найти им подходящее место для оседания. Влиятельные ханы из рода караджа советовали ему сразу же делить завоеванные земли. На что Кеймир великодушно и спокойно заявил одному из них: «Опасно селиться сразу. Ведь нанесенная тобою рана еще не зажила, место ее пока краснеет, то есть селиться не настало время». Кеймир предварительно подробно узнал намерения иранского шаха и его наместников о том, будут ли они защищать емрелинцев. Кеймир был уверен, что со стороны Хивы никто не выступит против них.

Кеймир предпринял несколько поездок в Кучан к курдскому хану, который во время его третьего визита вероломно пленил его и бросил в зиндан (темницу). Однако, благодаря своей находчивости и уму, Кеймир, отправив текинцам шифрованное письмо, сумел благополучно выбраться из плена. Наиболее близкими и надежными помощниками Кеймира Кора были Аннасейит из рода векил и Адана-сердар[2].

В период жизни текинцев в урочище Вас Кеймир Кор был маленьким и лишь на Балханах он становится вождем текинцев в первой половине XVII в. У йому-

[1] Рассказ записан со слов Байджан Чака, Гарры Геокча, Халлы багшы, Сапар Мурада и Молла Ораз Ходжа-мамеда. Ф. 915, С. 212—258.

[2] Фонд 915. С. 234.

дов также встречается имя Кеймир, есть колодцы и места с такими названиями.

По преданиям, на Балханских горах было тайное место, где любил отдыхать Кеймир Кор. Об этом месте знали лишь его приближенные. Известен также колодец под названием Кеймир Корин дамласы. Достоверно установить даты жизни Кеймир Кора практически невозможно, так как Кеймир — не имя героя.

В соседстве с кочевьем Кеймир Кора находился аул. Однажды на него напали соседи — ограбили жилища, перебили мужское население, а женщин и детей увели с собой. От разгрома спаслись лишь двое юношей, которые нашли убежище у Кеймир Кора. Не желая осложнять из-за них отношения с племенами, напавшими на аул, Кеймир решил укрыть юношей в песках у одного колодца и повел их туда. В отсутствие Кеймир Кора преследователи юношей пришли в его аул и обыскали все жилища, ища беглецов. Возвратившись, Кеймир узнал об этом и возмутился. Он посетил враждебный аул и предъявил ныне ложные обвинения: «Во время посещения нашего аула вы убили четырех текинцев». Не поняв намека Кеймир Кора, они сказали, что никого не трогали, а только искали беглых юношей. Но Кеймир Кор был непреклонен: «Обыскывая наш аул, ваши всадники вели себя неосторожно: от вашего шума, топота ваших коней четыре наши женщины преждевременно разрешились от бремени и младенцы погибли. За двух погибших мы возьмем выкуп за кровь (хун), а вместо других двух требуем отдать нам убежавших от вас юношей». Те согласились, и Кеймир, заключив мир, вернулся в свой аул[1]. *Потомки этих двух юношей позднее стали родоначальниками родов гарагол и гарайи, которые впоследствии вошли в состав текинского деления акдашаяк. Их потомки проживают в колхозе «Социализм» Ашхабадского района*[2].

Согласно другим преданиям[3], Кеймир Кор, став вождем текинцев, отделился от йомудов и повел соплеменников на восток. На пути к западным границам Ахальского оазиса, то есть до Кизыл-Арвата, текинцам прищ-

---

[1] Полевая запись автора, 1968 г.
[2] Полевая запись автора в 1970 г. в Ашхабадском районе.
[3] Полевая запись автора в 1966 г. в Тедженском районе.

лось несколько раз сталкиваться с иранскими войсками. Текинцы заняли Ахал лишь после смерти Кеймир Кора. Могила его, по рассказам, находится в Кизыл-Арвате. По другим данным[1], текинцы заняли Ахал под предводительством преемника Кеймир Кора — Аннасейита из рода векил. Оставлять без внимания версию о возможной смерти Кеймир Кора до занятия Ахала текинцами нельзя. В этой связи некоторый интерес представляет следующее сообщение анонимного дореволюционного русского автора: «Не доезжая 10 верст до Айдина, вблизи полотна железной дороги... найдена гробница, по указанию туркмен, принадлежавшая прежним текинским предводителям. Гробница, эта, или, вернее, склеп, находится на большом кургане и выложена камнем, в самой гробнице найдено несколько черепов и мелких персидских серебряных монет. Сверху кургана, около самой гробницы, устроен жертвенник, но, что всего замечательнее, это то, что подошва кургана усеяна бесчисленным множеством камешек в виде звездочек и совершенно отполированных»[2].

Возможно, в этой гробнице похоронен Гара Балхан или его преемник Кеймир Кор. Таким образом, лишь незначительная часть преданий говорит о том, что Кеймир Кор активно не участвовал в занятии текинцами Ахала, хотя он и повел их туда. Можно допустить, что текинцы, живя на северо-западных окраинах оазиса, поддерживали контакты с населением Ахала и могли совершать на него набеги. А это позднее могло дать повод приписать ему заслуги и в завоевании оазиса. Но подавляющее большинство преданий рассказывает, что Кеймир Кор не только был инициатором передвижения текинцев с Балхан в Ахал, но и непосредственно руководил занятием Ахала.

Вытеснение емрелинцев, алилинцев, карадашлинцев, мехинли и других из оазиса происходило в течение десятилетий постепенно и планомерно. Текинцы не спешили. Сначала они жили по соседству мирно, было время, когда они приглашали друг друга на праздники, обменивали земледельческие товары на скотоводческие и наоборот. Но это не могло продолжаться долго. Среди

---

[1] Полевая запись автора в 1968 г. в Геок-Тепинском районе.
[2] Отголоски. 1881. № 4. С. 189—199.

дотекинского населения наиболее могущественными были емрелинцы.

Окружив оазис с запада и севера, текинцы во многих местах образовали аулы. Центром поселения текинцев стала крепость Ак хал, откуда произошло название Ахал[1]. Отсюда, согласно преданиям, Кеймир Кор совершал набеги на оазис. По другому преданию[2], резиденцией Кеймир Кора была местность Хасар, расположенная в песках, к северу от нынешнего г. Безмеина[3]. В то время, когда текинцы поддерживали мирные отношения с емрелинцами, Угурлы-хан предложил Кеймиру породниться с ним, на что тот ответил: «Я не могу породниться с тобою, потому что каждый год семь ваших человек становятся убийцами. Из моего же народа каждый год семь человек за свою честность и добродетель видят пророка Хыдыра[4]. В данном случае Кеймир Кор намекает на то, что текинцы более бесхитростны и честны, чем подданные Угурлы-хана.

К моменту занятия оазиса военная мощь текинцев настолько усилилась, что даже объединенные усилия местного населения и поддержка иранских войск не могли воспрепятствовать их натиску. Занятие оазиса произошло сравнительно мирно, без излишнего кровопролития. Текинцы согласились принимать в свою среду иноплеменников, вошедших позднее в их состав (сунчелы, мунчали). Постепенно текинцы вытеснили основную массу местного населения: емрелинцы, карадашлинцы и алилинцы ушли в Хивинский оазис, мехинли — в Атек и т. д. Мурчели, нохурцы скрылись в горах, а затем вновь сумели установить контакт с текинцами. Значительная часть дотекинских туркмен была ассимилирована. После безуспешных попыток защитить дотекинское население оазиса иранские правители теперь стремились подчинить своему влиянию текинцев. Не добившись же-

---

[1] Об этом см.: Нурмухаммедов К. Этническая история и хозяйство населения Ахала в XVIII—XIX вв. Дисс... канд. ист. наук. Рукопись. М., 1962.

[2] Полевые записи автора в Ашхабадском районе в 1970 г.

[3] Слово «хасар» означает крепость.

[4] По поверью туркмен, пророк Хыдыр вечно живет в пустынных местах и показывается лишь очень набожным, честным, беспорочным людям, живущим в песках в одиночестве. Его обычно «видят» пастухи, проведшие большую часть жизни в безлюдных местах. Увидевший его, если об этом никому не скажет, якобы должен разбогатеть и т.д.

лавной цели, они совершали многочисленные военные походы и набеги, которые вызывали ответные меры. Именно по этой причине текинцы первоначально жили лишь севернее оазиса, а подгорная полоса, несмотря на наличие хороших земель, водных источников, здорового климата, оставалась малозаселенной, составляя как бы буферную территорию. Именно это обстоятельство и позволило мурчели и нохурцам скрыться в этих горных ущельях, сохранив свою племенную самостоятельность. Тем не менее их территории часто становились ареной военных столкновений.

Текинцы, поселившись в оазисе, понимали, что, находясь в соседстве с сильным централизованным феодальным государством, им будет трудно отстаивать свою независимость. Это обстоятельство вынуждало текинцев иногда прибегать к хитрой дипломатии.

Примерно до конца XVII в. текинцы жили в районе Балханских гор. После высыхания Узбоя пастбища оскудели, водные источники обмелели и не могли удовлетворить потребности таких многочисленных и сильных племен, как текинцы и йомуды. В связи с этим совет старейшин текинцев, состоявшийся в районе Кара-Богаза, в местности Каракум (черный шалаш)[1] решил переселиться на новое место. По преданиям, во главе текинцев после Кеймир Кора стоял общетекинский вождь Аннасейит, которого еще при своей жизни благословил Кеймир Кор. Военная организация у текинцев была довольно развитой[2]. Воины делились на группы по десять человек, во главе которых стояли десятники — онбеги. Интересен эпизод, рассказывающий о попытке каджарских (иранских) войск приостановить полное завоевание оазиса текинцами.

В Ахале[3], у села Изгант[4], сохранились развалины крепости Ахал. Эта крепость и Дамла были первоначальными поселениями текинцев в Ахале. Постепенно они заселили местности до села Меана на востоке. Заранее по жребию распределив эти земли между родами,

---

[1] Местонахождение этого пункта не выяснено.

[2] Этот вопрос исследуется в трудах и статьях Росляковз А. А. См.: Из истории военного искусства туркмен//Труды Ашх. пединститута. Вып. 1. 1948 и др.

[3] Полевые записи автора в Серахском районе в 1968 г.

[4] Современный Геок-Тепинский район, село Изгант.

текинцы оседали на завоеванных землях, продвигаясь все более на восток. Земли Кеши достались утамышцам. Но на этих землях самовольно производили посевы люди Кара Порме. Узнав об этом, Чопан Кир, предводитель утамышцев (происходивший из деления дашаяк), пришел в аул кара-йорминцев и, нарочно опрокинув их чайник, спросил, почему они сеют на землях утамышцев. Кара-йорминцы согласились собрать деньги и выкупить у них эти земли.

Для изучения истории емрелинцев и сунчалы большое значение имеет предание, записанное Г. И. Карповым в 1929 г. в ауле Сунча Бахарденского района от информатора Ограм Ходжа.

У Кеймир Кора был помощник Баки по происхождению араб. Долгое время Баки со своими родственниками жил в Хиве в качестве невольника у одного бека. Однажды Баки, захватив с собою одну арабскую женщину, убежал в сторону Каспийского моря. В Больших Балханах Баки присоединился к текинскому вождю Кеймир Кору и благодаря своей удали и храбрости скоро стал помощником Кеймир Кора. За преданность Кеймир Кор награждает Баки тремя женами-туркменками. В то время в Ахале проживали емрелинцы, у которого ханом был араб по происхождению, некто Искандер-хан. Часто Кеймир Кор со своими людьми принимал участие в состязаниях с ним: в скачках, стрельбе, борьбе. Всегда побеждали люди Искандер-хана. Но однажды во время состязания на конях и с пикой выступил сын Баки, Аллаяр, а со стороны людей Искандера —лучший его боец. Во время схватки боец Искандер-хана ударом пики перешиб нос Аллаяру. Ответным ударом Аллаяр пронзил своего противника пикой и убил. Упрекая Аллаяра, Искандер-хан сказал: «Нехорошо потомку Магомета убивать своих-де мусульман». Спустя некоторое время Баки приезжает в гости к Искандер-хану. В разговоре с Баки хан спросил, сколько паев воды ему нужно, и, получив ответ: «Немного», наделил Баки водой и землей около Бахардена, где и живут до сих пор сунчалы. С этого времени Баки, выйдя из подчинения Кеймира Кора, перешел во власть

емрелинца Искандер-хана, и его народ стал называться сунчалы[1].

Позднее сунчалы целиком вошли в состав текинцев[2].

В преданиях, освещающих события конца XVII—XVIII в., ярко выступает личность Кеймир Кора.

По словам большинства информаторов, Кеймир Кор происходил из рода учанаклар и умер восемь поколений тому назад, т. е. более 200 лет назад. Эта дата, относящаяся к середине XVIII в., приближается к периоду правления Надир-шаха (умер в 1747 г.). События же, связанные с именем Кеймира, произошли задолго до его смерти, т. е. в первой половине XVIII в. Этнографические материалы также связывают период жизни Кеймир Кора со временем правления известного иранского шаха Надира. «Можно предположить, — говорится в «Истории Туркменской ССР», — что в 20-х годах XVIII в. текинцев возглавил их полулегендарный вождь Кеймир Кор, так как в одном из туркменских преданий (т. е. анонимной рукописи, принадлежавшей проф. М. К. Хыдырову) время его смерти относится к 1741—1742 гг.[3]».

Бесспорно, Кеймир был реальной исторической личностью. Хотя имя его стало почти легендарным. Социально-экономические связи и военные столкновения туркмен во главе с Кеймиром и Надир-шахом и другими правителями Ирана не получили должного освещения в исторической литературе.

В книге иранского историка Мухаммада Хусани Годдуси «Надир-наме» приводятся следующие интересные сведения о Кеймир Коре: «Во время похода на Хорезм Надир-шах встретился с храбрым туркменским вождем по имени Кеймир Кор. Так как он был слепым на один глаз, ему дали прозвище Кор. В одном из боев Надир взял его в плен, привел в Иран в качестве заложника. Это Надир сделал потому, чтобы предотвратить набеги ургенчских туркмен на Атек и Дерегез. Хорезм иначе назывался и Хивой, а Ургенч был центром Хорезма. Однако эта мера не помогла Надиру в защите от набегов туркмен. Через некоторое время после пленения

[1] Карпов Г. И. Этнический состав туркмен: Канд. дисс. Ашхабад, 1942. С. 167—168.

[2] Село Сунча находится недалеко от районного центра Бахардец.

[3] История Туркменской ССР. Т. 1. Ч. 1... С. 417.

Одежда текинцев. 1901 г. Фото С. М. Дудина

Кеймира Надир-шахом туркмены опять напали на Дербент. Надир обратился к Кеймиру с вопросом, почему все же туркмены опять напали, несмотря на то, что Кеймир является заложником.

Кеймир ответил: «Откуда я могу знать, что у них было на уме. Возможно, у них появилось такое желание».

На это Надир сказал:

— Ты должен знать все это, но ты не хочешь говорить (дословно выражение: ты питаешься нечистотами «сен пох иййэрсин»).

Кеймир ответил:

— Хан-ага (почетное обращение к сердарам и султанам), нечистотами питаются вороны (гарга), а воронами питаются ваши подданные (гул). («Похы гарга иер, гарганыда гул иер»).

Надир уважал смелых людей. Слова Кеймир Кора очень понравились ему и он освободил его.

В пространном сочинении М. Казима «Тарихи Надири», посвященном истории завоеваний Надир-шаха, упоминаются имена Кеймур Кора и сарелинского хана Угурлы.

В русских архивных материалах I половины XVIII в. (1741 г.) имеются сведения о том, что во время завоевательных набегов Надир-шаха на Бухару и Хиву туркменские племена, не желая покориться ему, решили переселиться на Мангышлак. Эти туркмены, «... желая иметь жительство на прежних своих местах, ... перешли на Мангышлак и знатные из них старшины, а именно Векил Джумат Назаев сын, Бек теке — Заман бека сын Эгузербек, Эр-сарин-Эгус беков сын, Джанан бек Эр-Сарин же, Теари Берди Саларынов, Ханжал бакши Екдеров, Алибай Дондураев, Хамбар Абдалов Хутлу Мембет Бурунцугаев, Назар Аллаярнев...»[1].

Видимо, это были текинцы (в том числе и векилцы), а также эрсаринцы, салыры, игдиры, абдалы, жившие в Хиве.

Имя Кеймир Кор приобрело полушуточное, полусерьезное значение, как и другой термин, возникший в его время, — «хатап галасы». Сами текинцы, по-видимому, усиленно скрывали от врагов местонахождение и

[1] Русско-туркменские отношения... С. 58.

подлинное имя Кеймир Кора, а также то, что на Балханах он жил и отдыхал в укромном месте, которое знали лишь близкие люди. Даже смерть Кеймир Кора скрывали от врагов и держали в тайне.

Оседая в оазисе, текинцы не желали стать покорными и послушными подданными соседних феодальных государств. Говоря о занятии текинцами в XVIII в. Ахала, необходимо подчеркнуть, что Южный Туркменистан и раньше для них был родным краем, так как, согласно преданиям, их предки испокон веков жили здесь. Оседать окончательно им мешало соседство с Ираном, а также необходимость платить налоги.

Имя Кеймир Кора было дорого и другим туркменам. Например, бурказы, вошедшие компактными группами в состав текинцев, салыров и йомудов, связывали свое происхождение с именем Кеймир Кора. Согласно преданию, предком бурказов был Бир Коз — одноглазый, то есть Кеймир Кор. Название «бурказ» якобы происходит от слов «бир коз».

Однако имя Кеймир Кор не так популярно у других туркмен, даже у бывших союзников текинцев — йомудов, салыров, эрсары и сарыков. Это объясняется тем, что он вышел на историческую арену после распада салырского племенного союза и был собственно текинским вождем.

Исторические предания о последнем приходе в Ахал текинцев и об их предводителе — народном герое Кеймир Коре привлекли внимание и европейских авторов. Для нас особенный интерес представляет предание о занятии оазиса текинцами, записанное А. Н. Самойловичем, Н. А. Беляевым и Ф. Михайловым. Наиболее полный его вариант записан А. Н. Самойловичем.

Сказание о приходе текинцев в Ахал

Из Туркестана теке пришли в Хиву, а из Хивы — на Узбой и поселились около Балханских гор. Здесь поселились только чарва — скотоводы, а чомур, не имевшие стад и промышлявшие земледелием, пришли на р. Теджен[1]. *На Узбое у теке ханами были аксакалы Пир-*

[1] Об этих теджинских туркменах упоминает и Абульгази в «Родословной туркмен».

назар Аталык и Заман-бек. Один юноша по имени Кеймир Кор, когда зашла речь о том, куда дальше двигаться с Узбоя, убеждал ханов вести народ в степи Этека, но его словам не внимали и он предсказал: «Мы заночуем в Парава[1]. Вы оба умрете. Тогда слово будет за нами!» И теперь есть в Парава камни с надписями на могилах этих старцев. Кеймир Кор стал ханом. Теке еще кочевали у Балхан. Тогда в Иране царствовал Надир. В Кизыл-Арвате жили кызылбаши (персы), курды, а в Геок-Тепе — туркмены-емрели. Управлял емрелинцами Огурлы-хан (Угурлы-хан). Теперь емрелинцы есть в Хиве.

Кетхуды, т. е. старшины союнхановских племен — иомудов, гокленов, емрели и текинцев — ежегодно ходили на поклон к Надиру. За это время Кеймир Кор завоевал аламаном Кизыл-Арват, где и поселились выходцы из текинского племени родов: бег, векил, багшы, дашаяк, сычмаз. Кеймир Кор был слеп, но отличался большим умом. Однажды он позднее других отправился в Иран к шаху. Когда все уже были в сборе, Кеймир Кор вошел и сел выше всех. Остальные ханы пришли в гнев, а Кеймир Кор сказал им: «Разве вы не слыхали старой поговорки: «Бедасыл асыла далашар, кор екары далашар» (незнатный из-за родовитости спорит, слепой — из-за почетного места)?

Вышел Надир-шах и стал беседовать. Он спросил у Огурлы-хана:

— Иомуды что за народ?

— Хороший, храбрый, хозяйственный.

— А гоклены каковы?

— И гоклены хороший народ, благоустроенный.

— А как вы относитесь к текинцам?

— Опоясав живот луком и колчаном, мы грабим жилища текинцев, пленим их девок.

Рассердился Кеймир, услышав такие слова, ничего не сказал, а снял только с головы папаху и положил ее под себя.

Надир спросил Огурлы-хана:

— Понял ли ты, что хочет этим сказать Кеймир?

— Нет, не понял.

[1] Развалины средневекового поселения Ферава, известного теперь под названием Парав Биби, находится в 14 км к западу от г. Кизыл-Арвата.

Надир-шах сказал: «Я понял Кеймирханово слово». Оно означает: «Эй, Огурлы-хан! Ты меня больно оскорбил. Если я не рассчитаюсь с тобой за эти слова, пусть моя шапка будет в заду собаки[1]! Текинцы не спустят тебе за твое оскорбление».

Все гости разъехались по домам. Но Кеймир Кор не забыл обиду. Однажды он послал в Геок-Тепе лазутчика, который донес, что Огурлы-хан выдает свою дочь замуж. А у емрели был обычай ставить для жениха и невесты отдельную кибитку. Лазутчик узнал место, где она будет приготовлена. Невесту звали Чылпар.

Кеймир-хан снарядил аламан, его воины проникли в кибитку, убили жениха, а девушку увезли. Огурлы-хан погнался за Кеймиром, а тот по пути засыпал два колодца, а у третьего (Дунгелен) устроил привал. Здесь и произошел бой. Ослабевших от жажды емрелинцев текинцы без труда перерезали[2]. Чылпар досталась некоему Чопону. Через пять дней Кеймир пришел в Геок-Тепе и прогнал емрелинцев.

Текинцы перекочевали из Кизыл-Арвата в Геок-Тепе. В Бами и Беурма еще оставались емрели, в Гоз Сизе, в горах перед Бами, — карадашлинцы. Йомуды осадили в Кизыл-Арвате оставшихся там текинцев. Из Геок-Тепе пришла подмога, и йомуды были отбиты. Затем текинцы прогнали емрелинцев и из Бами, и из Беурма, и карадашлинцев также вытеснили с их места. Некоторые карадашлинцы остались среди текинцев. Когда русские взяли Геок-Тепе, была 162-я годовщина взятия этой твердыни текинцами у емрели. Емрелинский поэт Магрупы, современник Огурлы-хана, отзывался песней на потерю его сородичами «Зеленого бугра»[3].

Немного позднее, в 1913 г., И. А. Беляев от того же Ходжалы моллы записал более подробный вариант этого предания. Приведем из него лишь те сведения, которые дополняют вариант. А. Н. Самойловича: *«Однажды текинцы, проживавшие в местности Кара-Бугаз и Кара-Куме, собрались для совета о перекочевке куда-нибудь в другое место. На этом совещании присутство-*

[1] Это своего рода клятва отомстить за обиду.

[2] Это место, расположенное к северу от пос. Бахарден, известно старожилам под названием «Емрели гырлан», т. е. «место гибели емрели».

[3] Самойлович А. Н. Из туркменской старины... С. 559—564.

вал и некий юноша, кривой на один глаз, по имени Кеймир. На совете он сказал: «Завтра ваши аулы тронутся в путь к местности Пуру-Биби; обращаясь к вождям, он сказал: в середине того же дня и вы двое там будете и останетесь». Народ прислушался к словам Кеймира: «Его советы для нас подходят». К полудню Земан-бек (предводитель подразделения тогтамыш) и Пур-Назар (предводитель утамышцев) скончались; их похоронили в Пуру-Биби. На их могилах сделали надгробия — памятники из белого камня, а на передней стороне памятников выбили имена умерших (Такие надмогильные памятники ставили туркмены и на Мангышлаке в эпоху позднего средневековья. К сожалению, этот обычай был забыт туркменами. — А. Д.). Предводителем текинского народа стал Кеймир-хан. Кеймир по природе был умным и одаренным человеком и, несмотря на кривой глаз, был красив и физически здоров. Тогда в Аркаче жили емрелинцы, алилинцы, анаулинцы и карадашлинцы, а шахом Ирана был Надир. Текинцы Кеймира жили в Балханских горах. Однажды Кеймир-хан поехал в гости к Надир-хану. С собой Кеймир-хан взял несколько посохов, а слуги везли вязанки дров из дерева созень.

Надир-шах спросил: «Где находятся ваши аулы?» Кеймир-хан ответил: «В местности Хутби-Кала» (Хатап-гала). Шах поинтересовался: «Есть ли у вас родословная?» Кеймир показал на вязанки дров и сказал: «Вот наша родословная». Чтобы ответить Надиру на вопрос, какова численность текинцев, Кеймир собрал 40 тысяч шариков сушеного творога (гурт) и на верблюде доставил к Надиру, сказав при этом: «Я собрал по одному шарику с каждой кибитки». С этого времени текинцев начали называть людьми, имеющими 40 тысяч кибиток, и стали их остерегаться. На вопрос о его происхождении Кеймир ответил: «Мой отец — дождевая туча, моя мать — земля».

Продолжение предания в основном аналогично предыдущему[1].

Кеймир Кор — общепризнанный предводитель туркмен, старался соблюдать справедливость по отношению

---

[1] Такие характеристики часто субъективно отражают особенности родов и мнение информатора.

ко всем народам. Однако это не мешало ему, как наблюдательному вождю, замечать в каждом из них отличительные черты. В народе сохранилась следующая характеристика, якобы данная им отдельным родам:

Ил агасы бахши	—Старший в племени — род бахши
Перрен дуйшде ягшы	— Перренг лучше увидеть во сне.
Сычмаздан сыпайы чыкар	— Сычмазы обходительны.
Топаздан харамы чыкар	— Среди топаз могут быть нечестивцы.
Гараахмеде барсаң сазда-багшы	— У гараахмедов всегда музыка и веселье.
Ерликсиз уруш гокжеден чыкар	— Беспочвенную драку может затевать гокуже.
Болгусыз дава гонурдан чыкар	— Спорить без причин могут гонгуры.
Айналмаз дели гарадан чыкар	— У гара могут быть ненормальные.
Арыкдан децизем чыкар, дозам	— У арыков могут быть и великодушные, и свиньи.
Ил говусы — амаша	— Лучшие из всех—амаша.
Аг говусы алаша	— У алаша лучшие кони — гнедые.
Языда гурсуң йүзинде	— Лучше быть подальше от язы[1].

Имя и дела Кенмир Кора окутаны загадкой. Его настоящее имя скрывали, оно было известно лишь очень приближенным ему людям.

Широко представлено в письменных источниках имя его знаменитого современника — Надир-шаха, есть сведения и о его сопернике, предводителе племени емрелинцев Угурлы-хане.

Из текстов многочисленных историко-этнографических источников можно заключить, что Надир-шах — этот великий завоеватель Востока, будучи по происхождению туркменом из племени афшар, предпринимал походы против туркмен не только с целью присоединения к Ирану Туркменистана, но и для пополнения своих войск за счет туркменских племен, всячески старался привлечь их на свою сторону, устраивал в своем дворце

специальные приемы, куда приглашались вожди туркменских племен.

Надир-шах всячески подчеркивал свое туркменское происхождение в своей переписке и приказах (фирманах). Так, например, в фермане, изданном в 1739 г. после похода в Индию и обращенном к делийскому султану Мухаммед-шаху, говорилось: «Так как наша августейшая особа (имеется в виду сам Надир-шах. — А. Д.) также принадлежит к туркменскому родословному дереву и является потомком высокой Курканской[1] династии...»[2], (Вам) желательно признать подданство Надир-шаху. В 1736 г., узурпировав власть в Иране, «Надир предлагал своим подданным шиитам отказаться от ереси, введенной шахом Исмаилом I Сефевидом (1502—1524)»[3].

Угурлы-хан Зияд-оглы, присутствовавший на Муганском Курултае при коронации Надир-шаха, был его правой рукой.

«Угурлу-хану был оставлен только район Гянджи и сохранен титул гянджинского беглербега, а часть каджаров Карабаха была переселена в Хорасан»[4]. Этот Угурлу-хан является одним из верных наместников Надир-шаха, емрелинским ханом, хотя Мехди-хан и другие называют его каджаром. Это и неудивительно, так как сами каджары считают себя туркменами. От других групп туркмен их отличает лишь то, что они исповедуют ислам шиитского толка.

По нашему мнению, Угурлы-хан — правитель Гянджи-Карабага и емрелинский хан Угурлы-хан являются одним и тем же лицом. У Бодэ читаем: «В Северном Иране ...живет племя джеваншира, переселенное сюда из Ахкала, — но прежде жившее в нашем (т. е. русском. — А. Д.) Карабахе и известное там под именем имрлу»[5] (Туркменское племя емрели известно в пись-

[1] Часто встречаемые в средневековых письменных источниках слова «кургеи», «курхан» равнозначны туркменскому слову «корекеп» и означают «зять». Кургеном называли зятя правителей чингизидского происхождения. Это слово в значении «титул» встречаются и на чеканках монет.

[2] Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха афшара. М., 1958. С. 90.

[3] Там же. С. 140.

[4] Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Указ. раб. С. 114—115.

[5] Очерки туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря // Отечественные записки, Спб., 1856, Кн. 8, С. 472.

менных источниках под названиями «имр», «имрлу», «имрели»). Есть данные и о переселении из Карабага части каджаров в Хорасан, то есть современный Южный Туркменистан. Ко всему этому добавим популярность в классических произведениях и дестанах названий «муганские степи» (муган чоли), Гянджи — Карабаг и то, что в исторических преданиях Угурлы-хан всегда выступает против Кеймира. Видимо, Надир-шах назначил Угурлы-хана своим наместником в завоеванном им Закавказье.

Согласно этнографическим материалам, часть текинцев жила в Васе не в первой половине XIX в., а значительно раньше, в XVIII в.

В преданиях часто подчеркивается нежелание текинцев устанавливать брачно-родственные отношения с другими народами. Тем не менее сохранить чистоту «текинской крови» удавалось не всегда и не всем. Своим благородным происхождением могла дорожить в основном наиболее имущая часть населения. Как видно из преданий, беднейшая часть текинцев из-за малочисленности и разобщенности, естественно, растворилась среди других народов и туркменских племен. Следы проживания в прошлом таких текинских племен сохранились в окрестностях Туркестана и в Нуратинском районе Самаркандской области УзССР, где, согласно письменным источникам, издавна жили и живут текинцы[1].

Исторические предания (вернее будет называть их историческими рассказами), использованные в разделе, в отличие от предыдущих, отражают недавние хронологические периоды и в целом дают довольно реальные сведения. Можно соглашаться с мнением Р. С. Липец и С. Я. Серова о том, что «Генеалогические предания, уходящие на относительно небольшую глубину, нередко почти полностью соответствуют исторической действительности»[2]. Однако и это обстоятельство не освобождает нас от обязанности относиться к ним предельно осторожно, как ко всяким этнографическим и фольклорным данным, сопоставлять сообщаемые в преданиях факты с данными письменных источников. В этих поздних преданиях встречаются сдвиги хронологии, смеше-

[1] Мошкова В. Г. Этнографическая экспедиция к туркменам Самаркандской области // Советская этнография. 1947. № 1.

[2] Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977. С. 3.

Текинки несут воду. 1901 г. Фото С. М. Дудина

яние географических ареалов и другие отклонения от исторической действительности. Несмотря на сравнительно недавнее их происхождение, создавались мифы и легенды вокруг отдельных исторических личностей, что затмевало заслуги народных масс — творцов истории.

Бытование племенной эндогамии, или «замкнутости» у туркмен и нежелание туркмен смешиваться с другими народами были чисто внешним признаком. В течение хотя бы последних двух веков текинцы соприкасались со многими этническими группами, что оказало влияние на их физический облик, быт и культуру.

Ни один народ, ни одно племя, переселяясь на новое место, не занимает пустое пространство, а вытесняет или ассимилирует живший до него народ.

Находясь по соседству с туркменами салырского племенного союза, текинцы не могли не испытывать их влияния. В преданиях о похождениях Салыр Казана и о жизни текинцев в составе салырского племенного союза[1] текинцы изображаются как племя, поддерживавшее тесные родственные связи с Ираном. Не случайно отцом предков текинцев — Текемаммета был Салыр Казан, а матерью — иранская царевна. От старожилов — эрсары, салыров и сарыков часто можно было услышать, что матерью текинцев является персиянка. Мало сведений о бытовании брачно-родственных отношений текинцев с другими туркменами. Были часты случаи пленения людей соседних племен. Женщина, попавшая в текинскую среду из другого туркменского племени, признавалась чистокровной, то есть равноправной туркменкой, в отличие от женщин иранского или афганского происхождения.

Раздел 4. Заселение текинцами Теджинского и Мургабского оазисов

Текинцы стали многочисленнее, а плодородной земли в Ахале было немного. Поэтому, прочно обосновавшись здесь, текинцы постепенно продвигаются в восточном направлении. При дележе земли в Ахале значительная часть населения получала небольшие наделы, ко-

[1] См. нашу монографию: Этнографический очерк населения юго-восточного Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1972.

торых нехватало для поддержания жизни. Однако число текинцев росло. Безземельной оказалась, разумеется, беднейшая часть населения. У текинцев был обычай осваивать новые земли с помощью молодых неженатых людей. Каждый род обязан был выставить определенное число людей. По решению совета старейшин они отправлялись на участки, где вероятнее всего можно было ожидать набеги, и образовывали там поселения (ак ойли)[1]. Такие авангардные поселения до присоединения Туркмении к России были и в Ахале, вдоль предгорьев. Продвижение текинцев предварительно обстоятельно обсуждалось старейшинами всех текинских родов. Для предупреждения разногласий каждое из двух текинских подразделений (утамыш и тогтамыш) выделило для ухода из Ахала примерно одинаковое число людей. Поэтому не случайно в Ахальском, Тедженском и Мургабском оазисах были почти аналогичные текинские роды[2]. Первым на пути текинцев из Ахала был Атекский оазис, где тогда проживала часть емрелинцев, мехинли и некоторые другие туркмены, ушедшие из Ахала.

Правители Северного Ирана безуспешно пытались помешать продвижению текинцев и оказывали военную помощь жителям Атека. Но это не помогло, и к концу XVIII в. Атекский оазис, то есть земли от Гяурса до Меана и Чаача, были полностью заняты текинцами, хотя оставались там и мехинли, и емрели, а часть текинцев продолжала двигаться дальше на Теджен. Значительная часть мехинли переселилась в Иран, другие же вместе с емрелинцами переселились в Северный Туркменистан. Незначительная часть мехинли теперь проживает в с/с Мехин Каахкинского района. Емрелинцы в своей массе покинули Атекский оазис в конце XVIII—начале XIX в. Старожилы хорошо помнили, что их предки жили в Южном Туркменистане и что они пришли из Геок-Тепе, Меана-Чаача.

В период занятия и освоения оазисов Юго-Восточного Туркменистана во главе текинцев стоял Мопак-сердар. Развалины крепости, носящей его имя, сохранились в ауле Меана.

---

[1] Полевые записи автора в Гяурском районе, 1977 г.
[2] Полевые записи автора в Тедженском районе, 1970 г.

ние географических ареалов и другие отклонения от исторической действительности. Несмотря на сравнительно недавнее их происхождение, создавались мифы и легенды вокруг отдельных исторических личностей, что затмевало заслуги народных масс — творцов истории.

Бытование племенной эндогамии, или «замкнутости» у туркмен и нежелание туркмен смешиваться с другими народами были чисто внешним признаком. В течение хотя бы последних двух веков текинцы соприкасались со многими этническими группами, что оказало влияние на их физический облик, быт и культуру.

Ни один народ, ни одно племя, переселяясь на новое место, не занимает пустое пространство, а вытесняет или ассимилирует живший до него народ.

Находясь по соседству с туркменами салырского племенного союза, текинцы не могли не испытывать их влияния. В преданиях о похождениях Салыр Казана и о жизни текинцев в составе салырского племенного союза[1] текинцы изображаются как племя, поддерживавшее тесные родственные связи с Ираном. Не случайно отцом предков текинцев — Текемаммета был Салыр Казан, а матерью — иранская царевна. От старожилов — эрсары, салыров и сарыков часто можно было услышать, что матерью текинцев является персиянка. Мало сведений о бытовании брачно-родственных отношений текинцев с другими туркменами. Были часты случаи пленения людей соседних племен. Женщина, попавшая в текинскую среду из другого туркменского племени, признавалась чистокровной, то есть равноправной туркменкой, в отличие от женщин иранского или афганского происхождения.

Раздел 4. Заселение текинцами Теджанского и Мургабского оазисов

Текинцы стали многочисленнее, а плодородной земли в Ахале было немного. Поэтому, прочно обосновавшись здесь, текинцы постепенно продвигаются в восточном направлении. При дележе земли в Ахале значительная часть населения получала небольшие наделы, ко-

[1] См. нашу монографию: Этнографический очерк населения юго-восточного Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1972.

торых нехватало для поддержания жизни. Однако число текинцев росло. Безземельной оказалась, разумеется, беднейшая часть населения. У текинцев был обычай осваивать новые земли с помощью молодых неженатых людей. Каждый род обязан был выставить определенное число людей. По решению совета старейшин они отправлялись на участки, где вероятнее всего можно было ожидать набеги, и образовывали там поселения (ак обйл)[1]. Такие авангардные поселения до присоединения Туркмении к России были и в Ахале, вдоль предгорьев. Продвижение текинцев предварительно обстоятельно обсуждалось старейшинами всех текинских родов. Для предупреждения разногласий каждое из двух текинских подразделений (утамыш и тогтамыш) выделило для ухода из Ахала примерно одинаковое число людей. Поэтому не случайно в Ахальском, Тедженском и Мургабском оазисах были почти аналогичные текинские роды[2]. Первым на пути текинцев из Ахала был Атекский оазис, где тогда проживала часть емрелинцев, мехинли и некоторые другие туркмены, ушедшие из Ахала.

Правители Северного Ирана безуспешно пытались помешать продвижению текинцев и оказывали военную помощь жителям Атека. Но это не помогло, и к концу XVIII в. Атекский оазис, то есть земли от Гяурса до Меана и Чаача, были полностью заняты текинцами, хотя оставались там и мехинли, и емрели, а часть текинцев продолжала двигаться дальше на Теджен. Значительная часть мехинли переселилась в Иран, другие же вместе с емрелинцами переселились в Северный Туркменистан. Незначительная часть мехинли теперь проживает в с/с Мехин Каахкинского района. Емрелинцы в своей массе покинули Атекский оазис в конце XVIII—начале XIX в. Старожилы хорошо помнили, что их предки жили в Южном Туркменистане и что они пришли из Геок-Тепе, Меана-Чаача.

В период занятия и освоения оазисов Юго-Восточного Туркменистана во главе текинцев стоял Мопак-сердар. Развалины крепости, носящей его имя, сохранились в ауле Меана.

---

[1] Полевые записи автора в Гяурском районе, 1977 г.
[2] Полевые записи автора в Тедженском районе, 1970 г.

О передвижениях текинцев к востоку от Ахальского оазиса рассказывают исторические предания и архивные материалы: «Сохранившиеся в памяти тедженцев предания начинаются со времен пребывания туркмен в песках на берегу Амударьи, между Хивой и Бухарой.

Вытесненные туркмены откочевали сначала в Балханские горы (область Большого и Малого Балхана), а затем в Мангышлак, где прожили некоторое время, но, теснимые калмыками, они вновь направились к Балханам, а вскоре затем перекочевали в Чарджуй, где заняли прибрежную полосу Амударьи. Здесь их застал Надир-шах, который разорил их стойбища и пополнил лучшими всадниками из туркмен ряды своей кавалерии. Изгнанные с берегов Амударьи, туркмены вновь двинулись к Балханам и тут разделились: часть текинцев заняла нынешний Ахалтекинский оазис, другая часть направилась на восток и на истоках р. Теджен поселилась.

В то время, как говорят тедженцы, руководил всеми текинцами как в бою, так и в мирном совете почетный испытанный сердар из племени сычмаз колена перренг Мопак. Было это 80 лет тому назад. Под руководством Мопака текинцы соорудили Каррыбентскую плотину, а воду отвели в более низменные места в северо-западном направлении. Освободив долины рек Чаача и Меана от персов, Мопак при помощи дайхан, а также наемников и беднейших жителей, и рабов, каковых у туркмен было много, вывели воду в канавы, которые довели до местности около крепости Акча-Кала. Пока управлял текинцами Мопак, персы не смели беспокоить туркмен, а несколько их попыток вытеснить туркмен с Теджена не удались. Через два года после смерти Мопака (1810 г.) персы вновь предпринимали поход против текинцев... текинцы поспешно откочевали к Мерву, где поселились между сарыками и салырами. В 1829 г. во главе их стоял Ораз-хан, который под давлением хивинцев опять перекочевал на берега р. Теджен. В 1834 г. после похода на Теджен Аббаса Мирзы текинцы опять ушли в Мары. В 1840 г. часть этих текинцев вернулась на р. Теджен, а оттуда с разрешения персидских властей поселилась в Серахсе. Здесь текинцы прожили 18 лет и в 1857 г. ушли в Мары»[1].

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7732, лл. 12—15.

Переселившись на берегах р. Теджен, текинцы стали возделывать зерновые и бахчевые культуры.

Корреспондент английской газеты «Дейли ньюс» О'Донован, побывавший в Мерве в начале 80-х гг. XIX вв., т. е. накануне вхождения оазиса в состав России, оставил подробное описание текинцев, так как английское правительство в то время заинтересованно следило за событиями, происходившими в Южном Туркменистане (О'Донован позднее был убит махдистами в Египте). В Мары он некоторое время находился под домашним арестом у Каджар-хана, пока его не выкупило английское консульство в Мешхеде. Приведем рассказы текинских стариков, записанные О'Донованом:

«После смерти Надир-шаха туркмены заняли Ахал-Теке и тедженские болота... Люди, избравшие себе оседлость вдоль северных склонов гор, остались, по-видимому, довольны местом своего поселения, те же, которые разместили свои кибитки вокруг тедженского болота, сочли за лучшее перебраться на другие места, вероятно, по причине господствующих в болотистой местности лихорадок. Восточная партия переселенцев, занимавшая 120 лет тому назад (с 1881 г. — А. Д.) область, которая казалась им раем и никогда не страдала от недостатка воды, передвинулась к югу, к тому месту, где р. Теджен ровно течет в берегах. Вопрос об избрании здесь оседлости, очевидно, обсуждался ими долго, т. к. всего 46 лет тому назад они покинули свое жилье у тедженского болота и решили обосноваться в Серахсе. То были нынешние мервские текинцы. Тем временем другие туркмены, воспользовавшись упадком военного могущества Персии, заняли берега Мургаба, вплоть до нынешней границы Афганистана у Пендже, это были туркмены племени салоров. Местность, обитаемая ныне мервскими текинцами, была в течение столетия территорией сарыков. В продолжение 22 лет текинцы владели Серахсом и окрестной территорией, доходившей на юге до Турбати-Шайкама, по направлению к Сеистану. Затем 25 лет тому назад они немного отступили назад»[1].

Итак, согласно этим данным, авангардная часть (или

---

[1] О'Донован. Письма англичанина из Мерва // Военный сборник. 1881. № 11. С. 196—198.

как ее называет О'Донован, восточная партия) заняла Тедженский оазис примерно в 1761 г.; после смерти Недира они ушли в Серахс в 1835 г., где в то время жили салыры, о чем писал А. Борнс, проехавший через Серахс (Чарак) в 1831—1832 гг.

Нижнее течение реки заселили векильцы (нынешний Тедженский оазис), а земли к северу от Серахса — тохтамышцы. Текинцы, придя в Серахс, под руководством Ораз-хана (или Сердара) начали беспокоить, живущих по соседству туркмен-салыров. Вскоре же салыры, оказавшись между Ираном и текинцами, вынуждены были покинуть Серахс и ушли в Пендинский оазис и другие места.

О появлении в Серахсе текинцев мы находим некоторые сведения в работе английского автора Ч. Марвина. Он писал, что примерно в 1830 г. большая группа текинцев под предводительством Ораз-хана из Гяурса переселилась на берега р. Геркруд.

На правом берегу реки построили крепость Теджен, или Ораз-Кала, от которой до самого Серахса тянулись поселения текинцев. Эта часть Геркруда называлась Теджендерья.

Жизнь текинцев в Серахсе была нелегкой. Начались разногласия между текинцами-векиль и тогтамыш. Во главе тедженских текинцев стоял Ходжам Шукур-хан из векильцев. Но позднее, несколько усилившись, серахские текинцы отказались подчиняться ему и решили избрать своего хана. Началась вражда между этими группами текинцев; память об этом времени в народе сохранилась как «векил ягычылыгы» («векильская вражда»). С другой стороны, с юга участились набеги иранских феодалов. Так, например, Марвин писал: «Губернатор Хорасана Довлах Аллаяр-хан, собрав армию, около 1845 г. напал на тедженских текинцев, совершенно уничтожив их поселения[1].

В 1966 и 1968 гг. в Тедженском районе мы записали несколько рассказов о взаимоотношениях тедженских и серахских текинцев, о занятии текинцами Мургабского оазиса, о Коушут-хане и войне текинцев с Мадамин-ханом и о других событиях.

---

[1] Marvin Ch. Merv the queen of the Worlds and the accourde of the man turcomans. London, 1881. C. 65.

В сочинениях хивинского историка Агехи при описании похода Аллакулы-хана в Хорасан в 1826—1827 гг. сообщается о том, что по прибытии в Серахс к нему «... явились салыры из Мервского улуса и предводители теке, населяющих Теджен: каждый с соответствующими своему достоинству войском и нукерами. Прибыл также Ораз-Яглы-сердар...».

Текинцы Теджена разделились на две части — утамышцы во главе с Ходжам Шукуром переехали в Серахс, а тохтамышцы остались в Теджене. Правил ими Оразмурад-сердар, пользовавшийся у народа большим авторитетом.

Вплоть до середины XIX в. Ораз-Яглы-сердар, или Ораз-хан, и Ходжам Шукур-хан упоминаются в письменных источниках как главные ханы теджекских и серахских текинцев. К 1835—1840 гг. значительная часть теджекских туркмен окончательно поселилась в Серахсе и находилась там вплоть до ухода в Мары в 1857 г. В начале 40-х гг. XIX в. произошел разрыв между этими группами текинцев.

Ходжам Шукур-хан был сторонником хивинской ориентации. Ораз-сердар же в 30-х гг. XIX в. отстаивал необходимость сохранения независимости текинцев от соседних государств. Об этих событиях, происшедших в 1847 г., Агехи сообщает: «В районе Серахса проживало племя теке, предводителями которых были Ораз-Яглы и Ходжам Шукур. Первый из них, Ораз-Яглы, вследствие своего коварства, выйдя из покорности и подчинения хану (Мухаммеду Эмину), стал искать покровительства у падишаха Бухары эмира Насруллы... Хаджам Шукур со всеми людьми, подчиненными ему, переселился из Серахса в Кара-Бурун, который находится на расстоянии пяти переходов ниже Мерва ...»[1]. Ораз-сердар отказался от уплаты непосильных налогов и искал возможности сохранения независимости текинцев от их ближайших соседей.

Расцвет творчества классика туркменской литературы Мамедвели Кемине (1770—1840 гг.) относится именно к этому беспокойному периоду. Его известное стихотворение «Оразым» посвящено Ораз-сердару. По преданию, он хорошо знал Ораз-хана, Ходжам Шукур-

[1] МИТТ. Т. 2... С. 505.

хана, предводителя гяурских туркмен Джапар-хана и молодого тогда еще Коушут-хана. Кемине участвовал в мирных переговорах между предводителями текинцев и правителями Хорасана, состоявшихся в Мешхеде. Все свои знания, остроумие и мудрость он использовал для достижения согласия. Прошло несколько лет, и против текинцев Серахса выступил хивинский хан Мадамин. Он со своими войсками расположился в крепости Гулаклы-Кала (около нынешней ж.-д. станции Гарып Ата—Карыбата). В то время в Мары жили сарыки, подвластные хивинскому хану. Правил у них наместник Язмет-бай. Войска Мадамина, состоявшие в основном из туркмен, беззастенчиво грабили сарыков. Затем Мадамин с войском направился в Серахс, к кочевьям текинцев.

Узнав об этом, текинцы отправили к Мадамину ходжу для мирных переговоров (товеллачы). Текинцы не желали воевать и даже согласились уплатить определенный налог. Но Мадамин не принял мирные предложения текинцев. Узнав обо всем этом от ходжи, текинцы начали готовиться к битве. Текинские воины, вооруженные саблями, топорами, ножницами для стрижки и другими удобными предметами, на рассвете напали на хивинские войска. С текинской стороны в бою участвовали и женщины.

В это время Мадамин отдыхал в своей палате на Пализек-депе, ел плов и играл в шахматы. Когда один из его приближенных по имени Муса-торе сообщил о нападении текинцев, он ответил, что не боится их. Первым из текинцев к Мадамину добрался Аннакули Кельдже из рода Бахши (колено мирши) и обезглавил его. После этого хивинские войска, застигнутые врасплох, в панике разбежались в разные стороны. Текинцы преследовали их до крепости Даш-Рабат. Здесь текинский сердар приказал текинцам возвращаться. Спасшиеся от погони хивинцы по дороге поймали двух текинских торговцев лошадьми, обменяли их на труп Мадамина, который зашили в кожаный мешок и увезли в Хиву. Коня Мадамина отдали Аннакули Кельдже. Об этом бесславном походе в «Истории Туркменской ССР» даются такие сведения: «12 марта 1855 г. хивинские войска были разбиты полностью, причем в бою

погиб сам Мухаммед Эмин со всей своей свитой. Остатки хивинских войск бежали в Кара-Яб, а затем в Хиву»[1].

Победив хивинцев, текинцы недолго жили спокойной жизнью. Их начали беспокоить персы. Коушут-хан решил избрать более спокойные места для поселения и перекочевать из Серахса в Мары. В это время, воспользовавшись поражением хивинских войск и гибелью Мадамина, против Хивы восстали и сарыки. Они убили хивинского наместника (дикме) Язмеда. Придя в Мары, Коушут попросил сарыков выделить земли для текинцев. Сарыки согласились поселить текинцев в своей среде небольшими группами. Из Ахала для посредничества, а в случае необходимости и для поддержки текинцев со своими нукерами приехал и Нурберды-хан. Все его старания уговорить сарыков не дали желательного результата. Произошел бой, сарыки вынуждены были покинуть Мары. Сначала на совете старейшин было решено предоставить сарыкам земли в низовьях Мургаба. Но Коушут-хан был против этого и сказал: «Земли, расположенные выше Гаты-Яб можно сравнить с медью, от него до Мары — с серебром, а еще ниже от Мары — с золотом». Сарыкам разрешили поселиться на Мургабе, выше Талхатан-баба.

Вскоре после занятия Мургаба текинцами на Мары предпринял поход Хемзе Мирзе во главе с каджарскими войсками численностью 80 тыс. человек и 32 пушками. Ядра от этих пушек можно и теперь найти в развалинах крепости Пореи-Кала. Каджары потерпели поражение, спаслись лишь около ста всадников. Есть сведения, что живший в Мары некий Али хан проник к Коушут-хану, тайно насыпал в его обувь яд, который якобы парализовал ноги Коушут-хана[2]. «...неожиданная смерть настигла его (т. е. Коушут-хана. — А. Д.) в 1878 г.»[3].

Рассказов об истории заселения текинцами Мургабского и Тедженского оазисов сохранилось немало.

---

[1] История Туркменской ССР. Т. 1., С. 532.

[2] В рассказе имеется в виду Алиханов-Аварский, автор его происхождению. Этот случай не подтверждается письменными источниками.

[3] Алиханов-Аварский. Закаспийские воспоминания. 1851—1885 гг. //Вестник Европы. 1901. Сентябрь. С. 87.

Известные нам письменные источники дают мало достоверных сведений.

Ибрагимов, по национальности казанский татарин, служивший переводчиком у русских в Хиве, в 1873 г. беседовал с прибывшими в Хиву сарыкскими торговцами. Они сообщили ему, что «... начальником у туркмен рода теке Коушут-хан, 50 лет, а начальником рода сарык — сын ишана Калифа, Каримберды Махсум»[1]. Итак, если Коушут-хану в 1873 г. было 50 лет и умер он в 1878 г., то выходит, что умер он в 55-летнем возрасте. Ханом он стал сравнительно в молодом возрасте, когда повел серахских текинцев на Мары. Г. де Блоквилл в начале 60-х годов XIX в. писал, что текинцы Мургабского оазиса делятся на 24 колена, каждое из которых избирает себе кедхуду, то есть старшину. «Один из таких кедхуд Коншид-хан (то есть Коушут-хан.—А. Д.) обладает у туркмен известного рода верховной властью, которой он обязан своему хитрому уму и умению найтись в случае нужды. Хотя он признается потомком одной из древнейших и значительных теккеевских фамилий, тем не менее не может поступать против общей воли, потому что туркмены, признавая одного из среды себя начальником, придерживаются вместе с тем полного равенства и дорожат внутреннею свободой»[2].

Согласно сведениям Ибрагимова и Блоквилла, во главе каждого текинского рода стоял родовой кедхуда—начальник, который был членом совета старейшин мургабских текинцев. Коушут был кедхудой рода в 4000 хозяйств гокча и в то же время всех мургабских текинцев[3]. Судя по всему, он был дальновидным человеком, завоевавшим популярность у соплеменников. В условиях господства анархических порядков, межплеменных и межродовых разногласий (когда завоевывали право на жизнь силой оружия), это было делом нелегким. Характеристику, данную ему Блоквиллом (он хорошо знал туркменских старшин), следует в целом признать удачной. Однако данные о том, что Коушут-хан происходил из старшин ханского рода, не согласуются с этнографическими материалами. Коушут-хан, видимо, не зло-

[1] Ибрагимов. Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах // Военный сборник... С. 139.
[2] Гуллибеф де Блоквилл. Указ. раб. С. 25.
[3] Ибрагимов. Указ. раб. С. 140.

употреблял своей властью и вел тонкую политику, вполне сознавая ответственность за сохранение единства текинцев. Несправедливые действия могли уменьшить число его сторонников и привести к расколу.

П. И. Огородников, путешествовавший по Северному Ирану в 1874 г. и посетивший Мешхед, писал: «Вообще Ибрагим (старик-бухарец, представитель русского консульства, живший в Мешхеде. — Л. Д.) как бы забыт здесь русскими надлежащими властями. Так, год назад губернатор Мерва, Коушут-хан, писал ему, что желает «... заключить мир с Россией» и тот уведомил об этом нашего посланника в Тегеране, но до сих пор из Петербурга ответа нет...»[1].

Итак, Коушут-хан в 1873 г. понимал важность заключения договора с Россией. Ему, видимо, была хорошо известна роль России в политических событиях Передней Азии, путем заключения мира с Россией он хотел получить гарантию на случай захватнических притязаний соседних феодальных государств.

В материалах, относящихся к началу 80-х гг. XIX в., есть сведения о роли Коушут-хана в жизни населения Мургабского оазиса: *«В половине 50-х гг. нынешнего века с запада нахлынули текинцы в количестве около 30.000 человек с энергичным предводителем Коушут-ханом во главе. Мервский оазис обязан этому умному завоевателю некоторой долей нынешнего благополучия и своего возрождения. Первой заботой завоевателя было устройство плотины и проведение каналов для искусственного орошения. В 1873 г., опасаясь вторжения русских, ...Коушут собрал 25 000 рабочих и в течение 20 суток выстроил крепость Коушут-хан-Кала. Коушут-хан усиленно стремился к тому, чтобы восстановить орошение, а следовательно, плодородие всей мервской территории в прежнем величии. Но не хватало ни средств, ни рабочих рук. Он умер в 1878 г., после его смерти начались беспорядки»*[2].

Кстати, эти сведения в целом согласуются с сообщением П. И. Огородникова о попытке Коушут-хана в 1873 г. заключить мир с Россией. Видимо, тогда он был введен в заблуждение многочисленными английскими лазутчиками, сообщавшими о возможном нашествии на оазис русских.

[1] **Огородников П. И.** Страна солнца. Соб., 1881. С. 230.

[2] Окраины России. Мерв // Вокруг света. 1886. № 26. С. 63.

После присоединения Мургабского оазиса Россия значительно приблизилась к Ирану и Афганистану. Для мирного присоединения оазиса были использованы служившие в русских войсках кавказские мусульмане, среди которых особенно выделялся Алиханов-Аварский. Его-то и решили отправить из Ашхабада в Мерв для ведения переговоров. «... знаете язык туркмен и одной религии с ними, что, конечно, немало облегчит дело сношения с народом. Сверх того, вы пишете и рисуете», — сказали ему перед отправкой[1]. Да и сам Алиханов (аварец) был заинтересован в этом деле: «Лично для меня важнейшим результатом посещения Мерва было то обстоятельство, что в голове моей гвоздем засела мысль о возможности мирного присоединения к России этого края»[2].

Во время своего пребывания в Мары в 1882 г. он собирал различные сведения, в том числе и о Коушут-хане. Согласно нашим полевым записям, Алиханов еще при Коушут-хане жил в Мары, под видом водоноса ходил по базару, постепенно вошел в доверие к текинцам и стал, наконец, слугой Коушута. По слухам, он отравил Коушута каким-то ядовитым (иниджи) порошком и исчез из Мары. Эти рассказы и сейчас можно услышать от стариков. Сам же Алиханов-Аварский в своих работах и статьях о тайном пребывании в Мары ничего не пишет, так как он выполнял секретное поручение. Можно подумать, что Алиханов попал в оазис через Иран, чтобы изучить положение в Мургабском оазисе после упомянутого письма Коушута к русскому консулу в Тегеране. Но пока нельзя считать доказанным пребывание Алиханова в оазисе до 1882 г. Об этом, к сожалению, кроме этнографических материалов, нет никаких достоверных данных. Во всяком случае, этнографические материалы, относящиеся к сравнительно позднему времени (например, к периоду столетней давности), обычно отличаются реальным описанием событий и иногда содержат больше истины, чем сообщения некоторых дореволюционных авторов[3].

[1] Алиханов-Аварский. Указ. раб. С. 78.

[2] Там же. С. 82.

[3] Алиханов, будучи приставом Мервского уезда, допускал злоупотребления своей властью, был обвинен в присвоении значительной части собираемых с местного населения налогов. Подробно об этом см.: Овезова Л. П. О правительственной ревизии Закаспийской области 1889—1890 гг. Рукопись.

Замужняя женщина в халате. 1901 г. Фото С. М. Дудина

По достоверным сведениям Алиханова, «...Коушут-хан сформировал в стране полицейскую стражу, состоящую из 2000 преданных ему нукеров... Были случаи, когда он приговаривал к казни»[1]. Коушут-хан стремился создать централизованное управление, учредил отдельные органы, выполнявшие функции государственной власти. Но, несмотря на это, в XIX в. туркмены были еще разобщены и значительная часть их входила в состав соседних феодальных государств.

Уже после смерти Коушут-хана между текинцами Мургаба начались разногласия. Ханом тохтамышцев был признан сын Коушута Баба-хан, который, по словам Алиханова, был «... невзрачный на вид и слепой на один глаз»[2].

К О'Доновану во время его пребывания в Мары зашел «Баба-хан, сын знаменитого среди мервцев Кушид-хана, по имени которого назван форт Кушид-хан-Кала. Баба-хан считался наследным предводителем тохтамышского колена мервских туркмен, живущих вдоль восточного или правого берега реки Мургаб. Баба-хан мужчина среднего роста, с виду лет сорока, с грубыми чертами лица, хранящего спокойное, но лукавое выражение. На левом глазу у него бельмо — явление очень распространенное среди туркмен»[3].

Позднее русские власти опирались на поддержку родоплеменных старейшин, кедхудов и других влиятельных туркмен, привлекая их к местному управлению, жаловали им разные чины. Баба-хан командовал милицейской сотней[4]. Махтумкули-хану в феврале 1884 г. пожаловали майорский чин и назначили начальником Тедженского уезда. Верно служили русским властям правительница Мургабского оазиса Гульджемал-хан и ее сын Юсуф-хан.

Во время передвижения на восток текинцы без серь-

---

[1] Алиханов-Аварский. Указ. раб. С. 87.

[2] Там же. С. 147.

[3] О'Донован. Указ. раб. С. 186.

[4] В 1879 г. по предложению генерала Лазарева в Закаспии впервые была создана туркменская милиция в числе 6 сотен. См.: Присоединение Туркменистана к России. Сб. архивных документов. Ашхабад, 1960. С. 462.

езного сопротивления местного населения заняли огромную полосу орошаемых земель Атекского, Тедженского, Серахского и Мургабского оазисов. В первых двух оазисах в то время жили преимущественно туркменские племена, вытесненные из Ахала,—емрелинцы, карадашлинцы, нохурлинцы, мехинли, алилинцы и др. В Серахском и Мургабском оазисах жили салыры и сарыки, заселившие их еще в конце XVII—начале XVIII в.

Естественно, как это часто бывает, на своем пути текинцы «поглощали» местное население, подвергая его медленной мирной ассимиляции. Текинские подразделения и роды, ушедшие на восток, в основном были аналогичны ахальским. Поэтому на первых порах все текинцы, расселенные на огромной территории общей протяженностью около тысячи километров, старались поддерживать между собою семейно-родственные связи.

Соседний Иран, ослабленный внутренними раздорами, после смерти Надир-шаха не смог оказать противодействие продвижению текинцев. Отдельные попытки наместников Северного Ирана сдержать натиск текинцев при содействии подданных им туркмен (мехинли, анаулы) оказались тщетными.

Среди текинцев проживали колонии (иногда значительные) емрели, карадашлы, мехинли и алили. Они подвергались мирной ассимиляции в ходе семейно-брачных контактов. Как часто бывает в истории, победители брали в жены девушек у побежденных, не выдавая за них своих. Так поступали все туркменские племена. Так в основном и происходило их слияние и сближение. Более значительные группы емрелинцев и карадашлинцев старались войти в состав текинцев на правах самостоятельной эндогамной родовой единицы. Но это не всегда удавалось.

Хотя родоплеменной состав текинцев Ахальского и Мургабского оазисов в целом и одинаков, были отдельные роды, проживающие только в данном районе. Это роды или представители вошедших в состав местных групп населения племен или же вновь образовавшиеся роды. В беседах с нами многочисленные старожилы из Тедженского и Мургабского оазисов неоднократно подчеркивали, что крупное подразделение векил не является текинским, оно присоединилось к ним позднее. Некоторые и прямо заявляли, что векильцы — это эрсарицы.

Видимо, крупное подразделение векил, многочисленные потомки которых живут в Южной Туркмении, появилось позднее в составе текинцев, возможно даже эрсарийским племенем, оставшимся в Южной Туркмении на пути к Амударье. Известно, что еще в начале XIX в. в верховьях Мургаба жила большая группа чаршангинцев, переселившаяся затем на Амударью[1].

Материалы о столкновениях текинцев с соседними феодальными государствами, вытеснении сарыков из Мургабского оазиса сравнительно удовлетворительно освещены в двухтомной «Истории Туркменской ССР». Есть сведения о состоянии мургабских туркмен накануне присоединения оазиса к России. Бытовало мнение, что текинские ханы Ораз-хан и Коушут-хан были якобы справедливыми в защите интересов населения. На самом деле, эти крупные феодалы постоянно враждовали между собой, что отражалось в первую очередь на положении бедняков. Однако нельзя отрицать и то, что в ханы и сердары народ выдвигал умных и авторитетных людей, умеющих защищать интересы людей. Они старались сохранить независимость туркмен от соседних феодальных государств, избегая прямого столкновения с сильными противниками.

Этнические процессы в этом регионе в целом привели к расширению контактов между различными племенами и народами, способствовали формированию в Ахале оседлого туркменского населения.

Раздел 5. Родоплеменное деление у текинцев

Родовые названия текинцев (как и вообще туркмен) очень неоднородны и своеобразны. Во-первых, текинцы четко делились на два подразделения — утамыш (отамыш) и тогтамыш. Основную массу текинцев составляли роды, встречающиеся только у них, и большинство их старше названия самого племени — теке. Большая группа родов, видимо, присоединилась к текинцам во время их бесконечных скитаний в XVI—XVIII вв. и наконец вошла в состав текинцев после занятия ими Ахала, сохранив племенные самоназвания (емрели, кара-

[1] Какая-то часть текинцев заселила низовья Мургаба еще в XVIII в., мигрируя со стороны Амударьи.

дашли, сунчалы, мунчели и т. п.). Наиболее полный перечень текинских родовых делений приведен в работах Г. И. Карпова и многих дореволюционных авторов.

Этнографические материалы о родоплеменном делении текинцев собраны также нами в Ахальском, Теджженском и Мургабском оазисах. Крупные и мелкие родовые названия исчисляются сотнями. Приведем лишь названия тех родов, которые представляют для нас интерес.

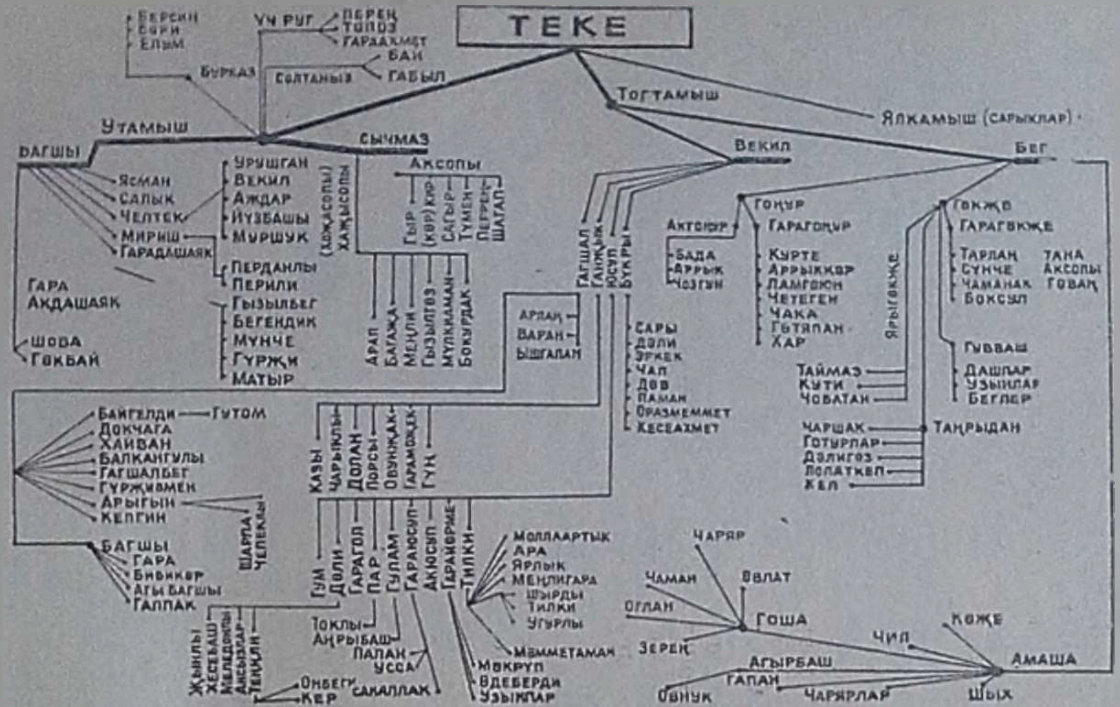
В собственно текинских названиях есть очень древние роды, носившие названия животных. На них впервые обратили внимание С. П. Толстов и Г. И. Карпов. По их предположениям, эти роды имеют тотемное происхождение, что наиболее вероятно. У текинцев утамыш есть названия шагал (шакал), иг (собака), гузы (ягненок) и другие, у тогтамыш — тильки (лиса), ганджик (собака), копек (пес), хайван (животное), дэв (сказочный великан), дуе (верблюд), газ (гусь) и другие — наиболее древние и возникли они при родовом строе, когда предки туркмен — древние тюрки и аборигены Южного Туркменистана — поклонялись деревьям, камням, животным, в особенности собаке и волку, последний даже был изображен на знаменах древних тюрок.

К туркмено-огузской группе можно отнести и роды тебер (тувер), эве (аба), которые, судя по названиям, можно отождествить с огузскими племенами дюкер (тувер) и ийе (эве). У небольшого тюркоязычного алтайского племени (народности) тубалар, живущего на первоначальной родине древних тюрок, родовое деление тибер[1], вероятно, связано с названием огузского племени тувер (дюкер), которое играло определенную роль и в этногенезе тюркоязычных народов Алтая. Это огузское племенное название, происходившее из древнетюркской среды, встречается и в Западном Туркменистане—около поселка Чагыл находится колодец Тувер.

У текинцев, в отличие от других туркмен, очень мало туркмено-огузских родоплеменных названий. Текинские роды, как и у других туркмен, различны по происхождению, значению и размерам. Самые древние из них —роды, носившие названия тотемных животных. Часть

---

[1] **Потапов Л. П.** Тубалары горного Алтая // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 53.



Родовое деление текинцев

этнонимов происходила от имен богатых родоначальников. Такие роды происходили от одного предка и состояли из близкородственных семей. У текинцев есть роды арап, гурджи (грузин), (утамыш) ирани, каджар, таджик (тохтамыш), тараки, газак и другие. Эти названия свидетельствуют о том, что в состав текинцев вошли отдельные группы других народов, став впоследствии самостоятельными родами. У части текинцев, занимавшихся скотоводством в Центральных Каракумах, был род хебеши[1].

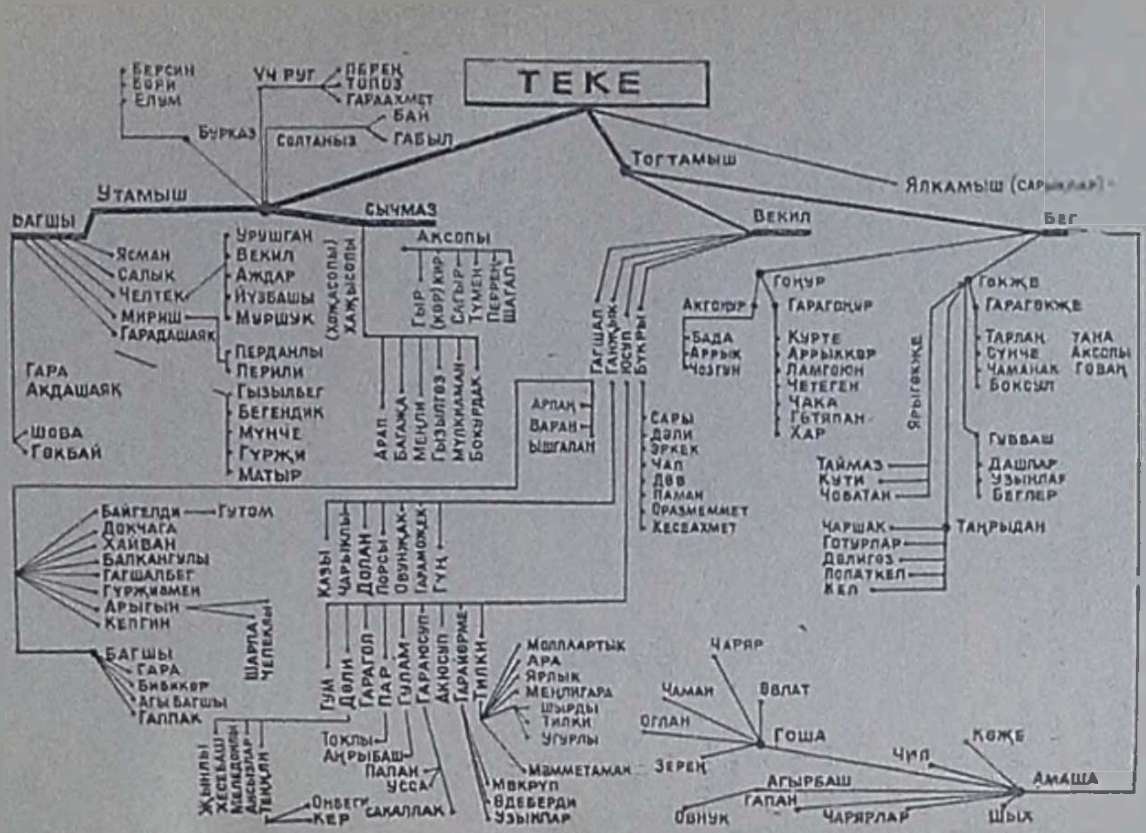
В странах Среднего и Ближнего Востока проживало множество людей эфиопского происхождения, служивших при дворах. Вполне допустимо, что отдельные их представители могли оказаться и в туркменской среде. Текинские роды салыр, сарык, мунче, сунче, бурказ, курама (утамыш), дуеджи, мехчили по разным причинам откололись от своих племен. Эти роды — видимо, осколки бывших крупных самостоятельных племен, которые вошли в состав текинцев в XVI—XVIII вв. Названия родов «балхан», «вас» и другие (тохтамыш) говорят о местах расселения текинцев в прошлом. Как и у других туркмен, одни роды считались более влиятельными и сильными, другие — слабыми. Интересны сведения, записанные Г. И. Карповым со слов проф. Н. М. Бачинского:

«В 1937 г. несколько семей рода караджа, старики, взрослые, дети, мужчины и женщины прибыли к мавзолею для примирения с Санджаром (умер в 1157 г.). По преданию караджинцев, их предки неоднократно обманывали Султана Санджара, вместо причитающейся с них дани платили ее в меньшем размере и т. д. За это Санджар проклял их (предков) и приказал не допускать караджинцев на территорию города Мерва. Устроив в 1937 г. обед и чай около мавзолея, караджинцы считали, что они близки к цели, к примирению, но и на этот раз Санджар «не примирился с караджинцами. Один мальчуган-караджинец, взобравшись на первый этаж мавзолея, упал на землю и сильно ушибся. В этом караджинцы увидели проклятие Санджара пойти на примирение»[2].

---

[1] Полевые записи Губджени Аманы в Ашхабадской области в 1980 г.

[2] Карпов Г. И. Этнический состав... С. 31—32.



Родовое деление текинцев

этнонимов происходила от имен богатых родоначальников. Такие роды происходили от одного предка и состояли из близкородственных семей. У текинцев есть роды арап, гурджи (грузин), (утамыш) иран, каджар, таджик (тохтамыш), тараки, газак и другие. Эти названия свидетельствуют о том, что в состав текинцев вошли отдельные группы других народов, став впоследствии самостоятельными родами. У части текинцев, занимавшихся скотоводством в Центральных Каракумах, был род хебеши[1].

В странах Среднего и Ближнего Востока проживало множество людей эфиопского происхождения, служивших при дворах. Вполне допустимо, что отдельные их представители могли оказаться и в туркменской среде. Текинские роды салыр, сарык, мунче, сунче, бурказ, курама (утамыш), дуеджи, мехчили по разным причинам откололись от своих племен. Эти роды — видимо, осколки бывших крупных самостоятельных племен, которые вошли в состав текинцев в XVI—XVIII вв. Названия родов «балхан», «вас» и другие (тохтамыш) говорят о местах расселения текинцев в прошлом. Как и у других туркмен, одни роды считались более влиятельными и сильными, другие — слабыми. Интересны сведения, записанные Г. Н. Карповым со слов проф. Н. М. Бачинского:

«В 1937 г. несколько семей рода караджа, старики, взрослые, дети, мужчины и женщины прибыли к мавзолею для примирения с Санджаром (умер в 1157 г.). По преданию караджинцев, их предки неоднократно обманывали Султана Санджара, вместо причитающейся с них дани платили ее в меньшем размере и т. д. За это Санджар проклял их (предков) и приказал не допускать караджинцев на территорию города Мерва. Устроив в 1937 г. обед и чай около мавзолея, караджинцы считали, что они близки к цели, к примирению, но и на этот раз Санджар «не примирился» с караджинцами. Один мальчуган-караджинец, взобравшись на первый этаж мавзолея, упал на землю и сильно ушибся. В этом караджинцы увидели нежелание Санджара пойти на мировую[2]». Согласно этому

[1] Полевые записи Гуйджева Амана в Ашхабадском районе в 1980 г.

[2] Карпов Г. Н. Этнический состав... С. 31—32.

преданию, караджинцы жили в Южном Туркменистане во времена Сельджукидов и еще в то время впали в немилость их правителя. Как бы то ни было, отношение к представителям этого рода было не очень уважительно со стороны других текинцев[1].

В составе текинцев одну из мелких групп представляли бурказы.

В течение последних двух столетий бурказы были одной из родовых единиц текинцев. Еще в середине XVII в., по данным Абульгази[2], они составляли самостоятельное племя, входившее в союз внешних салыров. В конце XVIII в. — начале XIX в. они вместе с текинцами двинулись с Балхан в Южный Туркменистан и расселились среди них повсеместно небольшими группами. Значительные группы их проживают в Мургабском и Теджен-ском оазисах, они сохранили старинные особенности своего диалекта и быта. Кроме того, небольшие группы бурказов живут среди салыров Серахса и западных йомудов. Браки у мургабских и тедженских бурказов в основном заключаются внутри группы. Текинцы называют их посторонними (ят). По преданию, записанному Я. Беллиевым, предком бурказов был Бурказ Ата. У него было трое сыновей: Елум, Бора, и Берсин. Перед смертью он якобы позвал их к себе и дал им такую характеристику: «Елум не может быть спутником, с Бори не надо торговать, младший, Берсин, — самый честный, благословляю его и желаю ему всякого добра (Елум билен ела гитме, Бори билен совда этме, Берсин оглум, худай сана берсин)». Все эти три рода поддерживают между собой брачные отношения.

В отличие от текинцев, у гокленов, човдуров, салыров и других сохранилось много туркмено-огузских родоплеменных названий. Видимо, текинцы оформились как самостоятельное племя значительно позднее, в других условиях и среде. Об этом говорят и данные материальной и духовной культуры и генеалогические предания. Согласно одному седжре, предки текинцев до нашествия монголов жили в Южном Туркменистане. В предгорьях Копетдага они занимались скотоводством и земледелием. Зимовали на предгорье, а лето проводили

---

[1] В Малой Азии около г. Эрзерума было селение Караджалар.
[2] Абульгази. Родословная туркмен... С. 75.

в песках, к северу от гор. Но за отчаянное сопротивление часть их после разгрома монголами была переселена Чингиз-ханом в казахские степи, откуда позднее они возвратились в Уас и другие места[1].

Текинские роды тенек, букры и бекаул — по происхождению салырские и эрсаринские, присоединились они к текинцам во время их соседства на Балханах. Название рода «тенек» восходит к имени салырского предводителя XVII в. Название букры происходит от имени другого племенного вождя периода жизни салыров на Мангышлаке по соседству с човдурами[2]. Букры в переводе с туркменского языка — горбатый. Кара бекаул, как известно, является названием двух крупных делений туркмен-эрсаринцев.

Текинцы долгое время жили в соседстве с йомудами, что отразилось позднее на их быте и культуре. В результате в составе текинцев, в особенности у векильцев, осели многие роды западных йомудов, — арык, кор, кел, кельте, годжук, дуеджи, бага, огрынджа (иначе огрыджа), узын-ак, кара-инджик, даз[3].

Аналогичных с туркменскими родов было много в составе казахов. Это тазлар, шихлар, тана керей (герей), сары. В составе рода таз имеется подразделение абдал[4]. По мнению Г. П. Васильевой, этот род происходит из кипчакской среды и, возможно, является общим для многих тюркоязычных народов. Можно предположить, что крупное родовое подразделение гонур (ак гонур и гара гонур) имеет прямое отношение к крупным подразделениям каракалпаков — конграт, узбеков— куиград, а в целом же — к известной Кунградской династии.

У текинцев Мургабского оазиса (в Векиль-Базарском районе) была родовая группа тараки. В Афганистане в районе Герата живет ираноязычное племя тараки. Слово «тараки» в переводе с персидского может звучать как «турки». Следовательно, текинский и афганский роды могут быть потомками ранних тюркоязычных племен,

---

[1] Полевые записи Келова К. в Тедженском районе.

[2] Джикиев А. К истории расселения туркмен-салыров в XVI—XIX вв. // Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965.

[3] Карпов Г. И. Этнический состав... С. 25.

[4] Вострое В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 57, 81, 98 и др.

игравших значительную роль в формировании населения Хорасана.

Подавляющее большинство йомудских родов находится в составе векильцев.

Интересно происхождение названия текинского рода огрынджа. Прибрежные туркмены к югу от Красноводска в прошлом были известны под названием огурджалы, а поселение, в котором они жили в XIV в., называлось Огурджа. В архивных материалах туркменам огурджалы дается следующая характеристика: «Туркмены огурджалинского рода, потомки разного рода сброда, беглых бродяг и прочих, от разных туркменских племен, отчего и самое название их огурджа — вор»[1]. Эта характеристика за исключением заключительной ее части соответствует действительности. Об этом свидетельствуют наши многолетние исследования истории и этнографии прикаспийских туркмен. Согласно родословной и народным преданиям, название это произошло от слов «огрынджай» — скрытое место. Позднее жители этого разоренного калмыками (вернее, монголами) большого прибрежного поселения разошлись в разные стороны и оказались даже на Сумбаре, в Ахале и других местностях (основная же масса огурджалы поселилась на побережье). Вероятно, представители текинского рода огрынджа являются потомками жителей исторического поселения Огурджа. Это поселение было открыто С. П. Толстовым[2]. Выходцами из него могут оказаться и люди текинского рода дуеджи. Остальные названные роды более многочисленны у йомудов, чем у текинцев. В период теке-йомудского союза в XVII в. часть этих родов, видимо, и вошла в состав текинцев. Наконец, сравнительно поздним пластом в этногенезе текинцев являются группы, вошедшие в состав текинцев в XVIII—XIX в. Они состояли как из местных дотекинских туркмен и тюрок, так и персов, курдов, афганцев и других. Вхождение их в состав текинцев происходило мирным и насильственным путем. Этот процесс оказал очень большое влияние на физический облик, быт и нравы текинцев. Как явствует из текинских

[1] ЦГА Туркменской ССР, ф. 17, оп. 1, д. 91, л. 27.

[2] Толстов С. П. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956) // Советская этнография. 1957. № 4. С. 31—59.

родовых названий, в ахальский период в состав текинцев вошли емрелинцы, карадашлинцы, алилинцы, сунчалы, мурчели, мехинли, анаулы, курды, таджики, арабы, персы (гуллар) и др.

К более раннему времени относится образование текинских родов ших, ходжа, махтум, мираб, курама, каджар, гарайы. Первые три рода считались овлядскими и, пользуясь правом неприкосновенности, продолжали жить среди текинцев, не подвергаясь особой ассимиляции.

Каджары составляли довольно многочисленный текинский род, происходили из каджарской народности туркменского происхождения, живущей в Иране. В текинскую же среду они попали, безусловно, в XVIII—XIX вв. Значительная часть каджаров в XVII—XVIII вв. жила в Мургабском оазисе и впоследствии отчасти растворилась среди южных туркмен[1].

Мы уже упоминали о том, что Кеймир Кор усыновил двух юношей, происходивших из одного разоренного села. Согласно этому преданию, потомки одного из юношей стали более многочисленными и впоследствии образовали самостоятельный род гарайы. Сведения о тюркоязычном племени гарайы, жившем в Северном Хорасане, дают письменные источники XVIII—XIX вв.[2]. Видимо, какая-то группа племени гарайы добровольно поселилась среди туркмен. Причины этого могут быть различными. Иногда целые роды переселялись на новые места, спасаясь от кровной мести. Образование же этого рода из потомков пленников исключается, так как гарайы составляли самостоятельную и сравнительно однородную группу.

Огромную роль в этнических процессах в XVIII—XIX вв. в Ахале сыграли взаимные грабительские набеги во главе с феодальной военной знатью туркмен и Ирана. История этих набегов (чапавул, аламан) освещена в письменных источниках. Испокон веков происходили стычки между оседлыми земледельческими народами Хорасана и полускотоводческим и полуземледельческим населением Закаспия, т. е. древнего Турана.

---

[1] В Иране каджаров относят к туркменам. Однако, в отличие от туркмен, они исповедуют ислам шиитского толка, что служило поводом для туркмен называть их кызылбашами.

[2] См. Племенной указатель. МИП. Т. 2.

Об этом есть сведения даже в трудах античных авторов. Живя по соседству, враждующие племена не общались. Так было в античное время, в раннем средневековье и после появления огузо-туркменских племен на территории Южного Туркменистана. В дотекинский период отношения между населением Ирана и Южного Туркменистана были относительно мирными: туркмены и тюрки, населяющие эти районы, находились под воздействием иранской культуры. Долгое соседство карадашлинцев, емрелинцев, алилинцев с другими южными соседями оказывало на них влияние.

С приходом текинцев в Ахал отношения с Ираном стали ухудшаться. Нежелание текинцев признать подданство Ирана все больше обострило эти отношения. Кратковременный мир сменился военными действиями и набегами. В XVIII—XIX вв. население Ирана и Южного Туркменистана значительно пострадало от непрекращающихся грабительских набегов[1].

Как это ни парадоксально, эти разрушительные набеги сыграли положительную роль в сближении туркмен и населения Ирана. Во время аламанов туркмены угоняли из Ирана не только скот, но и часть населения. Большую часть этих людей оставляли в туркменских аулах для ремонта ирригационных сооружений (каряизов и т. д.), возделывания посевов и ухода за скотом.

Накануне присоединения Туркмении к России эти процессы улучшились. Иранские пленники довольно быстро растворялись в туркменской среде. В первом поколении за усердные услуги хозяину невольник мог быть освобожден и становился «азад», то есть свободным. Нередко он женился на невольнице, и дети от них уже пользовались определенной свободой. Они все еще были зависимы от хозяина своего отца и работали на него, получая за свой труд небольшую плату. Такая зависимая жизнь могла продолжаться в течение 3—4 поколений. С течением же времени их потомки становились все независимее и обзаводились самостоятельным хозяйством. В XVIII—XIX вв. в значительной части текинских хозяйств были слуги из невольников.

---

[1] Росляков А. А. Аламаны//Советская этнография. 1955. № 2; Джикиев А. К истории культурно-экономических связей прибрежных туркмен с Персией XVIII—XIX вв.//Изв. АН ТССР. 1958. № 6.

В конце XIX и начале XX вв. туркмены условно делились на две категории, различающиеся по происхождению: в первую входили туркмены без примеси посторонней крови — «иг», а во вторую — люди, известные под названием «гул». Промежуточное положение между ними занимали люди смешанной крови «ярым».

В категорию иг, туйс входили туркмены «дорожившие своим происхождением» и старавшиеся не смешиваться с другими. В антропологическом отношении иг имели монголоидных примесей больше, чем гул (дословно раб). Среди игов можно было встретить самые различные расовые типы. Наличие монголоидных примесей служило одним из веских доказательств принадлежности человека к категории иг. У туркмен бытовало выражение: «Если ты утратил физический облик своих предков, то женись на казашке, и если у тебя кончились дрова (топливо), то топи кизяком» (Аслыны йитирсен, газак ал, одуныц гутарса тезек ал). Однако все это не означает, что монголоидные черты пользовались особым почетом у текинцев. Наоборот, эталоном красоты у женщин служили густые черные брови, высокий рост, которые воспевались поэтами-классиками и народными певцами, а у мужчин в почете были густые борода, усы и другие черты, слабо выраженные у представителей монголоидной расы. В то же время безбородые и безусые мужчины (косе) высмеивались в туркменском фольклоре. По этому поводу бытует много пословиц и поговорок.

Только у незначительной части иг преобладают монголоидные черты, а подавляющее их большинство можно отнести, по определению Л. В. Ошанина, к так называемой закаспийской ветви средиземноморской европеоидной расы.

Потомки гул через 7 поколений (арка) механически переходили в категорию иг и по степени своей зажиточности могли устанавливать брачно-родственные связи с другими туркменами.

У многих тюркоязычных народностей было распространено понятие о том, что каждый должен был помнить своих предков до седьмого поколения. Такое понятие бытовало у башкир: «... Каждый башкир еще недавно обязательно должен был знать имя родоначальника и историю своего рода до седьмого поколения, де-

генды-предания, связанные с его происхождением»[1]. Это тоже способствовало изменению физического облика типичного ига. Поэтому часто невозможно было отличить гул от иг. Представители иг составляли более аристократическую прослойку. Гулы составляли значительную группу населения. В дореволюционное время каждый аул делился на кварталы игов и гулов. Ярым поселялись отдельно.

В сфере досягаемости набегов туркмен, в Северном Иране, жили персы, курды и тюрки. Персы здесь были исконными жителями, курды были переселены сюда в XII—XVIII вв. и служили «барьером» во время туркменских набегов. Текинцы при занятии оазиса старались избегать излишних кровопролитий, предпочитая им дипломатические пути. Емрелинцы, карадашлинцы, алилинцы придерживались такой же политики. После нескольких кровопролитных столкновений предводители емрелинцев, карадашлинцев и других убедились в бесполезности сопротивления, приняли решение уйти из оазиса на новые места и после долгих скитаний эти роды поселились в Хивинском оазисе. В пору занятия оазиса текинцами шихи жили в западной части оазиса вместе с карадашлинцами. Согласно преданиям и другим этнографическим материалам, между ними установились брачно-родственные связи, хотя они были далеко не равноправными. В этом союзе двух соседних групп шихи занимали привилегированное положение и, видимо, жили зажиточно. Дело в том, что шихи были одной из групп, считавшихся «святыми»[2]. Они умело и ловко пользовались своим «благородным происхождением» и играли на религиозных чувствах окружавшего населения. На первых порах менее религиозные текинцы не желали считаться с таким положением шихов, установившимся и узаконившимся в течение ряда веков. Среди текинцев был популярен такой рассказ: «Текинцы, вытеснив емрелинцев, алилинцев и карадашлинцев, заняли оазис и приступили к распределению их земель между собою. В это время к текинскому вождю пришел предводитель шихов и попросил наделить их тоже до-

[1] Мингитетдинов М. Х. Этногенетические мотивы в башкирских сказках // Археология и этнография... С. 308.

[2] Атаев С. К этнографии туркмен-шихов...; Демидов С. М. Туркменские ополяды. Ашхабад: Ылым, 1976, С. 86—113.

лей воды и земли. Но текинский вождь отверг его притязания и сказал: «Когда я смотрел на поле боя, среди них не увидел ни одного представителя овлядов, в том числе шихов»[1].

Однако, перейдя к оседлой жизни, текинцы все же свыклись с присутствием шихов. Большинство семей шихов остались на прежних местах, окруженные текинцами. Более компактная их группа отошла в горные местности Джеджрис, Бендесен, Ходжа-Кала и др. (Кизыл-Арватский район). Их потомки и теперь проживают там. Эти шихи переселились сюда 20 поколений тому назад[2], или в среднем 500 лет. Во время сбора полевых этнографических сведений среди шихов Кизыл-Су и Киявлы Красноводского района (1956—1959 гг.) мы записали предания о том, что они пришли сюда из местности Джеджрис[3]. Уход из западных районов Ахала, видимо, был вынужденный. Письменные источники (Н. Муравьев, Н. М. Галкин и др.) упоминают о поселениях шихов на побережье.

В Ахальском оазисе шихи жили повсеместно в Кизыл-Арватском, Бахарденском и Геок-Тепинском районах. В отличие от других групп, они не были ассимилированы текинцами, сохранили самостоятельность, антропологические особенности и некоторое своеобразие в быту. Живя среди текинцев, шихи постепенно восстановили свои былые привилегии и начали пользоваться по-прежнему правом неприкосновенности. Но между ними и текинцами не установились такие близкие отношения, какие между шихами и карадашлинцами. Право на неприкосновенность позволило шихам, несмотря на малочисленность, сохранить свободу в выборе людей, с которыми они желали породниться. Вплоть до недавних времен они почти не смешивались с текинцами, своих девушек замуж за них не выдавали. За тесные родственные связи шихов и карадашлинцев называли «дайыгеен», то есть «дядями и племянниками» (шихи являются «племянниками» карадашлинцев). Оставшиеся в Ахале незначительные карадашлинские хозяйства старались селиться поближе к шихам, надеясь на их пок-

[1] Полевые записи автора в Геок-Тепинском районе в 1968 г.
[2] ЦГА Туркменской ССР, ф. 127, оп. 5 а, д. 235, л. 431.
[3] Джикиев А. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря... С. 40—41.

ровительство. Это в определенной степени повлияло и на текинцев, они стали смотреть на карадашлинцев несколько снисходительнее, чем на других представителей дотекинского населения. Во время торжественных пиров текинцы, как и другие туркмены, оказывали особый почет представителям так называемых святых племен, усаживали их на почетное место. По сообщению Г. П. Васильевой, ташаузские карадашлинцы так же, как и шихи, пользовались привилегиями.

Как уже говорилось, народ под самоназванием «турк», состоял из потомков древних аборигенов, ранних тюрок и туркмено-огузских племен, появляющихся в начале новой эры в Хорасане. Среди них были и баяты, и афшары, и халаджи, происходившие из огузской среды, и другие группы тюрок, находившиеся издавна под влиянием Ирана и исповедовавшие ислам шиитского толка. По своим антропологическим признакам эти тюрки близки к иранцам. По этому поводу путешествовавший по Северной Персии в начале 80-х годов прошлого столетия натуралист проф. И. Никольский писал: «Мы были... в стране, некогда славной и могущественной, населенной арийцами (фарси) и только частью тюркскими племенами, в которых, однако, не осталось ничего монгольского... Здесь, на границе этих двух стран (имеются в виду Иран и Туркменистан. — А. Д.), много столетий тянулась кровопролитная борьба между номадами и потомками древних иранцев...»[1].

Таким образом персы, курды и тюрки, попав в туркменскую среду, получали общее название гул — раб, прислуга, собственность какого-то хозяина. Первое поколение гулов отличалось от туркмен произношением. Интенсивному смешению групп способствовали следующие обстоятельства. «Чистокровному» туркмену можно было женить своего сына на дочке гула, но выдавать свою дочь за сына гула было нельзя. В случае, если обогатившийся представитель туркмен-гулов сватал за дочь хотя бы обедневшего ига, то он получал отказ. Зажиточные гулы всячески старались скрыть свое происхождение. Бывали случаи, когда потомки гулов, выдавая себя за иг, сватали дочку ига из другого аула. Тогда представители ига очень внимательно расспрашивали о

[1] Никольский И. Летние поездки натуралиста в Туркестан. Спб., 1896. С. 72.

происхождении жениха, устраивали смотрины жениха с участием опытных стариков и старух. Некоторые пожилые люди отличались умением отличать гула от ига. Они очень внимательно изучали черты лица, характер, движения и другие свойства жениха, почти безошибочно определяли принадлежность человека к категориям гул и иг.

Установление семейно-брачных отношений во многом зависело от состоятельности сторон. Например, согласно этнографическим материалам, население Тедженского оазиса делилось на земледельцев (дайхан) и на скотоводов (гумлы). Последние жили на краю оазиса, в прилегающих к нему песках, имели большое количество скота и были более зажиточными. Гумлы за редким исключением не выдавали своих девушек замуж за жителей оазиса. В Тедженском оазисе они составляли особую, аристократическую прослойку туркмен, не желавшую устанавливать родственные связи с земледельцами (будь они гул или иг), хотя среди последних были их сородичи и даже родственники.

Зажиточные туркмены, кроме своих законных жен, имели и наложниц (гырпак), дети от которых назывались туркменами смешанной крови — ярым. Эта категория туркмен через 2—3 поколения пользовалась правами чистокровных. По свидетельствам стариков и письменным источникам, дети ярым не имели равных прав с детьми иг, в наследовании имущества отца получали лишь половинную долю.

Текинцы, как и другие туркменские племена, в средневековье имели этнические и культурно-экономические контакты с другими народностями Средней Азии и Казахстана, которые могли возникнуть в период их пребывания в XIII в. в низовьях Сырдарьи. Об этих связях говорят исторические предания и наличие у них аналогичных с текинскими родов. У казахов и киргизов распространен этноним «тохтамыш» (токтомыс) — название одного из двух крупных делений текинцев. В исторических преданиях киргизов упоминается Токтомышкан[1].

Согласно преданиям каракалпаков, «... туркмены

[1] Абрамзон С. М. Фольклорные мотивы в киргизских преданиях генеалогического цикла // Этническая история и фольклор. М., 1977, С. 160.

происходят от двух предков: сеид-хана и теке-туркмена, близкого каракалпакам, а теке можно даже считать каракалпакским родом»[1].

Выявлены интересные параллели в этнографии туркменского и башкирского народов. В башкирском роде сарт ойле имеется «... подразделение текеш». Этот род легко связать с самым крупным туркменским племенем теке, примечательно и то, что туркменское племя теке и башкирский род имели сходную тамгу[2].

Аналогичные туркменским родовые названия (тазлар, гирей, кипчак, кыпсак, канлы, тана, сары и др.) имеются и в составе башкир, узбеков[3] и казахов. В Ферганской долине до сих пор сохранились этнонимы и группы, носящие названия такалар, такалы, теке кой, арабачи, тюячи боло[4]. Как видим, текинцы, как и другие туркмены, поддерживали контакты с другими тюркоязычными народами, хотя и не так активно, чем с народами из огузской среды.

В первые годы Советской власти разделение аулов на две части по названным категориям усилилось. Однако позднее в связи с переселением колхозников в довоенные годы в новые поселки этот процесс начал ослабевать, хотя следы его сохранились до настоящего времени.

ГЛАВА II

РОДОСЛОВНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТУРКМЕН

Раздел 1. Общие сведения

Исторические легенды, предания и рассказы, привлеченные нами, неодинаковы и неравнозначны и относятся к различным периодам. Более ранние содержат

---

[1] Толстов С. П. Города гузов... С. 97.

[2] Васильева Г. П. О некоторых общих элементах в культуре и быту туркмен и башкир в связи с их этногенезом // Археология и этнография... С. 201.

[3] Кузеев Р. Очерк исторической этнографии башкир. Уфа, 1957. С. 52—53; Шаниязов К. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974. С. 147.

[4] Губаева С. С. Этнический состав населения Ферганы в конце XIX — начале XX в. Ташкент, 1983. С. 8, 24.

больше фантастики, подчас сказочных и мифологических сюжетов, более поздние в относительно реальной форме излагают подлинные исторические события. Однако и сравнительно поздние предания, которые правильнее было бы назвать историческими рассказами, с течением времени обрастали легендами и требовали критического анализа.

По содержанию, характеру и времени возникновения записанные нами предания условно можно разделить на три группы.

В первую группу входят легенды и предания более раннего происхождения, нередко освещающие в фантастической форме доисламский период, когда предки туркмен, или туркмены-огузы, выступают в роли еретиков-язычников, идущих против воли мусульманских святых (вернее миссионеров); предания об Огуз-хане, Салыр Казане Сельджуке и об их подданных и т. п. По сюжету они близки к фольклорным произведениям. Согласно этим легендам, ареалами расселения туркмен были Алтай и низовья Сырдарьи, то есть те районы, где в античное и средневековое время жили древние тюрки, затем средневековые огузы и туркмены.

Описанные события имеют непосредственное отношение к историческим фактам, изложенным в докладе С. Г. Агаджанова: «В формировании огузов приняли участие и отдельные группы восточнотюркских (сибирских) племен. Наиболее важную роль при этом сыграли подразделения имако-кимакских и других племен — баяндуры, имуры и кан, основная масса которых обитала в междуречье Оби и Иртыша»[1].

Во вторую группу можно отнести предания о племенных союзах, об этнических и этнокультурных связях туркмен с соседними племенами и народностями. Эти предания, охватывающие хронологически более половины всего средневековья (с X по XVII вв.), обогащены богатой народной фантазией, вымыслами, но в целом органически сочетаются с письменными историческими, археологическими и фольклорными источниками и позволяют сравнительно реально осветить средневековую этническую историю туркмен. К этой группе

[1] Агаджанов С. Г. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР//Всесоюзная тюркологическая конференция: Тезисы. Алма-Ата, 1976.

относятся родословные и предания генеалогического содержания.

Третью группу составляют исторические предания и рассказы, относящиеся к XVII—XVIII вв. и служащие почти достоверным (а иногда и единственным) источником по этнической истории туркмен. В сочетании с отрывочными данными из письменных источников они помогли устранить существенные пробелы в освещении позднего, но важнейшего этапа этнической истории и формирования туркменской нации.

В дореволюционное время предания генеалогического содержания очень почитались всеми туркменами, передавались в письменном и устном видах из поколения в поколение, заменяя подчас подлинную историю, несмотря на наличие в них сказочных персонажей и сюжетов. Бурятский исследователь С. П. Балдаев пишет в связи с этим: «Эти устные родовые генеалогии заключают довольно определенный исторический материал. Здесь сочетается реальная память родового коллектива и комплекс представлений, в который уплетаются мифологические и фантастические мотивы»[1].

Среди туркмен човдурского и салырского племенных союзов и других туркмен были популярны исторические предания о жизни туркмен в низовьях Сырдарьи (в районе г. Туркестана), об их взаимоотношениях с мусульманским святым XII в. Ходжа Ахмедом Ясавы, о миграциях туркмен из района Сырдарьи на территорию современного Туркменистана, различных преданиях о салырском племенном союзе, о туркменах этого союза, об их этнокультурных контактах с племенами и народностями Ирана и Средней Азии. Эти предания представляют собой сложное и органическое переплетение реальных, правдивых фактов с вымыслом, хронологических путаниц; реальные исторические события и личности изменены в них до неузнаваемости. Например, в некоторых вариантах преданий о Салыр Казане и салырском племенном союзе исторические события тысячелетней давности, связанные с борьбой огузских племен с племенами печенежского союза, связываются с событиями, происшедшими в XIV—XVI вв. в салырском племенном союзе и т. д. Некоторые предания этого цикла очень тесно смыкаются со сказочными сюже-

[1] Цит.: Путилов Б. Н. Методология... С. 277—228.

тами. Эти исторические предания были распространены среди южных, юго-восточных и отчасти северных туркмен.

Средневековые письменные источники по этнической истории туркмен скудны и отрывочны, по ним невозможно составить о ней даже общего представления. Поэтому в изучении этого вопроса неоценимую услугу оказывают этнографические материалы, в особенности предания и исторические рассказы. Средневековые историки—Махмуд Кашгарский, Рашид ад-Дин и Абдульгази писали свои труды на основе этих материалов. Народные предания туркмен приведены в трудах русских и западно-европейских авторов XVI—XIX вв. — Ан. Дженкинсона, К. Гмелина, Н. Н. Муравьева, Н. М. Гялкина, А. Борнса, А. Вамбери и многих других. Однако записи преданий и родословных велись попутно и случайно. Эти авторы не пытались восстановить историческую правду. В советское время сбором, систематизацией, а частично и опубликованием занимались в основном Н. Н. Иомудский Карашхан-оглы и Г. И. Карлов, благодаря усилиям которых до нас в письменном (в большей части, к сожалению, рукописном) виде дошли многочисленные генеалогические предания и родословные туркмен.

Однако систематический сбор и обработку этих бесценных материалов не проводили. В оценке преданий и исторических рассказов отсутствовали принцип историзма и объективный подход.

Народные предания и исторические рассказы об этнической истории туркмен-салыров в XIV—XVI вв., о Салыр Казане почти никем не записывались. В письменных источниках встречаются лишь очень краткие, буквально, в нескольких строках пересказы.

При использовании их и других материалов по исторической этнографии туркмен мы исходили из того, что «... диалектический метод исторического исследования позволяет историку определить характер и своеобразие источника, отличить зёрна от плевел»[1]. Народные предания требуют очень строгого критического подхода, в них излагается не только история народа, и зачастую и его мечты и чаяния. Тем не менее события, рассказыва-

[1] Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М.: Наука, 1977. С. 157.

емые в них и подтвержденные письменными источниками, имеют значение исторического источника.

Характеризуя сущность туркменских преданий, М. Михайлов еще в 60-х гг. XIX в. писал: «Достоверной истории у них нет, потому что некому заниматься этим делом, но в преданиях народных живут более крупные события из политической жизни, хотя и рассказываются на тысячи разных ладов, с примесью баснословных легенд и других добавлений»[1]. Год спустя анонимный автор писал: «За исключением двух темных легенд, находящихся в весьма редкой писанной книге «Бакилинаме», предания не восходят далее монгольских нашествий»[2]. Хорошо знакомый с бытом туркмен, Е. Марков, имея в виду сохранившиеся у туркмен исторические предания, писал: «Я лично с особенным доверием отношусь к таким живым преданиям народа»[3]. По мнению П. Чихачева: «Раз народные предания могут привести к открытию интересных явлений, следует упорно изучать их и всячески отыскивать происхождение самых неясных сказаний»[4].

В многочисленных дореволюционных изданиях, посвященных туркменам, встречаются отрывочные сведения о некоем Салор Казане — предке всех туркмен: «По преданиям текинцев, родоначальником их был некий Салыр Казан, от которого произошли также номуды, салыры и эрсары, и были они выведены эмир Тимуром из Арабистана»[5] и т. д. Из этих сообщений вряд ли можно почерпнуть какие-либо исторически достоверные сведения, но предания были одинаково популярны у всех туркмен салырского племенного союза в XIV—XVI вв.

Однако в целом исторические предания о туркменских племенных союзах, записанные названными авторами, очень незначительны (на 1—2 страницах) и даны без всяких комментариев.

---

[1] Михайлов М. Туркмены // Литературная библиотека. 1866. № 13—14. С. 55.

[2] См.: О путях в Хиву с восточного берега Каспийского моря // Саратовский справочный листок. 1867. № 74.

[3] Марков Е. Россия в Средней Азии. Спб., 1886. С. 445.

[4] Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука. 1971. С. 233.

[5] Олсуфьев А. А. и Панаев В. Н. По Закаспийской военной железной дороге. Спб., 1899. С. 50.

В. И. Жирмунский, опираясь на данные Абульгази, писал: «Из сказаний о Салор Казане, сложившихся также на среднеазиатской родине огузов, историческую основу имеет «Рассказ о разграблении дома Салор Казана... Эпическое сказание о разграблении дола Салор Казана или сходное с ним было известно в Средней Азии туркменам-огузам еще в середине XVII в.»[1].

Приводим предание, записанное нами в Серахсе, которое в основном соответствует главе «О разграблении дома Салыр Казана» из туркменского героического эпоса «Книга моего деда Коркуда». *«До Салыр Казана салыров в древности называли «иовуз беглери» (т. е. огузскими беками.—А. Д.) и правил ими хан Улаш. После него ханом стал его сын Салыр Казан. Однажды он со своими джигитами отправился на охоту, оставив своего сына Ораза и его 400 всадников охранять аул. Узнав об этом через своих лазутчиков («джансыз»), шах кызылбашей Мелик совершает нападение на салыров и захватывает весь аул, в том числе и Ораза. Шах Мелик решил угнать и 10 000 баранов, принадлежащих Салыр Казану. Стадо пас Караджа чопан, который оказал отчаянное сопротивление 600 вражеским всадникам. Он собирает большую кучу камней для своих пращей, изготовленных из кожи трехлетнего быка и из шерсти трех коз. Враги убивают братьев Караджа чопана, но он упорно защищался до тех пор, пока не кончился запас камней. Затем он начинает бить врагов, используя вместо камней баранов. Наконец, враги одолевают его и угоняют стадо. В это время находившийся на охоте Салыр Казан видит дурной сон. На своем коне («Гоңур ат») он возвращается в аул, где застает разруху. Оставшийся в живых Караджа чопан рассказал ему об ограблении, он отправился вслед за врагом.*

Шах Мелик, взявший в плен жену Салыр Казана — Бурла Хагын, мечтал пить вино («шерап») из ее рук. С ней были и сорок ее служанок (кенизов). Узнав о желании шаха Мелика, Ораз, сын Казана, предупреж-

[1] Жирмунский В. И. Исторические источники-сказания о разграблении дома Салор Казана//Древний мир, М., 1962. С. 379.

емые в них и подтвержденные письменными источниками, имеют значение исторического источника.

Характеризуя сущность туркменских преданий, М. Михайлов еще в 60-х гг. XIX в. писал: «Достоверной истории у них нет, потому что некому заниматься этим делом, но в преданиях народных живут более крупные события из политической жизни, хотя и рассказываются на тысячи разных ладов, с примесью баснословных легенд и других добавлений»[1]. Год спустя анонимный автор писал: «За исключением двух темных легенд, находящихся в весьма редкой писанной книге «Бакилинаме», предания не восходят далее монгольских нашествий»[2]. Хорошо знакомый с бытом туркмен, Е. Марков, имея в виду сохранившиеся у туркмен исторические предания, писал: «Я лично с особенным доверием отношусь к таким живым преданиям народа»[3]. По мнению П. Чихачева: «Раз народные предания могут привести к открытию интересных явлений, следует упорно изучать их и всячески отыскивать происхождение самых неясных сказаний»[4].

В многочисленных дореволюционных изданиях, посвященных туркменам, встречаются отрывочные сведения о некоем Салор Казане — предке всех туркмен: «По преданиям текинцев, родоначальником их был некий Салыр Казан, от которого произошли также иомуды, салыры и эрсары, и были они выведены эмир Тимуром из Арабистана»[5] и т. д. Из этих сообщений вряд ли можно почерпнуть какие-либо исторически достоверные сведения, но предания были одинаково популярны у всех туркмен салырского племенного союза в XIV—XVI вв.

Однако в целом исторические предания о туркменских племенных союзах, записанные названными авторами, очень незначительны (на 1—2 страницах) и даны без всяких комментариев.

---

[1] Михайлов М. Туркмены // Литературная библиотека. 1866. № 13—14. С. 55.

[2] См.: О путях в Хиву с восточного берега Каспийского моря // Саратовский справочный листок. 1867. № 74.

[3] Марков Е. Россия в Средней Азии. Спб., 1886. С. 445.

[4] Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука. 1974. С. 239.

[5] Олсуфьев А. А. и Панаев В. Н. По Закаспийской военной железной дороге. Спб., 1899. С. 50.

В. И. Жирмунский, опираясь на данные Абульгази, писал: «Из сказаний о Салор Казане, сложившихся также на среднеазиатской родине огузов, историческую основу имеет «Рассказ о разграблении дома Салор Казана... Эпическое сказание о разграблении дома Салор Казана или сходное с ним было известно в Средней Азии туркменам-огузам еще в середине XVII в.»[1].

Приводим предание, записанное нами в Серахсе, которое в основном соответствует главе «О разграблении дома Салыр Казана» из туркменского героического эпоса «Книга моего деда Коркуда». *«До Салыр Казана салыров в древности называли «иовуз беглери» (т. е. огузскими беками.—А. Д.) и правил ими хан Улаш. После него ханом стал его сын Салыр Казан. Однажды он со своими джигитами отправился на охоту, оставив своего сына Ораза и его 400 всадников охранять аул. Узнав об этом через своих лазутчиков («джансыз»), шах кызылбашей Мелик совершает нападение на салыров и захватывает весь аул, в том числе и Ораза. Шах Мелик решил угнать и 10 000 баранов, принадлежащих Салыр Казану. Стадо пас Караджа чопан, который оказал отчаянное сопротивление 600 вражеским всадникам. Он собирает большую кучу камней для своих пращей, изготовленных из кожи трехлетнего быка и из шерсти трех коз. Враги убивают братьев Караджа чопана, но он упорно защищался до тех пор, пока не кончился запас камней. Затем он начинает бить врагов, используя вместо камней баранов. Наконец, враги одолевают его и угоняют стадо. В это время находившийся на охоте Салыр Казан видит дурной сон. На своем коне («Гонур ат») он возвращается в аул, где застает разруху. Оставшийся в живых Караджа чопан рассказал ему об ограблении, он отправился вслед за врагом.*

Шах Мелик, взявший в плен жену Салыр Казана — Бурла Хагык, мечтал пить вино («шерап») из ее рук. С ней были и сорок ее служанок (кенизов). Узнав о желании шаха Мелика, Ораз, сын Казана, предупреж-

[1] Жирмунский В. И. Исторические источники-сказания о разграблении дома Салор Казана//Древний мир, М., 1962. С. 379.

дает об этом мать и ее служанок. На вопрос шаха, кто из них Бурла Хатын, все 40 кенизов ответили хором, что все они жены Салыр Казана. Тогда шах задумывает убить Ораза и его мясом накормить служанок, полагая, что Бурла Хатын не станет есть мясо сына и обнаружит себя. Ораз предупреждает мать о намерении шаха и наказывает ей ничем не выдавать себя, если ей действительно дорога честь Салыр Казана.

В это время Салыр Казан, один, без своих джигитов, приближается к стану врагов. Несмотря на запрет, от него не отстает и Караджа чопан. Салыр Казан даже привязывает Караджа к дереву, но и это не помогает: тот опять следует за ним. Так они вдвоем нападают на врагов, успев освободить Ораза. Во время этой битвы на поле боя полегло 500 мусульман, 12 тысяч неверных. Так Салыр Казан, отомстив своим врагам, возвращается к своему племени».

Предания о Салыр Казане сохранились у большинства туркмен, но главным образом у потомков салыров — текинцев, йомудов, сарыков, эрсары и других, которые в XIV—XVI вв. входили в салырский племенной союз.

В Мургабском оазисе записаны предания о Салыр Казане и его братьях[1]:

«Предком туркмен был Салыр Казан-баба, хорошо известный народам Ирана и Турана как знаменитый богатырь (пальван), не имевший себе равного. Не было у него сыновей. Однажды святые и мудрые старики (улумалар) посоветовали ему совершить паломничество в Каабу к гробу пророка Мухаммеда и просить у него сына. Салыр Казан, совершив паломничество, три дня ночевал у могилы Мухаммеда, который сказал: «Спокойно возвращайся домой, я решил дать тебе несколько сыновей». Но пророк не назвал число сыновей. Салыр Казан, успокоенный, возвратился в Серахс. Вскоре у него появился сын. Его в честь пророка назвали «Текье Мухаммед», что в переводе с арабского языка означает «сын, подаренный Мухаммедом». Впоследствии люди стали произносить лишь только первую часть этого имени — Теке. Так произошло название

[1] Полевая запись автора от Гылычмырата Хаджиева в 1966 г. (Марыйский район, колхоз «Ленинизм»).

«теке». Вторым родился Сары. Повзрослев, Сары стал храбрым джигитом, за что был назван Эрсары, что означает «мужественный, храбрый Сары». Мать его очень любила и называла «Мой храбрый Сары» («Эрдир оглум Сары»). Третьего сына Салыр Казан назвал именем Салыр, а четвертого, самого младшего и тихого, как ягненок, сына назвал Сарык. По преданию, татары ягнят называют сарык. Пятым, неродным, сыном Салыр Казана был Ломут».

Более подробный вариант этого распространенного предания записан нами в 1966 г. от старожила Таганага в колхозе «Гызыл гошун» Мургабского района[1].

«Салыр Казан был храбрым («алп») богатырем, любил путешествовать по соседним странам, присутствовал на свадьбах (той) и участвовал в состязаниях борцов-богатырей. Однажды до него дошел слух, что царица Ирана решила выйти замуж за того человека, который поборет ее. В случае своей победы она оставляет за собой право казнить побежденного борца. После долгого и утомительного пути Салыр Казан дошел до ее дворца, и, устав с дороги, уснул под тенистым деревом у водоема (хоуза). Увидев его, царица приказала своим слугам ухаживать за гостем, после сна накормить его. По желанию Салыр Казана слуги приготовили ему обед из мяса одного козленка (ишлекли) и другие кушанья. Хорошо отдохнув, он объявил царице о желании побороться с ней. Ранее около 30 богатырей претендовали на ее руку, но были побеждены ею и обезглавлены. Первая встреча Салыр Казана с царицей закончилась вничью. Перед второй встречей она подумала: «Я до сегодняшнего дня поборола 30 богатырей и затем казнила их, если же поступлю так и с этим, то, возможно, больше не встречу достойного себе мужа». Вторую схватку «выигрывает» Салыр Казан и согласно условиям женится на ней.

Прошло шесть месяцев супружеской жизни. Однажды Салыр Казану стало известно, что у узбеков появился богатырь по имени Ит Бечен, и он решает сразиться с ним. Ит Бечен, зная силу Салыр Казана, решил прибегнуть к хитрости и избежать честной борьбы с ним. До состязания он предлагает Салыр Казачу

[1] Полевые записи автора в 1966 г.

провести ночь в хаузе с водой, на что Казан по наивности соглашается. Но вода в водоеме за ночь замерзла, и Казан оказался зажатым льдом. На поверхности оказалось только его голова. Воспользовавшись беспомощностью Салыр Казана, Ит Бечен ищет способ расправиться с ним. Он и в таком скованном состоянии был для него страшен. Как только Ит Бечен пытался подойти к нему поближе, он, набрав воздуха, дул на него. Ит Бечен обратился за советом к старухе-колдунье. Она советует кузнецу заказать треножник и, привязав к нему саблю, скользить по льду. Ит Бечен, поступив таким образом, убивает Казана.

Прошли годы, вырос и возмужал сын Салыр Казана от его брака с царицей Ирана — Мухаммедали, который в возрасте 14—15 лет становится таким же богатырем, как отец. Однажды, как обычно, он играл со сверстниками. Мимо проходила корова, принадлежащая одной вдове. Мухаммедали догнал корову, стал цепляться за ее хвост и нечаянно оторвал его. Хозяйка коровы, злая и язвительная женщина, узнав об этом, в гневе рассказала Мухаммедали, как Ит Бечен убил его отца, и упрекнула: вместо того, чтобы мстить за смерть отца, он играет с маленькими детьми. Услышав это, Мухаммедали расстроился и поспешил домой. Он попытался узнать правду о смерти отца от матери, но та, боясь за сына, отказалась сказать ему что-нибудь определенное. Тогда Мухаммедали обратился к одной старухе, которая посоветовала ему попросить мать приготовить жареную пшеницу (говурга)[1] и в момент, когда мать будет угощать, подавая ему, схватить ее за руку и держать в горячем говурга до тех пор, пока она не скажет ему всю правду. Мухаммедали, поступив таким образом, узнал о судьбе отца и стал готовиться в дорогу. По совету матери он сначала поехал к брату Сары (от другой матери). В честь приезда брата Сары устроил пир, а затем, выслушав рассказ Мухаммедали, прозванного тогда Текье Мухаммедали (или просто Текье), о смерти их отца, сообщил, что убийца их отца — Ит Бечен, боясь мести, скрывается на одном из островов Аждарьи в подземелье. Они вспомнили о своем

[1] Говурга — национальное кушанье, приготовленное из жареной пшеницы, смешанной с курдючным.

третьем брате от другой матери, плененном когда-то Ит Беченом, который пас его лошадей (байтал чопан).

Мухаммедали и Сары (Эрсары), убив быка, изготовили из его кожи мешок (бурдюк), надули его воздухом и переправились на нем через Амударью. Там они встретили табунщика, который, как выяснилось, был их братом. Братья, выбрав из стада хороших скакунов и вооружившись, напали на Ит Бечена и убили его. После этого братья собрались вместе и табунщик (он был младшим) рассказал, что когда-то его сестра была уведена в плен падишахом татар и предложил отыскать и вернуть ее в родной дом.

После долгих поисков они нашли сестру. К тому времени она уже имела четырех детей и, не желая расстаться с ними, сказала братьям: «Я уже постарела, у меня смешались кровь и мясо и какой смысл от того, что вы меня заберете и разлучите с детьми? Есть у падишаха красивая дочь. Я попрошу ее напоить вас водой, а вы в это время схватите ее и увезите». На следующий день в условленное время — к полудню — братья пришли к сестре и сделали так, как она посоветовала: выбрав момент, братья схватили дочь падишаха и, посадив на лошадь, увезли. Подождав некоторое время, жена падишаха, спавшего глубоким сном, сообщает ему о случившемся. Падишах в гневе со своими всадниками отправился в погоню и догнал беглецов во время переправы их через Амударью. Дочь падишаха сидела на лошади сзади одного из братьев, у которого был «сары яй» (желтый лук). Он, прицелившись, пустил стрелу в лошадь падишаха. Падишах обратился к нему со словами: «Ты убил мою лошадь и если ты стрелой попадешь в мою плеть, то я уступлю тебе свою дочку». Сары выполнил это условие. Так падишах возвратился обратно ни с чем. Братья Мухаммедали, Эрсары и Сары начали спорить из-за того, кому жениться на дочери падишаха. Так ничего и не решив, они предложили девушке самой сделать выбор. Она выбрала младшего, имевшего желтый лук. С этого времени якобы братья не смогли примириться.

Согласно другому варианту предания[1], *Салыр Каза-*

[1] Полевая запись автора в 1968 г. от информатора Мухата Гаррыева (Тедженский район, совхоз «Ленин байдагы»).

ну приснился пророк Мухаммед, который внушил ему новую веру. На следующий день Салыр Казан рассказал об этом отцу и спросил, не знает ли он, кто такой Мухаммед. На это отец ответил, что Мухаммед лжец и вероотступник. Салыр Казан ушел от отца, ничего не ответив ему. На следующий день Мухаммед опять приснился ему и уговорил принять новую веру. Салыр опять сказал об этом отцу, но он не стал его слушать и прогнал. Когда Салыр Казан в третий раз с этим вопросом пришел к отцу, последний пригрозил ему, что может повесить его, если он еще раз обратится к нему. После этого Салыр отмежевался от отца и начал проповедовать новую веру. Собрав вокруг себя единомышленников, он принял мусульманскую веру. Затем он завоевал соседнюю страну, насильно обратив население в ислам. Там он и женился. От этого брака родился сын Сарык. Оставив семью там, Салыр Казан пошел войной на другую страну, население которой он также обратил в новую веру. Здесь он вновь женился. Новая жена родила ему сына Сары. Завоевательные походы Салыр Казан продолжал. Как правило, покоряя очередную страну, он заводил там новую семью. От третьего брака у него родился сын Джанмаммед. К тому времени Салыр Казан состарился и решил вернуться домой, в предгорья Копетдага. Там он вновь начал уговаривать отца принять ислам.

Однажды Салыр Казан путешествовал, по пути он встретился с разбойниками, которые затем и убили его. Прошло несколько лет. Сары играл на улице с мальчиками и как-то раз во время ссоры один из мальчиков сказал ему, что он незаконнорожденный («чоп дуйби») и неизвестно, кто является его отцом. Сары, придя домой в мрачном настроении, спросил у матери, кто его отец. У матери он был единственным сыном, поэтому она жалела его и сначала отказалась сообщить ему правду. Боялась, что он уйдет мстить за отца. В конце концов она все же рассказала ему, кто убил Салыр Казана. Поведала, что в другой стране живет его брат от второй жены отца. Разыскав брата Сарыка, Сары решил вместе с ним найти убийцу отца. Под видом людей, потерявших скот, они побывали во многих селениях, прислушиваясь к разным разговорам.

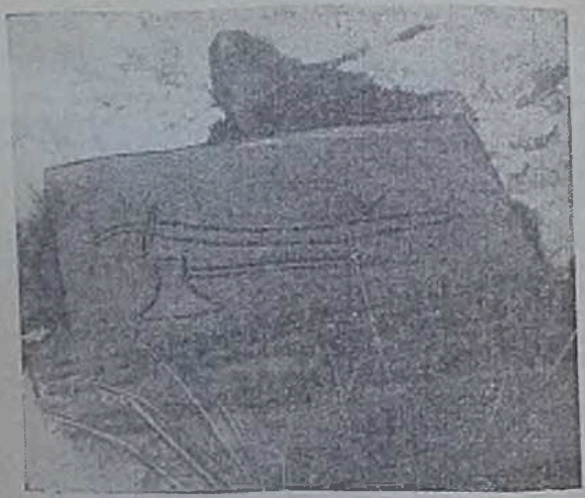
Примерно в то же самое время их третий брат

Джанмаммед тоже решил найти своего отца. Случилось так, что все братья встретились в одном ауле и заночевали у одного хозяина. Сары и Сарык с радостью узнали, что Джанмаммед — их третий брат. Почувствовав свою силу, Сары и Сарык сказали ему, что он является их опорой, то есть «текье» («текье», по словам инфоматора, означает «опора»). Отсюда якобы и происходит название «теке». Потомков Джанмаммеда с тех пор стали называть текинцами.

Чтобы ускорить поиски, братья разошлись в разные стороны. По дороге Сары встретил старика. Тот рассказал ему, что в молодости был разбойником и убил одного человека по имени Салыр Казан, а потом показал его могилу. Он рассказал также, что Салыр Казан был хорошим человеком, но разбойники убили его только потому, что боялись его. Сары сообщил ему о том, что он сын Салыр Казана и попросил старика читать заупокойную молитву (аяд). Убив разбойника, Сары похоронил его рядом с могилой отца.

Вечером, когда все братья встретились, Сары рассказал о происшедшем. Вернувшись домой к Сары, они поведали его матери о случившемся. Услышав о подвиге сына, она сказала: «Мой Сары смелый, мужественный» («Сарым эрдир»). С тех пор к имени Сары якобы начали прибавлять приставку «эр» и он стал именоваться Эрсары.

Мать рассказала братьям, что когда они ушли из дома, казах Недирбай увез их сестру. Братья немедленно пустились в погоню. Когда они прискакали в его аул, Недирбач не было дома, он был на охоте. Их встретила сестра и уговорила оставить ее здесь, а увезти дочь Недирбач. Братья так и сделали. Посадили девушку на коня Сарыка и отправили их вперед, а сами прикрыли их. Сестре же наказали, уезжая, если Недирбай спросит, как все произошло, говорить ему, что трое незнакомых всадников увели его дочь. Когда он вернулся с охоты и узнал о случившемся, он пустился в погоню. Сары и Теке, предусмотрев это, выждали его, велели Сарыку уходить далеко вперед, а сами приготовились отразить нападение, укрывшись в засаде. Когда Недирбай догнал их, они предложили ему спешиться и подойти к ним. Он подошел. Тогда братья сказали ему, что они взяли его дочь взамен своей сест-



Туркменский надгробный памятник.
Полуостров Мангышлак

ры поступив честно и справедливо. После недолгого раздумья Недирбай согласился с ними и вернулся обратно.

Возвратившись домой, братья начали совещаться, кому же из них жениться на дочке Недирбая. Но тут Сарык признался, что она уже стала его женой. Сары и Теке страшно расстроились, что он опозорил имя своего отца — Салыр Казана.

Впоследствии от этого брака как будто бы произошли сарыки.

Несколько аналогичное предание записано нами в селе Безмеин (колхоз «40 лет ТССР») Ашхабадского района.

«Некогда жил богатырь по имени Салыр Казан. Он любил странствовать и бороться с пальванами в разных странах. Однажды до него дошел слух, что в одной стране живет девушка-богатырь, которая намерена выйти замуж за того человека, который поборет ее в

схватке. По условиям борьбы побежденных она казнила. Многие были ею побеждены и умерщвлены. Услышав обо всем этом, Салыр Казан решил рискнуть и попытать свое счастье. Борьба затянулась на несколько дней. В первый и второй день никто не смог одолеть друг друга. На третий день Салыр Казан почувствовал, что устает. Родственники девушки пожалели Салыр Казана, так как он был здоровым, сильным, к тому же симпатичным мужчиной. Они посоветовали ему призвать на помощь пророка Мухаммеда. Поступив по их совету, Салыр Казан поборол девушку и женился на ней. Но, будучи по характеру беспокойным человеком, он долго не мог оставаться на одном месте. Вскоре он, попрощавшись с женой, решил продолжить свои странствия, перед уходом он наказал жене: «Если у нас родится сын, дай ему имя Текье Мухаммед, так как я поборол тебя, лишь призвав на помощь пророка Мухаммеда». Во время этого путешествия его убили разбойники. Вскоре его жена родила сына, которого по завещанию Салыр Казана назвала Текье Мухаммедом.

Став взрослым, он узнал причину смерти отца и решил отомстить. К нему присоединился брат Сары от другой матери. Они сначала выяснили, где живет убийца их отца. Когда Текье Мухаммед и Сары подошли к дому убийцы, по дороге они встретили старика, который, как выяснилось, был святым («ягшызада»). Он напутствовал их доброй молитвой и посоветовал: «Когда вы придете к убийце, он вежливо попросит вас слезть с коней, войти в его дом и погостить у него, не поддавайтесь его уговорам, а заявите, что пришли не для прогулки, а для того, чтобы отомстить за убитого отца. Если же вы слезете с коней и поступите так, как он будет просить, то он заколдует вас и убьет». Получив такой добрый совет, братья нашли убийцу, а затем и казнили его. За то, что Сары отыскал и отомстил за отца, он с этого времени удостоился чести быть названным Эрсары, то есть мужественный Сары («Сары дял, ол Эрсары»).

Интересное предание записано среди йомудов. Оно повествует о Салыр Казане (в предании его отождествляют и с Сойин-ханом) и генеалогическом родстве салыров, сарыков, эрсары, теке и йомудов.

Некоторые мотивы предания напоминают сюжет гла-

вы эпоса «Коркуд Ата» о разграблении дома Салыр Казана.

Салыр Казан (Сойин-хан) родился где-то за Мангышлаком. У него было трое сыновей. Старшего звали Ломут, среднего — Сарыбай, младшего — Салыр и Сарык. У них была сестра. Однажды Салыр Казан узнал, что у курдского хана[1] есть дочь богатырша, которую никто не мог побороть. К тому же она объявила населению окрестных мест о том, что выйдет замуж только за того человека, который осилит ее в борьбе. Она любила повторять, что не станет женой мужчины, проигравшего ей в состязании. Салыр Казан, поручив одному из своих военачальников Джайлыхану присмотреть за тремя своими сыновьями и дочерью, отправился к ней. Остановившись на ночлег у одного старика, он рассказал ему, зачем пришел в эти края. Старик предупредил, что бороться с дочерью хана будет очень трудно и посоветовал ему надеть панцирь («черим»). Но Салыр Казан считал позорным прибегать к хитрости в борьбе с женщиной и сказал старику, что не боится ее. Старик предложил тогда подождать, пока в ауле не состоится пир по какому-либо поводу. Богатырша боролась обычно в праздники.

Однажды в селе кто-то устроил пир. Туда явилась и дочь хана. Выйдя на середину круга, как обычно, она пригласила желающих бороться с ней. На этот раз вызвался Салыр Казан.

Боролись они долго. Наконец, Салыр Казан приподнял девушку, уложил ее на лопатки и осторожно перешагнул через нее. Согласно условиям борьбы, она вышла за него замуж. Салыр Казан остался жить у нее в стране.

В это время хан узбеков узнал, что Салыр Казан, оставив свой аул, живет на родине курдянки. Воспользовавшись этим, он напал на аул Салыр Казана и разграбил его. Джайлыхан просил пощадить сыновей Салыр Казана, так как они еще дети и ни в чем не виноваты. Узбекский хан удовлетворил просьбу Джайлыхана и не тронул сыновей Салыр Казана, но захватил его дочь и женился на ней.

[1] Население Туркменистана под названием «курдов» подразумевало не только собственно курдов, но и все население Ирана, включая нередко и тюркоязычное.

Надгробный памятник «гоч буйаз».
2-я половина XIX в. Западный Туркменистан

Прошло полтора года, и Салыр Казан, услышав об этом случае, поспешно возвратился на родину. В ауле он увидел свой дом разоренным. Оставшиеся в живых рассказали ему о том, как все это произошло. Салыр Казан один отправился к узбекскому хану, чтобы отомстить за набег и вернуть свою дочь. Когда он пришел в страну узбеков, ему пообещали вернуть дочь, если он проведет ночь, стоя по колено в холодной воде водоема. Казан согласился. Вода к утру замерзла. Узбеки, воспользовавшись этим, попытались убить его, но не смогли. Салыр Казан и в таком положении не подпускал к себе врагов. После этого они предложили ему простоять в холодной воде по горло. Салыр Казан опять согласился, но, скованный по горло льдом, он не смог оказать сопротивления и погиб от рук врагов.

Прошли годы, вырос сын Салыр Казана Текемаммед. Однажды он играл с детьми. Те иногда дразнили его тем, что отец его неизвестен («атасы белли дэл хурри»). Текемаммед, придя домой, разгневался на мать

и, угрожая смертью, потребовал сказать правду об его отце и верно ли то, что он незаконнорожденный? На это его мать ответила: «Сынок, у тебя есть отец, ты являешься ягненком известной овцы («Сенин атан бар, сен белли гоюнын гузусы»), имя твоего отца — Салыр Казан. Узбеки убили его по своей глупости». Услышав это, Текемаммед достал оружие, сел на коня и, попрощавшись, отправился к своим братьям (о них он узнал также от нее, мать, благословив сына, рассказала ему, как доехать до братьев и найти их). Текемаммед наконец достиг Мангышлакской степи (Мангышлагын гыры), где жили братья, и попал прямо на свадьбу. Молодые мужчины мерились силой в борьбе. На середину вышел старший сын Казана — Йомуд. Подошедший Текемаммед изъявил желание побороться с ним. Текемаммед поборол брата, но положил на лопатки осторожно. Йомуд, схватив его за полу халата, спросил, кто он, откуда пришел. Текемаммед попытался высвободиться, сказав, что это он узнает, когда придет время. Но Йомуд не отпускал его, тогда Текемаммед поведал, что он сын Салыр Казана и ищет своих братьев. Таким образом, Текемаммед встретил всех трех братьев. Объединившись, они решили отомстить за отца.

Решили, что Салыр и Сарык будут пасти скот, а Сарыбай, Текемаммед и Йомуд, вооружившись, пойдут мстить за отца. Так и сделали. Найдя свою сестру, они сказали ей, что заберут ее с собой и отомстят за отца. Но та ответила им: «Я уже постарела, у меня взрослые дети, поэтому не трогайте меня. У хана есть красивая дочь от другой жены, вы лучше заберите ее. Я помогу вам».

Братья, поступив по совету сестры, забирают с собой дочь хана и отдают ее Йомуду. Тот, посадив ее на коня, возвращается к Сарыку и Салыру. Затем братья просят показать им место, где можно найти узбекского хана. Сарыбай и Текемаммед сумели проникнуть в опочивальню хана. Сарыбай, опередив брата, первым успел вынуть саблю и разрубить хана, а Теке это сделал вторым и, похлопав Сары по спине, сказал ему, что он настоящий мужчина. С тех пор Сарыбай удостоился чести именоваться Эрсары-бай. Возвратившись на родину, братья посоветовали Джайлыхану переселиться на новое место, так как узбеки теперь им не дадут

жить спокойно. Но Джайлыхан не согласился и остался. Братья переселились в местность Комурли, где вырыли колодцы Тувер, Донгра, Авламыш, Гокдере и Коймат — у подножья Балхан.

Однако Салыр, Сарык и другие братья не смогли дружно организовать свою жизнь. Они часто ссорились. Затем появились калмыки. Текемаммед и его народ переселились в сторону Ашхабада».

В заключение приведем несколько иной вариант сказания о Салыр Казане, который был записан в 1938 г. в Геок-Тепинском районе.

Родоначальником туркмен называют нашего предка Казан-баба. Он жил в городе Туркестане и имел четырех сыновей — Эрсары и Салыра от одной жены, Аманша— от второй. Помуда — от третьей. Аманша родился от правительницы Ирана — персиянки и детство провел в Иране. Когда он возмужал, то решил пойти в Туркестан и повидаться с отцом. Не доходя до города Туркестана, Аманша узнал, что сыновья казохского хана похитили мать его братьев — Эрсары и Салыра. Аманша вместе с братьями выручает ее и благополучно приезжает к отцу. В отсутствие Аманши умирает его мать — правительница Ирана, поэтому он остается жить у своих братьев. Там он благополучно женится, позднее у него рождаются два сына — Сарытеке и Караджа. От Сары-теке происходят теке и сарыки, от Теке — ялкамыш, утамыш и тохтамыш[1].

Предание о взаимоотношениях туркмен салырского племенного союза, близкое по содержанию к варианту, записанному Г. И. Карповым, в 1965 г. было записано и опубликовано этнографом В. Н. Басиловым среди потомков сарыков. Однако этот вариант предания насыщен фантазией и вымыслами и близок, пожалуй, по содержанию к сказке. Однако автор путем сопоставительного научного анализа выявил в этой легенде научно достоверные исторические факты. (Возражение может вызвать только утверждение автора о том, что он в 1965 г. не знал о сохранившихся преданиях о легендарном Салыр Казане у туркмен. См. наш доклад на МКАЭН)[2].

---

[1] Карпов Г. И. К истории сарыков. Ашхабад, 1945. С. 2—3.

[2] Басилов В. Н. Легенда: верить или не верить // Советская этнография, 1974. № 1.

Говоря о необходимости привлечения не только исторических преданий, но и библейских легенд и мифов в качестве исторического источника, Н. А. Бурмистров пишет: «В религиозной канонизированной форме Библия отражает и моральные, и этнические, и правовые, и этнографические, и географические, и политические, и хозяйственные идеи; семейно-брачные, бытовые, культурные правила и другие»[1].

Туркмены, возможно, единственный тюркоязычный народ, сохранивший живые предания об известных на Востоке средневековых предводителях огузов-туркмен— Огуз-хане, Салыр Казане и Сельджуке. В подавляющем большинстве средневековых генеалогических преданий туркмен фигурирует имя Салыр Казана не в качестве сказочного богатыря, а реального героя, с его именем туркмены связывают свою многовековую историю. Его образ особенно популярен в преданиях, разного рода рассказах, крылатых выражениях, поговорках, сохранившихся среди потомков салыров — его «соплеменников». В них он приравнивался к «всемогущественному святому» («овлия»), к которому взывали в трудных случаях. Каждый салыр считал своим долгом после вечерней молитвы просить у него то, чего желал, произносил слова в его честь: «Пусть моим спутником и покровителем будет наш дед Салыр Казан» (Салыр Газан бабам мана яр болсын). Он считался отцом («баба») всех салыров. По поверью, у него был большой котел (казан), из которого он мог прокормить свое огромное войско, оттого он якобы и заслужил прозвище Казан (то есть котел)[2].

Согласно полевым этнографическим материалам, предков салыров называли «йовуз беглери». Отцом Салыр Казана был Улаш (термин «йовуз беглери», судя по его смысловому значению, в предании записанный впервые среди серахских туркмен, нужно понимать, по нашему мнению, как «огузские беки»). Термин «огуз» в форме «уз» встречается в преданиях эрсаринцев об Ак ишане и Кара ишане.

Среди лиц, лично знавших Огуз-хана, Абульгази упоминает имя Олаш из салырского иля[3], имя которого

[1] Бурмистров Н. А. Партийность исторической науки. Казань, 1979. С. 49.
[2] Полевые записи автора в Серахском районе, 1959.
[3] Абульгази, Родословная туркмен... С. 55.

сохранилось в памяти народа в форме Улаш. Согласно сказанию, записанному у салыров-кырк ойли, предками их были Огуз Бава и Айаз Бава, а Салыр Бава был сыном последнего[1], в других же рассказывается, что отцом Салыр Казана был Алп-ата.

Говоря о назначении эпоса «Книга моего деда Коркуда» и историческом значении преданий о Салыр Казане, В. М. Жирмунский писал: «Образ Салыр Казана, как главного богатыря огузского эпоса, сложился еще на среднеазиатской родине огузов. Об этом свидетельствует фольклорная традиция о нем, сохранившаяся среди туркменского племени салыров. Можно думать, что оно отражает подлинные события, имевшие место в легендарные времена Салыр Казана, т. е. в IX—X вв. в среднеазиатский период жизни огузов»[2]. Возможно, В. Жирмунский немного переоценивает историческую достоверность таких преданий, которые отчасти могут отражать подлинные события, происходившие во времена Салыр Казана.

Упомянутые в предании Огуз Бава и Айаз Бава, согласно данным Абульгази, жили в различные времена: первому Абульгази приписывает обращение язычников огузов в ислам[3]; исторические события, происшедшие якобы во времена Огуз-хана, относятся к VIII в., когда началась исламизация тюркоязычных племен Средней Азии. Айаз жил во время правления Джанибека в XIV в. и, по преданию, был предком туркмен эски[4]. Сохранение же у амударьинских салыров преданий об Айазе как об их «предке», вероятно, можно объяснить совместной жизнью эски и салыров на Мангышлаке[5]. Несомненный интерес вызывает сохранение в преданиях сведений об огузах и Огуз-хане.

В дореволюционное время в аульной общине при решении спорных вопросов, связанных с водно-земельными отношениями, с выплатой долга, выигрывал тот, кто давал присягу: «Если я не прав, то пусть меня покарает Салыр Казан («Мен гунэли болсам, мени Салыр Ка-

---

[1] Полевые записи автора в Ходжамбасском районе в 1961 г.

[2] Жирмунский В. М. Указ. раб. С. 176 и 212.

[3] Абульгази. Родословная туркмен... С. 42. Мифический образ Огуз-хана происходит от названия древнетюркского племени.

[4] Там же. С. 75.

[5] Джикиев А. Материалы по этнографии мангышлакских туркмен... С. 201.

зан урсун»)[1]. Этой присягой в колониальные годы часто пользовались аульные судьи-кази.

По поверью, на спине Салыр Бава были следы пяти пальцев («5-пенджe») пророка. Этой чести удостаивались наиболее «благочестивые», решительные и храбрые из мусульман, оказавшие религии неоценимую услугу. Изображения «пяти пальцев» часто встречаются на надмогильных каменных плитах на средневековых туркменских кладбищах Мангышлакского полуострова.

У туркмен-алилинцев бытует народное предание, напоминающее больше краткую родословную, с упоминанием имени Огуз-хана и его потомков. «Информатор Байрам-гулы Аллаберен (75 лет) сообщил, что его дед рассказывал, что Огуз-хан имел четырех сыновей. От его старшего сына Усеин-хана произошли туркмены салыр, сарык, от второго сына Эсен-хана пошли теке: предком племени йомуд был третий сын Али-хан, а от четвертого сына Огуза произошли Герейли и Хыдырэлли. Предками атекских мехинли считался Герейли — сын Савыра (возможно, Салыр Казана), внук Огуз-хана»[2].

Старики в Серахсе рассказывали, как их отцы наставляли чтить имя Салыр Казана и тогда якобы исполнится все, что пожелаешь.

По сведениям Абульгази, Салыр Казан (или Казан алп) жил «... триста лет спустя после нашего пророка», в одно время с Коркуд-ата (из иля Кайы), то есть 7 поколений после Огуз-хана. Борьбу салыров с ит бедже, то есть печенежским союзом, который, согласно Абульгази и преданиям, записанным нами, возглавлял Салыр Казан, В. В. Бартольд относит ко II половине IX в. Ему же предание приписывает, как и другим предводителям туркмен-огузов, «... обращение огузова племени в ислам и реорганизацию родового устройства»[3]. Сведения Абульгази, а также записанные нами предания дают достаточное основание для ориентировочной датировки времени жизни Салыр Казана. Если же ис-

---

[1] Полевые записи автора в Ходжамбасском районе, 1960 г.

[2] Атаев К. Хозяйство и материальная культура туркменского населения Атека в конце XIX — начале XX в. С. 41

[3] Аристов Н. Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, сведения об их численности. Спб., 1898. С. 35, 143—144.

ходить из того факта, что Салыр Казан жил 7 поколений после Огуз-хана, то это было примерно в середине X в. Здесь время жизни Огуз-хана отождествляется с временем существования огузского племенного союза в древнетюркской среде.

Он мог возглавлять салыров и близких к ним туркмен-огузов в X в., которые, возможно, в числе первых приняли ислам и откололись от основной массы огузов. В результате им пришлось вести борьбу против недавних своих союзников, что получило свое отражение в преданиях.

По рассказам стариков, их предки во времена Салыр Казана назывались по-другому и не были мусульманами. По преданию, салыры по неизвестной причине убили 14-летнего сына известного мусульманского святого Сейит Ходжама, за что тот проклял их словами: «Пусть никогда ваш народ не соберется в одном месте, но если это случится, то пусть не будет между вами согласия и мира» («Башын бириксе агзын бирикмесин, агзын бирикседе башын бирикмесин»).

Здесь, по-видимому, отражено время, когда туркмены, будучи язычниками, вели борьбу против мусульманских миссионеров, представителем которых мог быть Сейит Ходжам. Туркмены до сих пор убеждены в том, что «проклятие» святого сбылось, и с тех пор туркмены-салыры долго скитались, пока, наконец, не обосновались в Серахсе. Салыр Казан, согласно преданиям, первым из огузов и туркмен принял ислам, затем активно распространял его среди своих земляков. Именно с периодом его жизни (X в.) совпадает время интенсивного проникновения ислама в среду огузов, а также столкновения между огузами-мусульманами и огузами-язычниками на Сырдарье и Амударье. Можно предположить, что Салыр Казан, не желая лишиться своего положения (как это было у огузов в период проникновения ислама), одним из первых принял ислам и стал его ярым сторонником. После принятия ислама он был отвергнут самыми близкими родственниками, объявившими его вероотступником. Другие известные предводители огузов — Кара-хан, Огуз-хан и Сельджук — якобы первыми приняли ислам. По преданиям, не подтвержденным достоверными письменными источниками, трудно установить, кто же из этих легендарных лично-

стей первым принял ислам, ведь исламизация тюркоязычных племен продолжалась примерно с VII до XII в.

В этой связи небезынтересно утверждение среднеазиатского ученого X в. Абу-Рейхана Ал-Бируни о том, что название «туркмен» означает «турк» и «иман», то есть верующий турок. К X в. значительная часть огузов приняла ислам, а те, кого посетил на Волге в X в. Ибн Фадлан, оставались язычниками. Народные предания об огузо-печенежской вражде в IX—X вв. позволяют датировать и время жизни Салыр Казана. Примерно, в это же время распространяется название «туркмен» в смысле самоназвания части огузов (в XI—XIII вв. оно было занесено далеко на юго-запад). ...исламизированные и смешавшиеся с мусульманским населением огузы, как сообщает Бируни, назывались туркменами. «В прежнее время, — пишет он, — любой из тюрок-огузов, кто принимал ислам и смешивался с мусульманами, становился переводчиком между теми и другими, так что когда какой-нибудь гуз принимал ислам, гузы говорили: «Он стал туркменом...»[1].

По преданию, Салыр Казан был алпом (т. е. храбрым) и во время войны надевал панцирь для защиты от стрел и копий («совут»), собственное имя Салыр он принял от названия своего племени. Однажды он якобы сказал своей матери: «Даже если я умру (или погибну), дух мой не умрет и всегда поможет салырам» («Мен елсем хем менин рухым елмез, салыра менин рухым бакар»). Имя Салыр Казана в более позднее время стало предметом поклонения. Хотя сведения о нем появились в письменных источниках несколько позже, в «Книге моего деда Коркуда» его имя упоминается лишь в XIV в. В. М. Жирмунский обоснованно датирует время жизни Салыр Казана X в. и считает, что его имя в XI в. туркменами и огузами было занесено в Южный Азербайджан и Армянское нагорье; ученый приводит сведения о мнимых могилах Салыр Казана. Например, Адам Олеарий, посетивший эти места в 1638 г., отметил сохранение могилы Салыр Казана из огузов в окрестностях Дербента[2]. В этой связи необходимо отметить, что в Азербайджане и Грузии сохранились группы туркмен под названием карапапахлы теракеме, соблюдающие родоплеменные деления и тради-

[1] Агаджанов С. Г. Очерки... С. 82.

[2] Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос... С. 562.

ции кочевого быта[1]. По сведениям Н. Аристова, «...текинцы производят себя, как (А. Д.) иомудов, салыров и ерсари, от Салыр Казана»[2].

Труды Абульгази служат основанием для ориентировочного определения времени происходящих в преданиях событий. Наиболее древними являются предания, записанные от потомков салыров. В них главным героем является Алп-ата — отец символичных «пяти братьев» — Салыра, Теке, Иомуда, Эрсары и Сары. Как известно, приставка — титул «алп» была характерна и для предводителей первых сельджукидов. У огузов — потомков малоазиатских огузов — еще в конце XIX в. «... рождались и герои-богатыри («алпы»), часто единоборством решавшие исход столкновения. Тип борца, возникший в Хорасане в IX в., воспевается уже в «Кутадгу-билиг», среднеазиатский памятник высоко ценит алпа, «разящего войско, равного четырем тысячам воинов»[3].

Бытует такое предание:

«Когда сакары возвратились из хивинского плена в Чарджоу, их родные места были уже заняты сарыками и баятами. Сакары предъявили законные права на землю своих предков, но новые хозяева не хотели им уступить эти земли. Назревал военный конфликт. Тогда старейшины всех трех племен созвали совет и согласились применить старинное право — провести единоборство самых сильных пальванов с каждого племени. В равной схватке сакарский пальван вышел победителем и вернул своему племени землю предков». Этот рассказ свидетельствует о сохранении древней огузской традиции у потомков кара ойли.

Алп-ата пытался установить семейно-брачные связи с казахами и каракалпаками. В то время Бухарой правил Тимур Кореген. Брачные связи туркмен с каракалпаками, видимо, имеют историческую основу. Об этом есть сведения и в преданиях туркмен човдурской группы и каракалпаков[5]. На наш взгляд, совершенно нереально то, что Алп-ата, Чингиз-бек и Темир Кореген (видимо, имеется в виду Тамерлан) — современники,

[1] Cafer oglu Dogi illerimiz agizlarindan toplamalar. Istanbul, 1942. c. 16.

[2] Жирмунский В. М. Указ. раб. С. 562.

[3] Гордлевский В. А. Государство сельджукидов в Малой Азии. С. 47.

[4] Полевая запись Бегниева Аганияза. Сакарский район.

[5] Об этом см. также: Толстов С. П. Города гузов... С. 97.

что текинцы, входившие в XIV—XVI вв. в салырский союз, принимали участие в борьбе туркмен против печенегов в IX—X вв. Все эти действительно происходившие события не укладываются в единые хронологические рамки. К тому же имена известных предводителей могли неоднократно носить и их потомки, мечтавшие о славе своих предков. Например, имя легендарного предводителя языров — Карадашлы, а также Язырхана и балханских туркмен XI в. Ягмыр-хана носили многочисленные их потомки и в последующие века.

Наиболее близкими к себе салыры считали эрсарицев, называя их «бабадаш», то есть людьми, происходившими с ними от одного предка. Любопытно, что их они признают «туйс», то есть туркменами без посторонней примеси. Эта особая симпатия салыров к эрсарицам прежде всего объясняется тем, что после распада союза «внешних салыров» им пришлось жить долгое время в соседстве друг с другом на Северном Балхане и на Мангышлаке и совместно отражать набеги калмыков с севера в XVI—XVIII вв. Если учесть и то, что они в таких условиях имели общий уровень социально-экономического развития, а также брачные связи и то, что салыры считали их равными себе по кости («сунги денг»), то станет еще более понятна их близость. Правда, в XVIII—XIX вв. салыры Серахса и Ходжамбаса, как и другие туркмены, придерживались эндогамных браков по отношению к другим туркменам, в том числе и к эрсары, чему способствовала их изолированная жизнь.

Среди салыров сохраняются предания об их родстве и этнической близости также с текинцами, сарыками, йомудами, хотя отношения с ними в XVIII—XIX вв. часто омрачались межплеменной рознью.

Согласно популярному среди туркмен преданию, потомками Салыр Казана от царицы-персиянки являются текинцы, которых салыры считали «нечистокровными» туркменами. По другому преданию, у Салыр Казана была наложница, которая в загоне для верблюдов родила светловолосого мальчика. Салыр Казан давно не имел с ней никаких связей и когда спросил, от кого этот мальчик, наложница поведала ему, что сын рожден от светловолосого человека («сары»), побывавшего у них в гостях. Салыр Казан якобы простил ее поступок

и усыновил мальчика. Потомков его стали называть сарыками. Впоследствии они стали «настоящими» туркменами и «братьями» салыров.

Аналогичное предание, согласно которому сарыки произошли от светловолосого татарина, бытовало у потомков сарыков и у других туркмен. Наконец, четвертым туркменским племенем, о котором сохранились предания в Серахсе, были йомуды. Рассказывают, что в старые времена одна женщина родила мальчика и оставила в мечети. Впоследствии потомков этого мальчика стали называть йомудами. Бытовало аналогичное предание о происхождении туркмен эски. Сохранилось много преданий о соседстве и брачных взаимоотношениях салыров с йомудами в Куня-Ургенче, где до сих пор проживает группа туркмен, ведущих свое происхождение от салыров[1].

Объединяясь в союзы, туркмены разных племен имели разное социальное положение, к тому же в их составе были и нетуркмены бывших огузских объединений. Сарыки, видимо, сблизились с туркменами Северо-Западной Туркмении лишь в XVI—XVII вв. и переселились на территорию Туркмении позже других из Центральной Азии. И не случайно поэтому они даже в преданиях выпадают из общего ансамбля.

Описанные предания и исторические рассказы подтверждают выводы В. В. Бартольда о составе «внешних салыров» и о брачно-родственных связях внутри этого племенного союза[2]. Салыр Казан почитался всеми туркменами и признавался ими как общий предок и предводитель. Не случайно, что в эпосе «Коркуд-ата» и других фольклорных произведениях имя героического богатыря Салыр Казана занимает значительное место.

Встречающиеся в преданиях о салырском племенном союзе географические названия позволяют судить о расселении туркменских племен в средневековье на обширных пространствах Средней и Передней Азии. Об этом же свидетельствуют и письменные источники. Место действия главных героев Алп-ата и Салыр Казана — Туркменистан, Иран, Бухара и страна Ит Бечен, находившиеся где-то за Амударьей и Мангышлаком. Не-

[1] Васильева Г. П. К истории туркменского населения западных районов Ташаузской области//Труды ИИЭА. Т. 7. Ашхабад, 1963.

[2] См.: Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа...

Женская одежда. Западный Туркменистан.

посредственными соседями туркмен с севера были печенеги («бечен», «ит бечен» и «беджне»), которые часто отождествляются с узбеками, казахами, каракалпаками и другими народностями дешти-кипчакской группы, а с юга народы Ирана — персы, курды и пр.

Об этнических связях с населением Прикаспийских районов говорится и в сказаниях, сохранившихся у башкир. Например, в сказании «Конгур буга» ... повествуется о браке девушки-башкирки с северных отрогов Урал-тау с джигитом Каспийского побережья»[1]. В основе конфликтов с печенегами в большинстве случаев лежит насильственный увод женщин с обеих сторон.

[1] Сагитов М. М. Отражение консолидации башкирской народности в эпических сказаниях // Археология и этнография Башкирии. Ч. 4. Уфа, 1971. С. 290.

Однако семейно-брачные связи с соседними каракалпаками, в этногенезе которых огузы играли немаловажную роль, не влекли за собой значительные военные столкновения; туркмены-салыры, эрсары, сарыки и другие считали себя «племянниками» каракалпаков по материнской линии.

Анализируя предания, записанные Т. А. Жданко, С. П. Толстов отметил бытование в прошлом тесных этнических связей между туркменами и каракалпаками[1]. Постоянными были подобные отношения с Ираном. Этногенетические связи отражены в единоборстве туркменского богатыря Салыр Казана с принцессой-богатыршей Ирана и богатыршей-дочерью курдского хана. Подобные мотивы широко распространены в фольклоре и других народов Средней Азии[2]: например, в узбекском, каракалпакском и киргизских героических эпосах «Алпамыш», «Кырыккыз», характерны они и для сказок и эпосов многих других народов Востока. Случаи женитьбы на богатырше, захвата ее силой встречаются в исторических преданиях киргизов племени сары багыш[3]. Ит Бечен ставит перед Алп-ата и Салыр Казаном нереальные условия, выполняя которые, они провели ночь в ледяной воде, примерзли ко льду и погибли. Эта деталь находит некоторую косвенную аналогию в сказаниях народов Сибири и Алтая, что уводит корни туркменских преданий в древнюю прародину тюркских племен. Например, у эвенков бытовало сказание о том, что «Одну из дочерей — Халадан — отец отдал льдине за то, чтобы та отпустила его (он примерз к ней, когда пил воду из проруби). Льдина понесла девушку вниз по течению»[4]. В туркменских преданиях лед, сковавший богатырей, позволил врагам расправиться с ними. Видимо, средневековым огузам и туркменам в длительной борьбе с печенегами приходилось преодолевать много-

---

[1] Толстов С. П. Города гузов... С. 95, 96, 97.

[2] Образ богатырской девы Наал-эдже распространен у киргизов. См.: Абрамзон С. М. Фольклорные мотивы в киргизских преданиях генеалогического цикла // Фольклор и этнография. М., 1977. С. 162.

[3] Абрамзон С. М. Фольклорные мотивы... С. 162.

[4] Чистов К. В. Фольклор и этнография//Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1977. С. 27.

Интерьер юрты западных туркмен

численные реки и озера, служившие печенегам естественной защитой. Эти водные преграды в более северных, холодных широтах могли оказаться непривычными для огузов-туркмен. Народные предания в течение более чем тысячелетия сильно трасформировались и превратились в сказочные сюжеты. Например, в одном из преданий Салыр Казан — сын калмыцкого хана. Это — явный вымысел. Видимо, информаторы перепутали время огузов и годы правления чингизидов в Средней Азии и что имя Салыр Казана органически срослось с более поздними историческими событиями (XIII—XV вв.). Ведь, как правило, в туркменских преданиях и монголы, и калмыки именуются «калмыками». «Легендарная версия об Огузе, — пишет азербайджанский ученый Р. М. Шукурова, — на протяжении многих веков подвергалась синхронной модернизации, вбирая в себя отзвуки походов огузских племен, сельджуков, хорезмшахов и монголов под предводительством Чингиз-хана»[1]. Эта традиция впоследствии была перенесена на имя Салыр Казана.

[1] Рашид ад-Дин Фазлаллах. Огузнаме. Предисловие. Баку, 1987. С. 9.

В преданиях повествуется, что сын Салыр Казана Текемухаммед (по некоторым версиям — Мухаммедали) — «предок текинцев», однажды играя с мальчиками, нечаянно оторвал хвост у проходившей мимо коровы, которая принадлежала злой вдове. Эта деталь предания близка к содержанию одной из глав эпоса «Книга моего деда Коркуда», где есть рассказ о том, как сын Дерсе-хана Бугач также оторвал в аналогичной ситуации хвост у коровы одной вдовы, заслужив ее проклятия. Эта сцена в обоих случаях связана с периодом возмужания юноши и свидетельствует о бытовании у туркмен-огузов обычая инициации, связанного с посвящением юноши в мужчину. Аналогичные обряды в прошлом бытовали и у тюркоязычных народов Алтая. Например, у алтайцев «Сохранились... некоторые следы переименования героя после первого подвига, с наступлением воинского «совершеннолетия»[1]. У туркмен (по преданию) один из 5 братьев Сары после победы над Ит Беченом удостаивается прозвища Эрсары, т. е. Сары, ставший мужчиной.

Рождение «предка текинцев» Текемухаммеда связывают, по преданию, со свиданием во сне Салыр Казана с пророком Мухаммедом, который «подарил» ему сына. В. М. Жирмунский отметил популярность «чудесных сновидений» у народов Алтая: «Близнецы рождаются по благословению святого в казахских сказках... Святой, посещающий бездетного отца в чудесном сновидении, обычно предрекает, как в «Алпамыше», будущую славу героического младенца. Пророчество, таким образом, одновременно является магическим благословением»[2].

В одном из преданий сообщается, что во сне пророк Мухаммед внушил Салыр Казану новую веру и что он станет ярым её распространителем. В этом очень популярном мотиве сну приписывается таинственная и магическая сила, дающая человеку способность к всевозможным превращениям. Аналогичные случаи можно найти и в сочинениях средневековых авторов. Все эти понятия могли возникнуть у древних предков тюркских племен в очень раннее время.

---

[1] Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974.

[2] Жирмунский В. М. Указ. раб. С. 132.

В большей части преданий рассказываются о коллективных, согласованных действиях «пяти братьев» в защите чести от посягательств извне. Но в них говорится и о разногласиях между ними, а также о расцвете и распаде салырского племенного союза. Собранные нами предания имеют большое значение и для изучения исторической этнографии туркмен, так как они содержат ценные сведения о средневековых видах оружия, домашней утвари, национальных кушаньях, о нормах поведения в семье и обществе.

В преданиях перечисляются названия многих народов и племен, с которыми туркмены соприкасались в разное время, в разной географической среде. Это прежде всего племена дешти-кипчакских племенных союзов — узбеки, казахи и каракалпаки, с которыми туркмены имели общие судьбы, жили в пределах одного географического региона, а также народы Ирана — персы, курды и другие.

В наиболее близком соседстве были човдуры, игдыры, абдалы, бозоджи, буруджик, а также салыры, эрсаринцы и сарыки. Взаимовлияние этих групп племен прослеживается в их материальной и духовной культуре[1].

В преданиях почти в одинаковой степени рассказывается обо всех крупных пяти племенах салырского союза (XIV—XVI вв.) и подчеркивается, что они жили в мире и согласии. Однако явными преимуществами пользовались салыры и эрсаринцы. Салыры считались основателями союза. Эрсаринцы — это группа из самых различных родов и племен, сплоченных, по нашему мнению, вокруг деятельного предводителя, сердара Эрсары-бая, принявших его имя как племенное название. Это могло произойти в XV—XVI вв., так как в памяти стариков, рассказывавших Абульгази об истории этого племени и его основателе, были живы воспоминания о личности Эрсары-бая и его непосредственных потомках. Возможно также, что в XVI в. это племя, объединившее многие мелкие племена, стало в союзе более могущественным, чем даже его основатели — салыры.

---

[1] Подробно об этом см.: Нязклычев К. Этнические связи туркмен човдуров с народами Дешти-Кипчака//Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад: Ылым, 1977. С. 132—137.

Старинная одежда ставропольских туркменок

Но и в XVI в., после распада союза, к салырам относились почтительно. Распад же союза обусловлен главным образом обмелением и высыханием русла Узбоя в конце XVI в., служившего источником жизни.

До XVII в. в несколько особом положении в союзе находились остальные три племени — йомуды, текинцы и сарыки. Согласно преданию, все они туркмены по отцовской линии, мать Теке — из Ирана, Йомуд и Сарык — «приемные сыновья» Салыр Казана. В XIV—XV вв. эти племена играли в союзе второстепенную или незаметную роль. По нашему мнению, «нечистыми туркменами» они именуются потому, что ранее не входили в огузо-туркменские племенные союзы. Но ведь в составе последних не было названия племени эрсары. Однако вновь образованное в XV в. эрсарпнское племя включило позднее в свой состав бывшие крупные огузские племена — каркынов, кара-эвли (позднее сакаров) и других. Текинцы и йомуды, являясь, по нашему мнению, потомками древних кочевых племен Туркмении, всегда испытывали этническое и культурное влияние со стороны южных соседей. Не случайно, что в родовом

составе этих племен мало огузских элементов. Этим и можно объяснить то, что матерью мифического предводителя текинцев Текемаммеда была персиянка.

Родословные более позднего происхождения присоединяют сарыков к текинцам в качестве третьего подразделения — ялкамыш. Тем не менее по происхождению, по специфике материальной и духовной культуры они стоят особняком в салырском племенном союзе. Широко бытовавшие среди самих сарыков и других туркмен предания связывают их происхождение с татарами. Это, видимо, имеет некоторые основания. Наличие у тюркоязычных народов Центральной и Средней Азии крупных подразделений под названием «сарыг» (у тувинцев), сары-багыш (у киргизов) и т. д., таких названий на Тянь-Шане, как «Сарык-могол» и т. п., позволяет увести их генеалогические корни в глубь Центральной Азии, в прародину древних тюрков, где по соседству жило и племя татар. Они были по происхождению тюркоязычным племенем, подпадавшим под влияние монголов. Родовые единицы под названием «татар» были известны в составе западных йомудов.

Согласно преданиям, текинцы жили в южной части Балханских гор, так как Текемаммед искал своих братьев Севернее Балханских гор и на Мангышлаке.

Почти во всех вариантах приведенных преданий встречаются ценнейшие сведения о борьбе туркмен и огузов с племенами печенежского союза, которая происходила, по данным письменных источников, в IX—X в. в низовьях Сырдарьи. Встречаемые в преданиях этнонимы «Ит бечен», «ит беджне», «ит бичен» тождественны с этнонимами «печен», «беджне», «бечен», которые мы находим у Махмуда Кашгарского (XI в.), Рашид ад-Дина (XIV в.), Абульгази (XVII в.) и других в составе огузов под названием «печенег». Турецкий путешественник XVII в. Э. Челеби население, живущее на Волге, называет «Иттил», то есть население, говорящее на «собачьем языке». Итиль — древнее название Волги.

По мнению В. М. Жирмунского, события, повествующие об отношениях огузов и печенегов, согласно письменным источникам, произошли в IX—X вв. в низовьях Сырдарьи[1]. С. Г. Агаджанов считает, что «В VIII—

[1] См.: Книга моего деда Коркуда... С. 81.

IX вв. после гибели западнотюркского каганата происходят крупные перемещения кочевых племен Центральной и Средней Азии. Очевидно, в результате завязавшейся между восточнотюркскими племенами ожесточенной борьбы за власть раннесреднеогузская (протоогузская) группировка оставила пределы Джетысу и передвинулась к предгорьям Сырдарьинского Каратау. Судя по огузским преданиям, именно здесь начались их первые стычки с народами ит-беджене (печенегами)»[1].

В сочинении арабского географа Ибн-Хаукаля «Ал-Гузийя» говорится, что в IX—X вв. огузы-туркмены жили за Мавереннахром, в низовьях Сырдарьи; к востоку от них жили карлуки, а восточнее их, в Семиречье, жили племена токуз огузов[2].

Эти два крупных тюркоязычных племенных союза, находясь длительное время по соседству, оказывали друг на друга большое влияние в политическом и этническом отношениях. Печенеги впервые упоминаются в русских летописях в 915 г. По сведениям Константина Багрянородного (около 948 г.), «... вытеснение печенегов огузами в союзе с хазарами с Волги и Яика произошло за 50—55 лет до его времени, то есть в 90-х годах IX в.»[3].

С. П. Толстов совершенно правильно отмечает, опираясь на сведения К. Багрянородного (X в.) и Махмуда Кашгарского (XI в.), что часть печенегов, вернее, восточные из них, после поражения от огузов «... жили среди узов и вошли впоследствии в состав огузов на правах отдельного (из 22) племени».

Отмечая, что «... память о жестокой борьбе огузов и печенегов дожила до XVII в. (Абульгази. Цикл сказаний о Салыр Казане)»[4], С. П. Толстов, видимо, не знал о сохранении у южных туркмен подобного цикла преданий.

О сохранении огузо-туркменского этнотопонима «печенег» в Малой Азии сообщают известный туркмен-

---

[1] Агаджанов С. Г. Этнические и историко-культурные связи тюркоязычных народов СССР // Всесоюзн. тюркол. конф.: Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976. С. 10.

[2] Krader S. Peoples Central Asia. Vol. 26. Bloomington, 1956. С. 57.

[3] Жирмунский В. М. Тюркский... С. 568.

[4] Толстов С. П. Города гузов... С. 84.

составе этих племен мало огузских элементов. Этим и можно объяснить то, что матерью мифического предводителя текинцев Текемаммеда была персиянка.

Родословные более позднего происхождения присоединяют сарыков к текинцам в качестве третьего подразделения — ялкамыш. Тем не менее по происхождению, по специфике материальной и духовной культуры они стоят особняком в салырском племенном союзе. Широко бытовавшие среди самих сарыков и других туркмен предания связывают их происхождение с татарами. Это, видимо, имеет некоторые основания. Наличие у тюркоязычных народов Центральной и Средней Азии крупных подразделений под названием «сарыг» (у тувинцев), сары-багыш (у киргизов) и т. д., таких названий на Тянь-Шане, как «Сарык-могол» и т. п., позволяет увести их генеалогические корни в глубь Центральной Азии, в прародину древних тюрков, где по соседству жило и племя татар. Они были по происхождению тюркоязычным племенем, подпадавшим под влияние монголов. Родовые единицы под названием «татар» были известны в составе западных йомудов.

Согласно преданиям, текинцы жили в южной части Балханских гор, так как Текемаммед искал своих братьев Севернее Балханских гор и на Мангышлаке.

Почти во всех вариантах приведенных преданий встречаются ценнейшие сведения о борьбе туркмен и огузов с племенами печенежского союза, которая происходила, по данным письменных источников, в IX—X в. в низовьях Сырдарьи. Встречаемые в преданиях этнонимы «Ит бечен», «ит беджне», «ит бичен» тождественны с этнонимами «печен», «беджне», «бечен», которые мы находим у Махмуда Кашгарского (XI в.), Рашид ад-Дина (XIV в.), Абульгази (XVII в.) и других в составе огузов под названием «печенег». Турецкий путешественник XVII в. Э. Челеби население, живущее на Волге, называет «Иттил», то есть население, говорящее на «собачьем языке». Итиль — древнее название Волги.

По мнению В. М. Жирмунского, события, повествующие об отношениях огузов и печенегов, согласно письменным источникам, произошли в IX—X вв. в низовьях Сырдарьи[1]. С. Г. Агаджанов считает, что «В VIII—

[1] См.: Книга моего деда Коркуда... С. 81.

IX вв. после гибели западнотюркского каганата происходят крупные перемещения кочевых племен Центральной и Средней Азии. Очевидно, в результате завязавшейся между восточнотюркскими племенами ожесточенной борьбы за власть раннесреднеогузская (протоогузская) группировка оставила пределы Джетысу и передвинулась к предгорьям Сырдарьинского Каратау. Судя по огузским преданиям, именно здесь начались их первые стычки с народами ит-беджене (печенегами)»[1].

В сочинении арабского географа Ибн-Хаукаля «Ал-Гузийя» говорится, что в IX—X вв. огузы-туркмены жили за Мавереннахром, в низовьях Сырдарьи; к востоку от них жили карлуки, а восточнее их, в Семиречье, жили племена токуз огузов[2].

Эти два крупных тюркоязычных племенных союза, находясь длительное время по соседству, оказывали друг на друга большое влияние в политическом и этническом отношениях. Печенеги впервые упоминаются в русских летописях в 915 г. По сведениям Константина Багрянородного (около 948 г.), «... вытеснение печенегов огузами в союзе с хазарами с Волги и Яика произошло за 50—55 лет до его времени, то есть в 90-х годах IX в.»[3].

С. П. Толстов совершенно правильно отмечает, опираясь на сведения К. Багрянородного (X в.) и Махмуда Кашгарского (XI в.), что часть печенегов, вернее, восточные из них, после поражения от огузов «... жили среди узов и вошли впоследствии в состав огузов на правах отдельного (из 22) племени».

Отмечая, что «... память о жестокой борьбе огузов и печенегов дожила до XVII в. (Абульгази. Цикл сказаний о Салыр Казане)»[4], С. П. Толстов, видимо, не знал о сохранении у южных туркмен подобного цикла преданий.

О сохранении огузо-туркменского этнотопонима «печенег» в Малой Азии сообщают известный туркмен-

---

[1] Атаджанов С. Г. Этнические и историко-культурные связи тюркоязычных народов СССР // Всесоюзн. тюркол. конф.: Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976. С. 10.

[2] Krader S. Peoples Central Asia. Vol. 26. Bloomington, 1956. С. 57.

[3] Жирмунский В. М. Тюркский... С. 568.

[4] Толстов С. П. Города гузов... С. 84.

ский филолог З. Б. Мухаммедова[1] и турецкий историк Ф. Сюмер. По данным Ф. Сюмера, племя печенеги в X—XI в. играло большую роль в политической жизни княжеств, расположенных в Причерноморье на Балканах. Села и местности под названием «Бедженек» встречаются и теперь в Анкарском вилайете»[2].

В. Гордлевский отметил, что на территории Анкарского вилайета жили 17 из 24 огузских племен, в том числе и печенеги[3].

В книге Марко Поло (в переводе известного востоковеда И. П. Минаева (1840—1889) приводятся следующие чрезвычайно интересные сообщения о туркменах Малой Азии: «Рассказывали вам о Малой Армении, теперь опишем Туркманию (Турцию)...

В Туркмении три народа: туркмены (турки) чтут Мухаммеда и следуют его закону; люди простые, и язык у них грубый. Живут они в горах и равнинах, повсюду, где знают, что есть привольные пастбища, так как занимаются скотоводством. Водятся здесь, скажу вам, добрые туркменские лошади и хорошие, дорогие мулы; есть тут еще армяне и греки, живут вперемежку по городам и городищам; занимаются они торговлею и ремеслами.

Возделываются тут, знаете, самые тонкие и красивые в свете ковры, а также ткутся отменные, богатые материи красного и другого цвета, много и других вещей изготовляется здесь»[4].

Речь здесь, безусловно, идет о территории современной Турции. Переводчик и некоторые комментаторы XIX—XX вв. исходя из этого факта считали целесообразным рядом с названием «Туркмения» и «туркмены» добавить к ним в скобках и название «Турция» и «турки». Это не соответствует действительности. Сведения Марко Поло достоверно подтверждают, что на территории современной Турции в XI—XIII вв. в основном жили туркмено-огузские племена и страна эта действительно называлась «Туркменией», а ее жители — туркменами. «Турция» и «турки» являются названиями бо-

[1] Мухаммедова З. Б. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. Ашхабад: Ылым, 1973. С. 17—36.
[2] Sümer F. Oguzlar (Türkmenler). Ankara, 1972, С. 60.
[3] Гордлевский В. Указ. раб. С. 45.
[4] Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная рыца-

лее позднего происхождения. А древнее искусство изготовления самых красивых ковров, красной шелковой ткани «кетени», выращивания знаменитых коней туркмены пронесли через века и сохранили до настоящего времени.

В туркменских преданиях этнониму «бечен» почти всегда сопутствует презрительный эпитет «ит» («собака»). Эта деталь отражает неприязненное отношение к печенегам, возникшее в период длительной борьбы огузов с ними. Эпитет «ит» встречаем в преданиях, приведенных в работах Абульгази. Эта борьба двух племенных союзов была очень близкой туркменам, входившим в состав огузов.

Согласно преданиям, племена ит бечен жили где-то за Бухарой, там, где потом жили узбеки. В связи с этим информаторы часто отождествляют их то с узбеками, то с казахами, то с каким-то другим народом дешти-кипчакской группы. «Страна Ит Бечен» находилась по соседству со страной туркмен, и нередко предводители туркмен приезжали сюда в поисках невесты или для того, чтобы увезти женщин.

Сохранение в этом цикле преданий подробных сведений об огузско-печенежских отношениях в раннем средневековье являются наглядным примером того, как народная память, выраженная в преданиях, бережно и в течение очень длительного времени хранит важнейшие реальные события истории. Сохранение кратких сведений об этом в письменных источниках, служивших нам в данном случае контрольно-сравнительным источником, бесспорно убеждает в том, что народные генеалогические предания могут стать важнейшим историко-этнографическим первоисточником.

Этногенетические предания в сочетании с другими источниками позволяют определить с относительной достоверностью ареалы расселения туркменских племен в раннем средневековье, говорить об общности и формировании их языка, о форме старотуркменского языка[1], социально-экономических положениях, межплемен-

[1] Близость средневекового туркмено-огузского языка с современным туркменским в сравнительно историческом плане была специально изучена туркменскими лингвистами. См.: Ахаллы С. Махмуд Кашгарынын сөзлүги ве туркмен дили (Словарь М. Кашгарского и туркменский язык). Ашгабат: АН ТССР, 1958.

ский филолог З. Б. Мухаммедова[1] и турецкий историк Ф. Сюмер. По данным Ф. Сюмера, племя печенеги в X—XI в. играло большую роль в политической жизни княжеств, расположенных в Причерноморье на Балканах. Села и местности под названием «Бедженек» встречаются и теперь в Анкарском вилайете»[2].

В. Гордлевский отметил, что на территории Анкарского вилайета жили 17 из 24 огузских племен, в том числе и печенеги[3].

В книге Марко Поло (в переводе известного востоковеда И. П. Минаева (1840—1889) приводятся следующие чрезвычайно интересные сообщения о туркменах Малой Азии: «Рассказывали вам о Малой Армении, теперь опишем Туркмению (Турцию)...

В Туркмении три народа: туркмены (турки) чтут Мухаммеда и следуют его закону; люди простые, и язык у них грубый. Живут они в горах и равнинах, повсюду, где знают, что есть привольные пастбища, так как занимаются скотоводством. Водятся здесь, скажу вам, добрые туркменские лошади и хорошие, дорогие мулы; есть тут еще армяне и греки, живут вперемежку по городам и городищам; занимаются они торговлею и ремеслами.

Возделываются тут, знаете, самые тонкие и красивые в свете ковры, а также ткутся отменные, богатые материи красного и другого цвета, много и других вещей изготовляется здесь»[4].

Речь здесь, безусловно, идет о территории современной Турции. Переводчик и некоторые комментаторы XIX—XX вв. исходя из этого факта считали целесообразным рядом с названием «Туркмения» и «туркмены» добавить к ним в скобках и название «Турция» и «турки». Это не соответствует действительности. Сведения Марко Поло достоверно подтверждают, что на территории современной Турции в XI—XIII вв. в основном жили туркмено-огузские племена и страна эта действительно называлась «Туркменией», а ее жители — туркменами. «Турция» и «турки» являются названиями бо-

---

[1] Мухаммедова З. Б. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. Ашхабад: Ылым, 1973. С. 17—36.

[2] Sümer F. Oguzlar (Türkmenler). Ankara, 1972, С. 60.

[3] Гордлевский В. Указ. раб. С. 45.

[4] Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. Алма-Ата, 1990. С. 49—50.

лее позднего происхождения. А древнее искусство изготовления самых красивых ковров, красной шелковой ткани «кетени», выращивания знаменитых коней туркмены пронесли через века и сохранили до настоящего времени.

В туркменских преданиях этнониму «бечен» почти всегда сопутствует презрительный эпитет «ит» («собака»). Эта деталь отражает неприязненное отношение к печенегам, возникшее в период длительной борьбы огузов с ними. Эпитет «ит» встречаем в преданиях, приведенных в работах Абульгази. Эта борьба двух племенных союзов была очень близкой туркменам, входившим в состав огузов.

Согласно преданиям, племена ит бечен жили где-то за Бухарой, там, где потом жили узбеки. В связи с этим информаторы часто отождествляют их то с узбеками, то с казахами, то с каким-то другим народом дештикипчакской группы. «Страна Ит Бечен» находилась по соседству со страной туркмен, и нередко предводители туркмен приезжали сюда в поисках невесты или для того, чтобы увезти женщин.

Сохранение в этом цикле преданий подробных сведений об огузско-печенежских отношениях в раннем средневековье являются наглядным примером того, как народная память, выраженная в преданиях, бережно и в течение очень длительного времени хранит важнейшие реальные события истории. Сохранение кратких сведений об этом в письменных источниках, служивших нам в данном случае контрольно-сравнительным источником, бесспорно убеждает в том, что народные генеалогические предания могут стать важнейшим историко-этнографическим первоисточником.

Этногенетические предания в сочетании с другими источниками позволяют определить с относительной достоверностью ареалы расселения туркменских племен в раннем средневековье, говорить об общности и формировании их языка, о форме старотуркменского языка[1], социально-экономических положениях, межплемен-

[1] Близость средневекового туркмено-огузского языка с современным туркменским в сравнительно историческом плане была специально изучена туркменскими лингвистами. См.: Аталлы Ш. Махмуд Кашгарынын сөзлүги ве туркмен дили (Словарь М. Кашгарского и туркменский язык). Ашгабат: АН ТССР, 1958.

ных и межэтнических связях и т. п., которые являются важнейшими условиями в процессе формирования туркменской народности.

Об условиях образования племенных союзов и других типов этнических общностей Ф. Энгельс писал: «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делает необходимым даже и слияние их»[1].

Историко-сопоставительный анализ преданий о туркменах салырского племенного союза позволяет придти к важным выводам по некоторым существенным вопросам истории Туркменской ССР. Это, в частности, вопрос о времени складывания и образования средневековой туркменской народности. Наши материалы в целом подтверждают мнение Т. А. Жданко о том, что «узловыми историческими периодами формирования этнического ядра... были для туркмен западно-огузские политические объединения XI—XII вв.»[2]. Следовательно, наши материалы косвенно говорят о складывании ядра туркменского средневекового этноса в раннем средневековье. Аналогичные процессы происходили и у некоторых соседних народов. Так, например, по мнению Т. А. Жданко и других исследователей, печенежско-огузский союз был «той этнической средой, в которой началось формирование каракалпакской народности»[3].

Л. С. Толстова считает: что «... узловой этап каракалпакского этногенеза... приходится на время огузо-печенежских племенных объединений IX—XI вв., сложившихся на базе ... местного населения»[4]. По этому поводу у нас имеются следующие соображения.

Согласно преданиям, туркмены салырского племенного союза составляли единую политическую и этническую общность. Объединяющим звеном для них слу-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 21. С. 165.

[2] Жданко Т. А. Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане (XIX — нач. XX в.) // Расы и народы. Вып. 4. М., 1974. С. 13—14.

[3] Жданко Т. А. О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир. С. 164.

[4] Толстова Л. С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа//Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 143.

жил общий их предводитель Салыр Казан, одинаково почитаемый всеми туркменами. Такое понятие, по нашему мнению, могло возникнуть только на реальной почве, основанной на том, что Салыр Казан возглавил крупную этническую общность туркмен-огузов в период их борьбы с племенами печенежского союза.

Салырский племенной союз состоял из осколков самых различных племен, территориально-локальных групп туркмен, объединявшихся для отражения нашествий соседних феодальных государств. Союз был пестрым по происхождению, хотя костяк его составляли средневековые туркмены-огузы (салыры, каркыны, эрсары, емрели и другие племена, ставшие к тому времени второстепенными племенами), туркменские племена, образовавшиеся в результате синтеза древних местных племен с ранними тюркскими племенами, проникавшими в Туркмению во время I-го Тюркского Каганата в VI в. (йомуды, текинцы), а также туркменскими племенами, образовавшимися из сравнительно поздних тюркоязычных выходцев Центральной Азии.

Во все периоды существования союза (по нашему предположению, в XV—XVI вв.) главенствующую роль в нем, как и в соседнем човдурском племенном союзе туркмен, играли племена, вышедшие из туркмено-огузской среды.

Свои выводы хотелось бы завершить следующим классическим определением племенных федераций подобных типов, данным Ф. Энгельсом: «Однако в отдельных местностях первоначально родственные, но впоследствии разобщенные племена сплачивались в постоянные союзы, делая таким образом, первый шаг к образованию нации»[1].

ГЛАВА III

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ТУРКМЕН В XVI—XIX вв.

Раздел I. Салыры

Расселение. Туркмены-салыры ведут происхождение от древнего туркменского племени, занимавшего особое

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 95.

место в средневековой огузо-туркменской среде. В источниках XVI—XIX вв. они упоминаются в составе населения Северо-Западного Туркменистана, где возглавили салырский племенной союз.

Согласно археолого-этнографическим данным, собранным нами на полуострове Мангышлак и прилегающих к нему районах в 1959 и 1962 гг., и письменным источникам, последними из этого района ушли эрсарицы и салыры. Надгробные камни на кладбищах и стены мечети и мавзолеев с изображениями племенных знаков салыров встречались здесь повсеместно, начиная от поселка Чагыл (Красноводский район) до полуострова Бузачи (Казахская ССР) на севере. Салырская тамга, по словам Абульгази, изображала гусиную лапу («газаяк»)[1]. Однако этот знак был очень популярен у населения этого района и встречался и у туркмен-йомудов, входивших в племенной союз салыров, а также у текинцев, живших в Центральных Каракумах (в Дарвазе), у нуратинских туркмен (в Самаркандской области)[2]. Этот племенной знак был позаимствован позднее казахами-адайцами, заселившими Северо-Западный Прикаспий в XVIII—XIX вв. Он попал в их среду с родовой группой туркмен-адайцев, появившихся у казахов, контактировавших с туркменами.

300 лет тому назад на Мангышлаке вместе с салырами жили сарыки, баяты, эрсары, эрек, эски и кайы. О пребывании салыров на Мангышлаке свидетельствуют этнографические и архивные материалы, труды Абульгази Бахадур-хана. Среди потомков салыров в Серахсе и Ходжамбасском районе нами записаны многочисленные предания о жизни салыров на Мангышлаке.

Согласно седжре туркмен, найденной в Западном Туркменистане, 300—400 лет тому назад на Мангышлаке жили по соседству туркмены-салыры и човдуры. Они долгое время жили в мире и добром согласии, но впоследствии между ними возникли разногласия, видимо, из-за обладания пастбищными угодьями и колодцами. Салыры тогда были малочисленными и в конце

[1] Подробно об этом см. нашу статью: Джикиев А. К истории расселения... С. 3—20; Поляков С. П. Этническая история населения Северо-Западной Туркмении. М., МГУ, 1969.

[2] Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929. С. 19.

концов вынуждены были уйти из Мангышлака в Юго-Восточный Туркменистан[1]. Это событие косвенно подтверждается архивными материалами. Например, в дневнике астраханского купца Степана Бахмурова, вернувшегося из Мангышлака в 1645 г., говорится: «... туркмены, кочевавшие в эти годы на Мангышлаке, разделялись как бы на два поколения или рода: салыр, живших вблизи Караганской пристани, и човдур, отстоявших от них кочевьями в двух днях степной езды и расположившихся около Кабаклинского пристанища»[2]. Из этого краткого текста, однако, трудно определить, кого С. Бахмуров имеет в виду под названием «салыр» и «човдур». По всей видимости, он подразумевает два племенных союза туркмен, память о которых еще сохранилась до середины XVII в. О пребывании салыров на Мангышлаке говорят и топонимические названия (например, колодец Караманлы)[3]. Здесь салыры в основном занимались скотоводством и в незначительной степени—земледелием.

Лишь в начале XVIII в. начинают появляться сведения о салырах в пределах Хивинского ханства[4]. Можно предположить, что основная их масса ушла в Хиву, а незначительная часть была ассимилирована йомудами. Этнографические исследования в Западном Туркменистане выявили, что там в дореволюционное время сохранялись группы салыров и эрсаринцев. В Серахсе записано много преданий и исторических рассказов о жизни салыров в Хивинском ханстве и особенно в Куня-Ургенче, у крепости Акджа-Кала, когда во главе их стоял вождь по имени Тенек, и их взаимоотношениях с йомудами[5]. Многочисленные варианты этого предания отражают и события в XVIII—начале XIX в. в преде-

---

[1] Седжре в настоящее время хранится в рукописном фонде ИЯ и Л им. Мэхтумкули АН ТССР. Инв. № 1040.

[2] Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI—XVII вв. // Материалы по истории Узбекской ССР, Туркменской ССР, Таджикской ССР (МИУТТ). М., 1940. С. 75.

[3] Караван — название одного из 3 крупных делений салыров.

[4] Об этом подробно см.: Марков Г. Е. Очерк формирования населения Северного Туркменистана. М., 1961.

[5] Интересные историко-этнографические сведения о взаимоотношениях салыров с йомудами содержатся в статье Г. П. Васильевой: К истории туркменского населения западных районов Ташаузской области // Труды ИИАЭ. Т. 7. Ашхабад, 1963.

лах Хивинского и Бухарского ханств. В Хивинском оазисе салыры жили первоначально на окраинах. Здесь их интересы столкнулись с интересами живших там йомудов. Последние, судя по преданию, были многочисленными, смотрели на них как на пришельцев и ущемляли их права. Эти разногласия туркмен были на руку хану и использованы им для подавления восстаний йомудов в 1768—1769 гг.

В преданиии рассказывается о переселении салыров из Хивы в пределы Бухарского эмирата. Оттуда их группа ушла в Серахс, а другая осталась на Амударье, расселившись разрозненно. В преданиии неоднократно упоминается популярный у туркмен напиток кумыс (гымыз), рассказывается о разведении двугорбых верблюдов «айры», о грозном оружии — «желтом луке» и т. д. Одни салыры в пределах Бухарского эмирата поселились на правобережье Амударьи и поступили на военную службу к эмиру, другие после непродолжительного пребывания здесь переселились в Мургабский оазис[1], где в то время жили сарыки.

Вскоре салыры перекочевали в Серахс, где тогда было много свободных и плодородных земель. По совету влиятельного и знатного старшины Гутламет Сопы салыры первоначально расселились вокруг крепости Старый Серахс. Они жили мирно и зажиточно, но вскоре были разгромлены войсками наместника шаха и спешно переселились в Иолотань, Кара-Тепе, Чакмаклы и другие места.

По подсчетам Г. И. Карпова и П. Б.Арбекова, первое переселение салыров в Серахс произошло около 1780 г., а из Хивы — во второй половине XVIII в.

Во время разделения салыров на Амударье большая их часть осталась в пределах Бухары. Их потомки ныне разрозненно живут в Алатском и Каракульском районах Узбекской ССР и почти во всех районах Чарджоуской области ТССР. Компактно их небольшая группа под названием «кырк өйли» живет в Ходжамбасском районе. Большинство приамударьинских салыров, по материалам Я. Р. Виникова, относило себя к одному из трех крупных подразделений салыров — кичнага.

[1] Подробно об этом см.: Джикиев А. К истории расселения... С. 9—21; Карпов Г. И. и Арбеков П. Б. Салыры (салоры) // Туркменоведение. 1930. № 6—7. С. 26.

По сообщению Дж. Фрезера, племена Салыр Казана (или салыры) к 1822 г. населяли не только левобережье Амударьи (у него Оксус), но и правый берег реки, расселяясь по всему Мавереннахру и к северо-востоку от него вплоть до Китая. Он упоминает также салыров, живших около Бухары, Фрезер писал также, что около Серахса живут туркмены и узбеки[1].

К 1832 г. были получены точные данные о нахождении салыров в Серахсе. Так, А. Борнс, проезжавший через Мургабский оазис и Серахс из Бухары в Иран в 1831—1832 гг., писал: «Чарак (искаженный в переводе с английского языка на русский Серахс. — А. Д.) есть место пребывания туркмен салорских, благопристойнейших из всего народа. Тут водворено 2000 семейств, которые в случае нужды могут выставить в поле такое же число лошадей самой лучшей крови... Они оказывают притворное и слабое повиновение как Ургенджу, так и Персии, одна только грозящая сила держит их в подчиненности»[2].

Уже через год после посещения А. Борнсом салыры, по сообщению Н. Петрусевича, в 1833 г. были разгромлены за свои грабежи Аббас-Мирзою... и убежали в урочище Юлентау[3]. Но к 1855 г., когда текинцы вытеснили сарыков из Мерва, последние, в свою очередь, начали вытеснять салыров из Пендинского оазиса. Часть их по-прежнему проживала среди текинцев Мерва, а основная масса салыров к 1858 г. «... откочевала с разрешения персидских властей к Зурабаду... после двенадцатилетнего пребывания здесь салыры стали проситься на правый берег Герируда, к старому Серахсу. Персы согласились, но требовали, чтобы салыры приняли на себя содержание кордона для защиты персидской границы от сарыков и мервцев»[4]. Согласно этнографическим данным какая-то группа салыров еще в середине прошлого века жила в Иолотани.

Однако жизнь в Серахсе и на этот раз была неспо-

[1] Frazer I. B. Narrative of a jorney into Khorasan. London, 1825. C. 245.

[2] Борнс А. Путешествие в Бухару. М., 1850. Ч. 3. С. 73.

[3] Петрусевич Н. Г. Туркмены между старым руслом Амударьи (Узбоем) и северными окраинами Персии // Записки кавк. отд. РГО. Кн. 11. Вып. 1. Тифлис, 1880. С. 26.

[4] Лессар П. М. Юго-Западная Туркмения (земли сарыков и салоров). Спб., 1855. С. 56.

кочной. Салыров своими набегами часто беспокоили текинцы, которые затем значительную их часть насильно переселили в Мургабский оазис, при этом во избежание недовольства «расселяли их между своими родами незначительными группами в 10—20 семейств»[1].

К 1880—1881 гг. в Мерве было около 400 кибиток салыров. Кроме того, около 1000 семейств салыров, живших среди сарыков, кочевало по Мургабу[2].

Во второй половине XIX в. среди салыров выделяется энергичная личность — Теке-хан. Он пользовался большим авторитетом среди салыров и играл важную роль в объединении всех разрозненных групп салыров в Серахсе. По словам информаторов, он был в хороших отношениях с предводителем текинцев — Коушут-ханом.

Последнее переселение салыров в Серахс произошло, по словам информаторов, за год до Геоктепинской битвы (январь 1881 г.), то есть в 1880 году. Первоначально салыры жили бедно. В Серахс постепенно собрались все салыры из Мары, Иолотани, Зурабада и других мест. Затем они стали заниматься земледелием, скотоводством. Теке-хан стал крупным феодалом, владельцем многих стад и водных источников. Присоединение Серахского оазиса к России в 1884 г. обеспечило салырам мирную жизнь, их хан перешел на службу к русской колониальной администрации в чине майора милиции.

В XVI—XIX вв. салыры расселялись на огромной территории. Их поселения появились в Китайском Туркестане (салары), в Афганистане, Иране, Турции и других странах. На территории Туркменской ССР потомки салыров проживают в приамударьинских районах, компактно в Серахском и Ходжамбасском районах.

В конце XIX — начале XX вв. у салыров Серахса еще сохранялись пережитки родоплеменных делений. В отличие от других туркмен, у которых каждое племя состояло из двух крупных делений (теке, йомуды, емрели, гоклены и др.), салыры Серахса делились на три крупных подразделения: караман, яловач и кичи-ага. Они дословно назывались «материнскими», то есть ос-

---

[1] Петрусевич Н. Г. Указ. раб. С. 31.

[2] Лессар П. М. Путь из Асхабада в Герату (1882 г.) // Сб. геогр., топогр. и стат. мат-лов по Азии. Вып. 6. Спб., 1882. С. 35.

новными делениями («Эне болеклер»). Каждое из них, в свою очередь, состояло из 7 родов и называлось «еди уруг». Салырские родовые группы (как и у других туркмен) по их происхождению можно разделить на несколько категорий.

1. Наиболее древние роды, берущие свое начало, вероятно, в раннем средневековье или от огузского периода и входившие в состав ранних салыров.

2. Роды, образовавшиеся в период жизни салыров в соседстве с другими туркменскими племенами и имеющие общее происхождение с последними. (В них входили представители туркменских племен и других народов, которые встречались им на пути передвижения и вошли в их состав).

3. Роды или группы людей, образовавшиеся с учетом хозяйственной деятельности и социального происхождения и названные по роду занятий.

4. И, наконец, группы, носившие имена своих влиятельных родоначальников, возникшие в более позднее время и напоминающие по своим признакам так называемую патронимию (т. е. группу родственных семей, имевших одного патриарха — «главу», отца).

Из салырских подразделений самыми крупными и древними считались караманы. По преданию, они были потомками старшего сына Салыр Казана, средним и младшим сыновьями были Яловач и Кичи-ага. Самым младшим считался «приемный сын» Салыр Казана — Алам. Его потомки позднее (в Серахсе) вошли в состав караманов на правах одного из их семи родов. О караманах имеются некоторые сведения и в письменных источниках.

Сведения Абульгази о том, что в результате вражды между огузами часть из них — имир, дукер, игдир, човулдур, каркын, салор и агар во главе с Кылк-беком, Казан-беком, Караман-беком ушла на запад[1], подтверждаются полевыми этнографическими материалами. Предания, рассказывающие о переселении со Средней и Нижней Сырдарьи на запад указанных огузских племен, вошедших позднее целиком почти в состав туркменского народа, записаны в 1947 году в Каракалпа-

[1] Абульгази. Родословная туркмен... С. 68.

кин Т. А. Жданко[1], Г. П. Васильевой и К. Ниязклычевым, нами—у човдуров в Калининском районе в 1955 г. и у абдалов — в Форт-Шевченковском районе в 1959 г. (Мангышлакский п/остров Казахской ССР)[2]. Сведения, близкие им, были записаны и в провинции Синьцзянь (КНР) Э. Р. Тенишевым (Институт языкознания АН СССР). В преданиях, записанных у човдуров и абдалов, рассказывается о вражде между братьями Акманом и Караманом с их духовным наставником Ходжа Ахмедом Асавы, о том, как они после его проклятия превратились в собак и стали пожирать своих сородичей, заставив их бежать на запад, в сторону Хивы и Мангышлака.

Различные варианты этих преданий записаны среди потомков човдуров и эрсаринцев на Амударье. Предание об Акмане и Карамане в начале 70-х годов XIX в. записано у нуратинских туркмен, в начале XX в. — Р. Карутцем среди мангышлакских туркмен. Все варианты преданий имеют чрезвычайно большое значение для изучения этнической истории туркмен.

В различных вариантах предания говорится об уходе туркмен из Туркестана еще при жизни мусульманского миссионера Ходжа Ахмеда Ясавы, что соответствует середине XII в. «Источники называют дату смерти Ахмеда Ясавы — 562 г. Хиджри (XIII в.). Существует ряд упоминаний о том, что он прожил 130 лет»[3].

Известный тюрколог Э. Р. Тенишев, живший в начале 60-х гг. среди саларов Синьцзяна, изучил их язык, собирал среди них исторические предания. Сопоставив эти данные с материалами, собранными нами среди салыров, мангышлакских и северных туркмен, мы считаем, что салыры Туркменистана и салары (КНР) имеют общее происхождение, хотя некоторые лингвисты относят последних к самостоятельной ветви тюркских языков. У абдалов Мангышлака и човдуров Северного

---

[1] Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса // Археологические и этнографические работы. Хорезмской экспедиции 1945—1949 гг. Т. I. М., 1952. С. 480—481. Ее же. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950.

[2] Подробно см. нашу статью: Джикиев А. Материалы по этнографии мангышлакских туркмен. С. 198—199.

[3] Боровков А. К. Очерки по истории узбекского языка // Советское востоковедение. 1933. Т. 5. С. 229.

Туркменистана нами записаны предания о жизни братьев Акмана и Караманга в Туркестане, где духовным их наставником был Ходжа Ахмед Ясавы (XII в.), об их ссорах с ним и переселении на Запад и Юг. Следующие предания почти аналогичного содержания были записаны и Э. Р. Тенишевым у саларов.

Первое предание гласит:

«В местности Самарканд жили князь Акманг и князь Караманг, каждый из которых претендовал на власть в городе. Однажды мужчина из рода акманг украл чью-то корову. Род акманг, желая отвести свою вину, обвинил в краже род караманг. Оба рода пожаловались правителю (Самарканда). Однако нашелся честный человек из рода акманг, который отыскал вора и принес правителю голову коровы. Род караманг не хотел жить рядом с родом акманг и решил переселиться в другую местность. Так вот салары вроде бы произошли от того старшего сына Караманга, который откочевал»[1].

Интересно и другое предание, которое описывает свадебную верблюжью игру (тие оюны), в ходе исполнения которой в форме диалога между Акманом и Караманом выясняются причины переселения караманов из Самарканда.

Верблюжья игра

Два человека, надев вывернутую шерстью наружу шубу, изображают верблюда. Один из надевших такую шубу изображает Караманга. Опираясь на посох, Караманг ведет верблюда за веревку, продетую в нос животного. Окружающие задают вопросы Караманту:
Вопрос: «Ты откуда пришел?»
Караманг: «Я пришел из Самарканда!»
Вопрос: «Куда же ты ушел?»
Караманг: «Я ушел в Канджа-тангу».
Вопрос: «Что там ел?»
Караманг: «Ел жесткую траву, оставлял орешки».
Вопрос: «Потом куда пошел?»
Караманг: «В Дунгужава».
Вопрос: «Что ел?»

---

[1] Тенишев Э. Р. Саларские тексты. М., 1964. С. 121—122.

Караманг: «Ел жесткую траву, оставил аргал, как ягоды чабуган».
Вопрос: «Затем куда ходил?»
Караманг: «Добрался до Отуздага. Взвесил землю на больших весах... Затем достиг земли саларов».
Вопрос: «Что делал в местности саларов?»
Караманг: «Добрался до источника... Найдя подходящую землю, решил там остаться. Там на юге есть лес, где можно жить..., охотясь и питаясь мясом. На севере протекает река. Можно жить, добывая золото»[1].

Интересные сведения о саларах Синьцзяна сообщает и Г. С. Цибиков, побывавший в Тибете и Китайском Туркестане в 1899—1902 гг. В Тибете он решил «... нанять прибывших сюда китайских татар — саларов из деревни Ламурчжан, находящейся на правом берегу Хуан-хэ, так как исключительно они возят путешествующих между Гумбутом и Лабраном. Эти подрядчики-монополисты имеют постоянно определенную таксу за проезд. Отыскав нанимателей, они взвесят багаж и, получив половинную или полную плату вперед, садят путешественников на лошаков, а сами идут пешими. Постоянно промышляя таким образом, они ежедневно проходят определенные расстояния и ночуют постоянно в одних и тех же постоялых дворах. ... Деревня... называется самими саларами Могол и в ней, как мне рассказывали, вспыхнуло начало последнего дунганского движения в 1893—1894 гг... Район усобицы увеличился, и саларское оружие направилось против иноверных китайцев и амдосцев. Конец смутам положили китайские войска... все же энергичные и крайне трудолюбивые салары начинают снова обзаводиться хозяйством.

Салары говорят между собою по-тюркски, носят костюм, одинаковый с китайцами, лишь шапочки у них отличаются от китайских синим цветом и заостренностью на верхушке, где помещается шарик, сделанный из золотых ниток. Женщины не уродуют, подобно китаянкам, своих ног и носят широкие шаровары навыпуск. Прическа на затылке обыкновенно обвертывается черным платком наподобие конуса.

Салары, по-видимому, усердные приверженцы ислама и среди них достаточно распространена тюркская

[1] Теннишев Э. Р. Саларские тексты... С. 36—37.

грамотность»[1]. Китайский Туркестан был родиной древнетюркских племен. Следовательно, салары после многочисленных миграций в течение многих веков оказались на древней родине своих предков. В связи с этим некоторый интерес представляют и следующие сообщения Марко Поло о населении Кашгарии, то есть Китайского Туркестана: «Чиарчиан область в великой Турции, на северо-восток и восток. Народ-мусульмане... Когда на эту страну нападает враг, народ, забрав жен и детей и весь скот, уходит в пески, за два или за три дня пути, туда, где они знают, что есть вода и можно прожить со скотом. Куда ушли, никак не узнать; дорогу, по которой они шли, ветер заметет песком и не увидеть, где шли люди и скот»[2].

В поселке Гызыл-озень от Сарсан Нурходжаева (туркмен) мы в 1962 г. записали следующее предание.

В Туркестане в старину было 70—100 хозяйств абдалов. Жил там святой по имени Ходжа Ахмед Ясавы. Он собирал дань с абдалов. Среди абдалов жили братья Акман и Караман, которые решили спасти свое племя от непосильного налога. Для этого они надумали зарезать корову, подбросить ее в дом Ходжа Ахмеда и обвинить его в краже.

На следующий день на рассвете оба брата якобы по следу пропавшей коровы пришли к Ходже и сказали ему о своих подозрениях. Ходжа Ахмед, не подозревавший о замыслах братьев, разрешил им осмотреть свой дом и убедиться в его честности. Братья, обнаружив корову у него, обвинили его в краже. Тогда Ходжа Ахмед, разгневавшись, проклял братьев, говоря: «Акманың ак көпек бол. Гараманың гара көпек болуп бири бириң этиңи ий» (пусть Акман превратится в белого пса, а Караман — в черного и подерутся между собой)». Это проклятие святого сбылось. Братья превратились в собак и, вернувшись к народу своему, стали убивать и поедать своих сородичей. Абдалы вынуждены были бежать, ежедневно оставляя преследовавшим их собакам одну связанную девушку.

Когда очередь дошла до девушки по имени Донгаджа, то ее брат, не желая мириться с этим, решил убить

[1] Цибиков Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Петроград, 1919. С. 37—39.

[2] Книга Марко Поло... С. 71—72.

собак. Для этого он прибегнул к хитрости: связав сестру, оставил ее на дороге, а сам устроил засаду. Едва псы приблизились к девушке, он, пустив стрелу из лука, убил их. И ныне на пути в Хиву имеются местности, носящие названия Донгаджа и Гапаклы в память об этих событиях.

Итак, уход родов акман и караман из Сырдарьи произошел вслед за массовым передвижением сельджукидов в XI в., вероятно, в конце XII в. После ухода основной массы огузов туркмены на Сырдарье оказались в меньшинстве и в окружении тюрков дешт-кипчакской группы были вынуждены последовать за своими соплеменниками на запад. Поскольку это переселение произошло в период жизни Ходжа Ахмеда, причину своего ухода туркмены связывали с его именем, с тяжелыми налогами и т. д.

Атинский вариант предания, значительно отличающийся от предыдущих, записан Т. Елдашевым от информатора Якуба Иламанова, живущего в колхозе им. М. Горького Турткульского района Кара-Калпакской АССР:

«В старые времена в Узбекистане жил человек по имени Ходжа Ахмед Ясавы. Он был мудрым и образованным человеком, открыл медресе. Учиться приезжали к нему люди со многих мест. Среди них были и два человека — Хеким и Хесен из Турции (возможно из Туркестана). Они отличались от других учеников своими способностями, примерным поведением и заслужили особое уважение Ходжа. Другим ученикам сопы Ходжа это не понравилось, и они искали случая скомпрометировать Хекима и Хесена. Сопы начали распространять ложные слухи о Хекиме и Хесене. Узнал об этом и Ходжа. Однажды он собрал в юрту всех учеников и обратился к ним со словами: «Вот эту палку («пишек») сейчас я выброшу через дымоход в юрте. Хочу знать, кто из вас окажется более ловким, первым найдет палку и принесет ее мне». Сказав это, он выбросил ее, все ученики выбежали из юрты и стали искать. Но Хеким не последовал их примеру и сидел неподвижно перед Ходжа. Тогда Ходжа спросил у него, почему он не стал искать палку. Хеким ответил, что палка полетела так далеко, что дойти до нее пешком невозможно и просил Ходжа дать ему осла или верблюда

(«улаг»). Хеким, взяв в помощники двух сопы, отправился в путь, через несколько дней нашел палку и доставил ее Ходжа Ахмеду. За находчивость и сообразительность Ходжа назвал Хекима «гозли», то есть дальновидным, прозорливым, добавив к слову гозли слово «ата», означающее уважительное отношение. С тех пор считается, что атинцы рода гозли ата являются потомками Хекима. Ходжа сказал еще, что он дарит Хекиму и Хесену землю, на которых они нашли палку, и благословил их. Эти земли находились у Балханских гор».

Эти предания о взаимоотношениях салыров, човдуров, эрсары, абдалов и других туркмен с туркменским святым Ходжа Ахмедом интересны упоминанием в них салыров-караманов, о которых есть сведения в трудах Абульгази.

Главной причиной ухода части огузов (в том числе и салыров во главе с Караман-беком) на запад, по нашему мнению, был протест против непосильных налогов, налагаемых мусульманским духовенством во главе с Ходжа Ахмедом Ясавы. Но его «проклятия» долго сохранялись в памяти их потомков, чему значительно способствовали лишения и трудности на пути их передвижения, причину которых они видели в этом. Салырский вариант этого предания пока не записан.

Ко времени жизни на Сырдарье, вероятно, относится и легенда, которая рассказывает о том, как одна женщина из салыров родила мальчика в мечети и этим осквернила ее. Мальчик был отдан на воспитание собаке, отчего впоследствии потомков его будто бы стали называть йомудами. Как известно, волк и собака были тотемными животными у древних тюрок, от которых у их поздних потомков сохранились реликты почитания этих животных. Этим и объясняется популярность культа этих животных у туркмен.

Все эти «проклятые» святыми туркмены, то есть човдуры, абдалы и салыры, были в числе ушедших на запад (Мангышлак) огузов. Аналогичное этому предание известно и каракалпакам, в этногенезе которых огузы сыграли значительную роль. О близких этнических связях в прошлом салыров с каракалпаками свидетельствует также легенда, согласно которой Салыр Казан по совету своего отца Алп-ата (и с разрешения владе-

теля Хивы Чингиз-бека) женится на каракалпачке и то, что салыры являются «племянниками» каракалпаков по материнской линии. В этой связи было бы не лишне упомянуть о том, что, по преданиям, жена одного из ушедших на запад огузов была каракалпачкой[1].

Как известно, салыры и племена човдурского объединения жили по соседству в Хорезмском оазисе и на Мангышлаке, где в Караманлы есть колодец с таким же названием. Немногочисленная тюркоязычная группа под названием караманлы проживает около города Кайсера в Турции и занимается сельским хозяйством[2].

По сообщениям А. А. Марущенко и С. Г. Агаджанова, на Сырдарье, в селе Шаш-Тюбе, живут туркмены-акманы, которые, вероятно, являются потомками описанных туркмен. Более того, предания об Акмане и Карамане бытовали среди нуратинских туркмен, где, по словам наших информаторов из Ходжамбаса, жила часть салыров. Потомки акманов ныне живут на Сырдарье и известны под тем же названием. По языку, одежде и занятиям (земледелие) они мало отличаются от узбеков. Но они длинноголовы, за что узбеки и казахи называют их «тыквоголовыми» («чакчабас») туркменами. Их считают исконными обитателями этих мест. Именно эти туркмены построили когда-то многочисленные ирригационные сооружения в низовьях Сырдарьи.

Часть салыров-караманов ушла в Мангышлак, а другая незначительная часть (караманы и акманы) переселилась в Нурата, вблизи Самарканда, где их потомки проживают и поныне. Оттуда основная их масса ушла в Китайский Туркестан.

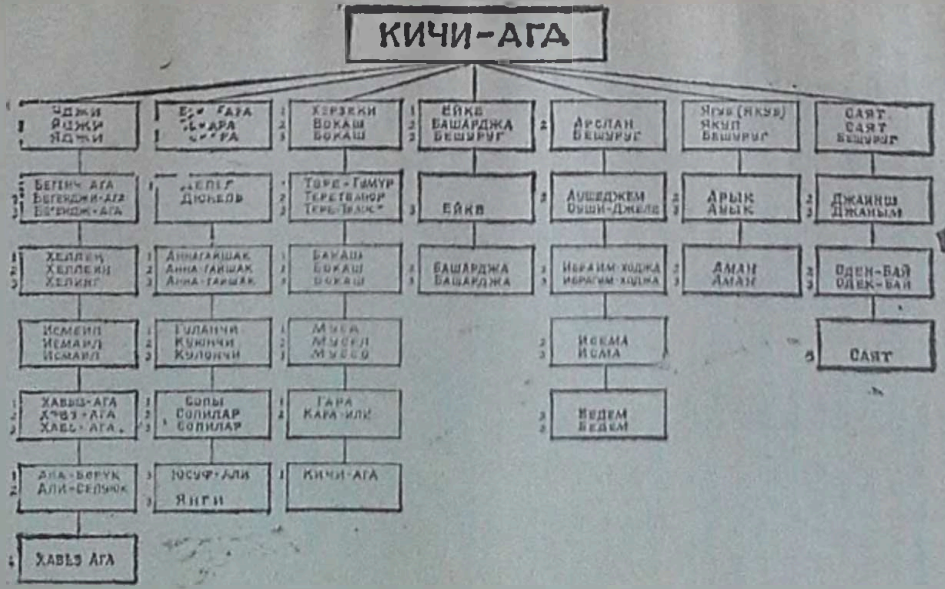
В дореволюционной литературе есть сведения о том, что у туркмен Нурата была группа газаяклы. Часть салыров-газаяклы в силу ряда причин ушла далеко на восток[3]. По нашему мнению, которое совпадает с мнением Э. Р. Тенишева, салары, живущие в Китайском Туркестане, являются потомками акманов и караманов, ушедших из Нурата.

Таким образом, рассказы о караманах, которые составляли самое большое подразделение (одно из 3) серахских салыров, популярны не только среди послед-

[1] Жданко Т. А. Указ. раб. С. 480.

[2] Народы зарубежной Европы // Этнографические очерки. Т. 1. 1964. С. 902—903.

[3] Тенишев Э. Р. Указ. раб. С. 7—8.



Родоплеменное деление салыров кичи ага:
1—полевые записи; 2—данные Штернберга, 3—данные Е. И. Корсова

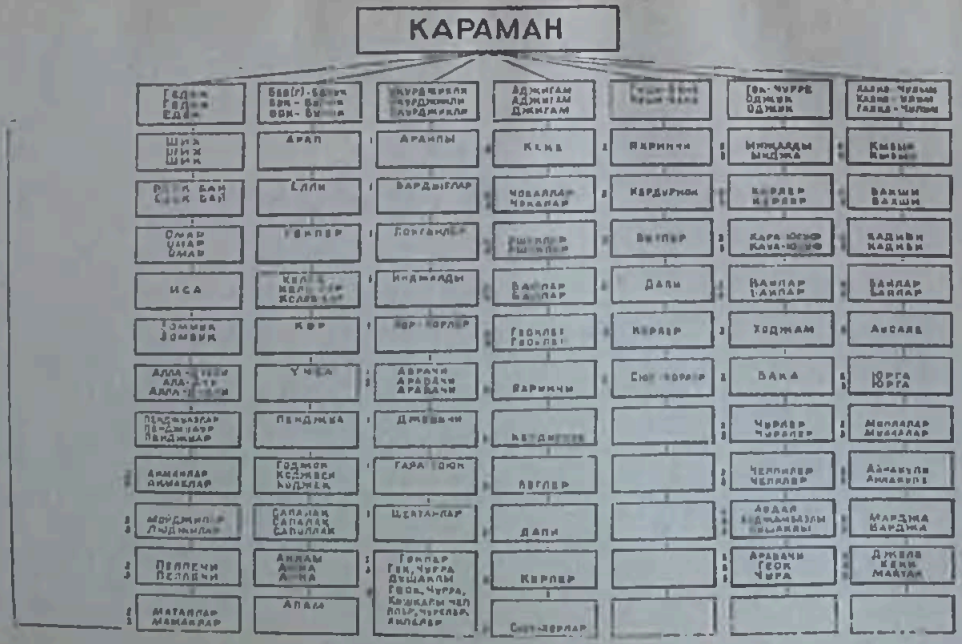
них, но и у саларов Китайского Туркестана и туркмен-човдуров и абдалов, живших с ними в соседстве «в стране Ходжа Ахмеда Ясавы». Безусловно, что салыры и салары имеют общее происхождение. Как сильное и могущественное племя, оно формировалось еще в X—XII вв. Впоследствии же судьба салыров и саларов оказалась различной, а это не могло не отразиться на их бытовом укладе. Подтверждением их общего корня служат не только созвучие этнонимов «салар» и «салыр», но и лингвистические данные, собранные М. Атаджановым и Э. Р. Тенишевым среди салыров Серахса и саларов в Синьцзяне. Кстати, у серахских салыров вместе с самоназванием «салыр» бытует также и «салар».

По народной этимологии этноним «салыр» происходит от слова «салар», восходя к корню «салмак» (бросить). Якобы в старину кто-то сказал им: «Вы ни с чем не будете считаться и броните в своих врагов все, что попадется вам под руки». С тех пор их будто бы стали называть салырами.

Предание, в котором рассказывается о жизни туркмен в Туркестане, записано также Г. Е. Марковым у северных йомудов[1], входивших до XVI в. в салырское объединение племен. По народной этимологии, название «караман» происходит от имени старшего сына Салыр Казана Карамана. В Ходжамбасе нам рассказывали, что караман происходит от слова «гараджа», означающего «черные люди», то есть простонародье. Согласно этнографическим материалам из Серахса, многие семейства караманов (еще лет 40—50 тому назад) прибыли в Серахс из Дарган-Ата и нашли там своих родственников (кстати, около Дарган-Ата, в местности Дуе Боюн, на надгробных камнях имеются изображения тамги салыров — «гусиные лапки»).

Одним из ранних салырских родов был яйджи, или йайчи, потомки которых живут в Серахсе и на среднем течении Амударьи. По сообщениям Абульгази, у Огурджика (т. е. Салор Огурджика) было 6 сыновей, каждые двое из них были близнецами. Имена их таковы: Берды и Бука, Авсар и Кусар, Йаджи и Динглн[2]. И

[1] Марков Г. Е. Очерк истории. С. 75.
[2] Абульгази. Указ. раб... С. 73.



Родоплеменное деление салыров караман:
1—полевые данные, 2—данные Штернберга, 3—данные Г. Н. Карпова

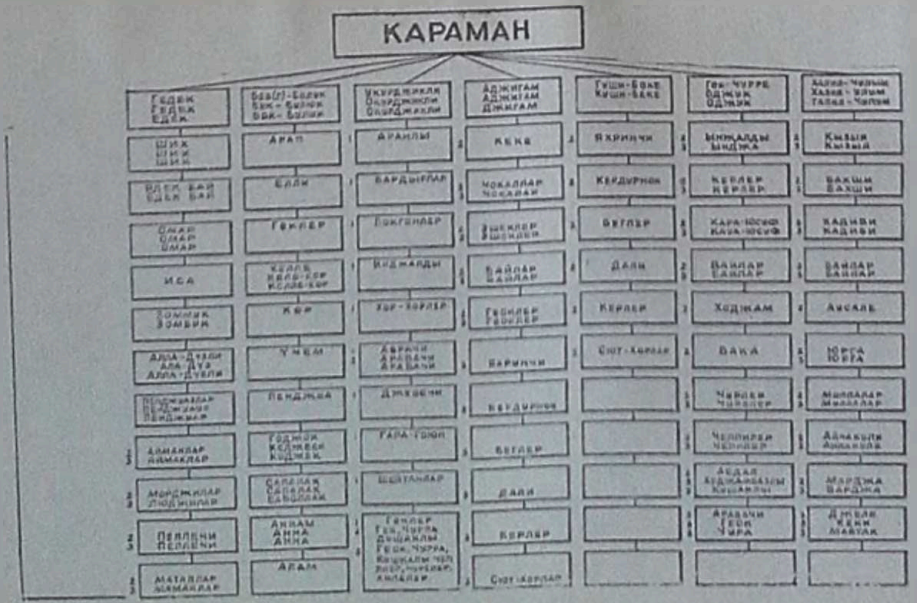
них, но и у саларов Китайского Туркестана и туркмен-човодуров и абдалов, живших с ними в соседстве «в стране Ходжа Ахмеда Ясавы». Безусловно, что салыры и салары имеют общее происхождение. Как сильное и могущественное племя, оно формировалось еще в X—XII вв. Впоследствии же судьба салыров и саларов оказалась различной, а это не могло не отразиться на их бытовом укладе. Подтверждением их общего корня служат не только созвучие этнонимов «салар» и «салыр», но и лингвистические данные, собранные М. Аташджановым и Э. Р. Тенишевым среди салыров Серахса и саларов в Синьцзяне. Кстати, у серахских салыров вместе с самоназванием «салыр» бытует также и «салар».

По народной этимологии этноним «салыр» происходит от слова «салар», восходя к корню «салмак» (бросить). Якобы в старину кто-то сказал им: «Вы ни с чем не будете считаться и бросите в своих врагов все, что попадется вам под руки». С тех пор их будто бы стали называть салырами.

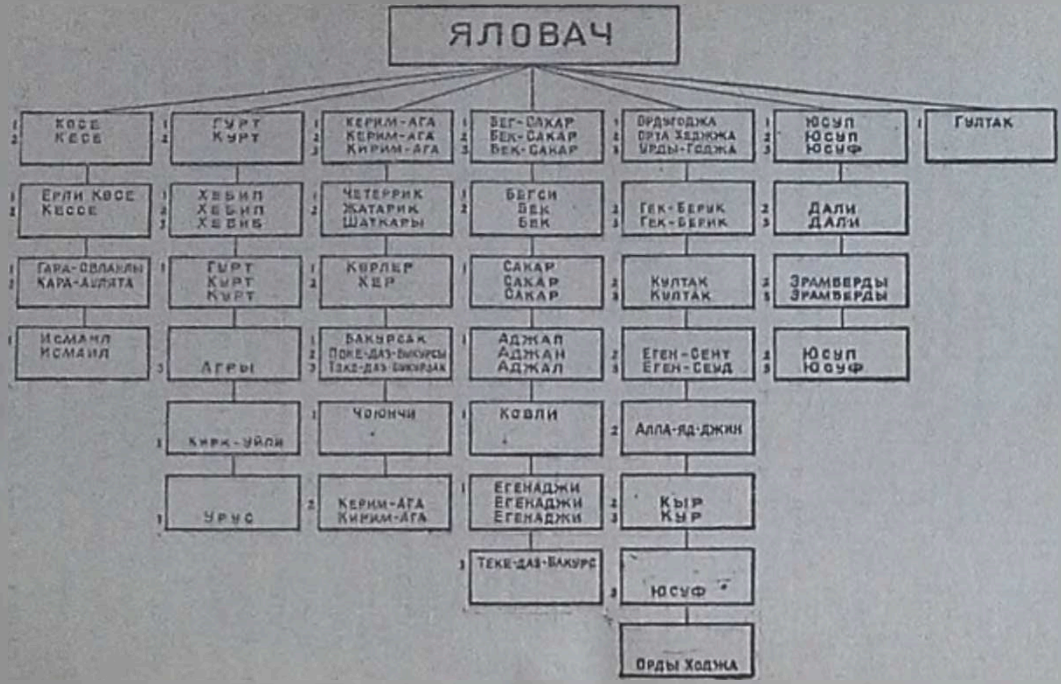
Предание, в котором рассказывается о жизни туркмен в Туркестане, записано также Г. Е. Марковым у северных йомудов[1], входивших до XVI в. в салырское объединение племен. По народной этимологии, название «караман» происходит от имени старшего сына Салыр Казана Карамана. В Ходжамбасе нам рассказывали, что караман происходит от слова «гараджа», означающего «черные люди», то есть простонародье. Согласно этнографическим материалам из Серахса, многие семейства караманов (еще лет 40—50 тому назад) прибыли в Серахс из Дарган-Ата и нашли там своих родственников (кстати, около Дарган-Ата, в местности Дуе Боюн, на надгробных камнях имеются изображения лапки салыров — «гусиные лапки»).

Одним из ранних салырских родов был яйджи, или йайчи, потомки которых живут в Серахсе и на среднем течении Амударьи. По сообщениям Абульгази, у Огурджика (т. е. Салор Огурджика) было 6 сыновей, каждые двое из них были близнецами. Имена их таковы: Берды и Бука, Авсар и Кусар, Йаджи и Динли[2]. И

[1] Марков Г. Е. Очерк истории. С. 75.
[2] Абульгази. Указ. раб... С. 73.



Разновременное деление сыпыров караман:
1—полевые записи, 2—данные Штернберга, 3—данные Г. Н. Карпова



Родоплеменное деление салыров яловач:
1—полевые записи; 2—данные Штернберга; 3—данные Г. И. Карпова

далее он сообщает, что «... потомки йаджи в настоящее время живут на берегу реки Аму, близ Кара-Куля[1], еще и теперь их называют айджи»[2]. Согласно полевым этнографическим данным, собранным Я. Р. Винниковым, в Приамударьинских районах эта группа известна под названием «яйчили» и проживает в Дейнауском и Фарабском районах ТССР[3].

Как видно из сообщений Абульгази, часть йаджи обосновалась в пределах Бухарского эмирата не позднее XVI—XVII вв., то есть значительно раньше, чем другие группы салыров, хотя другая часть йаджи жила среди основной массы салыров и позднее оказалась в составе серахских салыров. В Серахсе она известна под названием яйджи и составляла в прошлом одно из 7 подразделений кичи-ага.

По Абульгази, Яйджи является сыном Салора Огурджика, время жизни которого относится приблизительно к XIV в.

В широко распространенном рассказе о предводителе салыров Теке (XVII в.) рассказывается о «желтом луке» («сары яй») как о грозном боевом оружии. В памяти информаторов сохранились сведения о могучих богатырях, сумевших натягивать крепкую тетиву («кириш») лука, выделанную из голенной жилы верблюда. На рисунках, сохранившихся на туркменских надгробных камнях Мангышлака, почти повсеместно мы встречали изображения лука и стрелы.

Представители рода яйджи, или яйчи, в прошлом были мастерами по изготовлению луков и стрел, которые, судя по археолого-этнографическим материалам, были одним из основных видов оружия у туркмен до появления кремневых ружей, изображения которых, кстати, тоже встречаются на надгробных рисунках.

Этноним «яйджи» происходит не от имени одного из сыновей Салора Огурджика, как об этом на основании туркменских преданий писал Абульгази, а от названия профессии людей, изготовлявших луки и стрелы. В составе серахских яйджи (кичи ага) и косе (яловач),

---

[1] Ныне районный центр в Бухарской области Узбекской ССР.

[2] Абульгази. Указ. раб... С. 74.

[3] Винников Я. Р. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области ТССР и его расселение//Труды ИИАЭ АН ТССР. Т. 6. Ашхабад, 1962. С. 30—31.

было колено исмаил, о котором Абульгази сообщает следующие сведения: «В салорском иле был человек, прозывавшийся Исик (бедняк) Исмаил (родом из салыров). Он ехал откуда-то, видит, Кибитка (ой) Тимур Тогли-хана перекочевывает. Он не торопясь спешился. Когда кочевье прошло, он, думая, что (на месте кибитки) возможно, что-нибудь осталось, пошел к месту, где стояло жилище (юрта) и увидел, что (на том месте, где был) очаг, лежит младенец-мальчик. У Исика не было сына и он решил усыновить (мальчика), дав ему имя Буркас. Весь буркасский ил — его потомки»[1].

Колено исмаил и буркас вошло в состав салыров и в начале XX в. составляло две родовые группы. В подразделении кичи ага (куда входят яджи и исмаил) имеется и колено торе-темур, происхождение которого, возможно, восходит ко времени Тимура.

Несколько иначе сложилась судьба упомянутого выше Буркаса. В составе салыров Серахса была небольшая родовая группа буркас. В составе текинцев тоже было подразделение буркас, которое также входило в салырский ил. По данным письменных источников, роды муса и иса (как и Бахрамшах, т. е. Байрам-Шалы) являются потомками Озли Тимура[2] и, казалось бы, должны были находиться в составе западных йомудов. Но, как ни странно, они впоследствии оказались в составе серахских салыров (муса входил в кичи ага, а иса — в караман). До этого муса был большим племенем, которое делилось на несколько родов и главным из них был муса. Согласно преданию, однажды человек из рода муса убил мужчину из другого сильного рода. Сородичи убитого решили отомстить убийце. Роды, входившие ранее в муса, боясь кровной мести, начали отмежевываться. Первым отошло колено гаравул, состоявшее из 6 кибиток, а затем и садрак, говоря остальным: «Вы являетесь настоящими потомками рода чагатай и должны защищать убийцу сами». Впоследствии настоящий убийца скрылся и преследователи убили единственного сына беззащитной вдовы из этого рода. Так род муса распался на несколько более мелких делений[3].

[1] Абульгази. Указ. раб. С. 74.
[2] Там же. С. 72
[3] Полевые записи автора в Серахском районе. 1959 г.

Здесь налицо ослабление кровно-родственных обязанностей сородичей и факт отмирания священного долга их участия в кровной мести.

Интересен генезис колена ала борикли («пестрошапочники») из рода яйджи. По словам информаторов, значительная группа салыров, в том числе и ала борикли, проживает в Куня-Ургенчском районе. Их называли также ала борукли, значительная их часть проживала в Хиве (то есть в Ташаузе). Еще 50 лет тому назад, бывая в гостях у родственников в Серахсе, они привозили хивинские халаты и торговали ими.

Среди потомков йомудов Тахтинского района бытуют предания о том, что до них там жили ал-борикли, происходящие из племени салыров. Они жили вокруг Ак Сарая (к северо-западу от Газавата). «Поселившись рядом, йомуды установили с ними дружественные отношения и даже породнились. Но один юноша из этого племени, невесту которого выдали замуж за йомуда, убил его, и тогда йомуды стали мстить ал-борикли и вытеснять их. Ал-борикли вынуждены были искать защиты у хивинского хана, который виделил им земли возле Нового Ургенча[1].

Предание, несколько аналогичное этому и широко распространенное у серахских салыров, записано нами в нескольких вариантах. В одном из них рассказывается о том, как салыры жили в отведенной им йомудами местности Акджа-Кала.

Однажды йомуд по имени Овез Есер насильно увез красивую жену одного салыра. Салыры во главе со своим предводителем Тенеком (который в свое время был приемным сыном одного из йомудских вождей) убил Овеза. Йомуды начали мстить салырам, которые затем при посредстве иранских войск вынуждены были переселиться в Бухарский эмират.

В основе этих двух преданий лежат одни и те же события. Салыры, живя в пределах Хивинского ханства, были не только соседями йомудов, но и поддерживали с ними родственные связи. Во время описанного переселения обедневшая часть салыров в результате час-

---

[1] Васильева Г. П. К истории... С. 27.

тых перекочевок вынуждена была остаться в пределах ханства.

Древним был род укурджукли — одно из 7 крупных делений караманов. Правда, в ранних источниках о нем нет достоверных сведений. Согласно родоплеменному делению, записанному М. Д. Ничевичем в 1892—1893 гг., это род значится под названием огурджукли[1]. В. Штейнберг называет этот род огурджикли. Переход названия огурджикли в укурджикли с лингвистической точки зрения закономерен. Если так, то нам кажется, что род огурджикли мог унаследовать это название от имени известного салырского предводителя средневековья Салыра Огурджика, потомки которого, несомненно, вошли в состав салыров и других туркмен. По мнению лингвистов, в слове «огуз» перевод последней буквы «з» на «р» возможен, и на этой основе легко объясняется превращение этнонима «огуз» в «огур», а затем и в «огуры». Если исходить из этого предположения, то этнонимы «огурджик», «ог(к)урджикли», «огры» происходят от слова «огуз», что свидетельствует, в свою очередь, о наличии названных групп в составе огузов.

В средневековье, видимо, в период скитания салыров под водительством Салора Огурджика по Ирану и Ираку, в их состав входили два других салырских рода — араб и аджам, которые позднее составили два основных деления — салыр — кырк ойли (Ходжамбас) и частично вошли в состав серахских салыров (арап в состав караман, аджам — ялавач). Среди ходжамбасских салыров распространены рассказы о том, что в старые времена они жили в Иране и что их общий предок Салыр Казан умер и похоронен там[2]. В связи с этим интересно рассмотреть происхождение названий «арап» и «аджам». В туркменских фольклорных произведениях, в стихах туркменских поэтов-классиков XVIII—XIX вв. под названием «арап или» и «аджам или»

---

[1] Рукопись его работы «Нравы и обычаи туркмен-салыров» хранится в архиве РГО. См.: Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Спб. 1897 С. 141; Штейнберг В. Очерки истории Туркмении Л., 1934 г. С. 11. Рукопись обработана и частично издана с комментариями известного туркменоведа Г. Е. Маркова и Ч. Язлыева//Вестник МГУ. 1975. № 2.

[2] Полевые записи автора в Ходжамбасском районе. 1961 г.

Туркменский надгробный памятник.
Северо-Восточный Прикаспий. XVII в.

подразумевались «страна арабов», т. е. Арабыстан, и Западный Иран (последний на Востоке до сих пор известен под названием Аджам). Как известно, под словом «аджам» арабы подразумевали соседние неарабские народы.

Эти сведения могут свидетельствовать о родственных связях этих двух салырских родов с группой теракиме (то есть туркмен) салыров во главе с Огурджиком, которая в XIII в. скиталась по Ираку, Иранскому Азербайджану и Крыму до тех пор, пока, наконец, не вернулась на Мангышлак[1].

Салыры, как и другие туркмены, состояли из различных этнических компонентов, что особенно заметно в родоплеменном делении туркмен. В подразделении яловач было колено огры, которое, в свою очередь, было одним из 5 крупных родов племени абдал (мангышлакских), а колено абдал имеется в составе караман (род гок-чурра). Колено дэли находим не только в составе

[1] Абульгази. Указ. раб. С. 22.

салыров, но и среди абдалов, западных йомудов,карадашли, гокленов, эрсары, сарыков, текинцев и других. Колено кызыл (караман) есть у салыров, западных йомудов (джафарбай) Кызылские туркмены были известны в составе балханских туркмен еще в XI в.[1].

В составе серахских туркмен были группы, образовавшиеся из беглых туркмен и сохранившие название своего бывшего племени. Таковы роды саят (один из 7 родов кичи ага), сакары (также один из 7 родов яловач), аравачи и кара гоюн (колено из рода укурджукли из караман), соплеменники которых жили компактно на левобережье Амударьи.

Кстати, Абульгази сообщает, что сакары происходят от туркмен кара-ойли, и арендовали водные источники у эрсары и что «... в настоящее время (т. е. в XVII в.) их называют «таг сакарами». В Серахсе (колхоз «Коммунизм») живут потомки бег-сакаров, прибывшие, по словам стариков, из Сакара (Чарджоу).

В составе средневековых туркмен были и упомянутые кара-коюнлы, основная масса которых в XVII в. (как и ак-коюнлы) в иранском Азербайджане основали правящую династию. В Туркменской ССР потомки кара-коюнлы проживают в селе Чохпетде Халачского района. По преданиям[2], кара-коюнлы лет 300 тому назад жили на Мангышлаке. Но засуха заставила их искать новые места для поселения. Они считали себя наиболее близкими к эрсары. По преданиям, на Мангышлаке они жили вместе со своими «братьями» ак-коюнлы. Значительное число кара-коюнлы в XVI—XVII вв. жило на Мангышлаке в соседстве с салырами, эрсары и другими туркменами. Впоследствии они вместе с салырами и эрсары ушли на восток и юго-восток. В результате значительная часть их впоследствии оказалась в составе серахских салыров. А другая, более значительная, группа поселилась на Амударье по соседству с эрсары, сохраняя, однако, свои особенности.

Таким образом, в составе салыров много родовых групп, общих для большинства туркменских племен, что свидетельствует об их единстве и общих судьбах в прошлом.

---

[1] МИТТ. Т. I. С. 260.

[2] Полевые записи Бегхана Ягмырова.

Туркменское кладбище. Общий вид.
Полуостров Мангышлак

Наряду с древним тюрко-огузским пластом, в составе салыров имеются более поздние образования, возникшие в результате политического и экономического общения салыров с соседними народами и племенами, и в особенности с текинцами, йомудами, эрсаринцами, сакарами, сарыками на Мангышлаке и Балханах.

В составе салыров много мелких делений, образовавшихся на основе хозяйственной деятельности и возникших в различные периоды. Например, появление рода муришкар (это название имеется также и у емрели) связано с занятием салыров-кырк-ойли на Амударье. Когда они впервые начали осваивать землю в районе Ходжамбаса, некоторые из них стали заниматься охотой с помощью прирученных птиц. Позднее их потомков называли «муришкар»[1]. Предки рода куланчи (кичи ага) занимались в Серахсе охотой на диких ослов (кулан), водившихся во множестве на берегах р. Теджен, за что их стали называть куланчи. Таким

[1] Слово «муришкар», вероятно, происходит от персидских слов — «мире шикари», то есть охотник.

путем образовалась группа ялавач, в прошлом занимавшаяся кузнечным ремеслом.

Название многих поздних родов имеет социальное происхождение. Предки рода суйтхорлар (ростовщики, караман) в старину давали своим бедным сородичам ссуду под большой процент, за что впоследствии удостоились этого прозвища. Занятие это считалось позорным у туркмен и производное название от него звучало презрительно. Таково происхождение рода байлар (то есть «богатые»).

Была и категория родов, носивших имена родоначальников. Их называли «майда тире» (дословно «мелкие роды»), а людей, входивших в них, называли «лакамдаш», то есть близкими по крови сородичами. Это было несколько семей, связанных кровными узами и составляющих одну большую семью. Такой род напоминает так называемую патронимию, понятие о которой введено в науку в 1931 г. М. О. Косвеном на основе изучения этнографических материалов, собранных им в Удмуртии и Южной Осетии. Такая организация обнаружена затем почти у всех народов Кавказа и Средней Азии. «Патронимия — родственная группа, состоящая из некоторого числа больших и малых семей, образовавшихся в результате сегментации одной большой семьи»[1]. Подобные организации выявлены Г. П. Васильевой у туркмен-иохурлы и К. Овезбердыевым — у марыйских текинцев («левере»). Описанный «майда тире» у салыров в начале XX в. состоял из родственных семей, происходивших от одного отца, то есть его составляли, по сведениям информаторов, семейства отца и сыновей («ата-огул»).

Не все деления пользовались одинаковыми правами. Некоторые из них имели особые привилегии. Так, например, в кичи ага старшими считались колена ейке и башарджа. Без их представителей не начиналось ни одно торжество. Например, во время «садака» (жертвоприношение в честь аллаха, а также умерших) им предоставлялось право первыми приступить к еде и благословить хозяев. Без их участия не начинали состязание борцы, всадники, стрелки.

---

[1] Косвен М. О. История и этнография Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 32.

Роды ейке и башарджа пользовались этим правом потому, что издавна имели ханский ярлык (письменное свидетельство)[1]. Позднее такой ярлык имел якобы и род ягуп (якуп). Когда-то род бокгора имел ханский ярлык, но позднее не удержал его и продал, за что заслужил свое некрасивое прозвище (раньше он назывался «бег гара»). Обычно хозяин пира принимал гостей отдельными партиями, соответственно положению их рода в обществе[2]. Об этом свидетельствуют записи Г. И. Карпова и П. Б. Арбекова в Серахсе, в конце 20-х годов XX в.: «Среди салырских родов существуют деления на старшие роды и младшие. Старшим родом для всех салыров Серахского района ранее считалось колено ейке из рода кичи ага. Старшим родом из кичи ага считалось колено бокара (или байкара). В роде караман старшим из существующих колен считался окурджикли, в роде яловач — колено бексакар. Признание старшего рода (колена) с формальной стороны заключается в том, что в дни празднества (скачек, тоев и т. п.) торжество не может быть начато без участия представителя (хотя бы мальчика) из числа старших родов (колен)... За обедом на торжестве представитель старшего рода занимает почетное место и ему подается первая тарелка с кушаньем»[3].

Наличие в прошлом в составе салыров так называемых старших и младших родов напоминает «систему патроната и вассалитета» у прибрежных туркмен[4].

Сохранению описанной системы способствовали и другие обстоятельства. Так, например, колено сапалак, входившее в бег-болук (караман), из которого был родом Теке-хан, принимал в свою среду наряду с соплеменниками и выходцев из других туркменских групп. В составе сапалак можно было найти семейства текинцев, эрсары, сарыков, покинувших свои родные места по различным причинам (из-за преследований) и нашедших защиту у этого рода, у богатого и влиятельного Теке-хана. Род сапалак по своему составу аналогичен огурджалинскому роду дахма и курама, жившим в со-

---

[1] Право на эти привилегии давало якобы «благородное происхождение» представителей того или иного рода.

[2] Полевые записи автора в Серахсском районе.

[3] Карпов Г. И. и Арбеков П. Б. Салыры (салоры). С. 26.

[4] Стебницкий И. Заметки о Туркмении... С. 78—79.

седстве с группой олам в Ходжамбасе. В курама входили люди самых различных этнических групп. Они организовали кварталы в эрсаринских и салырских аулах.

Название «курама» (само слово «курама» означает искусственно созданное объединение) в прошлом встречалось у эрсары и других туркмен в составе двух его больших подразделений — гунеш и улуг-депе. В. В. Радлов писал по этому поводу следующее: «Между Ташкентом и Ходжентом живет большое оседлое татарское племя, которое само себя называет «курама». Оно распадается на 5 родов: джалаир, тэлэу, джагал-байлы и тараклы и, видимо, представляет смесь узбеков и киргизов. Киргизы утверждают, что само название произошло от того, что они составлялись из многих племен»[1]. Салырский род арслан принимал в свою среду не только представителей других туркмен, но и выходцев из других народов. Среди людей этого рода были искусные шорники, кузнецы (ныне потомки их живут в колхозе «Ашхабад» Серахского района). По словам информаторов, во время первого переселения в Серахс здесь жили туркмены-агары.

В прошлом во время больших торжеств (свадьба, обрезание, «садака») для участия в различных состязаниях приглашали всех салыров Серахса. Во время тоя на состязаниях по борьбе, в скачках, стрельбе, в конной игре «овлак чапды» все подразделения выставляли самых лучших своих родичей, которые могли составить честь всему роду. Обычно это происходило на специально отведенной площадке вокруг старого Серахса.

В Серахсе вместе с салырами жили и агары. Впоследствии часть агаров вошла в состав салыров, а другая переселилась в Иран. В Серахсе до сих пор сохранился водный источник под названием Агар чешме. В сельсовете Советяб (бывший Ханяб) колхоза им. Ленина жила группа текинцев денмеэлер, которых считали «гостями» («гелен мыхман») салыров. Они наравне с салырами пользовались правом на воду и землю. Были и другие группы, выходцы из других мест. Их называли «этмишли» («провинившиеся») или «ойкели» (то есть «обиженные своими»). Позднее они вошли в состав салыров.

---

[1] Радлов В. В. Этнографический обзор... С. 18.

Салыры Ходжамбаса по образу жизни, духовной и материальной культуре, по родоплеменному делению и языку отличаются от своих соплеменников в Серахсе. В прошлом они были известны окружавшему их населению под названием «кырк ойли». Общим самоназванием было «салыр». Судя по данным родоплеменных делений и народных преданий, салыры Серахса и Ходжамбаса происходят из одного племени.

В составе кырк ойли встречались названия таких родов, как шанги, товшан, джоген, тайлак, гурджи, керрик, эрекли и другие, которых нет у салыров Серахса.

По сообщению Сопы Бабаева[1], в 1960 г. кырк ойли (40 кибиток) переселились сюда 280 лет назад. Предводителями их были Аллаберди Арап и Мерген-бек. Причиной переселения были родоплеменные разногласия и т. п. По другим данным, кырк ойли обосновались здесь 6—7 поколений назад.

Кырк ойли ушли из Мургабского оазиса, видимо, в результате столкновений салыров с сарыками из-за нехватки воды. Первоначально их предки жили в районе Джыллы кол, в местности Магдан (Тадж. ССР), оттуда переселились в Чинтал (в Афганистане). Тяжелые налоги довели их до нищеты и они, убив 4 сборщиков налогов, переселились в Астана-Баба (Керки). В это время там свирепствовала эпидемия какой-то страшной болезни. Мусульманское духовенство объясняло эту беду тем, что, якобы могила Астана-Баба не приняла их в свои владения, и салыры ушли в Мекан. Оттуда они перебираются в Ходжамбас, на пустовавшие земли дженгел, то есть покрытые густыми зарослями. Но вскоре на эти теперь обработанные салырами земли стали претендовать их соседи и в некоторой степени сородичи — оламы, жившие здесь до них. Кырк ойли, разоренные частыми переселениями, решили не уступать эти земли. Для этого салыры, пригласив к себе духовного судью (казы), дали коллективную клятву («касам»), повторив при этом три раза, что эти земли принадлежат им. По заверению стариков, они, дав такую клятву, отступили от правды и чести, так как раньше эти земли никогда салырам не принадлежали. Поэ-

[1] Полевые записи автора в Ходжамбасском районе.

тому суеверные старики ту или иную беду, неудачу и другие несчастья связывали с тем, что аллах наказывает их за обман.

И все же салыры решили прочно обосноваться на новом месте. С тех пор они постоянно живут в Ходжамбасе. В письменных источниках мы не нашли никаких сведений о появлении кырк ойли в Ходжамбасе. На основе изучения этнографических материалов мы пришли к выводу, что кырк ойли — это часть серахских салыров, которые в I четверти XIX в. из-за межплеменной розни отделились от основной массы салыров и после долгих скитаний поселились на правобережье Амударьи.

Туркмены кырк ойли занимают особое положение среди амударьинских салыров и, в отличие от последних, до недавнего времени сохраняли самобытность в языке и быту. Как известно, салыры жили в долине Амударьи среди узбеков или же местных, отчасти обузбеченных туркмен, причем жили некомпактно. Поэтому, в отличие от серахских и ходжамбасских салыров, они почти не сохранили присущие им в прошлом локальные особенности.

Раздел 2. Сарыки

Сарыки, являясь значительным по численности племенем Юго-Восточного Туркменистана, начали проникать в Мургабский оазис с конца XVIII в. Согласно историко-этнографическим данным, в XVII—XVIII вв. они жили в Хивинском ханстве и в долине среднего течения Амударьи. Численность их в последней четверти XIX в. составляла около 12 тысяч кибиток, хотя, по словам самих сарыков, — 20 тысяч; к этим сведениям П. М. Лессар отнесся с недоверием, ссылаясь на то, что туркмены склонны всегда к умышленному увеличению своей численности[1]. Согласно архивным данным 1925 г., в Иолотанском и Тахта-Базарском районах их насчитывалось 37540 человек[2].

---

[1] Лессар П. М. Юго-Западная Туркмения... С. 20. Принято считать, что в каждом хозяйстве в среднем имеется 5 человек. По нашему мнению, это число неприемлемо для туркмен, так как туркменская семья нередко достигала 10 и более человек.

[2] Язлыев Ч. Этническая история туркмен-сарыков в XVI — начале XX вв. // Вестник МГУ. 1973. № 2. С. 69.

История и этнография салыров изучены сравнительно хорошо благодаря собирательной деятельности Г. И. Карпова; им посвящены две кандидатские диссертации[1].

Несмотря на это, этногенез и этническая история сарыков, как и других туркмен, остаются малоизученными, малоизвестными. Загадочными остаются их обособленная, своеобразная этнография, история и в том числе и этническая. Сарыки, будучи одним из 5 крупных племен в салырском племенном объединении, внесли свой вклад и в процессы дальнейшего формирования населения Юго-Восточного Туркменистана в XVII—XIX вв.

Ялыев Ч. приводит интересные и цепные сведения о расселении, истории и миграциях сарыков. Согласно материалам, собранным нами в Иолотанском районе ТССР, на Мангышлаке в Шевченковском районе Казахской ССР, среди туркмен, живших в эпоху позднего средневековья в Северо-Восточном Прикаспии, были и сарыки[2]. Наши информаторы из поселков Баутино и Кизыл-Узень показывали нам старые туркменские надгробные памятники с высеченными на них племенными знаками, в том числе и сарыкские. Согласно преданию, записанному в Иолотанском районе, в колхозе «Коммунизм», прежде сарыки жили на Мангышлаке по соседству с эрсаринцами.

Среди южных и юго-восточных туркмен, в том числе и среди потомков самих сарыков, бытовали и бытуют различные предания и легенды, частично приведенные в 1 главе работы. Из них значительный интерес представляет предание, записанное Джума Клычевым в Иолотанском районе от Хандурды Яз-оглы и Али Акиоглы и ранее не опубликованное:

---

[1] Карпов Г. И. К истории туркмен-сарыков. Ашхабад, 1961; Его же. Туркменское племя сарык. Ашхабад, 1939. Рукопись хранится в редком фонде ЦНБ АН ТССР; Овезбердыев К. Туркмены Пендинского оазиса: Автореф. канд. дисс. М., 1954; Его же. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса // Труды ИНАЭ. Т. 7. Ашхабад, 1962; Ялыев Ч. Этническая история и хозяйство туркмен Иолотанского оазиса: Рукопись дисс. канд. ист. наук. М., 1974; Его же. Этническая история туркмен-сарыков в XVI—начале XX вв.

[2] Полевые записи автора в Шевченковском районе Каз. ССР в 1959 и 1962 гг. и в Иолотанском районе в 1966 г.

тому суеверные старики ту или иную беду, неудачу и другие несчастья связывали с тем, что аллах наказывает их за обман.

И все же салыры решили прочно обосноваться на новом месте. С тех пор они постоянно живут в Ходжамбасе. В письменных источниках мы не нашли никаких сведений о появлении кырк ойли в Ходжамбасе. На основе изучения этнографических материалов мы пришли к выводу, что кырк ойли — это часть серахских салыров, которые в I четверти XIX в. из-за межплеменной розни отделились от основной массы салыров и после долгих скитаний поселились на правобережье Амударьи.

Туркмены кырк ойли занимают особое положение среди амударьинских салыров и, в отличие от последних, до недавнего времени сохраняли самобытность в языке и быту. Как известно, салыры жили в долине Амударьи среди узбеков или же местных, отчасти обузбеченных туркмен, причем жили некомпактно. Поэтому, в отличие от серахских и ходжамбасских салыров, они почти не сохранили присущие им в прошлом локальные особенности.

Раздел 2. Сарыки

Сарыки, являясь значительным по численности племенем Юго-Восточного Туркменистана, начали проникать в Мургабский оазис с конца XVIII в. Согласно историко-этнографическим данным, в XVII—XVIII вв. они жили в Хивинском ханстве и в долине среднего течения Амударьи. Численность их в последней четверти XIX в. составляла около 12 тысяч кибиток, хотя, по словам самих сарыков, — 20 тысяч; к этим сведениям П. М. Лессар отнесся с недоверием, ссылаясь на то, что туркмены склонны всегда к умышленному увеличению своей численности[1]. Согласно архивным данным 1925 г., в Иолотанском и Тахта-Базарском районах их насчитывалось 37540 человек[2].

---

[1] Лессар П. М. Юго-Западная Туркмения... С. 20. Принято считать, что в каждом хозяйстве в среднем имеется 5 человек. По нашему мнению, это число неприемлемо для туркмен, так как туркменская семья нередко достигала 10 и более человек.

[2] Язлыев Ч. Этническая история туркмен-сарыков в XVI — начале XX вв. // Вестник МГУ. 1973. № 2. С. 69.

История и этнография салыров изучены сравнительно хорошо благодаря собирательной деятельности Г. И. Карпова; им посвящены две кандидатские диссертации[1].

Несмотря на это, этногенез и этническая история сарыков, как и других туркмен, остаются малоизученными, малоизвестными. Загадочными остаются их обособленная, своеобразная этнография, история и в том числе и этническая. Сарыки, будучи одним из 5 крупных племен в салырском племенном объединении, внесли свой вклад и в процессы дальнейшего формирования населения Юго-Восточного Туркменистана в XVII—XIX вв.

Язлыев Ч. приводит интересные и ценные сведения о расселении, истории и миграциях сарыков. Согласно материалам, собранным нами в Иолотанском районе ТССР, на Мангышлаке в Шевченковском районе Казахской ССР, среди туркмен, живших в эпоху позднего средневековья в Северо-Восточном Прикаспии, были и сарыки[2]. Наши информаторы из поселков Баутино и Кизыл-Узень показывали нам старые туркменские надгробные памятники с высеченными на них племенными знаками, в том числе и сарыкские. Согласно преданию, записанному в Иолотанском районе, в колхозе «Коммунизм», прежде сарыки жили на Мангышлаке по соседству с эрсаринцами.

Среди южных и юго-восточных туркмен, в том числе и среди потомков самих сарыков, бытовали и бытуют различные предания и легенды, частично приведенные в I главе работы. Из них значительный интерес представляет предание, записанное Джума Клычевым в Иолотанском районе от Хандурды Яз-оглы и Али Акиоглы и ранее не опубликованное:

---

[1] Карпов Г. И. К истории туркмен-сарыков. Ашхабад, 1941; Его же. Туркменское племя сарык. Ашхабад, 1939. Рукопись хранится в редком фонде ЦНБ АН ТССР; Овезбердыев К. Туркмены Пендинского оазиса: Автореф. канд. дисс. М., 1954; Его же. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса // Труды ИИАЭ. Т. 7. Ашхабад, 1962; Язлыев Ч. Этническая история и хозяйство туркмен Иолотанского оазиса: Рукопись дисс. канд. ист. наук. М., 1974; Его же. Этническая история туркмен-сарыков в XVI—начале XX вв.

[2] Полевые записи автора в Шевченковском районе Каз. ССР в 1959 и 1962 гг. и в Иолотанском районе в 1966 г.

«У одного молодого человека, называвшегося «я турк», то есть туркменом, было 4 сына. Одного из них звали Номут, второго Казак, третьего—Салыр, а имя четвертого рассказчик не помнит. Но у этого 4-го были сыновья Текемаммед и Сары. Эрсары произошли от ... Сары. От двух жен Текемаммеда родились три сына: от старшей — Тохтамыш и Утамыш. От второй жены родился сын Ялкамыш и одна дочь... В то время ногайцы (татары) находились в стороне Ташкента и туркмены были подвластны ногайскому хану. Красивую сестру Ялкамыша (по рассказам текинцев, сестру Тохтамыша и Утамыша) ногайский хан без согласия ее братьев взял в жены. Обиженные поступком хана, братья уходят в Хиву... Впоследствии по совету сестры братья возвращаются в земли ногайского хана, мирятся с ним и в его отсутствие увозят его дочь, на которой женится Ялкамыш (Сарык). У Ялкамыша от жены-ногайки родились два сына — Пулатша и Алаша. После смерти Ялкамыша его жена выходит замуж за Тохтамыша, но сыновья не захотели «пойти за женщиной» и стали жить самостоятельно. От Алаша пошел род в племени Тете-Аманша... После недоразумений с хивинским ханом, по сведениям Абульгази (XVII в.), сарыки переселились в Чарджоу, где и прожили 100 лет. Бухарский падишах Шамурад Волнамы (правил в 1785—1800 гг.) дарит сарыкам Мары. «Коушут-хан — предводитель теке — пришел из Серахса в Мары и отнял его у сарыков. Сарыки переселились в Пенде, а затем часть их ушла в Иолотань, где до этого жили салыры. На Мургабе Коушут-хан жил в Кум-Кала, а сарыки — в Порсы-кала»...[1].

В колхозе «Ат Чапар» Иолотанского района (от Акмамедова Оразгельди) нами записано предание следующего содержания:

«Когда-то в старые времена татарский падишах напал на сарыков, и, убив их предводителя, увел его дочь. Трое сыновей убитого — Утамыш, Тохтамыш и Ялкамыш, повзрослев, решили отомстить за отца и сестру. Прибыв в страну татар, братья убили их падишаха и увели его дочь. При этом особо отличился млад-

[1] Карпов Г. И. Этнический состав... С. 50—51. Его же. Туркменское племя сарык. Ашхабад, 1939. Рукопись хранится в ЦНБ АН ТССР. С. 1—2.

ший из братьев — Ялкамыш. Братья решили спросить дочь падишаха, за кого из них она желает выйти замуж. На это она ответила, что выйдет замуж за того из них, у кого (тогда она не знали имен братьев) конь коричневого (мелс) цвета, а лук и халат желтого (сары). С тех пор якобы Ялкамыша и его потомков стали называть сарыками. Среди населения Южного Туркменистана бытовали предания, согласно которым, сарыки являются потомками какого-то светловолосого татарина.

Исторические предания о сарыках по своему содержанию и значению близки к преданиям о салырском племенном союзе. В них много мифического и нереального, приближающего их к сказочным сюжетам. Однако путем сопоставительно-научного анализа в них можно выявить реальные исторические факты, отсутствующие в письменных источниках, восстановить историю расселения и этапы этнической истории сарыков в средневековый период.

Во всех вариантах преданий непременно подчеркиваются этногенетические связи сарыков с татарами или ногайцами. Важным является и сообщаемый в преданиях факт о том, что сарыки в старину жили где-то за Ташкентом и были подданными ногайского царя.

Дженкинсон в своем описании[1] упоминает о «татарах», живущих вблизи побережья, и их восточных соседях — «туркменах». Кого он имел в виду под названием «татар» остается неясным[2]. На такую же загадку наталкиваемся в труде другого английского автора середины XVIII в. Ганвея, где приводятся сведения о загадочных «татарах» и «туркменах», живущих на Балханах по соседству. Маловероятно, что эти «татары» могли быть казахами, появившимися после калмыцких набегов (XVII в.). Можно лишь предположить, что до середины XVIII в. в Северо-Западном Туркменистане

[1] Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558 — 1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937. С. 175.

[2] В трудах дореволюционных русских авторов татарами назывались почти все тюркоязычные (а иногда и монголоязычные) народы Азиатской России и Кавказа (например, минусинские, кавказские татары). Здесь, видимо, имеем дело не с обобщенным термином европейцев — «татар», а с группами племен, которым это название конкретно.

жила этническая группа татар, которая позднее вошла в состав западных номудов (у которых имеется родовое деление «татар»), а другая часть пришла в южные и западные районы. В Малой Азии, Иране и Сирии еще со времен Тамерлана кочевали «белые татары». В начале XV в. испанский посол Клавихо писал, что «белые татары» — «жители земли, которая находится между Турцией и Сирией»[1]. Во всяком случае, роль этой группы в этнической истории туркмен значительна, но пока не ясна и требует дальнейших уточнений. О татарах, живших в Мургабском оазисе, сообщает иранский историк первой половины XVIII в. Мухаммед Казим[2].

Малоубедительны сведения А. Дженкинсона о том, что денег татары и туркмены «... равно как и никакого другого напитка, кроме воды, не употребляют» и что Тимур султан ему «... не дал денег за отобранные вещи...»[3]. Он сообщает также о расселении туркмен, о наличии на Мангышлаке в XVI в. тюркоязычной группы «татар», об их быте, нище и другие этнографические сведения.

В письменных источниках начала XV в. имеются сведения не только о «белых», но и о «черных» татарах. Например, в книге «Фасихов свод» говорится о событиях 1405—1406 гг.: «Бегство туркменов Кара-татар из Самарканда и появление их в Хорасане. Они были приведены его Величеством эмиром Сахиб Кираном из города Рума»[4].

Эти группы средневековых «татар», с которыми связывают свое происхождение сарыки, чрезвычайно интересны и достойны серьезного изучения. Они, как и джагатаи, принимали активное участие в походах Темурлана.

Информацию о туркменах находим в трудах английских авторов XVIII в. Дж. Ганвея и Фрезера. Ганвей посетил юго-восточное побережье Каспийского моря в начале 40-х гг. XVIII в. в составе экспедиции капитана Т. Вудруфа. Он приводит подробные данные о расселе-

---

[1] Клавихо Г. Дневник путешествия ко двору Тимура в г. Самарканд в 1403—1406 гг. Спб., 1881. С. 194.

[2] Изучению этого важного источника посвящена монография О. Аманлыева: Туркменистан и туркмены в первой половине XVIII в. Ашхабад: Ылым, 1980.

[3] Дженкинсон А. Указ. раб. С. 175.

[4] Фасих Ахмад Махаммад ал-Хавафи. Муджамали Фасихи. С 135.

нии, преданиях туркмен, живших в Узбое, а также о кочевавшей на Балханах группе «татар» (у него «тартар»), которых он отличает от кочевавших по соседству туркмен[1]. Бесспорно, что татары, жившие в XVII — XVIII вв. в Туркменистане, играли важную роль на позднем этапе этнической истории сарыков.

Итак, исторические предания уводят сарыков за пределы Туркменистана. «Страна за Ташкентом» может находиться в разных местах: в Центральной Азии и в низовьях Сырдарьи.

Предания и средневековые письменные источники дают нам основание считать, что первоначальной родиной сарыков является Центральная Азия, где по соседству с монголами жили татарские племена. Рашид ад-Дин Ф. Х. сообщал, что «... между татарами и монголами возникла... вражда и война и они неоднократно сражались», что «... у Чингиз-хана была одна наложница из татарского племени»[2]. Еще более интересны его сообщения о том, что раньше предводители татар «...отправлялись на войну с Сарык-ханом, государем кераитов»[3].

Упоминание имени Сарык-хана и его контактов с татарами, на наш взгляд, дает ключ к разъяснению событий, сообщаемых в преданиях, где в произвольной форме излагаются действительные исторические факты, происходившие в Центральной Азии, с которой неразрывно связаны ранние этапы этногенеза сарыков. Будучи крупным племенем в составе древних тюрок Центральной Азии, сарыки жили по соседству с татарскими (то есть тюркскими) племенами и поддерживали с ними семейно-брачные отношения. Об этом косвенно свидетельствует распространенность этнонимов «сары» и «сарык» в языке почти всех тюркоязычных народов, связывающих свое происхождение с Алтаем и Центральной Азией. Известный исследователь этнографии и истории народов Сибири и Центральной Азии Н. Ф. Катанов, ссылаясь на предание, записанное В. В. Радловым, сообщает о том, что в землях Хунтайчжиля жило колено сарыглар, «... которые имеются в настоящее время как в составе урянхайцев (сойонов), так и в

[1] Hanvey I Historical an account of the British trade over the Casplan Sea. London. 1753.

[2] Рашид ад-Дин Ф. Х. Соч. Т. 1. М.; Л., 1952. С. 104, 110.

[3] Там же. С. 111.

составе сагайских татар. Небольшие остатки колена сарыглар примкнули к более сильному колену сан-сюлю, именно к сыновьям его — Песныяму и Онбыяпу»[1].

С. И. Вайнштейн отметил наличие у тувинцев-тоджинцев в прошлом рода сарыг-соян: «Оленеводческий род сарыг-соян жил по соседству с кара балыкчы по рекам Хыяй, Хамдыш, Кара-хем, Сарыг-гезы. В начале XX в. он насчитывал около 40 семей»[2]. Родовые деления под названием туркмен, кара и сары имеются и в составе каракалпаков[3].

О распространении этнонима «сары» писал известный узбекский этнограф К. Шаниязов: «Этноним» сары (к) «вплоть до XX в. сохранялся в составе почти всех среднеазиатских народов, например, у киргизов (саруу) и туркмен (сарык), он служил названием крупного племени и у казахов. Встречался он и у каракалпаков, башкир, узбеков»[4].

По нашему мнению, тюркские народности Алтая, Центральной и Средней Азии имеют общие этногенетические корни, связанные с этим регионом.

Историко-этнографические материалы в целом свидетельствуют о том, что сарыки — сравнительно поздние выходцы из Центральной Азии и стоят в несколько особом положении среди других туркмен. Оттуда часть сарыков переселилась в низовья Сырдарьи, в Туркестан, во владения Ходжи Ахмеда Ясавы. Для этого им, видно, пришлось преодолеть горные перевалы Тянь-Шаня, где до сих пор сохранились названия «сарык могол». Сарыки сблизились с текинцами, часть которых жила в XII в. в районе г. Туркестана. Оттуда сарыки вместе с другими туркменами переселилась на территорию Туркменистана. Здесь впоследствии они вместе с текинцами оказались в составе образовавшегося после монгольского нашествия салырского племенного союза. Однако сарыки и в этом союзе и в союзе с текинцами причисляются к разряду «неравноправных».

По преданию, Ялкамыш не пользовался равными

---

[1] Катанов Н. Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Записки РГО. Т. 34. Спб., 1909. С. 271.

[2] Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1967. С. 40.

[3] Народы Средней Азии и Казахстана: Этнографические очерки. М., 1962. С. 412.

[4] Шаниязов К. К этнической истории узбекского народа. Ташкент: Фан, 1974. С. 29.

правами с Утамышем и Тохтамышем. «Незаконнорожденными» числились пришлые или слабые роды и племена, примкнувшие к крупным и сильным племенам местного происхождения. Следовательно, сарыки появились позже других туркмен на территории Туркменистана, вынуждены были примкнуть к ним на неравноправных началах, ища в них союзников и защитников. (Точно такую же картину мы наблюдаем и в странах Ближнего и Среднего Востока и в Малой Азии, где туркменские племена, появившиеся здесь в XIV—XVI вв., несмотря на этническую близость, не могли влиться в состав уже образовавшихся этнических общностей и до последнего времени сохраняли свои этнографические особенности). Сарыки, оказавшись почти в аналогичном положении, безболезненно вошли в состав салырского и текинского племенных союзов в качестве самостоятельного племени.

Многовековая совместная жизнь сарыков с текинцами, салырами, эрсары и номудами наложила определенный отпечаток на их язык, быт и культуру. В дореволюционное время сарыки значительно отличались от других туркмен. В их быту преобладали традиции кочевого быта вплоть до конца прошлого века. Жили они в основном в юртах, шалашах. Глинобитные дома и другие виды оседлого жилища стали появляться у них лишь в конце XIX в. Скотоводы, зажиточная часть сарыков, осели в Пендинском оазисе. У них было очень развито изготовление красивых цветных кошм. Сарыки Иолотани впоследствии переняли у них это искусство[1]. Сарыки двух оазисов имели диалектные различия в языке. Иолотанские сарыки больше подвергались текинскому влиянию, и их язык, по словам информаторов, прежде был «тяжелым», а теперь стал «легким».

Как принято у большинства других туркмен, у сарыков чужеродцы, чужеплеменники и иногда чужестранцы, прожившие в их среде в течение семи поколений, становились равноправными. В случае установления семейно-брачных связей с такими семьями обычно говорили: «Ничего, что у его прадеда была незначительная примесь чужой крови, это со временем отойдет». Салыров и текинцев сарыки признавали за равных

[1] Полевые записи автора в Иолотанском районе в 1966 г.

себе и не противились установлению семейно-брачных связей с ними. В одежде, вышивках, узорах ковров и кошм у сарыков было много сходных элементов с аналогичными предметами у салыров и эрсаринцев[1], что, по нашему мнению, является следствием их совместной жизни в Северо-Западном Туркменистане в эпоху позднего средневековья.

Усилиями Г. И. Карпова в 30-х годах были тщательно записаны родовые деления сарыков. В конце XIX—начале XX в. сарыки делились на 5 крупных отделов, которые, в свою очередь, делились на более мелкие роды и колена. М. П. Лессар в конце XIX в. писал: «Племя туркмен-сарыков, занимающих на Мургабе оазисы Иолотань и Пенде, разделяется на следующие отделения: байрадж, сукты, алаша, хорасанлы и герзеки»[2]. «Согласно геджере, — писал этнограф К. Овезбердыев, — туркмены-сарыки Пендинского оазиса делились на 5 родов—сукты, байрач, хорасанлы, алаша и херзеки»[3].

В дореволюционное время сарыки были разделены на 11 арчинств, из них 5 представляли собой крупные роды — алаша, хорасанлы и байрач, которые все вместе назывались «3 уруг». Остальные два рода херзеки и хорасанлы составляли, согласно их численности, 6 арчинств[4].

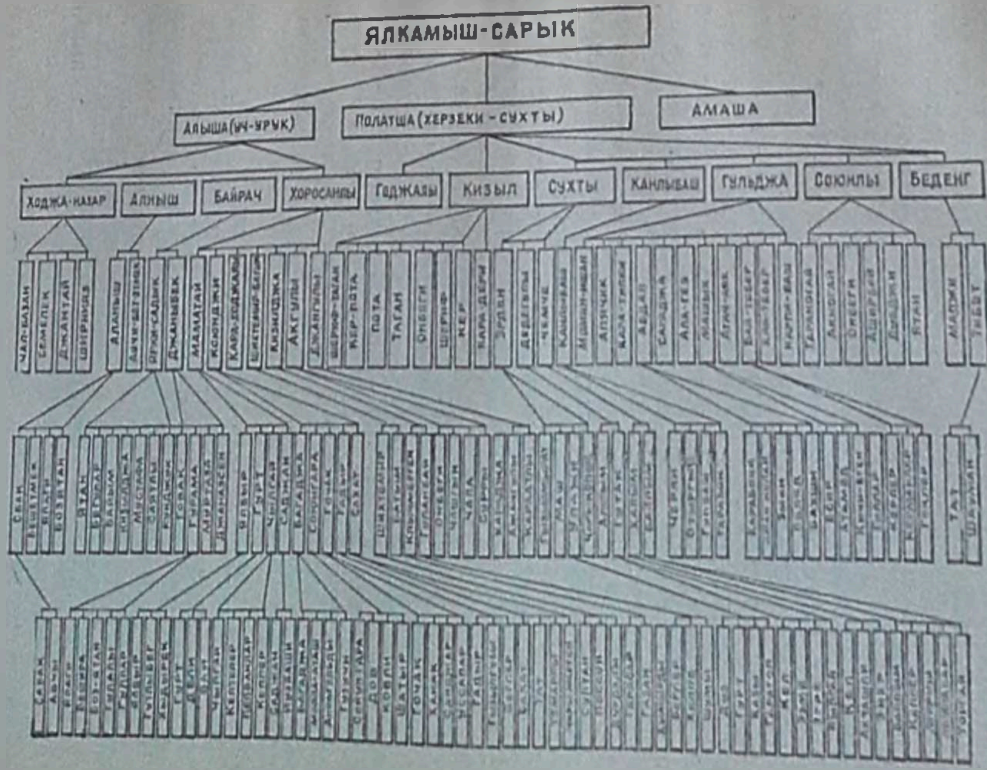
В целом состав, характер и происхождение сарыкских родов такие же, как у других туркменских племен. Состав неоднородный, хотя подавляющее большинство сарыкских родов встречается только у сарыков. Как и у других туркменских племен, у них можно встретить самые различные родовые группы, влившиеся в их состав в различное время. Среди них были представители других туркменских племен и соседних народностей и племен. Из средневековых огузских и туркменских племенных названий у них встречаются тебер, что, разумеется, нужно принимать за тувер или дюкер и др. Встречаются роды, аналогичные родам западных йомудов, — кельте, гандушер, гызыл и другие. С текинскими сходны роды бахши, тилки, мириш, беглер и многие

[1] Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков... С. 113—114.

[2] Лессар П. М. Указ. раб. С. 19.

[3] Овезбердыев К. Туркмены Пендинского оазиса: Автореф. канд. дисс. М., 1954. С. 6.

[4] Полевые записи автора в 1966 г.



Родовое деление сарыков (материалы Ч. Язлыева)

другие. В составе сарыков были родовые группы дуеджи, курама тат, названия которых говорят о близких связях сарыков с более поздними родоплеменными образованиями[1]. Родовое название «курама» можно встретить почти у всех амударьинских туркменских групп, у анаулинцев, алили, а также у узбеков и каракалпаков. У херзеки имеется родовое деление «есир», которое предположительно может быть осколком огузского племени ясир (не языр), исчезнувшего и растворившегося среди других племен со времени Рашид ад-Дина.

До прихода туркмен на верхнем течении р. Мургаб жило афганское племя темури. Родовое деление у сарыков под аналогичным названием, видимо, является частью этого племени. Представители этого племени, одного из 4 аймаков (чар аймак), встречаются и среди персоязычного населения Серахса[2].

Значительный интерес представляет крупное деление хорасанлы, в составе которых были роды момотай, гоюнлы, ерки сатдых, джанибег, ходжа назар, алыш. Само название хорасанлы указывает на то, что такое деление могло образоваться после появления сарыков в Южной Туркмении, то есть в Хорасане.

Сарыкский род еди уруг (из отдела сухты) имеет символическое название, видимо, древнетюркского происхождения. Подобные объединения из семи родов и с аналогичным названием имеются у салыров (каждое из 3 крупных делений салыров состоит из 7 родов), у каракалпаков, а также у башкир и других тюркоязычных народов. У древних тюрок были деления токузогузов и едиогузов.

Сарыки вместе с другими племенами салырского племенного союза в XVII—XIX вв., переселившись в Южный и Восточный Туркменистан, сыграли значительную роль в дальнейшем формировании и консолидации населения. Хотя ранняя история сарыков непосредственно и генетически связана с территорией Центральной Азии, они с эпохи средневековья полностью вошли на правах самостоятельного племени в состав туркменских племенных союзов.

---

[1] Подробно о родоплеменном делении сарыков см.: Карпов Г. И. Этнический состав... С. 55—60.

[2] Полевые записи автора в Серахском районе в 1979 г.

В приамударьинских районах с древнейших времен жили различные племена и народности. Этнический и родоплеменной состав населения этого района был пестрым и в XVIII— XIX вв. К началу XVIII в. крупные туркменские племена обосновались здесь стабильно.

Основную массу туркменского населения в XIX—начале XX в. составили племена, жившие до XVIII в. в Северо-Западном Туркменистане. Это — салыры, эрсары, каркыны, эски, хыдыр-или, арабачи, сакары (кара-ойли), дуеджи, элечи, атинцы и другие. В XVII—XIX вв. здесь некоторое время жили текинцы и сарыки, которые затем соединились со своими соплеменниками, жившими в своей массе в Мургабском оазисе. Ч. Язлыев писал: «... можно полагать, что эти группы туркмен-сарыков поселились по среднему течению Амударьи примерно в 70—80 годах XVII в.»[1].

Согласно материалам Я. Р. Винникова[2], самой многочисленной группой амударьинских туркмен после эрсаринцев были салыры. Однако они, в отличие от эрсаринцев, не расселялись компактно, а жили на среднем течении Амударьи почти повсеместно. Более компактной группой салыров была группа «кырк-ойли» («сорококибиточные»), жившая в Ходжамбасе. Эта группа приблизительно в первой половине XIX в. отделилась от основной массы мургабских салыров и ушла через Бадхыз на Амударью, в район Ходжамбаса. Она значительно отличалась от других групп салыров, живших в пределах нынешних Чарджоуской области ТССР и Бухарской области Узбекской ССР, с которыми потеряла контакты с начала XVIII в.

Более компактно было расселено племя эрсары, занимавшее на левобережье Амударьи территорию между Керки на юге и Саятом на севере и в силу своей компактности сохранявшее свою племенную обособленность. Основываясь на переписи населения 1926 г., Г. И. Карпов писал: «Всего эрсаринцев, размещенных в пределах ТССР, Узбекистана и Таджикистана, насчитывается около 100 000 человек»[3]. Значительная часть эрса-

[1] Язлыев Ч. Этническая история ... С. 72.
[2] Винников Я. Р. Родоплеменной и этнический состав... С. 22—31.
[3] Карпов Г. И. Туркменские племена. Рукопись. Ашхабад, 1928. С. 31.

ринцев и каркынов проживает в северных районах Афганистана.

Этническая и политическая история эрсаринцев в XVI—XVIII вв. была рассмотрена нами в предыдущих главах работы, а в XVIII — начале XX вв. частично в работах Я. Р. Винникова, что значительно облегчает нашу задачу. Тем не менее следует отметить, что какая-то часть эрсаринцев (после переселения их основной массы на берега Амударьи) вплоть до конца первой четверти XVIII в. проживала в Прикаспии: «От мыса Камеля до Кара-Богазского залива день езды на лошади. Здесь равномерно кочуют ирзалинские роды... Кроме ирзалинских туркменцев пригоняют в сию степь стада свои на пастьбу другие три племени туркменцев, а-кто: дериджали, шихи и атакишн»[1] (Объяснение, данное в сборнике слову «дериджали» в смысле «дуеджи», следует исправить как «дарджали», т. е. туркмены, живущие на п-ове Дарджа). В Северо-Восточном Прикаспии, от Мангышлака до Северных Балхан, повсюду можно найти остатки культовых сооружений, мавзолеев, кладбищ туркменских племен, в том числе и эрсаринцев. В результате оскудения природных богатств, маловодья с конца XVI—начала XVII вв. началась великая миграция населения в оазисы. Исторические источники сообщают о периодических переселениях эрсаринцев, салыров и других племен через оазисы Южного Туркменистана и Хивинский оазис на берега Амударьи. При переселении беднейшая часть эрсаринцев, не имевшая возможностей для дальних переходов, отдельными группами вынуждена была откочеться от соплеменников и поселяться среди других племен. Еще в 20-х годах небольшая группа эрсаринцев проживала (140 чел.) в Красноводском районе[2].

До сих пор в Западном Туркменистане популярен культ Эрсары-баба — предводителя эрсаринцев. О близком родстве эрсаринцев и йомудов бытовало такое предание. Человек по имени Йомуд долгие годы пас стада Эрсары-баба. Однажды Йомуд показал ему свою родословную, в которой было написано, что он чистокровный гуркмен. Эрсары-баба усыновил Йомуда, от-

[1] Русско-туркменские отношения в XVIII в. ... С. 207.
[2] Карпов Г. И. Туркменские племена... С. 13.

дал ему в жены свою дочь. Скоро Эрсары стал дедушкой и йомуды стали называть его Эрсары-баба.

В начале 40-х гг. XVII в. Абульгази в ауле Мехин (в пределах современного Бахарденского района) встретился с эрсаринцами и другими туркменами. Вот что он пишет по этому поводу: «... Я сказал моим спутникам: «Два аула, стоящие в Кара-куме, — (собственность) Абульханских (т. е. Балханских. — А. Д.) и Мангышлакских туркменов... Когда я подъехал к первому из них, к нам вышел молодой человек. На вопрос мой: «Какой народ живет здесь?» он отвечал: «Мы кызыл-аяки». «Но вы прежде жили на Мангышлаке, — сказал я. — Как же вы сюда попали?» Он ответил «Нас разорили калмыки, отняли у нас имущество. Мы посадили на плечи своих детей и пешком пришли сюда. Уже три года, как мы здесь... Он назвал мне по имени человек шесть из поколения туркменов ирсари, которые мне были известны»[1].

В 20—30-х годах в селе Багир проживало 970 человек из родов бекаул и чалганак, которые, вероятно, являются потомками проходивших здесь в XVII в. эрсаринцев[2].

Основную часть туркменского населения этого района составили салыры и эрсаринцы. Эрсаринцы, как и салыры, объединяли в своем составе различные по происхождению роды и племена. Например, в их составе имеются родовые группы балканлы (балханцы), мангышлаклы (мангышлакские), ургенчли (ургенчские), каракумли (каракумцы), овган (афганцы), курама (сборные), казах, аджам (арабы называли представителей соседних племен «аджам»), каракоюнлы, абдал, мангыт, векил, кенан, кельте[3] и другие. Названия этих родов указывают на места, где они в прошлом жили, представители каких племен и народностей вошли в их состав.

Эрсаринцы из-за многочисленности и компактного расселения в XVIII — начале XX в. представляли значительную силу, оказали влияние на политику бухарских правителей, несли у них нукерскую службу, пользовались относительной независимостью. Мелкие турк-

[1] Абульгази. Родословное древо тюрков... С. 282—283.
[2] Карпов Г. И. Из народного предания туркмен: Рукопись. С. 66).
[3] Карпов Г. И. Этнический состав... С. 63—67.

Родовое деление туркмен эрсары: (материалы Г. И. Карпова)

менские племена (эски, каркын и др.) старались расселяться поближе к ним.

Некоторые данные о их взаимоотношениях содержатся в трудах Г. И. Карпова, Г. Шаскольской-Брюлловой[1], Я. Р. Винникова, Г. П. Васильевой и др. Мы более подробно остановимся на группах туркмен, этническая история которых мало изучена. Это — каркыны, сакары, арабачи и дуеджи.

Каркыны. Название «каркын» (самоназвание «гаркын») старое, встречается еще в списке огузских племен раннего средневековья в трудах Махмуда Кашгарского, Рашид ад-Дина. Каркыны принимали активное участие во всех политических союзах огузов (имеются в виду внешние и внутренние огузы), но в эпоху позднего средневековья то ли из-за малочисленности, то ли из-за разрозненности они почти исчезают из поля зрения ученых. В письменных источниках упоминаются лишь их племенное название и племенной знак. В течение последних веков они мало известны как самостоятельное племя, так как входили в состав различных туркменских и тюркских этнических групп, причем большая часть оказалась в составе эрсаринцев и алили.

Некоторые сведения о каркынах приводят Г. П. Карпов, а также Я. Р. Винников, собиравший материалы в районах среднего течения Амударьи. По Я. Р. Винникову, каркыны вместе с эрсары переселились «... из Ургенча в местность Ходжа, находящуюся ныне в пределах Афганистана. Отсюда передвинулись на занимаемую территорию». Далее он сообщает, что часть каркынов (703 чел.) (1925 г.) поселилась вдоль арыков Агаман, Янги и Боз. По самоназванию, языку, историческому прошлому, культуре и быту они представляют собой одну из многочисленных обособленных в недалеком прошлом групп туркменского народа[2]. Я. Р. Винников, по-видимому, исходил из того факта, что каркыны, согласно письменным источникам, когда-то были самостоятельным племенем. По словам информаторов, каркыны переселились в районы Амударьи совместно с эрсаринцами в начале XVIII в. В прошлом им пришлось много воевать и вместе с эрсаринцами отстаивать свою неза-

[1] Рукопись монографии Шаскольской Г. (На обломках погибших культур) хранится в ЦНБ АН ТССР.

[2] Винников Я. Р. Указ. раб. С. 82—83.

висимость. Вместе с эрсары они жили на Мангышлаке и в Куня-Ургенче. Оттуда компактная группа каркынов переселилась в местность Ходжа-Шалар в Афганистане. Отсюда позднее каркыны стали небольшими группами расселяться по всему левобережью Амударьи. В дореволюционное время каркыны, жившие в Афганистане, хотели переселить своих саятских сородичей в Афганистан. Они уверяли, что их в Саяте мало, просили переселиться к ним. Но каркыны Саята во главе с Торе Эмином наотрез отказались покинуть насиженные места, но родственные связи они поддерживали и, несмотря на дальнее расстояние, приглашали друг друга на пиры, свадьбы и т п.[1]. Основная их часть теперь живет в Афганистане.

Считаем необходимым внести некоторые поправки в предание, записанное Я. Р. Винниковым, в котором рассказывается, что каркыны переселились в местность Ходжа не из Ургенча, а Куня-Ургенча, как нам рассказывали об этом неоднократно. Местность Ходжа-Шалар, упоминаемая в преданиях, в исторической литературе известна под названием Ходжа-Салар. Каркыны переселились на территорию нынешнего Саятского района 6—7 поколений («пушт») назад. Следовательно, если считать, что жизнь каждого поколения составляет в среднем 25 лет, как это принято в науке, то каркыны пришли сюда 150—175 лет тому назад. У каркынов Саята наиболее крупными родами были хемзе, шанк, арык, чекбаши и др. Каждое из них считалось происходившим от одного предка и кровно-родственной группы ата-огул (отцы-сыновья). Они жили обособленно, составляя самостоятельные кварталы селений (топбак оба). Каркыны считали, что они когда-то отделились от эрсаринцев и что их предком был Эрсары-баба. Нам удалось собрать некоторые предания о происхождении отдельных подразделений каркынов.

Название шанк (или ших, шейх) якобы происходит от предков этого рода, которые были сторожами на кладбищах. Но впоследствии они отказались от своего занятия и на правах рода вошли в состав каркынов. До недавнего времени во время публичных торжеств они пользовались меньшим почетом, чем другие колена.

[1] Полевые записи автора в Саятском районе в 1968 и 1972 гг.

Долго их считали «нечистокровными» каркынами («гул» и «чоры») и не поддерживали с ними брачно-родственных связей.

Представители колена «чекбаши» являются выходцами из Чаршангинского (бывшего Карлюкского) района. Переселяясь в Саят, они занимали земли, расположенные на краю аула, рядом с песками. Эти земли назывались «чекбамы». Каркынов, поселившихся там, стали называть чекбаши, хотя они происходили из разных колен[1]. Это пример того, как формировались соседние общины в более позднее время.

Наиболее почитаемым у каркынов считалось колено хемзе (особенно его деление «акджа»). В торжественных случаях они первыми занимали почетное место. Только после них на ковры или кошмы садились представители других колен. Колена шаик и арык принимали в свою среду разных пришельцев, и их состав был наиболее пестрым. У них нашла пристанище и часть сакаров, ушедшая из своего племени по разным причинам[2]. Этимология слова «каркын» пока не выяснена.

Среди других туркмен среднего течения Амударьи каркыны наиболее близки к эрсары, составляя здесь их подразделение. Они пользовались почти теми же привилегиями, что и эрсары, высокомерно относились к представителям мелких туркменских групп, живущих на обоих берегах средней Амударьи. Последние, будучи не в силах защитить себя от внешних врагов, от тирании бухарских эмиров и местных феодалов, влачили жалкое существование. Многие из них искали защиты у более сильных и компактно живущих эрсары и тяготели к ним. Поэтому представители баят, хыдырли и многих других, оказываясь на местах, где их не знали, выдавали себя за эрсаринцев.

Несмотря на разрозненность и малочисленность, каркыны сохранили (как и эрсары) некоторые кочевые традиции и пережитки военной демократии. В прошлом за ними утвердилась слава воинственных и гордых людей. Их называли «каркыны, не расстающиеся с саб-

[1] В Теджене такие объединения назывались «магаллак».

[2] Обычай искать пристанище и приют у других племен был очень распространенным явлением в дореволюционном Туркменистане.

лей» (гылычлыджа гаркын). У них распространено выражение: «Чтобы каркыны перекочевали на новое место, им достаточно увидеть других кочевников»[1]. Такое выражение существовало и у огузов.

Каркыны поддерживали связь с элечами, вошедшими, как и каркыны, в состав эрсары. Непослушного и упрямого человека каркыны характеризовали как «собаку элечцев». Группа элеч держалась обособленно в составе эрсары, предпочитала эндогамные браки. Позднее часть из них вошла в состав прикаспийских туркмен. Элеч можно отнести к разряду древних тюркских племен Туркменистана. Группу населения, переселившуюся в Саят из местности Неразим (она находится на правом берегу Амударьи, к югу от Фараба), каркыны неуважительно называли «неразимли» только потому, что в языке и материальной культуре те испытали некоторое влияние соседних узбеков. В группу неразимли входили туркмены, узбеки, таджики и другие народности.

Таким образом, каркыны на Амударье подпали под влияние эрсары и слились с ними, составив одно из их родовых подразделений. Старики рассказывали: «Еще в древние времена мы выдавали своих дочерей замуж за эрсаринцев и женили своих сыновей на их дочерях»[2]. Женщины-каркынки, как и эрсаринки, повязывали голову «сары лечек» (желтым платком)[3].

Иногда каркыны поддерживали также родственные связи с сакарами. Согласно этнографическим данным, каркыны, живущие в Афганистане, составляют самостоятельную от эрсаринцев многочисленную племенную группу, есть различия в их быте и говоре.

В установлении брачно-родственных отношений большую роль играли и семейные родословные. Среди каркынов (как и у эрсары) в сравнительно небольшом количестве жили потомки «рабов (гул) и рабынь (чоры)», или так называемые «нечистокровные туркмены». Как утверждали старики, по физическому типу они отличались от «чистокровных». Каркыны и эрсары, как никто более в Туркмении, четко придерживались этих

[1] Бытует аналогичное общетуркменское выражение.
[2] Полевая запись автора в Саятском районе, 1968 г.
[3] Женщины-сакарки носили белый платок («ак лечек»).

делений. Во времена феодальных войн с соседями захваченных в плен рабов и рабынь довольно легко переправляли через Амударью и сбывали на базарах Бухары. Именно по этой причине у эрсары и каркынов мало «нечистокровных». Немногие семьи, оставшиеся среди них, жили изолированно и мало смешивались с основным населением. В этом, по нашему мнению, одна из основных причин сохранения эрсаринцами древнетюркского типа. У каркынов «гулы» батрачили на баев. Если раб был старательным и хозяин был им доволен, последний подыскивал ему подходящую невесту. Роды арык, чекбаши, союн, келлер у каркынов считались потомками таких браков.

У каркынов бытовал древний обычай умыкания невесты («гыз гачмак»). Как и у эрсары, салыров, сарыков и некоторых других туркмен, здесь случаи умыкания невесты были часты. Происходило это двояким образом. Если девушка была согласна выйти за юношу, то они заранее договаривались о встрече. Об их взаимных симпатиях знали их родители и не мешали им. Если они были к тому же обручены по сговору, то жених в любое время мог организовать «похищение» своей невесты. Такой поступок со стороны родителей молодоженов и аульного общества не осуждался.

Насильственное похищение происходило лишь в случае, если родственники жениха были более многочисленными и зажиточными. С этим древним обычаем умыкания невесты мы сталкивались при описании свадьбы туркмен-салыров[1], он бытовал также у огузов. Умыкание бытовало именно у туркмен, сохранивших больше огузских черт.

По утверждениям каркынов, они имели благородное происхождение и поэтому были на голову выше своих соседей. В прошлом они ткали ковры и ковровые изделия, кошмовалянне у них было менее распространено. Выделкой кошм в Саяте славились туркмены-эски, у которых приобретали кошмы все чарджоуские туркмены. Цветные кошмы здешние туркмены раньше не вы-

---

[1] Джикиев А. Свадебные обряды туркмен-салыров в конце XIX—нач. XX вв.//Тр. ИИАЭ. Т. 7. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1963. С. 151—172.

делывали вообще, а покупали их также и у сарыков, живших когда-то на правобережье Амударьи[1].

По словам старожилов, в далеком прошлом каркыны имели большие стада овец и других животных. Исчезновение промысла ковроделия в настоящее время они объясняют именно отсутствием скота и шерсти. Любопытно также, что их ближайшие соседи — сакары вообще не помнят о том, что когда-то они занимались ковроделием. Этим ремеслом не занимались и другие мелкие группы туркмен Амударьи, у которых существовали древние земледельческие традиции.

Несмотря на то, что каркыны (как и эрсары) давно живут оседло (в течение последних двух столетий) и занимаются земледелием, они сохранили некоторые традиционные черты полускотоводческих народов. Этим можно объяснить их отношение к своим соседям, имеющим древние земледельческие традиции. Каркыны считали унизительным занятие мелкими ремеслами, им почти незнакомо шелководство.

У каркынов, как и у эрсаринцев, човдуров и других, стойко сохранялись религиозные праздники, древние игры и развлечения, некоторые бытовали как пережитки половозрастных групп.

Сакары. Алка-ойли и кара-ойли составляли, по-видимому, два небольших племени в туркмено-огузской среде. Под названиями алка болюк, алкырэвли, караболюк, кара-эвли они известны Махмуду Кашгарскому и Рашид ад-Дину. Тамги, описанные у Махмуда Кашгарского и Абульгази (у Рашид ад-Дина их нет), не совпадают, у последнего (XVII в.) они слишком упрощены. Сведения об алка-ойли и кара-ойли Абульгази, по-видимому, заимствовал у названных авторов.

Ценные сведения о происхождении сакаров от туркмено-огузского племени кара-ойли сообщает Абульгази: «Кашга чара[2] ... обосновался на берегу Аму (близ Аджи-тенгиза) и зажил (там). Его потомков называют Кара-ойли... В настоящее время их называют Таг сакары; это потому, что они — потомки Кашга-чора. Кашга и Сакары один и тот же смысл»[3].

[1] Большая группа потомков сарыков и чандыров проживает ныне в сельсовете Сарык Каршинской области Узбекской ССР.

[2] Слово «чоры» в эрсарынском диалекте означает «раб», «прислуга».

[3] Абульгази. Родословная туркмен... С. 77—78.

В связи с этими очевидными фактами странным и непонятным является следующее мнение Х. Юсупова: «Если вспомнить приводимую у А. Джикиева легенду о кораблекрушении, то можно предположить, что корабль прибыл из Ширвана, когда на восточном берегу в районе Куня-Огурджа жили шихи — Кара-баба... они, вероятно, были кара-ойлинцами, которые переселились в Нижний Узбой в первой половине XIV в.»[1]. Согласно собранным нами историко-этнографическим материалам, «... шихи жили в Хиве, оттуда ушли в Ахал, в местность Джеджрис (Сумбар), и затем разошлись в разные стороны. Впоследствии шихи, селившиеся на побережье, не раз пытались вернуться в родные места, в Ахал. В Кызыл-Су шихи пришли из района Карры-кала»[2].

Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что кара-ойли никакого отношения к шихам побережья не имеют.

Далее Х Юсупов, развивая свою мысль и ссылаясь на предположение Г. П. Васильевой (нет ссылки на ее труды), пишет: «...кара-ойли, видимо, в конце концов утеряли свое племенное имя и стали называться по имени центра своего расселения Огурчи—Огурджали, они-то, вероятно, и составили ядро будущего огурджалинского племени, передав это имя объединившейся с ними в силу каких-то причин южной группе прибрежных туркмен-рыболовов»[3].

Наши многолетние исследования этнографии, родоплеменного состава и этногенеза туркмен-огурджали не обнаружили никаких следов участия в их формировании племени кара-ойли. Поэтому мы считаем, что приведенные предположения лишены основания[4].

Следовательно, потомков Кашга-чора называли кара-ойли, а во времена Абульгази их стали называть таг-сакарами. Во время правления хивинского хана Мадамина к жившим тогда в Хиве сакарам присоединились и даг-сакары из Сакар-Дарьи.

На наш взгляд, туркмены-сакары являются потом-

---

[1] Юсупов Х. Приузбойские туркменские племена в XIV—XV вв. Ашхабад, 1975. С. 23.

[2] Джикиев А. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961. С. 40.

[3] Юсупов Х. Указ. раб. С. 55—56.

[4] Подробно об этом см. нашу монографию: Туркмены...

ками исчезнувших (со времен Абульгази) из письменных источников кара-ойли (аналогичное случилось и с язырами, которых сменили с середины XVII в. карадашлинцы). Сведения о кара-ойли в литературе после Абульгази отсутствуют, а об алка-ойли Абульгази упоминает единственный раз в списке названий туркменских племен. О туркменах ала булюк, живших в окрестностях Ургенча, упоминает хивинский историк Мунис в связи с событиями, происшедшими в 1779 г.[1].

Историческая и современная этнография туркмен не располагает достоверными данными о наличии потомков туркмен алка-ойли среди туркменского населения нашей республики. Они отсутствуют также в схеме родоплеменных делений туркмен, составленной этнографами. В то же время не исключено, что их потомков можно обнаружить среди многочисленных крупных и мелких групп туркмен. Такая попытка впервые сделана Г. Н. Карповым, Г. П. Васильевой и Я. Р. Винниковым.

Итак, последним автором, упоминавшим о туркменах кара-ойли, был Абульгази. Для поиска их прямых потомков большое значение имеет его сообщение, что кара-ойли стали называться «таг-сакарами». Эти сведения удачно дополняются и этнографическими материалами.

Как известно, потомки туркмен-сакаров живут в Приамударьинских (Саятском, Чаршангинском и других) и северных (Ильялинском) районах Туркменской ССР сравнительно недавно. Сакары, жившие вдоль арыка Соганлы, были переселены в Хиву, а их земли временно заняли сарыки. Политическая история сакаров в некоторой степени известна.

Потомки небольших групп сакаров (гараходжа) (10—15 хозяйств) живут в Ильялинском и Ленинском районах. По преданию, сакары ушли из оазиса во главе с Аманмырат Сердаром[2]. В архивах хивинских ханов имеются материалы, говорящие о переселении сакаров в Хивинский оазис в начале XIX в. Существует предание о их возвращении из Хивинского оазиса в Чарджоу.

В Хиве было смутное время. Этим решили воспользоваться сакары, жившие тогда в большой нужде. Во

[1] МИТТ. Т. 2... С. 358.

[2] Полевая запись автора в Ильялинском районе, 1968 г.

главе со своим предводителем они начали тайно готовиться к побегу, для этого они решили применить традиционную для всех туркмен хитрость. В юртах развели огонь из дымящегося сырого помета. Из юрт в течение 3 дней выходил дым, а сакары под покровом ночи, нагрузив свои вещи на лошадей и верблюдов, ушли из пределов оазиса. Когда на 4-й день их уход обнаружили, было уже поздно. Так они вернулись в родные места, где живут и поныне их потомки.

Для восстановления истории сакаров чрезвычайно большое значение имеет предание, записанное в 1931 г. Ю. Егенмурадовым в ауле Уларык Сакарского района (по инициативе Г. И. Карпова). У Абульгази есть сведения о том, что таг-сакары арендовали землю у Эрсары-баба и платили ему аренду. Предания отражают Мангышлакский и Балханский периоды, то есть XV—XVII вв., в жизни сакаров, когда они, будучи сравнительно малочисленным племенем (как и другие мелкие племена), находились в некоторой зависимости от влиятельного племени эрсаринцев. Если последние занимались преимущественно скотоводством, то сакары, по-видимому, в основном были земледельцами.

Несмотря на то, что с тех пор прошло более 300 лет, потомки этих двух племен до недавнего времени сохраняли старые земледельческие традиции в хозяйстве. Например, сакары были известны как искусные шелководы, обеспечивающие своих соседей-эрсаринцев, каркынов и других шелковой пряжей и изделиями из нее (алача). Как известно, шелководством занимались преимущественно те народы или племена, которые издавна жили оседло и занимались земледелием[1]. Соседи сакаров — эрсаринцы, каркыны и эски — мастерски выделывали кошмы, ткали ковры. Это ремесло достигло своего совершенства у полускотоводческих туркменских племен. Судя по всему, сакары были одним из древних земледельческих туркменских племен (хотя в какой-то степени они сочетали его со скотоводством), сохранившим старые традиции в хозяйстве. Сакары, жившие в ауле Уларык, не смешивались со своими

[1] Изготовлением шелковой материи занималась и часть огузов, привязанных к земледельческому хозяйству//Книга моего деда Коркуда. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 22.

соседями и держались несколько обособленно даже по отношению к остальным сакарам, предпочитали эндогамный брак. Они делились на 4 колена: асуванлар-гылдырлар, даразлар-легклеклер. В семейно-брачном отношении это деление отдаленно напоминало фратриальное. Группируясь попарно, они образовывали две эндогамные группы, а колена в основном были экзогамными. Брачно-родственные отношения устанавливались между асуванами и галдырами, с одной стороны, даразами и легклеками — с другой.

Как и у других туркмен, у бедняков был распространен обычай «суиг алышма», по которому две семьи обменивались невестами. По словам старожилов, в отличие от большинства других туркмен, сакары предпочитали дальние браки с чужеродными, хотя встречались браки и между родственниками по материнской линии.

Сакары не делили соплеменников на чистокровных и нечистокровных. Старожилы говорили, что у сакаров нет нечистокровных.

В прошлом у них был распространен обычай умыкания девушек. Если умыкание случалось с равными «по кости», то оно почти не вызывало нареканий. Если же похищенная девушка ранее была обручена, то ее возвращали обратно, а похитителя наказывали.

В отличие от соседей, сакарские женщины носили платья и платки из белых тканей. Молодая женщина в течение 15 дней после свадьбы носила головной убор «хасава», который в недавнем прошлом бытовал у эрсары и каркынов. Г. И. Карпов, собравший некоторые материалы о сакарах в 1931 г., писал: «В быте женщин и говоре есть сходство с салырами... В говоре же сохранились особенности салырского шива (диалекта): «эт-дур», «койдур» и др. Женщины носят дастар и называют его «лечек». Сакарское племя иссгари считает родственным себе племя салыр»[1].

В диалекте сакаров, действительно, сохранились некоторые местные особенности. Некоторые особенности в языке сакаров, которые были замечены и нами, роднят их с туркменами-гоклепами, карадашлинцами и алили.

До недавнего времени сакары сохраняли пережитки

[1] Карпов Г. И. Этнический состав... С. 141.

родовых делений, имея 5 крупных родов — мерье, ходжаннебег, гызан, сыядагсакар и гарамахмыт. Самым крупным и уважаемым (акгасы) считался род мерье, имевший 12 мелких родов. Ходжаннебег имел 10 подразделений, гызан — 8, сыядагсакар — 7, гара махмыт —5 мелких родов (тире). Среди них основными считаются следующие: ковки, гогайлар, чилленлер, чакмак, гокдже, койукоер, ысмайыллар, лараз, дэли, кетев, ших, канелер, бегиннебег, кенегес, келтеяп, тапги, улкесер, эшек-курпе, чагатай, мираплар, уларык, пагталылар, улы сыя, кичи сыя, гавунчы, хорасанлы, велбай и т. д.[1].

В 1931 г. потомки сакаров в основном жили в Чарджоуской группе районов и отчасти в Марыйской области. В Мары они жили разбросанно в 14 аулах общим числом 4837 чел., основная же масса жила в Чарджоу. Во всех 50 аулах племени сакар имеется 2641 хозяйство с населением 15032 чел. (по данным 1932 г.)[2]. Анализ родоплеменного состава показывает, что сакары, как и другие туркменские племена, образовались из различных компонентов, вошедших в их состав в различные периоды, хотя в целом они сохранили присущие им особенности.

Значительная часть родовых названий, как и у других туркмен, связана с местом их проживания: сыядаг, хорасанлы, лебабы, «Сыядаг» обозначает «черная гора». На Мангышлаке и на Балханах, где согласно данным Абульгази, в позднем средневековье жили предки сакаров, имеются горы с названием «Гара-даг». Следовательно, название «сыядаг» у сакаров возникло в период их пребывания в Северо-Западном Туркменистане. Есть все основания считать, что сыядаг-сакары являются прямыми потомками таг-сакаров, которые, живя на Балханах, арендовали земли и водные источники у Эрсары-баба. Название «хорасанлы» («жители Хорасана»)[3] утвердилось за группой сакаров, живших в Южном Туркменистане (как известно, группа средневековых салыров также носила название «хорасанские салыры»).

---

[1] Полевые записи Бегниева Аганияза в Сакарском районе.

[2] Карпов Г. И. Указ. раб. С. 239.

[3] Хорасан — название территории, которая, по приблизительным данным, охватывает весь Южный Туркменистан и северо-восточную окраину Ирана.

О происхождении группы «Чагатай бала» («Дети Чагатая»). В прошлом они могли входить в Чагатайский улус. Впоследствии эти племена вошли в состав узбеков, таджиков, каракалпаков и казахов. Я. Р. Винников писал: «Представители этого подразделения заявляют, что их предки уже жили на занимаемой территории, когда здесь поселились другие подразделения сакаров, и что раньше они по языку, культуре и быту существенно отличались от них. Теперь между родом чагатай и их соседями-сакарами нет никаких существенных различий. Возможно, что чагатаи по своему происхождению принадлежали к узбекам чагатайского улуса, которые затем ассимилировались туркменами-сакарами». Материалы Я. Р. Винникова о происхождении «чагатай бала» интересны и возможно, что чагатайцы еще до прихода сакаров жили на Амударье. Но возражение может вызвать утверждение этого автора о том, что в Чагатайский улус входили одни узбеки. По сообщению Абульгази, на Мангышлаке и на Балханах жили туркмены, входившие в Чагатайский улус[1], который имел, в основном, политическое значение. В связи с этим название «чагатай»[2] могло возникнуть у сакаров и других туркмен, не имевших даже близкого соседства с узбеками. Род чагатай был и в составе текинцев. Значительное число чагатайцев, говорящих на узбекском и таджикском языках, проживает в южных районах Узбекистана и Таджикистана[3]. Следовательно, судя по тому, что группы чагатай встречаются по всей западной и средней части Средней Азии, можно предположить, что возникновение их связано с периодом Золотой Орды и Чагатайского улуса. Это позволяет говорить «... о процессе этногенеза всех народов Средней Азии как целостного явления от его истоков до нового времени»[4]. По другой версии, слово «боло» на таджикском языке означает «верхний», а «паян» — «нижний».

Название «лебаби»[5] имеет явно местное, амударь-

---

[1] **Абульгази.** Родословное древо тюрков...

[2] Чагатаи, будучи племенем отчасти чингизидского происхождения, составили опору тимуридов в их завоевательных походах.

[3] **Кармышева Б. Х.** Очерк этнической истории населения... С. 56—57.

[4] **Гафуров Б. Г., Литвинский Б. А.** Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: Тезисы. М., 1976. С. 3.

[5] «Лебаб» — одно из поэтических названий Амударьи.

инское происхождение, так как оно в других районах Туркменистана не встречается. Оно, возможно, является осколком древнего местного земледельческого населения.

Родоплеменное деление сакаров представляет собой сложный список разнообразных туркменских и тюркских наименований. Сакары, являясь, по нашему мнению, потомками средневековых туркмен—гара-ойли, внесли определенный вклад в этногенез и образование современного туркменского народа. Историческая обстановка XVII—XIX вв. заставила их неоднократно менять места поселения и нередко искать покровительства у более могущественных туркменских племен. Будучи сравнительно малочисленными, они не раз терпели притеснения со стороны хивинских ханов, которые умышленно разжигали у туркмен межплеменную рознь.

Несмотря на все перипетии истории, сакары, являясь частью туркменского народа, до недавнего времени сохраняли некоторые свои особенности в быту и культуре. По сравнению со своими соседями-эрсаринцами и каркынами они имеют более европеоидный тип лица, присущий древним жителям Закаспия. Это еще одно свидетельство того, что туркмены-огузы, объединенные в одном политическом союзе, в этнографическом и антропологическом отношениях были крайне неоднородны. Поэтому, говорить о единых туркменских или огузских признаках туркмен раннего средневековья невозможно и нет никаких оснований. Этнические и консолидационные процессы, происшедшие в XIX — XX вв., способствовали стиранию межплеменных и локальных особенностей каркынов и сакаров и слиянию их в составе туркменского народа.

Арабачи (канклы) — согласно письменным источникам — канглы, канклы — древнее тюркское племя, по происхождению близкое к средневековым огузам-туркменам. Племя канклы играло большую роль в политической жизни среднеазиатских тюркских каганатов. Генетически они близки к кипчакско-печенежской группе племен, живших по соседству с огузами. В китайских источниках упоминаются тюркоязычные племена, жившие к западу от Алтая, среди которых были «... гузы, канклы или печенеги, древние болгары и гунны»[1].

[1] Гумилев Л. Н. Указ. раб. С. 25.

Некоторые кипчакские племена... смешавшись с канглами, образовали народ, известный под именем команов или половцев»[1].

Рашид ад-Дин относил племя канглы к огузской, то есть тюркской группе племен, считая, что это «... огузы, которых нынче все называют туркменами и которые разветвились на кипчаков, халачей (халаджей), канглы, карлуков и другие прилежащие к ним отрасли...»[2]. Вообще же Рашид ад-Дин племя канглы вместе с уйгурами, кипчаками, карлуками, халачами и агаджери относит к «Потомкам братьев Огуза и некоторых двоюродных братьев, присоединившихся к нему». О происхождении канглы он сообщает следующее: «Канглы, также в то время, как Огуз, сражался с отцом, дядями, братьями, двоюродными братьями, грабил и делал набеги на страны до Хотана из числа племен, приставших к нему из родичей и объединившихся с ним. Это племя во время грабежа, когда нагружали на четвероногих добычу, при помощи собственного умозаключения построило телеги, на которых погружало добычу, награбленное и свое имущество. Телегу по-тюркски называют канглы. Эти племена по этой причине и назвали канклы. Все ответвления канклы происходят из рода их»[3].

Абульгази тоже приводит рассказ о происхождении канклы, который в целом аналогичен приведенному Рашид ад-Дином преданию, но имеет некоторые различия: «Огуз-хан напал на татар. Татарский хан с многочисленным войском выступил (против него); они сразились. Огуз-хан внезапно напал и разбил его (татарского хана) войско. В руки Огуз-ханова войска попало много добычи; (для ее) погрузки не хватало вьючного скота. ... Один хороший искусный человек, поразмыслив, построил арбу. Глядя на него, все построили арбы и, погрузив (на них) добычу, возвратились (домой). Арбу назвали канк. До этого не было ни ее самой (то есть арбы), ни ее названия; ее назвали канк потому, что во время движения она производит звук канк. Человека, построившего ее, прозвали Канклы. Весь иль Канклы — потомки человека того»[4]. Абульгази сообщает

[1] Гумилев Л. Н. Указ. раб. С. 268.
[2] МИТТ. Т. 1. С. 494.
[3] Там же. С. 497—498.
[4] Абульгази. Родословная туркмен... С.43.

также сведения о расселении канклы: «Канглы жили вместе с тюркманами, перейдя в область тюркманов, они поселились на берегах Иссык-Куля, Джуды и Телаша, здесь жили много лет»[1]. Эти предания в значительной степени отражают реальные факты. Канклы представляли собой не одно племя, а группу тюркских племен. Это тюрки, близкие огузам, хотя и отличались от них. Этому племени приписывается изобретение колесного транспорта, то есть арбы, среди огузов.

Этимология слова «канклы» выяснена учеными. У В. А. Гордлевского и С. Е. Малова читаем: «В Анатолии до сих пор сохраняется арба (двухколесная) на высших сплошных деревянных колесах, носящая название канклы (экипаж)». Возможно, канклы, живя по соседству с Китаем, могли одними из первых тюрок позаимствовать от них колесный транспорт[2]. В данном случае название «канклы» объединяет группу тюркских племен, специализировавшихся на сооружении повозок. Позднее эта группа канклы уже в туркменской среде получила название арабачи.

Судя по данным письменных источников, еще в раннем средневековье группа племен канглы жила в Малой Азии. Например, В. А. Гордлевский, ссылаясь на труды турецкого ученого Ахмеда Рафика (умершего в 1937 г.), писал: «Задолго до огузов началась тюркизация Малой Азии. Племена: калач, карлуки, кангли, кипчаки давно осваивали туземное население страны»[3]. Племена канглы, по-видимому, в числе других тюркских племен были переселены на границу Персии с Византией для защиты границ. Племена канглы в своей массе ушли (не единовременно) на запад в Закавказье и Малую Азию, где составили значительный пласт в этногенезе азербайджанцев и турок. В Малой Азии они, в отличие от некоторых туркмено-огузских племен, не сохранили свое племенное название. В Закавказье сохранилось топонимическое название «Канклы». «Из шести примкнувших к огузам тюркоязычных племен,

---

[1] Абульгази. Родословное древо тюрков... С. 34.

[2] Гордлевский В. А. Государство сельджукидов... С. 128; Малов С. Е. Памятники... С. 86, 411. Канклы на древнетюркском означает — повозка, телега, колесница, проезжая дорога//Древнетюркский словарь. М., 1969. С. 419.

[3] Гордлевский В. А. Указ. раб. С. 6.

которые участвовали в сельджукском завоевательном движении, на территории Заказкавья установлены этнонимы пяти: агач, канклы, карлук, кипчак, халадж»[1]. Часть племени канклы осталась в Средней Азии и вошла, главным образом, в состав дешти-кипчакской группы народностей — узбеков, казахов, каракалпаков и других, в родовом составе которых сохранились группы населения, носившие первоначальное название канглы. Согласно письменным источникам, узбеки делились на четыре тупе: 1) уйгуры и нойманы; 2) конграты и кияты; 3) нукузы и мангыты; 4) канглы и кипчаки . У туркмен остатки племен канглы сохранились под названием канглы и арабачи.

Канглы образуют небольшие родовые группы в составах различных племен. Слова «канклы» и «арабачи» — синонимы и означают «людей, изготовляющих повозки». Для доказательства того, что туркмены-арабачи являются прямыми потомками племен канглы, приведем и некоторые историко-этнографические материалы о них.

Потомки арабачинцев расселены разбросанно и встречаются небольшими группами, главным образом, в Северном Туркменистане и в прикамударьинских районах Туркменской ССР. Отрывочные данные о арабачи содержатся в статьях и работах В. Г. Мошковой, Г. И. Карпова, Г. Е. Маркова, Я. Р. Винникова и других. Туркмены-арабачи расселялись следующим образом: «По данным И. П. Магидовича, туркменское племя арабачи численностью в 2825 человек в 1924 г. было расселено в Дейнауском и Фарабском районах. По материалам, собранным при подготовке к переписи 1926 г., туркмены-арабачинцы численностью 222 человека жили близ арыка Зергуман Дейнауского района..., вторая группа арабачинцев численностью в 401 чел. (1925 г.) жила близ арыка Барагиз-Арабачи... Третья группа численностью в 622 человека была расселена по арыкам Араки и Келлеан Буюн Узунского сельсовета Московского района. В Фарабском районе арабачинцы численностью свыше 50 хозяйств занимали кишлак (арык) Арабачи..., в пределах Ходжамбасского района араба-

[1] Гусейнов Р. А. Указ. раб. С. 6.
[2] МИТТ. Т. 2. ... С. 328.

чинцы жили близ арыка Арабачи»[1]. Эти сведения дают довольно ясную картину расселения арабачи в XIX—XX вв. Незначительные группы арабачи живут в Ташаузской группе районов и в Каракалпакской АССР. «По сообщению бывшего председателя аулсовета Боин-Узун Ата Мурадсапарова в этом ауле проживает (1928) туркменский род арабачи в числе 400 кибиток, которые 200 лет тому назад пришли сюда из Хивы, а до этого жили на Мангышлаке»[2]. Письменные источники и этнографические материалы говорят о том, что канклы-арабачи по своему происхождению близки к хесенхановской човдурской группе туркмен. По этому поводу В. Г. Мошкова высказала такое предположение: «Неясным остается вопрос о племени арабачи. Некоторая туманность изложения этого места у Абульгази не дает возможности утверждать на основании его данных, что арабачи входили в состав этого (имеется в виду човдурского. — А. Д.) племенного объединения. Тем не менее мы относим их сюда, основываясь на утверждении народного предания современных арабачи, считающих свое происхождение общим с човдурами и игдирами. Об общности этого происхождения говорит и весь этнографический облик арабачи»[3].

Абульгази сообщает, что туркменский предводитель Салор Огурджик по пути из Крыма на Мангышлак, перейдя реку Яик (т. е. Урал), столкнулся с народом канклы, у которого ханом был Кок Тонлы[4] («человек в синем халате»). Народ канклы позднее продвинулся на юг и поселился на Мангышлакском полуострове по соседству с туркменами човдурской или эсеновской группы. Абульгази, говоря о подданных хивинского хана, писал, что «... в его время арабачи давали четыре тысячи податных овец и четыреста котловых овец»[5]. Значит, на Мангышлаке арабачи и човдуры жили по соседству. Човдуры были более многочисленными и оказывали на арабачи большое влияние, потому и арабачи, оказавшись в новой среде, стали родственными човдурам. Нередко они выдавали себя за один из родов човдуров.

---

[1] Виников Я. Р. Родоплеменной... С. 67—68.
[2] Карпов Г. И. Этнический состав... С. 158.
[3] Каррыев А., Мошкова В. Г., Насонов А. Н., Якубовский А. Ю. Очерки... С. 184.
[4] Абульгази. Родословная туркмен. ... С. 72.
[5] Абульгази. Родословное древо... С. 186.

Это подчеркивают и народные предания арабачи, приведенные В. Г. Мошковой. Общность облика арабачи и човдуров является результатом их совместной жизни на Мангышлаке. Об их близости свидетельствуют и следующие данные из сочинений Мунис и Агехи «Фирдаус-ул-ик-баль» (1824 г.): «Правитель Бухары эмир Хайдер отправил ... на Хорезм (туркмен) отделения арабачи човдурского племени, в том числе сто конных, во главе с Мухамметберды-беком с тем, чтобы они воровским путем напали на степных жителей (бадиеншин) этого (хорезмского) государства»[1].

Согласно этнографическим материалам «... своими ближайшими родственниками арабачи считают туркмен-чандыров, хотя брачных отношений с ними до недавнего прошлого не имели»[2]. Эти данные о близости арабачи к човдурам, а также к чандырам, говорят в пользу выше приведенного предположения о том, что названия «човдуры, чавулдуры, чандыры» означают одно и то же и что они все происходят от огузского племенного названия «чавулдур».

По данным Г. И. Карпова и Я. Р. Винникова, родоплеменные названия арабачи в основном следующие: «яры, дадек (дедек), гогем, эрдем, гуланчи, окерджи (окрджи), ак гулак, джемал, гарлык, ак гарлык, гара гарлык (карлюк), акджа, дамак, сувчи, шамак джинаил и другие. В целом родовой состав арабачи так же, как и у других туркмен, характерен пестротой. Часть этих родов носит названия, широко распространенные среди туркмен: яры, гогем, гуланджи и другие.

Интересны два родовых названия—окурджи и карлюк (по туркменски — гарлык). Названия рода окурджи в разных вариантах — в форме угурджи, укурджикли (у салыров), угры (у абдалов), огурджа (прикаспийские туркмены) и других встречаются у многих туркмен и происходят от одного корня. К этому названию имеют отношение известный предводитель салыров Салор Огурджик (XIV в.) и поселение Огурджа. По этому поводу можно высказать много предположений, но ясно одно: все роды, носившие эти названия, связывают свою историю с прикаспийскими районами. Карлыки (гар-

[1] МИТТ. Т. 2. ... С. 424.
[2] Винников Я. Р. Родоплеменной... С. 68.

лык, карлюк) участвовали также в этногенезе и узбеков и туркмен. В составе арабачи род карлюк (гарлык) подразделяется на гарлык и гара гарлык. Дело в том, что «карлук» на узбекском и «гарлик» на туркменском языках однозначны. Эти карлыки и известные в исторической науке тюрки-карлюки этнически и исторически происходят от общих предков. К. Шаниязов приводит сведения о том, что серьезное сопротивление арабам оказали еще «... в начале VIII в. на границе с каратегином тюрки-карлюки вместе с туркменами и другими тюркоязычными племенами»[1]. И далее: «Следует отметить, что территориальная близость карлуков Алатского района к туркменам, а также обычай жениться на девушках-туркменках, видимо, несколько повлияли на их физический склад, быт и язык. Язык алатских карлуков, внешность, домашний обиход, быт и обычаи очень близки к туркменским. Однако туркмены левого берега Амударьи, особенно чарджуйские, не признают их за туркмен, называя карлуков этническим термином «тат»[2]. Эти сведения наглядно показывают наличие этнических связей карлуков с туркменами левого берега Амударьи.

Туркмены Чарджоуского, Дейнауского и Фарабского районов имели общее происхождение с туркменами Алатского и Каракульского районов Бухарской области УзССР и до настоящего времени поддерживают брачно-родственные отношения. Наличие группы карлюк, гарлык в составе туркменского и узбекского народов также свидетельствует об этом. Говоря о женитьбе и семейно-родственных связях алатских карлуков и туркмен, К. Шаниязов, по-видимому, имел в виду брачно-родственные связи туркменских и узбекских карлуков, которые ныне вошли в состав этих двух народов, живущих по правую сторону Амударьи, причисляют себя к узбекам, а по левую сторону реки — к туркменам. Узбекские и туркменские карлуки имеют одинаковый семейно-бытовой уклад и определенный антропологический тип. Этим объясняется тот факт, что «... алатские карлуки по всем признакам близки к туркменам».

Что касается возможных связей туркмен арабачи с узбеками канглы, то согласно этнографическим матери-

---

[1] Шаниязов К. Узбеки карлуки. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1964. С. 27.

[2] Там же. С. 39—40.

алам, данным В. Г. Мошковой и письменным источникам, туркмены арабачи в позднем средневековье в какое-то время входили в човдурский союз племен. По данным же Абульгази, канглы вместе с кипчаками составляли основное ядро дешти-кипчакского союза племен.

Этнограф К. Ниязклычев выявил наличие близких этнических и брачно-родственных связей туркмен-човдуров с каракалпаками, казахами и северными узбеками: в элементах одежды, в конструкции и названиях юрты, в свадебных обрядах, в языке, народном творчестве, музыке и других[1]. Следовательно, есть основание считать, что арабачи и канглы, вошедшие в состав туркмен и узбеков, связаны общим происхождением и когда-то безусловно входили в племенной союз канглы. Впоследствии представители канглы вошли в состав многих тюркоязычных, в том числе и туркменского народов.

Дуеджи — туркменское племя, описанное в исторических источниках в сравнительно поздний период. Самоназвание у разных групп этого племени разное: в прикаспийских районах оно «днеджи», в Северном Туркменистане и в Приамударьинских районах — «дуеджи», «тевечи», в письменных источниках — дуеджи, теведжи, тоючи, девечи и другие.

В письменных источниках о племени дуеджи (мы принимаем этот наиболее распространенный этноним) встречаются лишь отдельные отрывочные сведения и упоминания. Дуеджи, как и арабачи, было наиболее разбросанным племенем, представители которого жили в Приамударьинских районах, в Прикаспии, составляя значительную прослойку в составе туркмен-огурджали, а также в Северном Туркменистане, в Каракалпакской АССР. За рубежом дуеджи живут на Атреке, в пограничных с Туркменской ССР районах Ирана.

Впервые достоверные сведения о дуеджи и происхождении этого этнонима находим в «Родословной» Абульгази, хотя это обстоятельство ничуть не мешает нам выдвигать предположения о более раннем происхождении этого племени. Не было племенного названия дуеджи в составе огузов.

[1] Ниязклычев К. Туркмены-човдуры (к вопросу о консолидации туркмен): Рукопись канд. дисс. Ашхабад, 1969.

В сочинении Абульгази много сведений о происхождении племени «дуечи»[1], а также о том, что в его времена на Абульхане (т. е. на Балханах. — А. Д.) «... по обоим берегам реки жило поколение Алий. Отселе до того места, где река вливалась в море, жили верблюдоводы», и что «Тоючи» (занимавшиеся верблюдоводством) и Алий или (налог. — А. Д.) платили также и скотом»[2].

Абульгази довольно подробно и правдиво описал происхождение племени дуеджи. Значение слова дуеджи (теведжи) А. Н. Кононов, Туманович и Саблуков толковали как «погонщик верблюдов», «верблюдоводы». Наиболее правильным представляется второе толкование. Согласно Абульгази, теведжи состояли из представителей разных племен и специально занимались разведением верблюдов, принадлежавших хивинскому хану. Народные предания также связывают происхождение слова «дуеджи» с разведением верблюдов. Данные Абульгази и полевые этнографические материалы почти сходятся.

В докладе Роулинсона, прочитанном на заседании королевского английского Географического общества 2 января 1879 г., говорилось: «Весьма вероятно, что парфянское племя дагэ было то самое, о котором говорят китайцы, называя его Тагия (Тахуа) и которое в конце III столетия р. х. было оттеснено племенем Юэчи из-за Амударьи на запад к Каспийскому морю; до сих пор не решено, было ли племя Та-очи, которых столица называлась Сули и которых китайцы нашли во II и в IV вв. по р. х., между Ниссою и Дегистаном, племенем другим или это были те самые дагэ, названные лишь этим искаженным именем? Некоторые писатели сравнивали Тначи с таджиками, но подобное сопоставление не имеет достаточного обоснования»[3]. Эту цитату мы привели ради упоминания в ней двух племенных названий, которые в античное время (согласно китайским письменным источникам) встречались в Южном Туркменистане. Во-первых, это племя дагё и страна Тагиэ[4].

[1] Абульгази. Родословная туркмен... С. 77.

[2] Абульгази. Родословное древо... С. 183, 186.

[3] Роулинсон. Юго-восточное побережье Каспийского моря и дороги от него в Мерв//Записки Кавк. отд. Имп. РГО. Кн. II. Вып I. Тифлис, 1880. С. 139.

[4] В клинописи «даха», у китайцев — «дахя».

То, что эти названия поразительно схожи с названием туркменского племени теке, бесспорно. Но насколько достоверно это сравнение, судить пока рано. Здесь интересно сходство названия античного племени тиаочи с названием дуеджи или тевечи. Оба племени — тиаочи и дуеджи — издавна жили и живут ныне на территории современного Туркменистана. Если же между ними имеется какая-то связь, то это позволит говорить о более ранних местных корнях племени дуеджи, то есть его автохтонности.

Видимо, с очень давних времен среди туркмен были группы или племена, которые славились умением разводить породистых верблюдов. Так как верблюд имел большое практическое значение в жизни населения, то средневековые правители специально разводили их. Верблюдов, как и лошадей, можно было использовать и в военных целях. Разведением же одногорбых верблюдов в Средней Азии особенно славились туркмены. В сообщениях о взаимоотношениях газневидских султанов с соседними туркменскими племенами (XI в.), в частности, говорилось: «... говорят, нам не осталось никакого убежища. Воистину, наша страна подвергается насилию. (Но) мы не позволим того, чтобы они поместились на (нашей) Земле и свободно делали, что хотели, ибо следует вспомнить, сколько бедствий и неприятностей пришлось увидеть от этих туркмен, которых привел мой отец (т. е. отец султана Масуда — Махмуд. —А. Д.), переправил через реку (Джейхун) и дал место в Хорасане (им), которые были погонщиками верблюдов»[1]. Из этого сообщения явствует, что газневидские султаны для разведения верблюдов (которых, видимо, использовали в военных целях) пользовались услугами соседних туркмен.

Разведением верблюдов у султана занималась определенная группа туркмен, которых Байхаки назвал «погонщики верблюдов» (вероятно, «верблюдоводы»). Итак, происхождение слова «дуеджи» восходит не ко временам Абульгази, как утверждает большинство ученых, а к XI в. Это мнение подтверждают материалы, собранные Я. Р. Винниковым в Чарджоуской области и Г. П. Васильевой в Ташаузской, где предки дуеджи

[1] Байхаки. История Масуда. М.: Наука, 1969. С. 82.

занимались разведением верблюдов. Я. Р. Винников записал предание, в котором рассказывается, что группа дуеджи произошла от погонщика или пастуха верблюдов, принадлежавших богатому Хаджи-ишану, жившему среди туркмен-эрсаринцев. Хаджи-ишан называл своего пастуха сыном, женил его. Потомство этого пастуха и составило группу дуеджи[1].

Этноним дуеджи присущ туркменам, Абульгази лишь повторяет то, что было известно до него о происхождении этого племени. Даже по словам Абульгази, это племя образовалось во время правления золотоордынского хана Джанибека, то есть в XIV в. В пользу такого мнения говорит и то, что в Закавказье встречается название «девечи чай». В середине XVII в. дуеджи жили в низовьях Узбоя по соседству с али-илиницами. Дуеджи (теведжи) упоминаются в исторических документах XVI—XVII вв. в связи с их участием в столкновениях юго-западных, т. е. йака (береговых) туркмен с Ираном на берегах рек Атрек и Гургем[2]. Позднее же эти туркмены вошли в состав туркмен-огурджали и западных йомудов.

Потомки племени дуеджи до сих пор живут небольшими группами по всей Туркмении. Несмотря на такую разрозненность, они стойко сохраняли свое племенное самоназвание. В середине XIX в. значительная группа дуеджи жила в Хивинском ханстве, в Ильялинском округе. Подразделение дуеджи было у йомудов в отделе карачока. Во II половине XIX в. представители этого племени жили на территории между Гашаузом и Газаватом. О них многократно упоминается в архивах хивинских ханов, согласно которым дуеджи в Хивинском ханстве, как правило, поселялись по соседству с алилиницами. Это соседство, отмеченное еще Абульгази (XVII в.), превратилось в традицию и продолжалось до более поздних времен. Видимо, эти два мирных и малочисленных племени породнились и старались держаться поближе друг к другу. Дуеджи считали близкими к себе также игдыров. Часть дуеджи в Хивинском и Бухарском ханствах небольшими группами жила среди узбекского населения и подпала под их влияние.

---

[1] Винников Я. Р. Родоплеменной... С. 71.
[2] МИТТ. Т. 2. ... С. 81.

По данным Г. И. Карпова, родовые названия «дуеджи» имеются в составе текинцев (векил) и сарыков (герзеки)[1]. Они составили часть населения приморского поселения Огурджа. Вместе с другими жителями (с гереями, недимами и др.) дуеджи ушли из Огурджи и поселились по всему юго-восточному побережью (включая и острова Айдак, то есть Огурджинский и Челекен). Именно отсюда часть дуеджи (дуеджи и огурджали) переселилась на нижний Сумбар (аул Шарлаук), где осела среди йомудов-атабайцев[2]. Имеется основание считать, что именно из Балхан и Прикаспия дуеджи распространились по всему Туркменистану. В более позднее время, во второй половине XIX в., часть дуеджи с побережья ушла в Хивинское ханство. Но здесь им жилось нелегко, и часть из них возвратилась на побережье, где позднее получила названия «дуеджи» и «хивачи». Последнее название распространено на Челекене. Другая часть дуеджи, жившая в Хиве, вынуждена была переселиться на правый берег Амударьи, в Каракалпакию. В письменных источниках первой половины XIX в. есть данные о делении огурджали на недим, герей, терекме и семедин. Недим и герей, наряду с дуеджи и другими мелкими родами, составили ядро современного населения (так называемых огурджали) юго-восточного побережья. В состав дуеджи, живущих в Ильялинском районе и Каракалпакской АССР, входят терекме и семедин под названием «гумесин», «семедин» и «терекме»[3]. Потомки дуеджи в своей массе вошли в состав современного туркменского населения и не сохранили свои локальные особенности.

Обширный, но малонаселенный приамударьинский район в XVIII—XIX вв., как и Северо-Западный Туркменистан в средневековый период, стал одним из основных районов обитания туркменских племен. Берега Амударьи в XVII—XVIII вв. были мало населены, и прибывшие с запада туркменские племена начали их освоение, очищая земли от кустарниковых зарослей. Здесь можно было встретить местное население и пред-

[1] Карпов Г. И. Этнический состав... С. 25; 55.

[2] О них подробно см. нашу работу: Джикиев А. Туркмены юго-восточного побережья... С. 61.

[3] Елдашев Т. Туркмены Каракалпакии: Рукопись дипл. работы (на туркм. яз.). Ашхабад, 1967.

ставителей почти всех кочевых и полукочевых туркмен, которые позднее образовали очень пестрое и многоплеменное население, объединенное общностью языка. На Амударье можно до сих пор встретить представителей самых различных народностей — потомков древнего местного населения, древних тюрок, туркмен-огузов, наконец туркменские племена, прибывшие с Северо-Западного Туркменистана и Сарыкамышского озера. Небольшие племенные группы всегда поддерживали друг с другом семейно-родственные отношения, между ними не существовало строгих брачных ограничений. В этом отношении обособленно стоят эрсарицы и атинцы, которые придерживались племенной эндогамии. Разводы у туркмен, в том числе и населения приамударьинских районов, были редкими.

Несмотря на сохранение локальных этнографических особенностей, население приамударьинского района имело общие черты в хозяйстве, материальной и духовной культуре, общие исторические судьбы, что позволяет выделить его в своеобразный этнографический район.

ГЛАВА IV

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЮЖНОМ И ЮГО-ВОСТОЧНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ В XIX в.

Раздел 1. Туркменское племя XIX—начала XX вв.— разновидность этнической общности

Приведенные нами сведения об этногенезе и этнической истории, этнических процессах, исторической этнографии и расселении туркменских племен, населявших Южный, Северо-Западный и Восточный Туркменистан, имеют огромное значение для воссоздания общей картины истории и быта туркмен, создают надежную и достоверную источниковедческую базу для выявления сущности, природы и функций так называемых туркменских «племен» и «родов», об этнических процессах, происшедших во второй половине XIX — начале XX века, которые являются как бы логическим продолжением многовековой этнической истории туркменского народа.

Попытаемся высказать некоторые свои мнения и вы-

воды о туркменских племенах, как о своеобразном этносе, воплотившем в себе пережитки почти всех формаций, о роде, о специфике этнического развития туркмен в изучаемое время.

Значительный интерес представляют данные о терминах, сущности и роли туркменских племен в дореволюционное время. Почти все авторы дореволюционного периода единодушны в мнении о сохранении у туркмен пережитков родоплеменного строя, патриархально-феодальных отношений и других реликтов ранних эпох. Сравнительно удовлетворительно изучены этнографические и локальные особенности туркменских племен, показано научное значение сохранившихся устных и письменных родословных, генеалогических преданий и т. д., что имеет немаловажное значение для выявления вопросов этногенеза и этнической истории туркмен. Но мало высказано мнений о том, что из себя представляли туркменские племена и роды, каковы были межплеменные и межродовые контакты, взаимоотношения между сородичами и соплеменниками.

В дореволюционной историко-этнографической литературе мы часто сталкиваемся с утверждением о том, что у туркмен прочно сохранились деления на племена и роды, патриархальные порядки и т. п., архаические организации в первоначальной форме. Эти утверждения без критического их осмысления были заимствованы некоторыми советскими авторами 20-х годов, которые не были в достаточной степени знакомы с методологией научного исследования (Русинов, Себастьянов, Брюллова-Шаскольская и др.).

Терминов, бытовавших среди туркмен для обозначения племени, рода, патронимии и большой семьи, сравнительно мало, они не так разнообразны и многочисленны. Общераспространенным, чаще всего встречаемым в литературе термином для обозначения племени является термин «тайпа». Он происходит от арабо-персидского слова «тайфа», означающего «племя», и встречается в этом же значении у Махмуда Кашгарского, Рашид ад-Дина, Абульгази и других средневековых авторов. В простонародном языке это слово употребляется и в более широком смысле, в значении «народность». Например, говорили «озбек тайпасы», «газак тайпасы», «гаппак тайпасы», «курт тайпасы» и т. д. В

целом же слово «тайпа» является наиболее популярным и распространенным у всех туркмен термином для обозначения племени.

В туркменском языке широко распространенным является термин «уруг» в значении «племя» и «род». По происхождению это тюркское слово чаще всего встречается в значении «род» также у казахов, киргизов, каракалпаков и некоторых других тюркских народов. У туркмен термин «уруг» употребляется чаще всего в значении «племя». В историко-этнографической литературе о туркменах этот термин чаще приводится в значении «род». Он перешел в школьные учебники республики, в которых «род» переведен словом «уруг». Термины «тайпа» и «уруг» в целом равнозначны, хотя термин «уруг» в отличие от термина «тайпа» не использовался в значении «народность». Термин «уруг» в значении «племя» встречается и у северных туркмен. Других туркмен они, например, называли «теке уругы», «човдур уругы», «карадашлы уругы» и т. д. Для обозначения рода и колен самым популярным и почти единственным является термин «тире». Он встречался у всех туркмен. Различали термин «улы тире» (большой род) и «кичи тире» (малый род)[1].

В большинстве случаев туркменские племена делились на два подразделения — «топар» и «болек». Большие племена иногда назывались «ил» и «халк». Эти слова можно перевести как «племя», «народность». В сочинениях Абульгази термин «ил» по отношению к большим и малым племенам приведен в значении «племя». В XVIII—XIX вв. словом «ил» обычно назывались большие племена, оформившиеся в самостоятельные этнические общности, объединившие вокруг себя другие племена.

Значительный интерес для изучения этапов истории туркмен представляет изучение патронимии. Этнографические исследования в районах нашей республики выявили наличие ее в прошлом почти у всех туркмен. По своим размерам (численности) она меньше рода и больше патриархальной большой семьи. К патронимии можно отнести группы родственных семей, из-

[1] Туркменские предания и родословные собирает знаток старины Шамурад Довлетов, г. Ашхабад.

вестные под названием «левере» («неверe»), «бир атаныи, огуллары»[1] («сыновья одного отца»), «хатардаш» («семьи, жившие в одном ряду»), «ковум» («родственная группа»).

В конце XIX — начале XX вв. у туркмен еще сохранялась большая патриархальная семья — «ырсгы бир машгала» (дословно «семья, питающаяся из одного котла»), «улы машгала» (большая семья), «агыр машгала» («тяжелая» семья, то есть имевшая много членов). У туркмен сохранились также пережитки дуального деления, левирата и сорората, эндогамии и экзогамии.

Какова была природа и сущность так называемых туркменских племен и родов и насколько они соответствовали этим названиям? Туркменские племена XIX—начала XX вв. сохраняли патриархально-феодальные порядки с многочисленными пережитками родоплеменного строя. Огузо-туркменские племена X—XVI вв. по своей природе, конечно, больше соответствовали классическим понятиям рода и племени, обладали их признаками, о чем свидетельствуют сочинения средневековых арабо-персоязычных авторов (Ибн Фадлана, Махмуда Кашгарского, Рашид ад-Дина, Абульгази и др.). На наш взгляд, дореволюционные авторы, писавшие о прочном сохранении у туркмен делений на племена и роды, имели на это основания, хотя они не старались выяснить и понять суть туркменских племен. Точно таким же образом поступали английские исследователи и колониальные власти в Индии, о чем специалист по этнографии индусских племен В. А. Чатопая писал: «Этнографы Индии, состоявшие на службе британского правительства, не всегда придавали значение фиксированию племенных и кастовых терминов при обозначении эндогамных групп. Во многих случаях не делалось различия между племенем и родом, так что иногда нам приходится читать о том, что такой-то род является эндогамным, а такое-то племя экзогамным. Действительное же значение рода и родовой организации не всегда было принято большинством правительственных этнографов Индии»[2].

[1] Аналогичное объединение под таким же названием бытовало также у башкир (биратаныи балалары). См.: Кузеев Р. Очерки... С. 36.

[2] Чатопая В. А. Индийские термины, обозначающие род//Вопросы истории доклассового общества. М., 1936. С. 135.

Туркменские племена конца XIX в. сохраняли следующие признаки, присущие понятиям племени и рода.

1. Во главе туркменского племени стоял вождь, называемый у крупных племен ханом. Он возглавлял совет старейшин — «маслахат», состоявший из старейшин родов. Совет решал важные, касающиеся всего племени вопросы о войне и мире, о переселении на новые места, решал на основе обычного права (адата) спорные вопросы между родами и людьми. Однако в XVIII—XIX вв. власть этих племенных ханов в большинстве случаев была номинальной, о чем не раз писали авторы XVIII—XIX вв.

2. Генеалогия велась в семье и роде по отцовской линии. Род и семья были патриархальными и порядки наследования велись по отцовской линии.

3. Большинство туркменских племен делилось на два отдела или подразделения (болек, топар). Исключение составляли салыры, (делившиеся на три части), човдуры (на пять частей) и некоторые мелкие племена Южного и Восточного Туркменистана. Деление туркменских племен на два отдела, по мнению С. П. Толстова, является пережитком дуальной организации[1]. У емрелинцев и карадашлинцев, живших в Северном Туркменистане, прослеживались некоторые брачные институты, напоминавшие фратриальное деление.

4. Туркменские племена владели определенной территорией, хотя в условиях феодальных войн и раздоров она часто перекраивалась. Из-за пастбищных угодий и обводненных земель возникали межплеменные войны.

5. У туркмен не было специальных родоплеменных кладбищ. Если племя переселялось на новое место, то его люди хоронили своих покойников на старых кладбищах, оставленных прежними жителями, тем более, если там были мечети и другие культовые сооружения. Однако известны и такие случаи: потомки карадашлинцев, живущие в Бахарденском районе, до недавнего времени, следуя старой традиции, хоронили своих покойников на кладбище, расположенном у средневекового городища Шехр-Ислам, где, по предположениям ученых, в средневековый период жили их предки.

[1] Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен//Проблема истории докапиталистических обществ. 1935, № 9—10.

6. Очень стойко сохранялся у туркмен институт родовой взаимопомощи — «евар», «уме» и другие. Он выражался в совместной постройке дома, уборке урожая и других сельскохозяйственных работах, требующих коллективных усилий.

Родовая взаимопомощь или солидарность прежде всего имела реальную силу в соблюдении кровной мести. В XIX — начале XX в. она распространялась не на всех, а на близкий круг сородичей, связанных кровным родством, — «ган душер гарындашлар» (дословно «кровные родственники»). По отношению ко всем членам рода «солидарность» теряла свою силу в вопросах, связанных с выплатой калыма.

7. Наконец, самостоятельные племена сохраняли диалектные особенности в языке.

Все эти и другие внешние признаки туркменского племени в целом совпадают с признаками, характеризующими индейские племена Америки и описанными Ф. Энгельсом[1].

Описанные функции и обычаи определяли сущность туркменского племени, дали основание называть его племенем, а его более мелкие деления — родом. Говоря о сущности этих племен, сохранившихся в XIX в. у многих тюркоязычных народов, Т. А. Жданко писала: «Племенные этнические общности такого трансформированного реликтового типа, подчас с еще сильными и устойчивыми пережитками признаков древнего племени и со следами этнографической специфики в культуре, существовали и в дореволюционной России в составе очень многих по преимуществу кочевых и полукочевых скотоводческих тюркоязычных народностей Казахстана и Средней Азии (у казахов, киргизов, каракалпаков и др.), Кавказа (у части азербайджанцев, ногайцев), Приуралья (у башкир) и др.[2].

Таковыми внешне выглядели и туркменские племена XVI—начала XX вв. Несмотря на несоответствие классическим примерам, их, по нашему мнению, правильнее называть все же терминами «племя» и «род». Тем более, что они прочно вошли в историко-этнографическую

---

[1]. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Госполитиздат, 1976. С. 98—102.

[2] Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975. С. 48.

литературу. Туркменское племя XVI—начала XX вв. было реликтовым и по содержанию далеко от его ранних форм. Туркменские племена, возникнув при первобытно-общинном строе, вплоть до XVI в. сохраняли свои основные функции. Значительной трансформации они подверглись начиная с XVI в. в связи с усилением торгово-экономических связей со странами Востока и Европы.

В XIX в. туркменские племена и роды сохраняли свои традиции в разной степени, отличаясь друг от друга по уровню социально-экономического развития. Реликты древних племен и родов в большей степени сохранялись у скотоводческой части туркмен — йомудов, большей части текинцев, у племени човдурского союза, у салыров, сарыков, эрсаринцев и других. В меньшей степени они сохранились у оседло-земледельческих племен и групп Южного и Восточного Туркменистана.

Всем туркменам присуще двойственное самосознание, все они ясно осознавали и твердо называли себя туркменами, но в то же время четко относили себя к определенному племени. Представители каждого племени в первую очередь туркменами называли прежде всего своих соплеменников, а представителей других племен сначала называли по названию их племен и лишь потом относили к туркменам. Многие мелкие этнические группы (анаули, мехинли, нохурлы и др.), причислявшие себя к туркменам, также сохраняли пережитки родоплеменных делений.

Крупные туркменские племена XIX в., каждое в отдельности, представляли своеобразные этнические общности. В то же время еще в средневековье все туркменские племена имели общие, только им присущие признаки этнической общности более развитого типа—общее происхождение, единый язык (с некоторыми локальными диалектными особенностями), общую духовную и материальную культуру и, наконец, общую территорию (то есть расселялись по соседству). Достаточно вспомнить о том, что почти все средневековые авторы, говоря о туркменах, в первую очередь называют их самоназванием «туркмен» и их страну Туркменией[1], а лишь потом, и то в редких случаях, указывают на

[1] Книга Марко Поло... С. 55.

племенную принадлежность описываемого ими туркменского населения. Все это позволяет заключить, что, несмотря на прочное сохранение родоплеменных делений, туркмены еще в XI—XIII вв. обладали присущими средневековой народности признаками. После присоединения Туркменистана к России в 1884 г. и проведения Закаспийской железной дороги, прорезавшей весь край с запада на восток, все эти признаки туркменской народности получили дальнейшее развитие и способствовали появлению признаков буржуазной нации, хотя туркмены, как и другие народы Средней Азии, до Великой Октябрьской социалистической революции так и не успели объединиться в буржуазную нацию.

Раздел 2. Этнические и этнокультурные процессы

В XIX в. салыры, абдалы, каркыны, бывшие туркмено-огузские крупные племена потеряли былое значение и были низведены до положения второстепенных. Из них салырам удалось сохранить некоторые племенные особенности, хотя жили они очень разрозненно и делились на серахских (вернее, тогда еще мургабских) и амударьинских. Часть их была на грани ассимиляции текинцами, среди которых они жили до 1880 г. небольшими семьями, по 5—10 хозяйств. К 1881 г. салыры освободились от опеки текинцев и персидских властей (в Зурабаде) и собрались под предводительством знаменитого и энергичного вождя Теке-хана в Серахсе.

Наиболее крупные туркменские племена в XVIII—XIX вв. ассимилировали оставшиеся от ушедших на запад незначительные группы, крупных огузских и туркменских (баятов, додурга, кайы и др.) племен. Самое крупное туркменское племя — текинцы, заняв Южный Туркменистан и подчинив своему влиянию дотекинское население, постепенно начало ассимилировать его. Этот процесс продолжался до начала XX в. В результате набегов персы, курды, тюрки попадали в туркменскую среду и растворялись в ней, накладывая заметный отпечаток на этническое развитие в Туркменистане. В этногенезе и этнической истории туркмен получило свое отражение и деление туркмен (внутри каждого племе-

ни) на несколько категорий в зависимости от их происхождения. Этот важный вопрос до сих пор никем специально не изучался. Это деление могло возникнуть, по нашему мнению, в тот период, когда древние тюрки, затем огузы-туркмены начали продвигаться на запад и юго-запад и непосредственно столкнулись с различными племенами и народностями, начали активно проникать в иноплеменную и инородную среду. Им приходилось адаптироваться к новой обстановке, а порою просто растворяться среди местного населения, как это было с татаро-монголами.

Деление это имеет реальную генеалогическую основу и непосредственно отражает процесс физического смешения различных этнических, языковых и расовых групп. Оно, помимо этого, имело и социальное значение. Так называемые чистокровные туркмены первоначально занимали высокие ступени патриархально-феодальной иерархии, владели большими стадами баранов и верблюдов, хотя и среди них были бедные. Бывшие рабы и их потомки были зависимы от феодалов — пасли их стада, обрабатывали их земли, выполняли другие хозяйственные работы. В XIX в. получистокровные и близкие к ним люди стали свободными («азад») и составляли значительную часть членов («гарамаяк») аульной общины. Среди них были и зажиточные люди. Они, согласно этнографическим материалам и данным письменных источников конца XIX в., могли унаследовать по адату половинную долю отцовского имущества[1]. В XVIII—XIX вв. население Южного Туркменистана постоянно пополнялось выходцами из Ирана и Афганистана. Накануне присоединения Туркменистана к России они стали настолько многочисленными, что персидское правительство стало ходатайствовать об их возвращении в Иран и вело переговоры об этом с Россией

Постоянный приток тюркоязычного и ираноязычного населения в состав туркменского народа является одной из разновидностей активных и интенсивных межэтнических контактов. В состав туркменской народности входили целые группы людей инородного происхождения. Эти данные наглядно подтверждают мнение К. В.

---

[1] Латкин Н. Закаспийская область//Живописная Россия. Т. 9. Спб., 1886. С. 28.

Чистова: «О длительности истории этносов и о сложности их генезиса, который обычно представляет собой процесс внутренних и внешних перегруппировок этносов или их составных частей, свидетельствует то, что подавляющее большинство существующих этнических общностей неоднородно в антропологическом отношении»[1]. В сооружении и применении подземных водных источников — кяризов огромную услугу туркменам оказывали выходцы из Ирана, труд которых широко применялся в строительстве ирригационных сооружений и вообще в хозяйстве. Это в целом способствовало повышению социально-экономического уровня туркмен. В XIX в. внешне весь Южный Туркменистан выглядел сплошь текинским, которые установили здесь политическую власть и объединили разнородное население района. Это создало предпосылки для образования в составе туркменского народа в Южном Туркменистане этнической общности локального типа. Она объединила мелкие территориальные группы, воплотила в себе богатые культурно-хозяйственные традиции всех народностей и племен, участвовавших в формировании населения Туркменистана. Она фактически свела на нет племенную эндогамию и брачную замкнутость и значительно ускорила этнические процессы и ассимиляцию. Сравнительно быстрому течению этих процессов способствовали отсутствие языкового барьера, этноизолирующих факторов, сравнительно одинаковый уровень социально-экономического развития всех локальных групп. Этноизолирующий фактор (горы) способствовал сохранению племенной особенности у туркмен-нохурлы и некоторых групп тюрков. У них, кстати, отсутствовало присущее другим группам туркмен деление на чистокровных и нечистокровных[2]. Группы тюрок и хасарлы были двуязычными. Своеобразие в материальной и духовной культуре имели ануглинцы.

Повсеместно в Туркменистане в XIX в. в составе почти всех племен сохранились родовые группы «арап», «арван». Эти группы были эндогамными[3], вследствие чего повсеместно сохранили присущие им физические

[1] Чистов К. В. Этническая общность... С. 73.

[2] У нохурлинцев пришлые элементы назывались общим собирательным термином «курды».

[3] Полевые записи автора в Бахарденском районе в 1975 г.

особенности. Группы арабов жили в Приамударьинских районах, в Южном и Северном Туркменистане, а также в Узбекистане, под Самаркандом и Бухарой. В Северном Туркменистане их потомки проживают в Ильялинском районе, среди потомков карадашлинцев. По словам информаторов, они отличались своими физическими особенностями от текинцев, нохурлы, мурчели и других. В Южном Туркменистане группа арабов относила себя к текинскому подразделению утамыш. Их потомки компактно проживали в ауле Дешт Бахарденского района. Местное население легко отличало арабов от других групп по известным им физическим признакам. По материальной и духовной культуре, по языку они ничем не отличались от текинцев. Род арап был крупным и основным анаулинским родом. Анаулинцы на вопрос: «Откуда они происходят?» обычно отвечали: «Мы — арабы». Во время беседы анаулинцы-старожилы, рассказывая о взаимоотношениях с текинцами, называли их «туркменами», а себя «арабами». В практике этнографов подобное встречается очень редко. Это интересная в историко-этнографическом отношении группа специально не изучена. Небольшая часть потомков арабов «парсизыван» проживает в составе ираноязычного населения Серахского района ТССР. По религии последние были мусульмане-шииты и сунниты. Они заселяли Серахский оазис вместе с другим ираноязычным населением начиная с начала нашего века. Владеют хорошо персидским и туркменским языками, знают русский язык. Семейно-брачные связи поддерживали и поддерживают между собой и другими группами ираноязычного населения оазиса. С другими потомками арабов они не связаны[1].

В XIX в. анаулинцы делились на 3 крупных подразделения, четвертым, равнозначным позднее стало деление эмрели — выходцы из Геок-Тепе. Различные по происхождению группы были объединены под топонимическим названием «анаули». Основное ядро этого племени составляли, как уже говорилось, арабы и близкие к ним по происхождению «свитые» группы — ишаны и сейиды[2].

---

[1] Полевые записи автора в Серахском районе в 1979 г.
[2] Полевые записи автора в Гяурском районе в 1977 г.

Среди ануаулинцев есть группа «лезги» (т. е. лезгинцы). Это, видимо, выходцы из Северного Ирана, куда они были переселены из Кавказа персидскими властями. Хотя, как и нохурли, ануаулинцы не делились на чистокровных и нечистокровных, не все роды были равноправными. Низшим по происхождению считался род деллеклер (парикмахеры), занимавшийся раньше парикмахерским ремеслом. Другие роды не выдавали за них своих дочерей, хотя брали у них девушек в жены, поддерживая брачные связи односторонне[1]. На самой высокой ступени этого локального иерархического состава находился род ишанлар, представители которого считались «святыми» и пользовались привилегированным положением. Они, по сравнению с другими, жили богаче, владели значительными наделами земли и воды, эксплуатировали своих соплеменников. Ишаны и сеиды, расселяясь в местностях Андап, Кизыл-Кемер, Караагач и других (в окрестностях Маныша), занимали самые плодородные земли. На их землях батрачили представители других родов. Такое сословно-иерархическое деление носило сугубо социальный характер и сильно отражалось на семейно-брачных отношениях.

Текинцы принимали в свою среду с кое-какими формальными ограничениями всех чужеплеменников (тем более, если они туркмены). Они считали представителей других туркменских племен равными себе «по кости» (сунги денг). Брачная замкнутость по отношению к представителям других народностей почти не существовала. Религиозное различие (имеются в виду сунниты и шииты), служившее одним из определяющих признаков этнической общности, теряло свою силу и не могло служить барьером для контактов представителей различных этносов, имевших различия в говоре, религии и т. п. В числе других авторов XVIII—XIX вв. об этом сообщает следующие убедительные данные и В. Н. Туган Мирза Барановский: «Текинцы женятся вообще не только на девушках своего племени, но и на женщинах, принадлежащих к другим племенам, и нередко даже вступают в брак с пленными персиянками»[2].

---

[1] Полевые записи автора в Гяурском районе в 1977 г.

[2] Туган Барановский В. Н. Русские в Ахал-теке. Спб., 1881. С. 78.

Текинцы, оказавшиеся в соседстве с анаулинцами, признавали их за равных себе туркмен, имевших с ними одни обычая и верования, и предложили установить родственные отношения на равных правах. Однако анаулинцы, относя свою родословную к святым овлядским группам, считали себя выше текинцев и отвергли их предложения[1]. Наши информаторы главную причину разногласий с текинцами видели в том, что они давали приют текинским беглецам — влюбленным парам, убежавшим от родителей, убийцам, ворам. Совет старейшин текинцев снарядил к анаулинцам делегацию. Она потребовала от хана анаулинцев не предоставлять убежище беглецам, совершившим проступки, и выдать их. Но хан отказался выполнить эти требования, говоря, что «... даже птица, сидя в тени полыни, ищет от нее прохлады и защиты. Точно таким же образом поступает человек, ищущий покровительства. Вот и ваши люди пришли к нам, ища защиты, и поэтому мы не можем выдать их вам». Такой ответ хана вызвал недовольство текинцев, искавших и до этого повода для столкновения. Вскоре он представился.

Один из текинцев, убив влиятельного родового старшину текинцев Караханлы, перебежал к анаулинцам. Текинцы стали открыто теснить анаулинцев. Текинцы, осадив их с юга, откуда они могли получить помощь от Ирана, построили крепость, лишив анаулинцев воды и поддержки извне. В крепости поселили молодых людей с женами, носившими платья из шелковой ткани красного цвета, за что крепость была названа «Гырмызы Кала», то есть Красной Крепостью. Длительная осада, лишения вынудили анаулинцев покинуть Ану.

Анаулинцы издавна роднились с племенем мехинли. Контакты продолжались и после их ухода из Ахала. Не случайно в Атеке анаули и мехинли поселились совместно и составили одно селение[2].

Семейно-брачные ограничения существовали лишь по отношению к хасарлынцам. Их бытование информаторы объясняли тем, что хасарлы в прошлом в подавляющем большинстве исповедовали ислам шиитского толка, тогда как анаулинцы, как и другие туркмены,

---

[1] Полевые записи автора в Гяурском районе в 1977 г.

[2] Ныне это сельсовет Мехин Каахкинского района.

были мусульманами-суннитами. Анаулинцы брали у них в жены девушек, но своих им не отдавали. Как известно, это мало препятствовало кровному смешению этих групп, так как в конечном счете результат контактов был один — происходило смешение и устанавливались тесные родственные и экономические связи.

Несколько семейств потомков хасарлы проживает теперь в колхозах Каахкинского района. Подавляющее большинство хасарлы проживает в Иране, в пограничном селении Хасар. В группу хахарлы входили жители аула Хасарлы, состоявшие из представителей различных народностей и племен — тюрков, курдов, персов. Таких групп (как хасарлы) в Северном Хорасане было много (например, дерегезли и др.). Группа хасарлы не придерживалась брачной замкнутости.

В конце XIX в. самым крупным в Атеке было племя алили, поддерживавшее тесные связи с названными мелкими группами. В Атеке жили и текинцы, имевшие контакты со всеми группами. Среди текинцев были группы семейств гокленов, мехинли, анаули и даже хасарлы.

Алилинцы поддерживали добрые отношения со всеми локальными группами Атека, но по отношению к текинцам они держались несколько обособленно. Наличие в родовом составе алили родов каркын, терекиме и других позволяет судить о том, что в их этногенезе и этнической истории в средневековье принимали участие племена дешти-кипчакской группы, туркмены-огузы и другие тюркоязычные группы. У алилинских стариков нам удалось записать предание о том, что предками алилинцев были Ай-хан, Кун-хан и Ылдых-хан[1]. Это предание, дошевшее до нас из старинного «Огузнаме», аналогично преданиям, записанным Рашид ад-Дином и Абульгази. Старики рассказывают, что раньше во время праздничных торжеств алилинцы приглашали на почетные места людей в зависимости от знатности их родов: сначала ходжинцев, потом потомков Юлдух-хана (то есть алилинцев), затем людей Союн-хана (эрсаринцев) и только после всех—текинцев. Старики уверяли, и, по-видимому, не без основания, что в прошлом

[1] Полевые записи автора в Каахкинском районе в 1977 г.

иноплеменные группы и семейства, попавшие в текинскую среду, быстро «становились текинцами», тогда как среди алилинцев они сохраняли свои особенности и долго причислялись к категории чужих. В аулах Ателя в большом количестве жили представители оазисных племен — махтумы и сейиды, которые в других районах республики встречались редко.

Текинцы, несмотря на формальное сохранение племенной эндогамии, принимали в свою среду различные группы и за сравнительно короткий срок ассимилировали большинство их. Эти группы не поддаются точному исчислению, но они превосходят самих текинцев (почти вдвое).

Продвигаясь на восток, в XIX в. текинцы, как и прежде, «поглощали» мелкие местные племена и группы большей частью тех туркмен, которые были накануне вытеснены ими из Ахала. Это способствовало политическому и экономическому объединению населения Южного Туркменистана, усилило этнические и консолидационные процессы. Постепенно складывалась этническая общность (феодального типа) с единой культурой, территорией, общим социально-экономическим укладом[1]. Общность языка, духовной и материальной культуры сблизила все мелкие группы, способствовала стиранию локальных различий. Если раньше в предгорных оазисах существовала какая-то грань между земледельческим и скотоводческим населением и некоторая отчужденность между ними, то теперь хозяйство этого района стало более комплексным. Недаром в трудах дореволюционных авторов конца XIX—начала XX в. все чаще появляются сведения о том, что между туркменами земледельцами и скотоводами, то есть чомур и чарва, существует тесная взаимосвязь, что нередко часть одной семьи занимается земледелием, а другая часть — скотоводством. Тем не менее в некоторых оазисах Туркмении, например, в Теджепском, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции скотоводы (гумли) смотрели на земледельцев (отурмылы) свысока, не всегда поддерживали с ними равноправные семейно-брачные отношения[2].

[1] Подробно об этом см. статью Ю. В. Бромлея: Этнос и эндогамия//Советская этнография. 1969. № 6. С. 87.

[2] Полевые записи автора в 1968 г.

В возникшей в Южном Туркменистане общности господствовали довольно развитые порядки, сосуществовавшие с зарождающимися капиталистическими отношениями и сохранившимися в быту реликтами дофеодального уклада. Эта общность обладала необходимыми предпосылками для дальнейшего развития этнических и консолидационных процессов.

Население Южного и Юго-Восточного Туркменистана поддерживало интенсивные торгово-экономические связи с населением Северного Туркменистана. Со II половины XIX в. из Хивинского оазиса сюда стали привозить халаты, зерно и другие товары[1]. Задолго до присоединения Туркменистана к России в туркменских аулах большое распространение получили промышленно-мануфактурные изделия из России — ткани, фарфоровая посуда, железо. Они попадали во внутреннюю Туркмению через прибрежные районы, Иран и Афганистан. Большое значение имело проведение Закаспийской железной дороги, которая вначале называлась военной. В скором времени она стала главной транспортной артерией Туркменистана. Постепенно вдоль железной дороги стали появляться многочисленные станции, поселки, ставшие впоследствии городами. Население этих пунктов вначале состояло из выходцев из России, Кавказа и Ирана. Еще в начале XX в. из 7722 жителей Красноводска лишь 49 человек были туркменами, в Ашхабаде жило 158 и в Мары — 755 человек из туркмен[2].

Железная дорога сыграла огромную роль в социально-экономическом и политическом развитии населения края, она объединяла разобщенные туркменские племена, способствовала усилению торговых связей. В связи с учреждением в 1874 г. таможенной границы с Персией в Туркменистан из Кавказа и России стали потоком поступать мануфактурные, стальные, железные и стеклянные изделия. В старых и вновь возникших вдоль железной дороги городах развиваются торговля и ремесла, более многолюдными и оживленными стали базары Ашхабада, Мары и Чарджуя и других городов, которые становились местом для общения и установле-

[1] ЦГА Туркменской ССР. ф. 17, оп. 1., д. 91, л. 27.
[2] Закаспийское обозрение. 1899. № 34. 12/24 февр.

ния контактов между различными племенами и народностями Туркменистана.

Сельское население все активнее контактирует с городскими жителями — русскими, армянами, азербайджанцами, персами, поляками и другими. На рынках городов большим спросом пользовались изделия туркменских ремесленников и крестьян — ковры, паласы, кошмы, шерсть, хлопок: «Ковры и паласы, выделываемые в Чикишлярском приставстве, весьма сходны по рисунку и доброте с изделиями йомудов каракалинских, они скупаются приезжими торговцами, причем предпочитаются и выше ценятся изделия старые, которые после чистки и вычинки в Тифлисе идут в Турцию и Францию. Тонкие, хорошей работы, старые паласы оплачиваются наравне с коврами, по 4—5 руб. за кв. аршин ... анилиновые краски, используемые для окрашивания ниток ковров и ковровых изделий, снижают их качество, ... войлочные товары туркмен находят широкий сбыт на рынках Бухары и Персии»[1].

В начале XX в. в городах появились магазины купцов, торговавших туркменскими товарами, которые через посредников переправляли их на европейские и азиатские рынки. Все это в конечном счете приводило к активному втягиванию туркменского населения в общее русло капиталистического рынка.

В прибрежной зоне Каспийского моря со II четверти XIX в. появились многочисленные рыбные промыслы (ватаги), владельцами которых преимущественно были русскоподданные армяне и русские. В архивных материалах об этом говорится: «Промышленник Дурасов обещал не препятствовать местному населению в свободной ловле рыбы и добыче соли для собственного потребления, но требовал... ограничения прав на торговлю солью и рыбою местному населению». Эти промыслы способствовали усилению колониальной эксплуатации, оказывая, с другой стороны, положительное революционизирующее влияние на местное туркменское население. Взамен рыбных товаров рыбопромышленники доставляли сюда самовары, чайники, муку, рыболовные снасти и другие необходимые в быту предметы[2]. В Крас-

[1] Обзор Закаспийской области за 1892 г. Асхабад. 1893. С. 92.

[2] Подробно об этом см. нашу статью: Джикиев А. Материалы по рыболовству прикаспийских туркмен в конце XIX—начале XX вв. //Материальная культура и хозяйство туркмен. Ашхабад, 1970.

поводске начали работать опреснители морской воды. В больших городах Закаспийской области появились больницы, почтово-телеграфные конторы, открылись гимназии, русско-туземные школы. В этих учебных заведениях готовились кадры переводчиков, учителей из местного населения. Туркмены постепенно стали обращаться к европейским врачам за помощью. О состоянии медицинского обслуживания населения Закаспийской области в конце XIX в. газета «Закаспийское обозрение» писала: «На всю область существует всего две больницы, именно в Асхабаде и Мерве, которыми заведуют уездные врачи, всегда весьма занятые судебно-медицинской работой и санитарной. По численности населения наша область может быть приравнена к русской внутренней губернии, где, если медицинским делом ведает земство, мы всегда находим около 6—10 врачей на каждый уезд, больницы в каждом уездном городе и большую губернско-земскую больницу в губернском городе со специалистами врачами по разным отделам медицины... Быть может, туземное население относится к русским врачам недоверчиво? Ничуть не бывало! Припомним, какой наплыв больных глазами был в городских больницах Асхабада и Мерва во время работы глазного отряда женщин-врачей»[1].

Все эти новшества привели к серьезному изменению традиционного жизненного уклада туркмен, создали почву для установления не только близких межплеменных контактов, но и межэтнических связей. Быстрыми темпами стала увеличиваться численность городского населения, среди местного населения появились люди, обучавшиеся грамоте в русско-туземных школах и знакомившие туркменских трудящихся с достоянием передовой русской и мировой культуры.

С давних пор в пограничных с Ираном и Афганистаном районах Туркменистана, по соседству с туркменами, жило разнородное ираноязычное население. Но в туркменскую среду отдельные его группы стали проникать с начала XX в. в основном через Пендинский (для выходцев из Афганистана) и Серахский (для выходцев из Ирана) оазисы[2]. К племенам афганского про-

[1] Закаспийское обозрение. 1899. № 26. 2/14 февр.

[2] О миграциях этих племен подробно см.: Гаффберг Н. Белуджи Туркменской ССР. Л.: Наука, 1969.

исхождения, по словам 96-летнего афганца (из племени темири) Юсупова Джелала из колхоза «Ленинград» Серахского района, относились темири, джемшиди, хазари и пирсун, составившие вместе чар аймак, то есть четыре племени. Ближе к ним были белуджи, жившие (до 100 хозяйств) еще в дореволюционное время в местности Каррыбент, на месте нынешнего сельсовета Ауль-Ата. Племена иранского происхождения — систани, сурвузы, туршиш — в основном выходцы из Иранского Систана. Они стали появляться группами в Серахсе примерно с 1908 г.[1]. Третью группу ираноязычного населения составляли древние жители Хорасана — арабы и тюрки, появившиеся в Туркменистане в разное время. Тюрки хорошо владели своим родным тюркским, туркменским и персидским языками. Выходцы из Афганистана в прошлом исповедовали ислам суннитского толка, а выходцы из Ирана, в том числе и часть тюрков и арабов, были шиитами. Все это персоязычное население было известно под названием «парсуван».

Афганское племя темири издавна жило в Пенде, Довлетабаде — в 15 км к югу от пос. Серахс и занималось кочевым скотоводством. По данным письменных источников, во II половине XIX в. сарыки, вытеснив джемшидов и теймуров (т. е. темиров) из южной части Пендинского оазиса, заняли их земли[2]. Некоторая часть темиров вошла в состав сарыков, образовав их самостоятельный род. Племена афганского происхождения, в том числе и белуджи, после Великой Октябрьской социалистической революции поселились отдельными группами в Иолотани, Тахта-Базаре, Байрам-Али, Туркмен-Кала, где их потомки проживают и в настоящее время.

В дореволюционное время все эти группы ираноязычного населения в зависимости от направления вероисповеданий, языка значительно отличались друг от друга. Шиитская группа более торжественно отмечала новогодний праздник «новруз». В заключительный 13-й день новруза все население выходило на поле, где устраивало торжественное празднество. Справляли раньше и обряд «Шахсей-вахсей», который ныне забыт. Сун-

---

[1] Полевые записи автора в Серахском районе в 1979 г.

[2] Овезбердыев К. Туркмены Пендинского оазиса: Автореф. канд. дисс. М., 1954. С. 5.

питские группы, как и туркмены, очень торжественно отмечали праздник «курбан-эйд».

Семейно-брачные связи между шиитами и суннитами в прошлом почти отсутствовали. Как рассказывал нам Джелил авган, чтобы выдать одну из своих дочерей за своего соплеменника-темири, он отыскал подходящего жениха в Иолотани и выдал дочь за него.

За годы Советской власти продолжался постоянный приток ираноязычного населения в Туркменистан. Его отдельные группы поселились и в более глубинных районах. Например, в колхозе «Ленин ёлы», совхозе № 9 и других Тедженского района. Эти группы в настоящее время почти потеряли свою специфику. Национальную одежду носят лишь женщины пожилого возраста, немногие хорошо владеют персидским языком. Родным языком для большинства из них стал туркменский. Несколько иначе обстоит дело в поселке Серахс и прилегающих к нему колхозах «Ленинград» и «Ленинизм». Ввиду компактного расселения эта группа ираноязычного населения сохраняет свой язык, одежду, древние обряды и обычаи.

Молодые женщины в своем большинстве носят туркменскую одежду, прекрасно владеют туркменским языком. Обучение в школах ведется на туркменском языке. Брачные ограничения между ираноязычными группами в настоящее время почти исчезли, хотя между ними и туркменским населением смешанные браки заключаются редко. Между тем отдельные семьи или небольшие группы, оторвавшись от этой компактной группы и оказавшись среди туркменского населения (в особенности группы афганского происхождения) почти полностью вошли в состав туркменского народа. Наши информаторы Джелил авган Досмаммед ага, Джалалов Мамед (из колхоза «Ленинград»), Ясын Рахман и другие из колхоза «Ленинизм» Серахского района, Бердыназар Худайназар и многие другие сообщили нам о многочисленных семействах, по их словам, «ставших туркменами». Например, в семье Гуллы Керима, живущей в колхозе «Ленинизм», сначала сестры Керима, а затем его дочери и все семейство, в отличие от своих соплеменников, сбросили чадру и стали носить туркменскую одежду, регистрироваться как туркмены. Их примеру последовали и многие другие семьи.

Под Ашхабадом, в селе Багир, живет компактная группа курдов, в горных районах живут двуязычные (персидский и туркменский) тюрки и другие группы. Все эти группы, туркмены и русские, живя в одинаковых условиях, значительно сблизились друг с другом. Туркменистан стал многонациональным, втянулся в русло капиталистического развития. К тому же в Закаспии появились многочисленные русские поселки, население которых поддерживало всесторонние контакты с местным населением[1]. Из этих поселков до настоящего времени сохранились немногие. В связи с этим более подробно остановимся на судьбе переселенческого поселка Крестовый.

С конца XIX в. в Закаспийской области, наряду с поселками городского типа вдоль железной дороги стали возникать и поселки русских переселенцев из различных губерний России. В Серахском оазисе, к югу от поселка Серахс, где были размещены военный гарнизон и пограничная стража, было образовано два поселка — Крестовый, основанный в 1892 г. поволжскими немцами, и Молоканский, основанный молоканами. Эти поселки вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции должны были обеспечить продуктами и овощами жителей и военный гарнизон в пос. Серахс. Молоканский поселок, состоявший из 100 хозяйств и располагавшийся на территории нынешнего колхоза «Ленинизм», в 1917 г. перестал существовать. Его жители переселились в Иран и в города Закаспийской области. На этом месте был образован поселок Крестовый. Развалины бывшего поселка Крестовый сохранились у водохранилища Гор-Гор, в 6—7 км от поселка Серахс. Расположенные по соседству с туркменскими аулами, эти поселки оказывали существенное влияние на изменение быта и культуру, старинного уклада жизни местного населения. После революции на месте поселка Крестовый образовался интернациональный поселок Совет яп (бывший Ханяб), где жили в дружной семье туркмены, немцы и ираноязычное население. С самого начала между ними установились самые тесные и дружественные отношения, превратившиеся ныне в традицию.

[1] Канода И. Н. Русские переселенческие поселки Закаспийской области. Ашхабад: Ылым, 1976.

До начала 50-х годов в колхозе «Ленинизм» (тогда он назывался колхозом им. В. И. Ленина) проживало до 60 семейств — потомков немецких переселенцев, составивших две улицы колхозного поселка. В связи с развитием хлопководства в Тедженском районе колхозники, в том числе и немцы, временно были мобилизованы на эти полевые работы. Однако на новом месте возникли трудности с организацией русского сектора школы, где учились их дети. Это, по словам информаторов, и послужило главной причиной того, что большинство немецких хозяйств стало переселяться в районный центр Серахс, также в Байрам-Али, Туркмен-Кала, Полотань, Мары и другие города.

В прошлом местные туркмены, как и повсеместно в Туркмении, называли немцев «муджук» (также, как и русских переселенцев), что, вероятно, является искаженным русским словом «мужик». Со времени переселения немцы поддерживали постоянные связи со своими земляками, живущими в городах Туркменистана, а также в Сибири, Казахстане[1]. Все семейные торжества —свадьба, праздники по случаю дня рождения, религиозные — отмечаются совместно с молоканами, туркменами и другими. Между ними редко возникают недоразумения на почве различия в религии, в быту и просто национальной принадлежности. Однако немцы стойко сохраняют некоторые присущие им традиционные черты и специфику: прежде всего чистоту и аккуратность в хозяйстве и домашнем быту. Все это оказало благотворное влияние на окружавшее их туркменское, персидское население. Туркмен всегда удивляло то, что немцы имеют несколько комплектов рабочей, повседневной и праздничной одежды, которую несколько раз меняют в течение одного дня, в зависимости от исполняемой работы и их назначения. В домах и дворах, где живут немцы, царит безукоризненная чистота и аккуратность. Все предметы хозяйственно-домашнего обихода находятся строго на своих местах. На разных вешалках, огороженных чистыми марлевыми и другими занавесками, висят в отдельности одежда и ее принадлежности в зависимости от их назначения. Жилые комнаты со вкусом обставлены европейской мебелью, на

[1] Полевые записи автора в Серахском районе в 1979 г.

полу постелены кошмы и ковры. Туркмены-информаторы (Бердыназар Худайназар, Акы Курбанов из колхоза «Ленинизм») рассказывали нам, что немцы в присутствии хотя бы одного туркмена переходят на туркменский язык, чтобы не обидеть пришедшего к ним гостя или посетителя. Все эти и другие положительные качества оказывали в целом огромное влияние на повышение культурно-экономического уровня туркмен и иноязычного населения.

В свою очередь, от туркмен немцы заимствовали навыки ведения хозяйства, научились приемам орошаемого земледелия и ведения скотоводства в условиях жаркого климата. В их быт проникли предметы местного происхождения. Немцы умеют хорошо сочетать европейскую и местную культуру. Они одинаково прекрасно владеют родным, русским и туркменским языками. Участвуя в кружках художественной самодеятельности, они исполняют туркменские и русские песни и танцы. Носят они по-прежнему европейскую одежду, но женщины любят шить платья из тканей более мелкой расцветки. В последние годы у них частыми стали браки с туркменами и русскими. Например, все трое дочерей Ханса Экгарда, живущего в Серахсе, вышли замуж за туркмен, в семье Кнауса Беккера имеются также смешанные браки с туркменами. Разводы у них чрезвычайно редки.

Втягивание туркменского населения в капиталистическое русло развития значительно ускорило течение этнических и консолидационных процессов, привело к усилению национального самосознания, стремления к объединению.

До начала 50-х годов в колхозе «Ленинизм» (тогда он назывался колхозом им. В. И. Ленина) проживало до 60 семейств — потомков немецких переселенцев, составивших две улицы колхозного поселка. В связи с развитием хлопководства в Тедженском районе колхозники, в том числе и немцы, временно были мобилизованы на эти полевые работы. Однако на новом месте возникли трудности с организацией русского сектора школы, где учились их дети. Это, по словам информаторов, и послужило главной причиной того, что большинство немецких хозяйств стало переселяться в районный центр Серахс, также в Байрам-Али, Туркмен-Кала, Иолотань, Мары и другие города.

В прошлом местные туркмены, как и повсеместно в Туркмении, называли немцев «муджук» (также, как и русских переселенцев), что, вероятно, является искаженным русским словом «мужик». Со времени переселения немцы поддерживали постоянные связи со своими земляками, живущими в городах Туркменистана, а также в Сибири, Казахстане[1]. Все семейные торжества —свадьба, праздники по случаю дня рождения, религиозные — отмечаются совместно с молоканами, туркменами и другими. Между ними редко возникают недоразумения на почве различия в религии, в быту и просто национальной принадлежности. Однако немцы стойко сохраняют некоторые присущие им традиционные черты и специфику: прежде всего чистоту и аккуратность в хозяйстве и домашнем быту. Все это оказало благотворное влияние на окружавшее их туркменское, персидское население. Туркмен всегда удивляло то, что немцы имеют несколько комплектов рабочей, повседневной и праздничной одежды, которую несколько раз меняют в течение одного дня, в зависимости от исполняемой работы и их назначения. В домах и дворах, где живут немцы, царит безукоризненная чистота и аккуратность. Все предметы хозяйственно-домашнего обихода находятся строго на своих местах. На разных вешалках, огороженных чистыми марлевыми и другими занавесками, висят в отдельности одежда и ее принадлежности в зависимости от их назначения. Жилые комнаты со вкусом обставлены европейской мебелью, на

[1] Полевые записи автора в Серахском районе в 1979 г.

полу постелены кошмы и ковры. Туркмены-информаторы (Бердыназар Худайназар, Акы Курбанов из колхоза «Ленинизм») рассказывали нам, что немцы в присутствии хотя бы одного туркмена переходят на туркменский язык, чтобы не обидеть пришедшего к ним гостя или посетителя. Все эти и другие положительные качества оказывали в целом огромное влияние на повышение культурно-экономического уровня туркмен и иноязычного населения.

В свою очередь, от туркмен немцы заимствовали навыки ведения хозяйства, научились приемам орошаемого земледелия и ведения скотоводства в условиях жаркого климата. В их быт проникли предметы местного происхождения. Немцы умеют хорошо сочетать европейскую и местную культуру. Они одинаково прекрасно владеют родным, русским и туркменским языками. Участвуя в кружках художественной самодеятельности, они исполняют туркменские и русские песни и танцы. Носят они по-прежнему европейскую одежду, но женщины любят шить платья из тканей более мелкой расцветки. В последние годы у них частыми стали браки с туркменами и русскими. Например, все трое дочерей Ханса Экгарда, живущего в Серахсе, вышли замуж за туркмен, в семье Клауса Беккера имеются также смешанные браки с туркменами. Разводы у них чрезвычайно редки.

Втягивание туркменского населения в капиталистическое русло развития значительно ускорило течение этнических и консолидационных процессов, привело к усилению национального самосознания, стремления к объединению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многолетнее изучение проблемы этногенеза, этнической истории и формирования туркменского народа показало, что туркменский народ первоначально образовался из древнего аборигенного населения Туркменистана, а также древнетюркских и туркмено-огузских племен. На этой основе в течение всего средневековья, вплоть до новейших времен, происходили образование и дальнейшее формирование туркменского народа. Многовековые процессы этногенеза, формирование туркменского народа протекали на территории Центральной и Средней Азии и отчасти Алтая и на территории современного Туркменистана, южные районы которого входили в состав античного и средневекового Хорасана. Многолетние археологические исследования, проведенные на всей территории Туркменской ССР, имеют непосредственное отношение к этногенезу и этнической истории туркмен.

Античные насельники Туркменистана — парфяне, маргиане, хорезмийцы, дахо-массагетские, алано-сарматские племена, эфталиты и другие, создали здесь централизованные государства — Парфянскую империю, Маргиану. Историко-этнографическое изучение выявило многочисленные параллели в материальной и духовной культуре, в традиционном хозяйственном укладе, топонимике туркмен с бытом древнего населения Туркменистана. На керамических изделиях, относящихся к IV—III тысячелетиям до н. э., обнаружены орнаменты и комплекты узоров («гол»), характерные для современных туркменских ковровых изделий, многие узоры на керамических изделиях из средневековых городищ Мисриан, Куня-Ургенч, Серахс и др., аналогичны узорам, которые наносят на современные ковры, цветные кошмы, вышивки. В Шехр-Исламе и Хорезме найдены ювелирные украшения, аналогичные современным туркменским и т. д.

Реликты духовной культуры древних аборигенных жителей — пережитки тотемизма, огнепоклонство, сохранившиеся в быту туркмен, изучаются этнографами. Многочисленные современные географические названия имеют древнее местное происхождение. Таковы Безмеин, Кеши, Бахарден, Бами, Каахка, Гяурс, многие из которых встречаются в парфянских письменных документах. Эти названия складывались из нескольких пластов и отражают исторические периоды, связанные с появлением здесь тех или иных народностей и племен (парфяне, аланы, древние тюрки, огузы, арабы, монголы и

т. п.). Мнение о том, что в этногенезе туркмен местные компоненты преобладают над туркмено-огузскими пластами, мы считаем несколько преувеличенным.

Вторым важнейшим компонентом в этногенезе туркмен являются тюркские племена, ставшие в период средневековья доминирующими. Древние тюрки и огузо-туркменские племена принимали активное участие в этногенезе многих народов Средней, Передней, Малой Азии и Закавказья.

Задолго до массового передвижения сельджукидов и туркмен-огузов в Северном Хорасане происходило интенсивное сближение разноязычного населения, многочисленными были тюркские поселения. Проникновение в западную часть Средней Азии туркмен-огузов в IX—X вв., а затем и массовое движение сельджукидов в XI в., сыграли решающую роль в процессе образования средневековой туркменской народности. Оба компонента органически слились друг с другом, позднейшие многочисленные напластования, влившиеся в состав туркменской народности, в основном принадлежат им. По этому поводу академик Ю. В. Бромлей писал: «В процессе этногенеза, связанного с взаимодействием завоевателей и аборигенов, обычно происходит синтез этнического субстрата и суперстрата, в ходе которого и возникает новый этнос»[1].

Фольклорно-этнографические данные, в том числе родословные, исторические предания, истоки которых уходят в древнюю родословную туркмен-огузов, «Огузнаме» и другие средневековые письменные источники позволили выявить социально-экономические и этнические контакты туркмен с народами Средней и Передней Азии и Закавказья. Они позволили восстановить этническую историю туркмен, дали конкретный материал о семейно-брачных отношениях огузов-туркмен с соседними народами. Одним из основных объектов нашего исследования являлась этническая история туркмен салырского племенного союза (XIV—XVI вв.), составивших впоследствии костяк населения Туркменистана, — салыров, текинцев, йомудов, эрсарцев, сарыков, а также более мелких племен и локальных групп. Генеалогические предания об истории этих племен в X—XVII вв. сконцентрированы главным образом вокруг личности их мифического предводителя — Салыр Казана — главного героя огузо-туркменского героического эпоса «Книга моего деда Коркуда», эпоса «Огузнаме» и многих других старотуркменских сказаний и эпосов.

Салыр Казан, будучи реальной исторической личностью, в течение тысячелетий превратился в культового героя. Он, согласно источникам (В. В. Бартольд, В. М. Жирмунский), в X в. возглавил группу огузо-туркменских племен в их борьбе против печенежского племенного союза. Его имя перешло в эпические сказания и исторические сочинения народов западной, или огузской, ветви тюркских народов и было популярно не только в Туркменистане, но и в Закавказье и Малой Азии.

В датировке фольклорно-этнографических источников огромную помощь оказали средневековые авторы (труды Константина Багрянородного, Махмуда Кашгарского, Абу-Рейхана Ал-Бируни, Рашид ад-Дина, Абульгази и др.). Ценны сведения о сложных этногенетических процессах, происходивших как внутри самого огузско-

[1] Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. С. 258.

го племенного союза, так и об их этнических связях с печено-кипчакскими племенами. Их взаимоотношения и соседство нередко сопровождались установлением брачно-родственных связей, оказавшим несомненное влияние на этническое развитие туркмен. Туркмены имели семейно-брачные связи с представительницами почти всех соседних народов — персами, курдами, каракалпаками, казахами, узбеками. Исторические предания этого цикла, помимо этногенетических данных, содержат сведения о старинном быте, предметах домашнего обихода, вооружении и т. д.

Согласно преданиям, салыры — племянники каракалпаков, текинцы — персиян, сарыки — казахов и т. д. Средневековые туркмены отличались от их более поздних потомков в этнографическом и антропологическом отношениях. Всех туркмен объединяли общие исторические судьбы, этническое самоназвание «туркмен» и другие черты крупной этнической общности, отличавшие их от других народов. Все племенные и локальные группы туркмен, начиная с X в., объединялись под общим этнонимом «туркмены», а в случае необходимости они объединялись в племенные союзы. Об образовании племенного союза пяти индейских племен Северной Америки Ф. Энгельс писал: «Вечный союз пяти родственных по крови племен на основе полного равенства и самостоятельности во всех внутренних делах племени. Это кровное родство составляло подлинную основу союза... Из пяти племен три назывались отцовскими и были между собой братьями, два других назывались сыновними и также были братскими племенами между собой»[1].

Салырский племенной союз, состоявший также из пяти братских племен, во многом напоминал союз пяти индейских племен; есть сходство и в том, что три племени, входившие в салырский союз, имели огузо-туркменское происхождение, а два племени (текинцы и йомуды) — местное. Их связывало и родство.

Социально-экономическая, языковая общность, внутриэтнические связи племен, осознание ими общности происхождения, образование крупных племенных союзов, наделенных многими функциями государства, и другие существенные черты объединяли средневековых туркмен. Все это позволяет сделать вывод, что образование средневекового ядра туркменской народности неразрывно связано с массовым передвижением огузо-туркменских племен на запад в XI в. Этот процесс в дальнейшем затормозило монгольское нашествие XIII в.

Большое значение для изучения этнической истории туркмен имеют родословные — седжре в сочетании с письменными источниками и анализ родоплеменного состава туркменского народа. Туркмены в XVI—XIX вв. делились на десятки племен, имевших специфические особенности в говоре, одежде, жилище, в семейных отношениях, быту. Туркменские племена и роды XIX—начала XX в. уже не обладали признаками и функциями, присущими классическим понятиям о племени и роде, и несли черты феодализма, что и дало повод исследователям называть туркменское общество патриархально-феодальным. Позднее туркменские племена трансформировались и напластовывались из различных этнических групп. Племенем позднего типа были гоклены, включавшие в свой состав

[1] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1976. С. 102.

многие огузские родоплеменные названия, мелкие роды повдурского племенного объединения, представителей соседних племен и народов. Таковы текинцы, йомуды и другие.

Чрезвычайная пестрота, многочисленность и запутанность родоплеменных делений и названий затрудняют их классификацию и изучение. Туркменские племена являлись разнородными объединениями с разнообразными родовыми и локальными группами. По определению Ф. Энгельса, «... племя делилось на несколько родов, чаще всего на два; эти первоначальные роды распадаются каждый, по мере роста населения, на несколько дочерних родов...»[1]. Туркменские племена XIX—начала XX вв. имели деление на два крыла, что является пережитком дуальных делений. И каждое из них делилось на множество родов и колен. По своему значению, происхождению и названию туркменские роды можно разделить на следующие категории.

1. Роды, носившие тотемные названия и возникшие в доисламское время, были популярны в среде древних тюрок (шагал, тилки, ганджик, окуз, гушлар, гуланчылар и др.).

2. Роды, появившиеся еще в эпоху раннего средневековья в туркмено-огузской среде и сохраняющие старые названия (салыр, каркын, емрели, човдур, игдыр, баяндур, эве, кайы, баят, додурга, языр, афшар и др.).

3. Роды, образовавшиеся в результате разделения труда и объединявшие определенную категорию людей, имевших единую профессию. Таковы в Южном и Юго-Восточном Туркменистане роды яйчи — лучники, ойчи (кибиточные мастера), дуечи (погонщики верблюдов), муршкар (охотники), демирчи (кузнецы) и др. Более поздними родовыми образованиями были суйтхоры (ростовщики), муджевуры и шихи[2].

4. Роды, происходившие из беглых или пленных представителей соседних народов. Таковы гуллар (рабы), калмыклар (калмыки), газаклар, джагатай, куртлер (курды), кипчаки и другие.

5. Среди туркмен сохранились родовые объединения, образовавшиеся из представителей разных туркменских племен и соседних народов. Например, гурама (у узбеков — курама) у прикаспийских туркмен; алили, дахча и терекме у прибрежных туркмен; сапалак у салыров, магаллак у текинцев и др. Это роды или группа людей, которые по разным причинам (несостоятельные должники, люди, преследуемые кровной местью) покинули родные места и искали защиты у более могущественных племен. Подобные группы обычно поселялись около сильного и влиятельного ханского рода и находились в вассальной зависимости.

6. Роды, образовавшиеся вокруг своих влиятельных и энергичных вождей-родоначальников, носившие их имена, состоявшие из нескольких кровно-родственных связей. Обычно небольшие, они напоминали большесемейные общины, или патронимию.

Несмотря на такое деление, в составе выделенных огузо-туркменских племен можно обнаружить множество местных черт и традиций и, наоборот, в составе местных племен немало древнетюркских и туркмено-огузских черт и родоплеменных названий.

---

[1] Энгельс Ф. Указ. раб. с. 176.

[2] Здесь мы имели в виду шихов Восточного и Северного Туркменистана. В Южном и Западном Туркменистане они составляли компактное племя.

Каждый род, каждое племя обязательно имели свою родословную — общетуркменскую, племенную, родовую и семейную. Наиболее ценны общетуркменские родословные, включающие генеалогические данные о всех туркменских племенах: «Родословная туркмен» и «Родословное древо тюрков» Абульгази, продолжение «Родословной туркмен» Абульгази, дополненная неизвестным автором до 1881 г., устные родословные, записанные Н. Н. Карашхан оглы Йомудским, Г. И. Карповым и нами в пос. Баутино (Мангышлак) и различных районах Туркменистана. Родословные, несмотря на обилие в них религиозно-фантастических сюжетов, — ценный источник по этнической истории.

Этническая история туркмен протекала не изолированно, а в среде тюркоязычных и ираноязычных племен и народностей и является частью этой общей проблемы.

Многочисленные огузско-туркменские родоплеменные термины, топонимы, гидронимы, названия фольклорных произведений, народных дестанов, эпосов, сказок встречаются у многих тюркоязычных народов.

На формирование туркмен большое влияние оказали народы Средней Азии, исторические судьбы которых были общими. Аналогичные туркменские племена герейли и герей были у башкир («эрей»), казахов («керей»), монголов («керант»). Родовые группы «туркмен» отмечены у башкир, казахов, узбеков, каракалпаков и др. Популярные родовые названия туркмен — сары, даглар (у казахов — таглар), шихлар (шихляр), тана, боккара, арык, тохтамыш (у казахов — токтамыс) и др. имеются и в составе казахов, название «еди уруг» (семь родов) встречается у киргизов, башкир (жетауруу, етеуру), каракалпаков и др. Среди туркмен были группы кипчак, джагатай, курама и т. д., что говорит об участии в этнической истории туркмен дешти-кипчакской группы племен. Необходимо подчеркнуть также, что старотуркменские и огузские родоплеменные названия встречаются у других народов Средней Азии весьма редко.

Многие компоненты в составе туркмен и других тюркоязычных народов Средней Азии являются общими и они испокон веков оказывали друг на друга этнокультурное влияние. Этноним «туркмен» в составе казахов, узбеков, каракалпаков, башкир, азербайджанцев (под названием «теракимс»), который мог появиться у них в XI в., свидетельствует о том, что средневековые огузы-туркмены играли значительную роль в этногенезе этих народов. Этническая история и формирование туркменского народа протекала в этой среде в тесном взаимодействии с соседними народами.

На формирование туркменского народа огромное влияние оказали крупнейшие туркменские племена — текинцы, йомуды, салыры, сарыки, эрсарицы, входившие в XIV—XVII вв. в салырский племенной союз. По политическому значению, численности они составляли основную часть туркменской народности. Салырский союз племен успешно противостоял натиску соседних феодальных государств, но из-за внутренних разногласий в конце XVI в. распался.

Миграционные процессы в XVI—XVIII вв. были не одновременными, они охватывали все оазисы Туркменистана. Переселения происходили несколькими этапами и продолжались в течение почти двух веков. Северо-Западный Туркменистан уже в эпоху позднего

средневековья был чрезвычайно перенаселен и незначительные водно-земельные и пастбищные угодья не могли удовлетворить растущие потребности многочисленных племен. Здесь часто случались засухи, приводившие к нехватке корма для скота, не позволявшие производить богарные посевы. Малочисленные колодцы и скудные водные источники Северо-Западного Туркменистана и Мангышлака служили постоянными источниками межплеменных разногласий. Этот социально-экономический кризис стал особенно невыносимым после высыхания в XVI в. Сарыкамышского озера и русла Узбоя. Первыми ушли мелкие племенные группы — кайы, баяты, эски, сакары, кара-коюнли, находившиеся в наиболее невыгодном положении. Эрсаринцы с Мангышлака сначала переселились южнее — на Северный Балхан и стали соседями теке-йомудов. Последними Мангышлак покинули салыры, а затем и човдурская группа племен. Переселение шло по двум направлениям через Хорезмский оазис на берега Амударьи; южным путем, вдоль предгорьев в Южный, Юго-Восточный Туркменистан и на берега Амударьи (в основном эрсаринцы и сакары).

После ухода названных племен из Балханов образовался союз теке-йомудов, создание которого было вызвано необходимостью отражать калмыкские набеги с севера и противостоять агрессиям соседних феодальных государств. Когда угроза нападения калмыков исчезла, и текинцы в поисках лучших земель постепенно продвинулись на плодородные и обводненные оазисы Южного Туркменистана, заняли их окончательно к концу XVIII в., где жили туркмены-емрелинцы, алилинцы, карадашлинцы, йохурлы, мурчели, герейли, мехинли и др. Передвижение текинцев, начавшееся в конце XVII в., имело очень важные последствия и решающее значение в формировании современного населения Южного и Юго-Восточного Туркменистана.

При очередном заселении Ахалъского оазиса текинцы столкнулись с разнородным туркменским и тюркским населением оазиса. Емрелинцы, карадашлинцы, алилинцы, мехинли и другие относительно крупные туркменские племена в основной массе были вытеснены из оазиса, небольшие оставшиеся группы были ассимилированы.

Значительную часть населения составляли туркмены—йохурлы, мурчели, сунчели и мехинли, которых с полным основанием можно считать потомками древнего местного и раннего тюркоязычного населения Южного Туркменистана. Сунчели полностью вошли в состав текинцев, образовав самостоятельное аульное общество, мурчелинцы сохранили некоторую специфику, племенную специфику в большей степени сохранили йохурлы. Проживавшие в горных районах Северного Хорасана группы тюрков — самые древние из тюркоязычных групп Южного Туркменистана, говорили на диалектах тюркских языков. Ныне они сохраняют некоторые бытовые и диалектные особенности. По разным причинам среди туркмен оседали, затем и растворялись многочисленные группы персов, курдов, тюрков. В свою очередь и туркмены оказали большое влияние на этническое развитие населения Хорасана.

Слабая изученность антропологии туркмен эпохи позднего средневековья не позволяет определить степень изменения их антропологии в XVI—XIX вв. Однако есть основания предполагать, что их внешний облик претерпел значительные изменения в силу интенсивного [illegible] среди южных туркмен многочисленных невольников

и невольниц, ассимиляции значительной части местного населения. Исследования последних лет (О. Бабаков) свидетельствуют об усилении тенденции в XVI—XIX вв. в этом районе к преобладанию древнего длинноголового типа.

В составе текинцев сравнительно мало компонентов из средневековой огузской среды, мало древнетюркских и огузских родовых названий. О значительном отличии текинцев и йомудов от туркмен огузского происхождения говорят данные духовной и материальной культуры, генеалогические предания, антропологические и другие особенности.

По данным историко-этнографических источников, текинцы соприкасались с Ираном в Южном Туркменистане испокон веков.

В конце XIX в., после присоединения к России, Туркменистан стал многонациональным краем, во вновь возникших поселках и городах, вдоль железной дороги появляются русские, кавказцы и др. Строительство Закаспийской железной дороги ускорило этнические и культурно-бытовые процессы, способствовало развитию товарно-денежных отношений и, несмотря на колониальную политику царизма, в целом оказало благотворное влияние на развитие социально-экономических связей, сплочение разрозненных туркменских групп, дальнейшую консолидацию туркмен, прекращение разорительных феодальных войн, ослабление межплеменной розни.

Великая Октябрьская революция открыла широкие возможности для интенсивного развития этнических и этнокультурных процессов в Туркменистане.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3
Введение

ГЛАВА I. Этническая история населения Южного Туркменистана с древнейших времен до начала XX века . . . 11

Раздел 1. Древний и средневековый периоды 11
Раздел 2. Население Южного Туркменистана в XVI—XIX вв. 83
Раздел 3. Этнические и миграционные процессы . . . 123
Раздел 4. Заселение текинцами Теджинского и Мургабского оазисов . 172
Раздел 5. Родоплеменное деление у текинцев 186

ГЛАВА II. Родословные и исторические предания по этнической истории туркмен 200
Раздел 1. Общие сведения . . . 200
Раздел 2. Исторические предания о происхождении туркменских племен 205

ГЛАВА III. Этническая история юго-восточных туркмен в XVI—XIX вв. 237

Раздел 1. Салыры 237
Раздел 2. Сарыки 256
Раздел 3. Племена Восточного Туркменистана 277

ГЛАВА IV. Этнические процессы в Южном и Юго-Восточном Туркменистане в XIX в. 305

Раздел 1. Туркменское племя XIX— начала XX вв. — разновидность этнической общности 305
Раздел 2. Этнические и этнокультурные процессы . . . 312

Заключение 329

Ата Джикиев

ОЧЕРКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Редактор Г. И. Тайчиева
Художник А. Д. Демидов
Художественный редактор Н. Нябереков
Технический редактор Д. Эменова
Корректор Б. Аранова

Сдано в набор 10.01.91. Подписано к печати 05.09.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 17,95. Уч.-изд. л. 17,78. Тираж 28000. Заказ № 566. Цена 75 коп.

ИБ № 1365

РИПО «Туркменистан». 744013. Ашхабад, ул. О. Кулиева, 31.
Ашхабадский Дом печати. 744013. Ашхабад, ул. Атабаева, 20.

Ата Джикиев родился в 1933 г. В 1953 году окончил исторический факультет ТГУ им. Махтумкули. В 1954 — 1957 гг. учился в аспирантуре Института этнографии им. М. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

А. Джикиев — доктор исторических наук, заведующий сектором средневековой истории Туркменистана Института истории им. Ш. Батырова, автор 5 монографий, более 100 научных и научно-популярных статей по проблемам истории, этнографии, этнической истории, по народным праздникам, играм.